ISSN 0131-5706

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Научно-публицистический журнал

3/2007

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

3/2007
(№ 60)

СОДЕРЖАНИЕ

5 **А. И. Сухарев.** Журналу «Регионология» 15 лет!

8 **В. В. Козин, Д. А. Костенецкий.** Издание глазами читателей

Проблемы федерализма

19 **Р. К. Кулаковский.** Объединенный Красноярский край: имидж, управление, стратегия

Политическое пространство региона и территориальное управление

28 **А. В. Голованов.** Переходное состояние общества как фактор динамизации социально-экономической жизни регионального социума

35 **В. Н. Муравлев.** Проблемы становления многопартийности в регионе

40 **А. Н. Сыров.** Создание положительного имиджа правительства субъекта Российской Федерации

48 **А. В. Поликарпов.** Проблемы финансовой самостоятельности местного самоуправления

55 **А. А. Огарков.** Реформирование межбюджетных отношений в Волгоградской области как механизм региональной интеграции

Экономика региона

70 **М. Н. Щукин.** Создание интегрированных агропродовольственных объединений как механизм реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в регионе

77 **О. А. Федорова.** Кластерный подход как инструмент повышения конкурентоспособности региона

85 **С. М. Макейкина.** Проблема развития механизма бюджетного выравнивания региона

95 **А. В. Аверин.** Проблема измерения и оценки эффективности бизнеса хозяйствующего субъекта

105 **Л. А. Челмакина.** Критерии отбора и поддержки инвестиционных проектов промышленных предприятий региона

113 **В. А. Береславская, Л. Н. Аитова.** Особенности и условия привлечения инвестиций предприятиями региона

119 **М. Т. Алдаркин, А. Ф. Шичкин.** Проблемы развития механизма государственного регулирования использования земли в системе агропромышленной интеграции региона

Региональные проблемы науки и образования

128 **Е. А. Солодова, П. Г. Сороколетов.** Формула прогресса образования в регионах России

131 **Р. Х. Марданов, У. Р. Мусин.** Использование системы сбалансированных показателей в реализации программы развития системы образования муниципального района

138 **В. И. Осипов, О. В. Шибилева.** Автоматизированные системы управленческого учета и их освоение в региональном вузе

Социология региона

145 **О. А. Хасанова.** Качество жизни городского населения региона

150 **С. С. Ефимова.** СМИ как субъект региональной политики в контексте становления гражданского общества

155 **Е. В. Андреева.** Коммуникационные аспекты социального воспроизводства гражданина в регионе

162 **М. В. Симонова.** Оценка качества рабочей силы в промышленности строительных материалов: региональный аспект

172 **Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова, Е. И. Дуданов.** Трудовая мобильность работников предприятий региона

179 **С. В. Лапшин.** Использование процессного подхода при формировании системы материального стимулирования персонала региональной распределительной сетевой компании

190 **О. О. Вавилов.** Предпринимательство как социальный институт

197 **Н. А. Шестакова.** Гражданское самосознание молодежи: региональный аспект

204 **В. П. Букин, Ю. В. Мананникова.** Жизненные цели и социальная мобильность молодежи в системе профессионального образования региона

214 **О. В. Олисова.** Трудовые стратегии молодых специалистов Самары

222 **Н. В. Гашенина.** Проблемы трудоустройства инвалидов в регионе

228 **О. В. Заяц.** Проблема социального сиротства и развитие системы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в регионе

237 **А. В. Щепетин.** Особенности развития ветеранских общественных объединений в регионах, перспективы повышения их общественно-политического влияния

Народы России: возрождение и развитие

252 **А. С. Лузгин.** Финно-угорские народы: национально-культурный потенциал в интеграционных процессах

260 **Е. Л. Ефименко.** Особенности этнонационального самоопределения финно-угорских народов России вне «титульных» национально-государственных образований

270 **А. Ю. Ивлева.** Символ города в этническом самосознании

274 **Р. Ф. Азметова.** Особенности эволюции этнической идентичности в многонациональном регионе

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
Т. И. ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
М. Н. ПОНАМАРЕВ
В. А. ЮРЧЕНКОВ

© «Регионология», 2007

Экология региона

279 **А. И. Бородин.** Информационная система природопользования региона

Региональная история и историография

288 **И. В. Берова.** Славянское заселение Вятского региона

299 **А. А. Скворцова.** Итоги восстановления и развития промышленности региона в 1946—1950-х гг.

308 **К. А. Баймашкин.** Взаимодействие идеологии и культуры региона (60-ые — первая половина 80-х гг. XX в.)

Провинциальная культура

318 **К. Ю. Сиротин.** Проблемы развития региональной рекламы: введение в правовую культурологию

325 **Т. В. Аксенова, И. А. Кандрина, С. В. Попова.** Русские обряды и праздники в диалоге культур народов региона

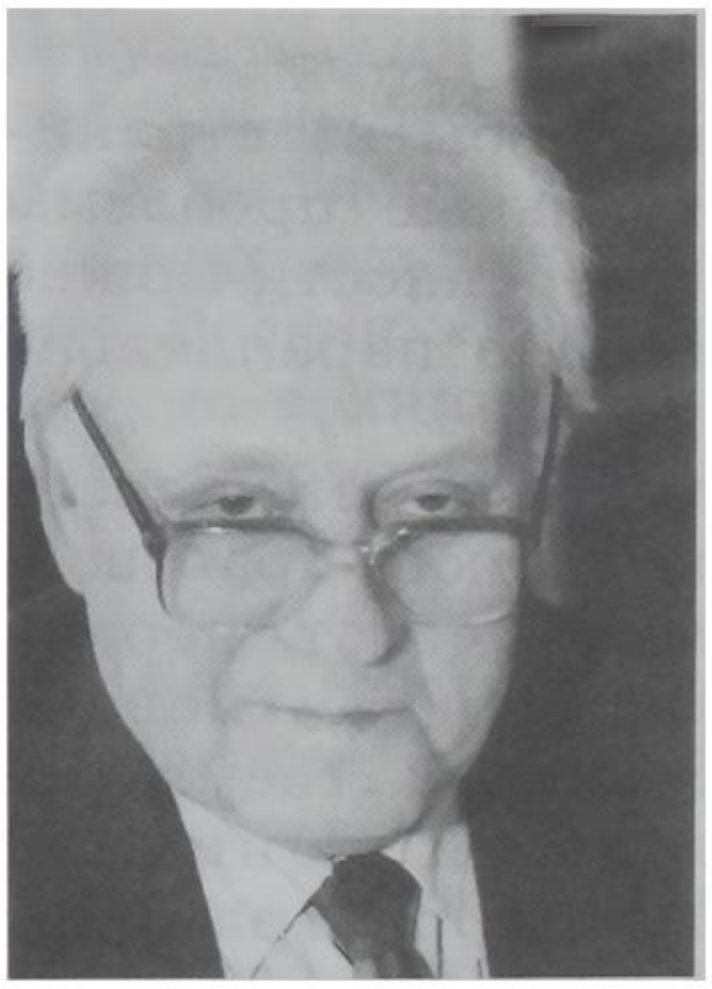
336 **И. Б. Виноградова.** Идея совершенства в мордовской мифологической системе

346 **Ю. Н. Сушкова.** Традиции воинской субкультуры у мордвы

355 **Е. В. Кожеванова.** Рецепция советского мировосприятия в Средней Азии

363 **Е. В. Фролкина.** Усадьба как проявление дворянской субкультуры

ЖУРНАЛУ «РЕГИОНОЛОГИЯ» 15 ЛЕТ!

В октябре 2007 г. журналу «Регионология» исполнилось 15 лет. Много это или мало для издания, занимающегося анализом комплексного социально-экономического и духовного развития регионов в условиях трансформации, является ли содержание «Регионологии» адекватным современным реалиям? Все это вопросы, закономерно возникающие по прошествии определенного времени не только теоретического, но практико-ориентированного поиска.

По нашему глубокому убеждению, трактовка регионологии как системы знаний о закономерностях экологического, экономического, социального, политического и духовного функционирования регионов страны как целостных образований, формах и методах регулирования этих процессов, оказалась не только жизнеспособной, но и в высшей степени продуктивной. Период «демократической вольности» 90-х гг. XX в. привел в движение массу центробежных и центростремительных сил, к потере десятилетиями накапливающихся экономических и культурных связей, диверсификации регионов страны. Это породило уникальные политические, экономические и социальные практики. Однако существенная дифференциация социально-экономических и культурных практик не смогла перебороть унификацию этих процессов, протекающих в рамках советской общественно-политической традиции на постсоветском пространстве. Идеология регионологии как научного направления позволяет, на наш взгляд, с наибольшей объективностью выделять общее и особенное трансформационных процессов не только России, но и всего постсоветского пространства.

Эйфория первых лет общественной вседозволенности быстро прошла, на повестку дня со всей остротой встали проблемы целостности страны, экономики, социальной и духовной сфер. Стала очевидна приоритетность социально-экономического развития территорий, в результате которого будут созданы условия достойной жизни и свободного раз-

вития человека. Для обсуждения направлений и механизмов формирования этих условий и призвана «Регионология» как научное издание.

Редакция журнала всегда стремилась, чтобы на страницах издания обсуждались наиболее актуальные проблемы развития страны. С определенной долей уверенности можно сказать, что становление «Регионологии» шло параллельно с развитием постсоветской России.

«Парад суверенитетов» начала 90-х гг. XX в. актуализировал проблему федерализма, сохранения единого правового пространства страны. Центральное место в этот период становления «новой» российской государственности занимали вопросы разграничения полномочий, компетенций и предметов ведения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Поэтому обсуждению проблем федерализма в «Регионологии» уделяли значительное внимание[1] В рамках проблем федерализма на страницах журнала активно обсуждались различные направления формирования и реализации государственной региональной политики.

Обсуждение юбилейного номера журнала «Регионология» ответственным секретарем Т. И. Голубчик, главным редактором А. И. Сухаревым и заместителем главного редактора В. В. Козиным

Редакция журнала отдает также предпочтение освещению управленческих аспектов комплексного развития регионов, в частности, проблемам реформирования системы местного самоуправления. Последовательно представлен в журнале процесс формирования концепции системообразующей роли федерализма в преобразовании современной России, причем не только ее государственного устройства, но и всех сфер жизни гражданского общества, например, проблемы развития образования в регионах, региональное научно-техническое развитие и сотрудничество, экономика региона, экология региона и др. На страницах журнала также можно

познакомиться с теоретическими аспектами региональных исследований, региональной историей и историографией, результатами региональных социологических исследований, актуальными вопросами провинциальной культуры.

17 октября 2001 г. в жизни журнала произошло весьма знаменательное событие — решением ВАК Минобразования России «Регионология» введена в перечень научных и научно-технических изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. В декабре 2006 г. в процессе пересмотра руководством ВАК перечня «Регионология» прошла экспертизу в советах по экономике, философии, социологии, культурологии и политологии.

Это дало новый импульс развитию содержания журнала: возросло теоретико-методологическое содержание издания, причем без ущерба его практико-ориентированности. Стремление руководства журнала и редакционной коллегии ориентировать авторов на глубокий, конструктивный анализ проблем регионального развития, констатацию современного состояния объекта исследования, четкое формулирование проблем и вариантов их решения позволили сделать журнал трибуной ученых и практиков в различных областях реализации государственной региональной политики, активно используемой в практической, научной и образовательной деятельности.

Региональную проблематику имеет практически любая отрасль социального знания, именно поэтому коллектив редакции журнала, редакционная коллегия и авторы с оптимизмом смотрят в будущее.

Редакция поздравляет читателей и авторов журнала с юбилеем!

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: *Абдулатипов Р. Г.* Федеративный договор и развитие межнациональных отношений // Регионология. 1993. № 1. С. 14—21; *Тулеев А. М.* Путь к реформам лежит через регионы // Там же. С. 41—48; *Доленко Д. В.* Федеративное устройство России: проблемы и перспективы // Там же. С. 49—56; *Котов А. П.* Реальный федерализм — путь к межнациональному миру в России // Регионология. 1994. № 2—3. С. 49—55; *Болтенкова Л. Ф.* Проблемы федерализма в условиях многонациональной России // Регионология. 1994. № 4. С. 54—58 и др.

В. В. КОЗИН *Д. А. КОСТЕНЕЦКИЙ*

ИЗДАНИЕ ГЛАЗАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

В России выходит большое количество разнообразных периодических изданий, среди которых достойное место занимает научно-публицистический журнал «Регионология», учрежденный в октябре 1992 г. на базе Научно-исследовательского института регионологии. Специфика журнала определяется необходимостью систематического изучения и обсуждения закономерностей развития регионов и укрепления их взаимосвязи в едином федеративном государстве, что составляет сущность нового научного направления — регионологии, возникшего на рубеже 80—90-х гг. XX в. Предметное поле журнала находит свое отражение в исследовании процессов экономической, социальной, политической и духовной жизни регионов, проблем федеративного устройства государства, взаимоотношений федеральных и региональных структур власти, региональной политики в научно-технической сфере, образовании, культуре и т. д.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что журнал стал полноправным элементом российских масс-медиа. Современное российское общество является неотъемлемым звеном сети глобальных массовых коммуникаций. Они служат источником

КОЗИН Владимир Васильевич, заместитель главного редактора журнала «Регионология», кандидат социологических наук.

КОСТЕНЕЦКИЙ Дмитрий Александрович, исполнительный директор исследовательской группы «Регион—М», кандидат социологических наук.

и средством распространения информации, необходимой для функционирования социальных институтов. Массовая коммуникация представляет собой источник нормативных образцов, определений и средств формирования образцов социальной реальности. Демократические преобразования в России и опыт развития ее прессы имеют региональную фрагментацию, представленную в истории развития различных моделей масс-медиа, в том числе Мордовии. Однако «Регионология» успешно преодолевает эту фрагментацию, доказательством этого стал ее общероссийский статус.

Региональную проблематику имеет практически любая отрасль социального знания, поэтому журнал за 15 лет стал трибуной для ученых и практиков страны в области реализации государственной региональной политики в той или иной области. Журнал сформировал свое «амплуа» в многоликом сообществе отечественных журналов подобного рода.

Одной из фундаментальных проблем регионологии является феномен цивилизованного федерализма. Теория и практика федерализма активно обсуждаются в рубрике «Проблемы федерализма». Редакция журнала отдает предпочтение освещению управленческих аспектов комплексного развития регионов. Последовательно представлен в журнале процесс формирования концепции системообразующей роли федерализма в преобразовании современной России, причем не только ее государственного устройства, но и всех сфер жизни общества, например, образование и его региональные аспекты, региональное научно-техническое развитие и сотрудничество, экономика региона, этнология и демография региона, экология региона и др.

На страницах журнала также можно познакомиться с теоретическими аспектами региональных исследований, региональной историей и историографией, результатами региональных социологических исследований, актуальными вопросами провинциальной культуры.

Существенным достижением журнала является то, что удалось сформировать свою читательскую аудиторию и высокопрофессиональный авторский коллектив, чей интерес к тематике издания совершенно очевиден. Это руководители и специалисты структур федеральной и региональной государственной службы, ученые, преподаватели, докторанты, аспиранты и студенты научных и образовательных учреждений, специалисты и руководители многих отраслей

народного хозяйства. Многие корреспонденты (из Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Ульяновска, Хабаровска и ряда других городов) журнала успешно защитили кандидатские и докторские диссертации по различным областям научного знания (юриспруденция, политология, философия, социология, экономика, география, культурология, искусствоведение и др.). География авторского коллектива весьма широка: от Барселоны (Испания) до Владивостока, от Сургута до Астаны (Казахстан). Распространяется журнал по всей территории Российской Федерации, странах СНГ и дальнего зарубежья. Такой широкий диапазон читателей и научных специальностей стал возможным во многом благодаря тому, что редакция журнала стремится делать его информационно насыщенным, открытым для сопоставления различных точек зрения.

В данном случае имеет место, по терминологии П. Бурдье, оппозиция между «news» — «газетами-сенсациями» и «views» — «газетами-размышлениями». «Регионологию» следует относить ко второй составляющей, ориентированной на анализ, сопоставление, формулировку практических рекомендаций и т. п.

Для редакции журнала «Регионология» 2007 год стал знаковым, поскольку именно в этом году исполняется 15 лет со дня выхода в свет его первого номера. Этот период позволяет уже говорить о его востребованности, оценить успехи и промахи деятельности редакции, осмыслить и переоценить свое место в системе научных изданий, собственном имидже, круге читателей. Возникла необходимость переоценки некоторых основ маркетинговой стратегии журнала. Дело в том, что современные редакционно-издательские технологии позволили многим изданиям выйти на качественно новый уровень привлекательности, читабельности и узнаваемости. Сегодня наиболее успешные издания очень серьезно относятся не только к содержанию и уровню профессионализма авторов, но и к имиджу своего издания, дизайну, оформлению, что, безусловно, позволяет увеличивать читательскую аудиторию, тем самым повышая степень ссылаемости на их материалы. Это привело редакцию журнала к идее проведения опроса своих читателей и авторов, цель которого — выявление его места в структуре изданий подобного рода и имиджа.

В 2006 г. проведен почтовый опрос с целью выявления возможных пробелов в маркетинговой стратегии и разработки рекомендаций для их устранения. Редакция журнала

«Регионология» благодарит всех откликнувшихся на просьбу об участии в исследовании из Белгородской, Воронежской, Калужской, Кемеровской, Кировской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Псковской, Саратовской, Тверской, Тюменской и Ульяновской областей, республик Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Северная Осетия — Алания, Удмуртская и Чеченская республики, г. Москвы и Санкт-Петербурга, Пермского и Ставропольского краев.

Опрос показал, что среди читателей журнала мужчин немного больше, чем женщин (54,1 % и 45,9 % соответственно). Основную часть читателей составляют люди среднего возраста. Так, 37,8 % — от 35 до 49 лет и 32,4 % — от 50 до 59 лет, 16,2 % — старше 60 лет, 13,5 % — от 25 до 34 лет, 0,1 % — до 24 лет. Все опрошенные имеют высшее образование, причем три четверти из них (75,7 %) имеют послевузовское профессиональное образование. По профессиональному статусу опрошенные разделились следующим образом: 37,8 % — руководители или заместители руководителя предприятия; 35,1 % — работники бюджетной сферы; 16,2 % — служащие органов государственной и муниципальной власти; 2,7 % — сотрудники общественных организаций, 8,2 % — представители других профессиональных групп (рис. 1).

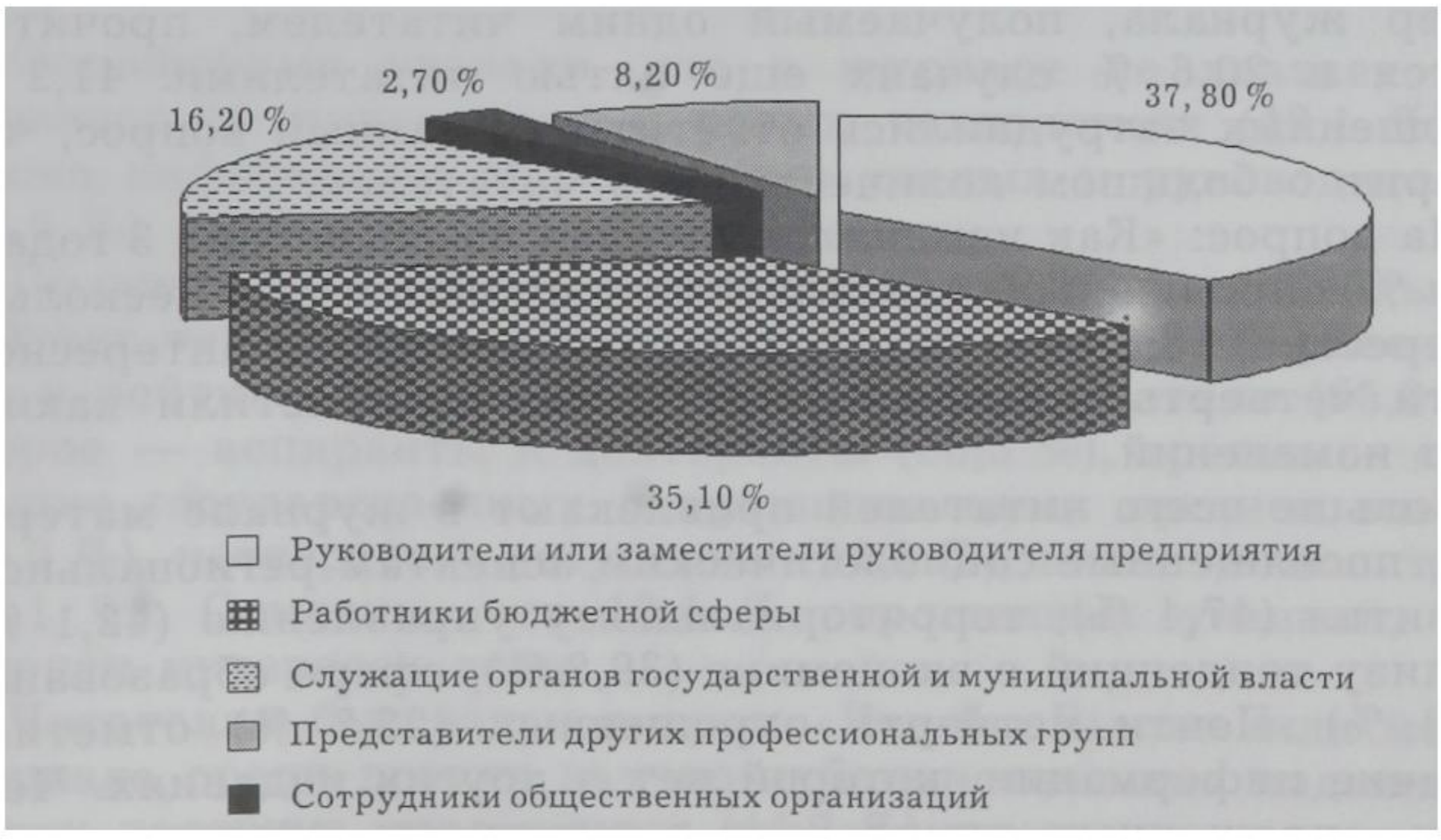

Рис. 1. Профессиональная структура читателей

Абсолютное большинство читателей (81,6 %) знакомы с журналом более трех лет, первое знакомство с журналом происходило по-разному. Треть (31,6 %) указали, что впервые познакомились с журналом по рекомендации коллег по работе; 13,2 % — из каталога подписных изданий Роспечати; 13,2 % стали получать журнал по бесплатной рассылке, определенной учредителями журнала; 7,9 % читателей узнали о журнале по рекомендации преподавателя; 5,3 % — по ссылкам в научных трудах.

На вопрос: «Каким образом Вы получаете журнал?» даны следующие ответы: 40,5 % — по подписке на работе; 24,3 % — беру в библиотеке; 16,2 % — по подписке на дом; 10,8 % — получают от родственников, друзей, знакомых; 8,2 % — отметили другое. 40,5 % читателей в 2005 г. прочитали 4 номера журнала; 13,5 % — 3; 10,8 % — 2; 8,1 % — 1; 5,4 % — 6; 2,8 % — 7 и более номеров; 2,7 % — 5 номеров; 16,2 % — затруднились ответить. Статьи, публикуемые в журнале, вызывают интерес у читателей. Так, более половины опрошенных указали, что обычно прочитывают от 40 до 100 % содержания журнала, а 15,8 % всех опрошенных читают журнал полностью.

Отмечая популярность журнала, можно рекомендовать и увеличение тиража, поскольку как отметили опрошенные, номер журнала, получаемый одним читателем, прочитывается в 20,6 % случаях еще пятью читателями. 41,2 % опрошенных затруднились ответить на данный вопрос, что говорит о большом количестве его читателей.

На вопрос: «Как изменился журнал за последние 3 года?» 47,4 % опрошенных указали, что журнал стал несколько интереснее, 15,8 % — журнал стал существенно интереснее, почти четверть опрошенных (23,7 %) не заметили каких-либо изменений.

Больше всего читателей привлекают в журнале материалы, посвященные социологическим аспектам регионального развития (47,4 %), территориальному управлению (42,1 %), анализу тенденций в экономике (39,8 %), сфере образования (36,8 %). Почти четверть опрошенных (23,7 %) отметили наличие информации, которой нет в других изданиях. Четверть опрошенных привлекает возможность знакомиться с опытом своих коллег на страницах журнала.

Опрос позволил выявить рубрики журнала, которые признаны наиболее интересными (рис. 2). Весьма отрадно, что 63,2 % опрошенных отметили, что в целом журнал скорее интересен, чем неинтересен, 34,2 % — очень интересен.

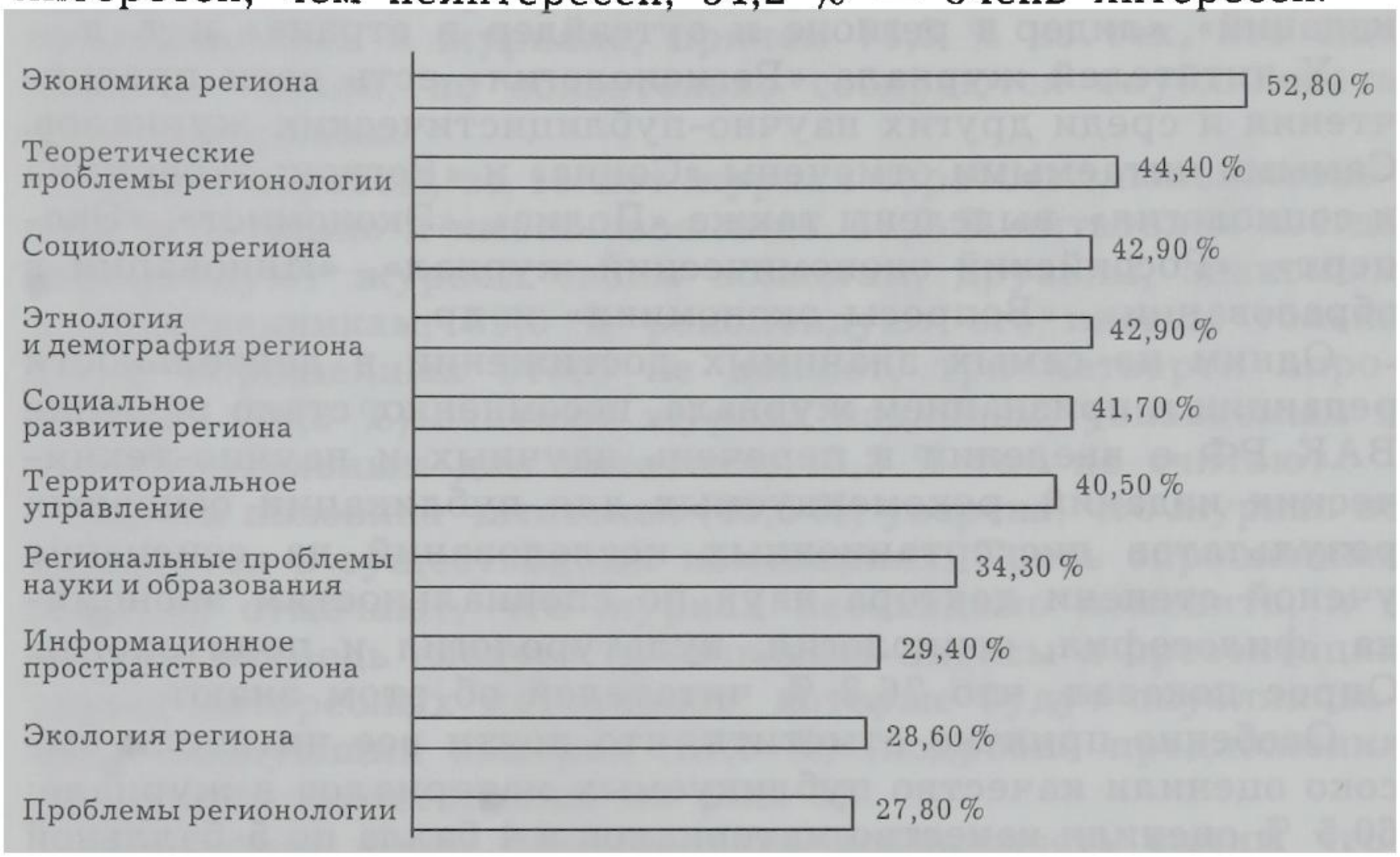

Рис. 2. Самые интересные рубрики журнала

Опрошенные указали, что в журнале не хватает материалов об инновациях и новых технологиях (42,1 %), а также информации об известных ученых и руководителях (28,9 %).

По оценкам читателей можно составить профессиональный рейтинг тех, кому наиболее интересен журнал. Первое место в рейтинге занимают ученые и преподаватели (65,8 %), второе — аспиранты и докторанты (60,5 %), третье — служащие государственных и муниципальных органов власти (50,0 %), четвертое — студенты (34,2 %), пятое — политики (21,1 %). Отметим, что 18,4 % опрошенных указали, что журнал интересен всем.

Читателям был задан вопрос: «Как бы Вы оценили место журнала среди других научно-публицистических изданий?». Почти половина опрошенных (44,7 %) отметили, что журнал не выделяется среди других подобных изданий, 23,7 % отметили, что журнал является лидером, 2,6 % — аутсайдером,

10,5 % — затруднились ответить. 18,4 % респондентов дали свои ответы на этот вопрос и самыми распространенными были «лидер по проблемам регионов», «ведущий по ряду направлений в регионологии», «занимает свое место среди других изданий», «лидер в регионе и аутсайдер в стране» и т. д.

У читателей журнала «Регионология» есть свои предпочтения и среди других научно-публицистических журналов. Самыми читаемыми отмечены «Социс» и «Регион: экономика и социология», выделены также «Полис», «Экономист», «Эксперт», «Российский экономический журнал», «Инновации в образовании», «Вопросы экономики» и др.

Одним из самых значимых достижений в деятельности редакции и признанием журнала, несомненно, стало решение ВАК РФ о введении в перечень научных и научно-технических изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора наук по специальностям экономика, философия, социология, культурология и политология. Опрос показал, что 76,3 % читателей об этом знают.

Особенно приятно отметить, что почти все читатели высоко оценили качество публикуемых материалов в журнале: 60,5 % оценили качество материалов в 4 балла по 5-балльной шкале и 18,4 % — в 5. Вместе с тем, редакции, несмотря на видимые достижения, есть над чем работать в плане совершенствования и повышения качества публикуемого материала, в том числе и путем ужесточения требований к научности и практикоориентированности поступающих для публикации материалов. Половина читателей указали на необходимость введения в содержание журнала новых рубрик: «Зарубежный опыт регионального развития», «Политические аспекты регионологии», «Методика региональных исследований и анализа» и др. На вопрос: «Считаете ли Вы, что необходимо сократить количество рубрик в журнале?» 50,0% читателей сказали «нет» и только 7,9 % — «да».

Важным показателем признанности журнала стала частота ссылаемости на публикуемые в нем материалы. Так, 66,9 % читателей ссылались в своей работе на публикации журнала, причем половина из них делают это постоянно. Ссылки на публикации журнала делаются в основном в научных тезисах и статьях (74,2 %), докладах и аналитических записках (51,6), диссертациях (45,2), в разработке проектов

принимаемых решений (9,7), дипломной или курсовой работе (6,5) и т. д., три четверти респондентов (75,0 %) отметили, что в их окружении есть люди, в своей работе также ссылающиеся на публикации журнала. 39,5 % опрошенных публиковались в журнале, причем 76,3 % из тех, кто еще этого не делал, но обязательно собираются опубликовать свои материалы.

Таким образом, за 15 лет журнал заработал положительную репутацию и имеет свое лицо. 57,9 % читателей всегда рекомендуют журнал своим коллегам, друзьям, знакомым и родственникам, 39,5 % рекомендуют его иногда, только 2,6 % опрошенных этого не делают, три четверти опрошенных (76,3 %) считают журнал изданием, узнаваемым и привлекательным для читателя, 13,2 % так не считают.

Почти половина читателей (48,6 %) уверена, что журнал не нуждается в существенных изменениях. Треть опрошенных (34,3 %) отмечают, что журнал необходимо изменить, и в первую очередь следует публиковать анонсы и презентации самых интересных материалов, которые будут опубликованы в следующих номерах (87,5 %) (подробно предложения читателей представлены на рис. 3).

Читателям была представлена возможность самим что-либо изменить в журнале. Многие респонденты так ответили на открытый вопрос: «В колонтитулах указывать номер и год выпуска журнала», «публиковать фотографии авторов в цвете», «увеличить число номеров до 6 в год», «ввести рубрику: Вопрос к редактору (специалисту, эксперту)», «усилить публицистическую сторону издания» и многое другое. Некоторые из этих предложений обязательно будут учтены редакцией в дальнейшей работе.

Читателям предлагалось оценить рыночную стоимость журнала. Амплитуда ответов была весьма высокой (от 35 до 150 руб. за один номер журнала), в то время как почти половина респондентов ушли от ответа (48,6 %). 18,9 % читателей оценили один номер журнала в 100 руб.; 10,8 % — в 150; 5,4 % — в 70 руб. Большую часть респондентов (62,2 %) устраивала существующая на момент опроса цена одного номера по подписке (70 руб. за номер на момент опроса). 21,6 % опрошенных не обращают на это внимание, ответив «мне все равно».

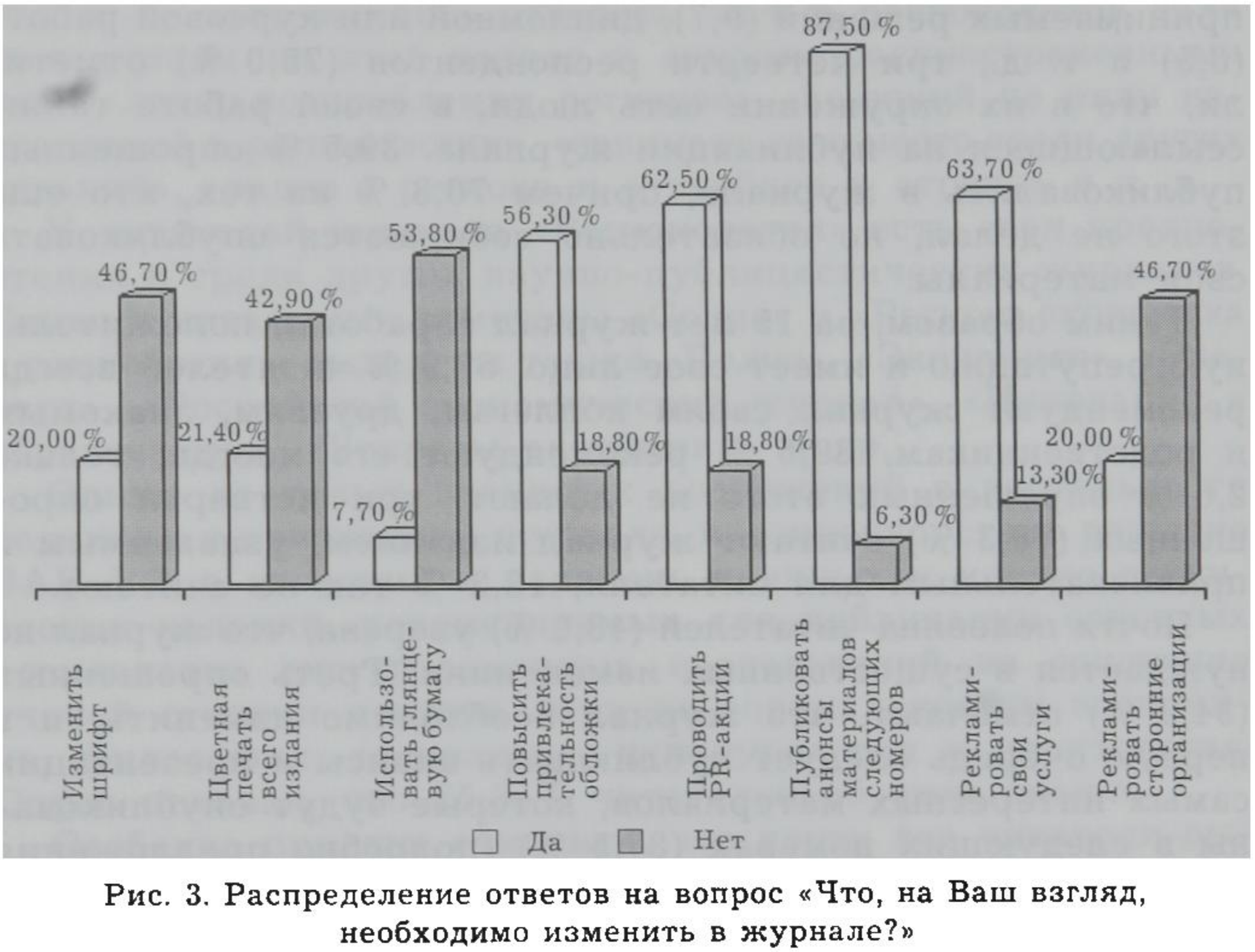

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, необходимо изменить в журнале?»

Читателям был задан вопрос «Как Вы думаете, к каким изменениям приведет некоторое повышение цены журнала?». Распределение ответов представлено на рис. 4.

Чуть больше половины опрошенных (55,3 %) считает, что повышение цены журнала не повлияет на количество читателей. Однако 28,9 % респондентов утверждает, что журнал потеряет своих читателей. Надеемся, что отвечая на эти вопросы, читатели понимали всю сложность издательской деятельности в научной сфере (не всегда приносящей прибыль, а часто и убытки), вынужденной существовать, а иногда и выживать в жестких рыночных условиях.

Интересной является оценка востребованности журнала на рынке розничных продаж. 28,9 % опрошенных считают, что розничная продажа журнала имела бы успех у читателей, поскольку он востребован; 13,2 % считают это возможным при условии существенных изменений журнала; 28,9 % так не считают. По их мнению, журнал не будет востребован на рынке розничных продаж даже при условии существенных его изменений, а 5,3 % опрошенных считают

журнал абсолютно не востребованным на рынке. Большинство читателей журнала устраивает отсутствие рекламной информации в журнале (57,9 %), 26,3 % безразличны к отсутствию в журнале рекламы; 7,9 % — желали бы увидеть рекламу на страницах издания.

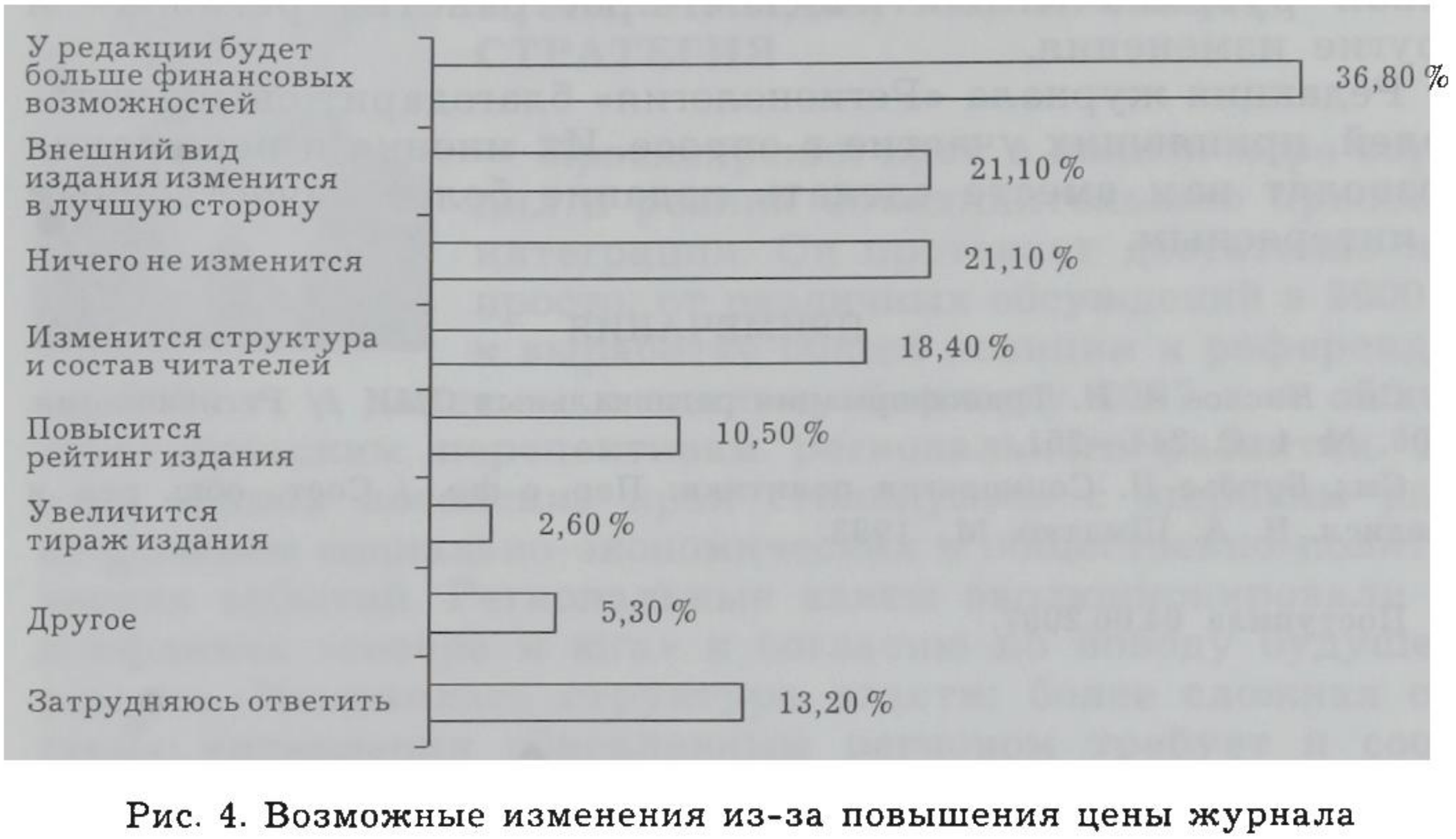

Рис. 4. Возможные изменения из-за повышения цены журнала

Таким образом, анализ результатов опроса читателей журнала «Регионология» показал, что издание не только имеет право на существование, но и позволяет его редакции и авторам с оптимизмом смотреть в будущее, занимая достойное место в ряду научно-публицистических изданий страны, а по некоторым позициям (регионология, проблемы регионального развития, социология региона и т.п.) является лидером.

У журнала есть проблемы, которые мы стремились выявить в ходе опроса. Например, отсутствие информации о наиболее интересных материалах будущих номеров, недостаточная периодичность выхода (1 раз в квартал). Читатели высказана мысль относительно оптимизации структуры журнала, технологии его издания, недостаточности его объема и др.

Необходимо отметить, что редакция журнала внимательно отнеслась к этим рекомендациям и некоторые из них учтены. С первого номера 2007 г. объем журнала увеличен до 20 печатных листов, что повлекло и определенное уве-

личение стоимости журнала по подписке. В связи с этим редакция журнала сообщает читателям, получавшим журнал по бесплатной рассылке, что с 2007 г. она прекращена и «Регионология» будет распространяться только по подписке. Журнал перешел на частичную цветную печать, появилась новая рубрика «Политическое пространство региона» и другие изменения.

Редакция журнала «Регионология» благодарит своих читателей, принявших участие в опросе. Их мнения и пожелания позволят нам вместе сделать издание более качественным и интересным.

ПРИМЕЧАНИЯ

См.: *Кислов А. И.* Трансформация региональных СМИ // Регионология. 2006. № 4. С. 244—251.

См.: *Бурдье П.* Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.

Поступила 04.06.2007.

Р К. КУЛАКОВСКИЙ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ: ИМИДЖ, УПРАВЛЕНИЕ, СТРАТЕГИЯ

Красноярский край в полной мере вступил в реалии объединительного процесса интеграции. Он протекает достаточно непросто: от различных обсуждений в 2000 г. к выработке общей позиции и референдуму 2005 г., а далее — к единому бюджету 2007 г. и общим стратегическим перспективам регионального развития. На этих этапах население края столкнулось с широким разнообразием социально-экономических и общественно-политических событий. Региональные элиты эволюционировали от конфликта «севера и юга» к согласию по поводу будущего региона. Изменилась структура власти: более сложная система управления обновленным регионом требует и соответствующей организации политических механизмов.

Политический имидж власти можно представить как образ властных институтов, целенаправленно и активно формируемый в сознании граждан для успешного осуществления проводимой ею политики в соответствии с их ожиданиями. Соответственно, необходимо вести речь о включении политического имиджа власти в систему регионального управления в качестве эффективно действующего ресурса. Это позволит максимально приблизить органы власти к населению и не только диагностировать возможные проблемы, но и оперативно разрешать их, удовлетворяя насущные потребности граждан. В итоге за счет действия механизмов предметного восприятия формируются стратегические основы регионального развития. В данном контексте стратегия выступает как «система взаимосвязанных решений и установок, определяющие приоритетные направления действий...»[1]

КУЛАКОВСКИЙ Роман Константинович, аспирант кафедры политологии и политического управления Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В теории и практике государственного управления имеется серьезная проблема. «Главное в стратегии — направленность на новое качество, новый уровень, новое состояние. Об этом часто забывают и за стратегию выдают длительное сохранение того или иного явления, отношения и процесса в одних и тех же параметрах (гомеостатис); долгосрочную пролонгацию (продление) определенного состояния; отдаленные цели, в которых, кроме того, что они отдаленные, нет ничего нового; формулирование главных целей в статусах государственных органов и многое другое, что связано с функционированием субъектов управления, но практически не изменяет качество управляемых объектов»[2]. Между тем «...любое управляющее воздействие должно всегда содержать в себе точную цель и точное направление движения к ней, к тому же оно должно быть практичным, т. е. вызывать действительное движение к цели и приближение к ней»[3].

В период подготовки референдума в Красноярском крае власть показала идейную продуктивность в стратегическом отношении. Населению предстояло решить важный многофакторный вопрос. Это выгодно отличало кампанию от избирательных мероприятий последних лет, преследовавших часто цель реализации сиюминутных политических интересов. Идейная составляющая позиционировала референдум как общее дело всех жителей края.

В конце 2004 г. краевые власти постарались урегулировать наиболее проблемные участки, связанные с ходом реформы местного самоуправления. Был разработан и принят пакет законопроектов социальной направленности, призванный смягчить возможные недостатки монетизации льгот. Стали предприниматься шаги по повышению информационного обеспечения жителей районов (мероприятия по повышению качества районных газет, создание редакции общедоступного регионального телеканала). Наконец, реализованы и структурные мероприятия по проведению кампании. Изменилась система краевой исполнительной власти, усилен ее информационный блок, более четко разграничена сфера воздействия на социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию. Более активно стал осуществляться институциональный анализ деятельности неформальных политических групп, введена оперативная система реагирования на проблемные ситуации (аналитика информационных рисковых поводов).

Не осталась в стороне и общественность объединяющихся регионов: создан общественный центр «Объединение», ставший местом дискуссий и встреч с известными людьми, обсуждавшими перспективы дальнейшего развития края. Реальный интерес вызвал проект «Кочующая культурная столица».

Стратегическая основа была подкреплена расстановкой экономических приоритетов. Появилась надежда, что с сильной властью (имеющей общие цели с населением) в большей степени будут сотрудничать внешние инвесторы, причем таким образом, чтобы это шло на пользу региону. При генерале А. Н. Лебеде внешних «гостей-инвесторов» также было немало, но пользы от их воздействия в крае не наблюдалось. В настоящее время тезис о социальной ответственности бизнеса перешел в систему частно-государственного партнерства, что позволяет надеяться на трансформацию интересов бизнеса в направлении стратегического развития края, а не желания «обогатиться и убежать». Важно, впрочем, подчеркнуть, что позитивного эффекта от референдума в данном случае недостаточно — нужна постоянная работа власти по поддержанию этой системы.

В итоге в Красноярском крае при явке 62,7 % положительно на вопрос референдума ответили 92,4 от пришедших на участки, отрицательно — 6,6 %. На Таймыре при явке 62,1 % положительно ответили на вопрос референдума 69,9, отрицательно — 29,1 %. В Эвенкии в референдуме участвовали 79,9 % от общего числа зарегистрированных избирателей. По результатам голосования за объединение проголосовало 79,9, против — 19,2 %.

Сибирь традиционно позиционировалась как сильный и богатый край с высоким промышленным и человеческим потенциалом. Не заметить его возможностей на современном этапе трудно. Другое дело — качественное содержание оценки потенциала регионального развития. Не секрет, что весьма широкое распространение имеет взгляд на Сибирь как на сырьевой придаток крупных ФПГ. Казалось бы, сугубо экономическая проблематика, но коренным образом оказывающая влияние на политическое развитие региона. Нельзя построить позитивный политический имидж, если на федеральном уровне при принятии решений к региону относятся как к сырьевому придатку. К тому же, при таком отношении идеологические всплески противоборства «мос-

ковских олигархов» и «местных управленцев» становятся нормой жизни. Вряд ли это можно признать позитивным явлением.

В целом проблем в крае (как в экономике, так и в политике) еще предостаточно. И не все из них удачно разрешаются. Но нельзя не заметить и серьезного потенциала (в инвестиционном плане край достаточно привлекателен для инвесторов, которые не стали бы работать с неперспективным регионом). Именно поэтому в 2006 г. в Красноярском крае актуальным стал вопрос о стратегии, позволяющей ответить на вопрос: «К чему стремиться и куда идти?». Тема получила широкий резонанс на уровне Сибирского ФО и обсуждалась на заседании Госсовета РФ.

Если говорить об общей стратегии, то можно отметить достаточно популярную в настоящее время схему стратегического развития Сибири. Она связана с историческими особенностями развития региона. На первом этапе (во времена Российской империи) лидирующими городами здесь были Тобольск и Енисейск. Однако изменения в промышленной и образовательной инфраструктуре (конец XIX — начало XX в.) вывели на передовые позиции другие города. Создание университета в Томске и прохождение Транссибирской магистрали через Красноярск предопределило будущее именно этих городов как крупных региональных центров. В годы Советской власти наступает второй этап, связанный с развитием наукоемких технологий. Именно в этот период активный стимул к развитию получает Новосибирск со знаменитым Академгородком. Сегодня это центр Сибирского федерального округа с развитой инфраструктурой и высоким образовательным уровнем. Однако новое время диктует необходимость перемен. И перемены эти вновь связаны с Красноярском. В отличие от прошлых периодов, когда лидирующим в стратегическом развитии становился какой-либо один фактор (например, образовательный или промышленный), во время наукоемких технологий следует говорить о комплексном характере стратегического развития. Можно, по крайней мере, выделить две его линии. Первая позволяет развить образовательный потенциал региона (речь идет о создании Национального Федерального университета), а вторая — промышленный (включает развитие Нижнего Приангарья и освоение новых нефтяных месторождений).

Такой комплексный подход в социально-экономическом плане очень важен: одно его направление предопределяет ход другого. В целом такая стратегия получила даже символическое название «второй индустриализации Сибири». Ее осуществление будет неразрывно связано с новым территориальным устройством, основанном на объединении Красноярского края, Таймыра и Эвенкии с 2007 г.

Но здесь вступают в действие политические факторы: для эффективного управления столь сложными и масштабными процессами недостаточно инструментария лишь экономического менеджмента. Как раз политика может стать тем «двигателем», который запустит в жизнь эти проекты и позволит извлечь из них конкретную пользу жителям региона. Но, с другой стороны, именно политика способна стать «ложкой дегтя», которая отравит любой, даже самый приоритетный и важный проект. Чем объяснить такую двойственность? Дело в том, что политика подразумевает согласование самых разных интересов и потребностей. А региональный уровень являет собой настолько сложное их средоточие, что безграмотные политические действия способны похоронить все грамотные социально-экономические проекты. Нет смысла говорить о высоком экономическом потенциале и повышении качества жизни всех групп социальных субъектов, если эти субъекты не понимают смысла проектов, претворяемых в жизнь, и не видят в социально-экономической стратегии ни себя, ни своих потребностей, ни практической пользы.

Что же может изменить политика? По каким направлениям регионального развития это можно проследить?

Во-первых, это гармонизация социального климата в регионе. В 2005 г. Красноярский край занимал второе место в стране (после Чеченской республики) по уровню безработицы. Этот показатель не снижался уже много лет и только сейчас начались позитивные сдвиги. Не в последнюю очередь это связано с курсом на повышение востребованности рабочих специальностей, развитие системы профессионального образования. Совершенно очевидно, что развивать Нижнее Приангарье и добывать северную нефть поедут не многочисленные юристы и экономисты из скороспелых частных вузов, а невостребованные до сих пор рабочие и выпускники образовательных учреждений с

техническими специальностями. Не менее важны выгодные заказы красноярским предприятиям. Это позволит снизить сырьевую ориентацию экономики края, поскольку заказы касаются как развитых технологий, так и, например, продуктов сельского хозяйства. Так гармонизируется социальный климат, поскольку и большая армия безработных, и финансово неудовлетворенные аграрии не раз становились дестабилизирующим фактором регионального развития и выступали оппозицией губернатору. Это уже — политический аспект, причем весьма серьезный.

Во-вторых, роль политики можно проследить в развитии молодежного движения. В крае организовано движение краевых студенческих стройотрядов (которые, в частности, направлены на строительство Богучанской ГЭС). У молодых людей формируется чувство сопричастности к происходящему в регионе и более того — чувство гордости (по масштабности перемен проект не знает аналогов в России). Следствием реализации молодежной политики станет преодоление социальной апатии и формирование гражданской активности населения.

В-третьих, роль политического фактора состоит в изменении территориальной политики. Следует учитывать, что потребности населения, живущего на той или иной территории, существенно изменятся после того, как на ней, например, появится новое производство, новая дорога; усилятся миграционные процессы либо, напротив, произойдет переселение людей (например, из зоны затопления ГЭС). К чему это может привести в политическом плане? Дело в том, что Приангарье и до развития новых проектов не отличалось территориальным однообразием: большое число жалоб на приток гастарбайтеров из Средней Азии, постоянное присутствие китайцев, занимающихся незаконной вырубкой леса, ежегодное обострение проблем ЖКХ и транспортной инфраструктуры привносили в региональное развитие не только экономические оценки, но и политические (скандалы, связанные с местными главами территорий, наблюдались еще с 90-х гг.). Как изменится политическая конъюнктура, когда все нововведения станут реальностью? Смогут ли спрогнозировать этот фактор экономисты без участия политиков и политологов? А если, например, район строительства ГЭС разовьется настолько, что потребует качественного изменения

инфраструктуры (того же преодоления дефицита детских садов), а денег в местных бюджетах не окажется? Кто будет регулировать социально-политический взрыв?

Эти вопросы должны получить решение уже в ближайшем будущем. Пока ситуация далека от совершенства. С 2003 г. в крае имеется Стратегия социально-экономического развития, основная цель которой — улучшение качества жизни населения. Она создавалась силами нынешней администрации края, но за период ее действия качество жизни населения если и улучшилось, то не настолько, чтобы люди могли это ставить в заслугу деятельности власти. Это говорит даже не в пользу собственных сил граждан, а скорее, в пользу каких-то обстоятельств, удачно сложившихся. Чем объяснить такое вялотекущее исполнение стратегии? Скорее всего, тем, что люди не видят смысла и логики ни в действиях власти, ни в своих собственных. Нет связи повседневной жизни людей с какими-либо общерегиональными задачами. Народ мало что объединяет.

Какие компоненты могут быть задействованы для изменения ситуации? Во-первых, партийные силы. Они более активны и, в отличие от чиновников, у них есть конкретный интерес — победа на выборах. Смысл существования «партии власти» не должен сводиться к продвижению нужных законопроектов через парламент любого уровня: узкие рамки парламентской работы не должны ограничивать партию со столь широкой социальной базой. Исполнительной власти гораздо проще договориться с независимыми депутатами. И смысл партийного развития в этом случае теряется. Но и сама власть вряд ли выиграет от этого, ведь социальная опора (а в той же «Единой России» сегодня более миллиона человек) — стоит дорогого. Именно на этой опоре необходимо строить политическую конструкцию объединенного края.

Необходимо оптимизировать «профессиональный ресурс»: политико-аналитические разработки не должны создаваться только «под выборы», и уж тем более нелогично пользоваться услугами заезжих политтехнологов на 100 %. Их вряд ли будет волновать стратегическая сторона вопроса. К тому же провал их собственных стратегических предложений в отдельно взятом регионе им ничем не грозит. Даже профессиональная репутация не пострадает (вдруг в другом регионе получится). Эффективность «50 на 50»

вполне приемлема для таких деятелей, но разве можно на этом построить качественную политическую стратегию (которая бы принесла реальную, а не бумажную пользу власти и обществу)?

В основу обновленного «профессионального ресурса» можно положить, во-первых, наиболее продуктивные политические технологии (подразумевающие научную основу прикладного, а не теоретического характера), во-вторых, усовершенствованную систему политической коммуникации, через которую будут транслироваться результаты применения этих технологий.

В первом случае целесообразно говорить о технологиях территориального политанализа (информация с мест как стимул для развития региона в целом). Во втором случае имеет смысл применить автономный режим работы с выходом непосредственно на первых лиц края (защита от лишних согласований).

И, наконец, третий компонент, который можно положить в основу стратегии политического развития — идеологический. Если существующая социально-экономическая стратегия работает по принципу «выполнить трудно, а бросить жалко», то почему бы не внедрить в нее идейную составляющую? Например, концепцию консервативного либерализма, которую несколько лет пытаются разработать центристские силы, включая «Единую Россию». Ведь политический центризм — очень удачная основа для стратегического проектирования (стратегия — как элемент устойчивости развития)[4].

Сейчас, к сожалению, все инновации обрабатываются на региональном уровне лишь с экономической точки зрения (и то в большей части как просьбы о выделении денег). При необходимости решить какую-либо политическую задачу никто не побрезгует пресловутым «административным ресурсом». Но если успешно внедрить в регионе три перечисленных компонента (партийный, профессиональный и идеологический), то административный ресурс можно свести к минимуму за ненадобностью.

После четырех лет правления красноярский губернатор А. Г. Хлопонин в сентябре 2006 г. выступил с пакетом стратегических инициатив на период объединения края, получивших название «Стратегии четырех „Д”»: дом, деревня, демография, дети. Сам доклад отразил сущность социально-

экономической политики и не касался политических вопросов. Понятно, что власть опасается пасть жертвой политиканства и предпочитает лишний раз не поднимать эти вопросы. Но впереди — объединение регионов и череда избирательных кампаний. Входить в такие сложные политические процессы, не имея обновленной политической стратегии, — еще более опасно. Поэтому необходимо комплексное преодоление «политического дефицита» в региональном управлении и, прежде всего, стратегическом проектировании.

В итоге к предложенной губернатором социально-экономической стратегии «Четырех Д» после окончательного объединения края и успешного проведения выборов нового состава Законодательного Собрания вполне успешно может добавиться и пятое «Д» — демократия. Это станет возможным в том случае, если власть, партии и население смогут ответить на вопросы о стратегических перспективах развития края с точки зрения их общественной значимости для каждой социальной группы в отдельности и для региона в целом. Социальное «самочувствие» населения и политический имидж власти, как и самого региона, от этого только выиграют.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Теория управления: Учебник / Под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. М., 2005. С. 309.

[2] *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления: курс лекций. М., 2006. С. 171—172.

[3] Там же. С. 48.

Поступила 15.12.06.

А. В. ГОЛОВАНОВ

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ДИНАМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

В конце XX в. интеграция человечества выходит на новый уровень, сопровождаемая изменениями в сфере общественного, социально-политического, экономического и индивидуального сознания и поведения. Институциональные преобразования сопрягаются с трансформациями в социальной стратификации и типах взаимодействия. В результате этих модернизаций нарушается равновесность социальной системы в целом, наступает ее дестабилизация, а затем формируется новая упорядоченность социума, т. е. наблюдается переходное состояние общества.

Развернутый анализ направлений, форм и методов, факторов и механизмов гармонизации социальных отношений — одна из фундаментальных задач социологии регионального социума. Градация факторов и механизмов может быть осуществлена по субъектам, сферам этих отношений, например, в сферах экологии, расселения, материального и социального воспроизводства, политических отношений, в духовной сфере, этнической жизни, в сферах быта и т. д. Это сферный подход, но в его основе лежат отношения конкретных субъектов по тем или иным аспектам жизни[1].

По нашему мнению, переходное состояние отличается не только своими внутренними свойствами, но и местом в нерасчлененном историческом потоке. Стабильные, инерционные состояния социума характеризуют уже свершившийся исторический процесс, где не видны отсеченные, несостоявшиеся альтернативы потенциального бытия. Переходные состояния общества, наоборот, наполнены избыточными и

ГОЛОВАНОВ Алексей Владимирович, аспирант кафедры философии для естественно-научных и инженерных специальностей Мордовского государственного университета.

хаотическими социальными процессами, разнонаправленными по отношению к складывающейся тенденции. В этом смысле переходные периоды — показатель принадлежности общества к самоорганизующимся системам, в которых хаотические состояния выступают как сверхупорядоченная сложность, рано или поздно завершающаяся новой пространство-временной организацией. Иногда они не имеют очевидного смысла, социальных функций и исторического будущего, поэтому их так трудно понять рядовому участнику событий. Период до условного окончания дестабилизации, т. е. до выхода социума на новый уровень устойчивого развития, а также к стабилизации социальных институтов и политических структур, носит название переходного состояния общества.

Общество как система переходит на новый этап своего развития, выбирая один из вариантов, которые находятся вблизи этого выбора, однако он не подразумевает под собой лучший вариант возможного, не может учитывать дальнейшую перспективу развития, он просто совершается в силу внутренних процессов. Система отбора непрерывно развивается, правила отбора усложняются и умножаются, они сами эволюционируют. Следовательно, переходные состояния сложноорганизованных систем есть объективный процесс, характеризующийся противоречивым взаимодействием предыдущей и новой, появляющейся стадии их эволюции, что закономерно вызывает неопределенность в векторе развития этих систем.

Наиболее важными для успешного прохождения обществом переходного состояния являются активизация адекватного новой ситуации социального и экономического поведения населения, формирование гибкой и динамичной социальной структуры, обеспечение позитивного взаимодействия с внешней международной средой, гибкое социальное управление.

Активизация социального поведения носит массовый характер, если формируются и развиваются мотивы социально-экономической деятельности, необходимые в условиях модернизации. Социальная форма этой мотивации — частный интерес. На этой основе формируется достаточно большой слой предпринимателей. Из него, в свою очередь, выделяется элита (крупные предприниматели, менеджеры, специалисты, эксперты), которая выступает в качестве сильнейшего фактора, активизирующего экономическое развитие. Поэтому

для стран, имевших государственную монополию на средства производства, большое значение приобретают институциональные преобразования в этой сфере: разгосударствление или приватизация.

Следует отметить, что путь мобилизации социального процесса в сфере активности населения эффективен только в том случае, если имеется национальное согласие. Особое значение может приобретать использование культурных и национальных традиций, например, добросовестности, трудолюбия и дисциплины. Однако для решения задач гражданского согласия решающую роль играет развитие политической культуры, «культуры гражданственности», активное участие масс в политических и экономических решениях.

Социальный процесс, ведущий к гибкой и динамичной социальной структуре, требует уменьшения веса в обществе чиновничьего слоя, создания и расширения среднего класса, увеличения его роли в обществе и экономике, развития конкуренции на рынке труда, усиления спроса на высококвалифицированный труд и т. п. В современном обществе это возможно на основе долговременной государственной политики, направленной на стимулирование тех, кто имеет «средние» доходы, на обеспечение вертикальной мобильности.

В процессе формирования «среднего класса» на первом этапе «запаздывающей модернизации» происходит усиление социальной дифференциации прежде всего за счет усиления стихийных процессов в распределении и перераспределении социальных благ (богатые становятся богаче, бедные — беднее). В переходный период это связано с неизбежным в условиях радикальных перестроек в экономике отставанием социальной инфраструктуры, ростом инфляции, безработицы, сокращением социальных программ.

В позитивном взаимодействии с внешней средой важны как социально-экономический, так и геополитический аспекты этого взаимодействия. Первый связан с тем, что модернизирующееся общество, как правило, нуждается в экономической помощи более развитых стран. Однако общепризнанно, что чем более выражено «зависимое развитие», строящееся на внешних займах, тем сложнее в социальном смысле протекает переходный период. Усиление социального напряжения, сопровождающее «модернизацию вдогонку», в

данном случае усугубляется тем, что общество перестраивается выборочно, только там, где это выгодно помогающей стране или международной финансовой организации. Поэтому межотраслевое, межрегиональное, «межслоевое» неравенство увеличивается. Причем государство-должник, как правило, не имеет возможность успешно блокировать возникающую от этого социальную нестабильность, компенсируя неравенство. И не только потому, что финансово-экономические ресурсы в переходный период ограничены, но и потому, что международные организации-кредиторы выдвигают в качестве прямых требований необходимость отказа от государственного регулирования доходов и цен. Поэтому и здесь необходимо целенаправленное государственное регулирование процесса внешнеэкономического взаимодействия и его последствий.

Межрегиональная социально-экономическая дифференциация существенно возросла за последнее десятилетие. Это стало результатом неодинаковой адаптации регионов с разной структурой экономики к рыночным условиям, значительного ослабления регулирующей роли государства. Межрегиональная дифференциация стала пространственным отображением растущей экономической и социальной дифференциации, углубляясь, она оказывает негативное влияние на эффективность национальной экономики, угрожает целостности формирующихся общенациональных рынков страны.

Для определения территориальных контрастов обычно используются показатели дифференциации уровня экономического развития и регионального уровня жизни. По объемам ВРП на душу населения (с учетом паритета покупательной способности) размах вариации в 1995 г. составлял 17,7 раза, в 1999 г. — 20,7 раза. Сегодня возрастающие различия между регионами по ВРП, реальным доходам на душу населения, бюджетной обеспеченности на душу населения доходят до 45,7 раза. Такая дифференциация уникальна для одного государства и сопоставима только с различиями между самыми богатыми и бедными странами. Аналогичное соотношение между регионами Европейского союза не превышает 4,6 раза[2].

Выравнивание регионов России по величине ВРП на душу населения в обозримой перспективе проблематично. Практический смысл представляет задача уменьшения отставания экономически менее развитых регионов. При от-

сутствии управленческого воздействия на этот процесс его последствия могут негативно повлиять не только на качество развития социальной сферы, но и на уровень политической стабильности в стране. Реализация политики, направленной на уменьшение существенных различий в экономическом развитии регионов, создаст благоприятные условия для развития внутреннего рынка, оптимизации социально-экономических преобразований, поступательного развития социальной сферы, сохранения политической стабильности.

Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин на VII съезде партии «Единая Россия» 2 декабря 2006 г. отметил: «Национальные проекты в какой-то мере проблемы выравнивания решают... Но этого явно недостаточно. Для их решения нужна субсидиарная ответственность федерального центра и регионов. Необходимо от жесткого разделения полномочий перейти к тому, чтобы по ряду регионов, ряду проблем иметь совместные программы действий... Надо вернуться к практике федеральных программ развития регионов»[3].

Второй, геополитический аспект взаимодействия, связан с тем, что общество «запаздывающей модернизации» является одним из источников международной опасности. Мировое сообщество вынуждено относиться к переходным обществам неоднозначно, внутренне противоречиво. Поэтому и реакция переходных обществ на международную среду не может быть однозначной, последовательной, линейной.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 26 мая 2007 г. подтвердил необходимость решения ранее озвученных масштабных задач, на решении которых необходимо сконцентрировать все интеллектуальные ресурсы, творческий и научный потенциал общества. В числе важнейших «системообразующих» задач определены ускорение экономического роста и удвоение валового внутреннего продукта за десятилетний период. Эти задачи поставлены в целях превращения России в передовую, конкурентоспособную страну, сильную в экономическом плане и развитии институтов гражданского общества[4].

Как показывают расчеты, для решения поставленной задачи ежегодный прирост внутреннего валового продукта должен составлять не менее 7 %. Удвоения ВВП крайне сложно будет добиться без учета проблем, требующих приоритетного внимания, и факторов динамичного развития,

формирующих так называемые «точки экономического роста». Опыт ряда российских регионов свидетельствует, что, даже не располагая серьезными запасами энергоресурсов, можно добиться динамичного роста экономики и социальной сферы, ориентируясь на инновационный путь развития.

В Мордовии еще задолго до представления Президентом России Послания Федеральному Собранию разработана Программа социально-экономического развития Республики Мордовия на 2003—2007 гг., в которой поставлена задача обеспечения роста внутреннего регионального продукта в 1,6 раза с достижением к 2007 г. его объема 61,5 млрд руб. В Послании Главы РМ Государственному Собранию РМ от 6 февраля 2004 г. отмечается: «Президентом Российской Федерации поставлена задача удвоения ВВП к 2010 году в стране. Но экономика нашей республики должна развиваться значительно более высокими темпами, чем в среднем по стране»[5].

Социальное управление в переходных состояниях должно учитывать, что такие социальные системы очень динамичны и неустойчивы. Если управление не справляется с нестабильностью, не находит компромиссов для постоянно меняющихся и сталкивающихся интересов различных групп, не контролирует ситуацию — возникает социальный кризис, основные проявления которого — недоверие к социальным институтам, рост преступности и насилия. Наряду с этим характерны иррациональный рост доверия к отдельным социальным институтам и лидерам, надежда на их непосредственное вмешательство и помощь. «Кризисное» насилие — следствие нестабильности, неустойчивости переходных структур, что может привести к возникновению авторитарного режима. Эта возможность заложена не только в психологической реакции людей на кризисную ситуацию и социальное напряжение в обществе, но и в стремлении к социальной упорядоченности, предсказуемости любой ценой.

Таким образом, переходное состояние общества есть такая форма самоосуществления социального бытия, которая служит средством актуализации потенциальной структуры, представляет собой смену одного типа упорядоченности и равновесности другим типом устойчивости социума в процессе выбора им одной из альтернатив, ведущих к морфогенезу или морфостазису, есть пространство развер-

тывания потенциального бытия, конструирования или воссоздания социальных форм, обеспечивающих жизнеспособность социальной системы. Переходное состояние присуще всем обществам как самоорганизующимся системам во все исторические эпохи и определяет характер их развития. Обратное воздействие переходного состояния социума на течение социальных процессов принимает различные формы в зависимости от уровня экономического развития страны, региона, ее природных и людских ресурсов, характера культуры, особенностей политического устройства.

Переходный этап — особое, самостоятельное состояние социальной системы со своей логикой и механизмом развития, изучением которого занимаются исследователи многие годы, он является важной ступенью преодоления кризисов и перехода на более спокойный и стабильный уровень развития общества, от общества «запаздывающей», «догоняющей» модернизации к обществу «опережающей» модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Сухарев А. И.* Теоретические и методологические основы социологии социального партнерства / Социология социального партнерства. Сб. науч. ст. / НИИ регионологии при Мордов. гос. ун-те / Отв. ред. А. И. Сухарев. Саранск, 1999. С. 4—10.

[2] *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М., 2006. С. 289.

[3] Выступление Главы Республики Мордовия на VII съезде партии «Единая Россия» // За Единую Россию. 2006. 8 дек.

[4] Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 мая 2007 г. / Электрон. ресурс [режим доступа: www.president.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml].

[5] Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию РМ. Саранск, 2004. 6 февр.

Поступила 01.02.07.

В. Н. МУРАВЛЕВ

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РЕГИОНЕ

Существование института многопартийности — один из важнейших признаков функционирования и развития гражданского общества в государстве. Появление и развитие политических партий является показателем степени демократичности политической системы общества в целом. Процесс становления многопартийности в РФ в центре внимания многих исследователей[1] Но, на наш взгляд, недостаточно внимания уделено региональному аспекту этого процесса, тогда как именно в регионах отражаются и четко проявляются основные тенденции и особенности становления многопартийности.

Становление многопартийной системы в Пензенской области происходило параллельно с ее развитием в стране. Появление первых региональных отделений политических партий и движений приходится на начало 90-х гг. XX в. Тем не менее, в Пензенской области вопрос о наличии и функционировании политических партий до сих пор не изучен.

В Российской Федерации официально зарегистрированы 17 политических партий, соответствующих новым требованиям п. 1 ст. 2 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»[2] В Пензенской области государственную регистрацию прошли 7 региональных отделений политических партий: «Единая Россия» (свыше 18 тыс. чел., Председатель Политсовета — И. Н. Руденский), «Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь» (около 12 тыс. чел., Председатель Совета — Н. А. Лежикова), КПРФ (2 500 чел., секретарь Областного Комитета — Б. Ф. Зубков), ЛДПР (более 2 тыс. чел., секретарь Координационного совета — Ж. З. Туктаров), «Патриоты России» (2 500 чел., председатель Комитета — В. Г. Дюльдин), РДП «Яблоко» (председатель Совета — О. В. Кочкин) и СПС (около 300 чел., председатель Исполкома — В. С. Жилкин)[3]. Однако не все из этих партий

МУРАВЛЕВ Вадим Николаевич, ассистент кафедры политологии Пензенского государственного педагогического университета.

активные участники регионального политического процесса. К числу наиболее авторитетных и влиятельных в регионе можно отнести региональные отделения «Единой России», «Справедливой России», КПРФ, ЛДПР и «Патриотов России», что является отражением общероссийской тенденции и подтверждается прошедшими 11 марта 2007 г. выборами депутатов местных парламентов в 14 регионах страны.

Нами проведен экспертный опрос для выявления основных особенностей складывающейся многопартийной системы Пензенской области и страны, особенно в связи с изменением избирательного законодательства. Опрос проводился в форме стандартизованного интервью. Экспертами выступали председатели региональных отделений и начальники отделов агитационно-пропагандистской работы (АПР) политических партий. Экспертам предлагалось ответить на следующие вопросы: какая партийная система складывается в Российской Федерации, есть ли какие-либо недостатки у формирующейся партийной системы, каковы перспективы развития регионального отделения в Пензенском регионе, есть ли какие-либо препятствия для успешного функционирования регионального отделения?

При ответе на вопрос о складывающейся партийной системе в РФ представители региональных отделений сошлись во мнении, что она приобретет по результатам федеральных выборов в декабре 2007 г. устойчивый многопартийный характер. По мнению председателя регионального Совета партии «Справедливая Россия», процесс становления многопартийности в России на начальном этапе. Главное препятствие в развитии многопартийности эксперт видит не столько в постоянно меняющемся законодательстве, сколько в низкой политической активности населения, связанной с коммунистическим прошлым и тоталитарным мышлением. По мнению эксперта, общество еще не готово воспринимать институт политических партий из-за низкого доверия к ним, поскольку партии действуют ради удовлетворения амбиций своих лидеров, и только потом в интересах общества. Представитель партии «Единая Россия» также отметил необходимость и значимость становления многопартийной системы. По его мнению, многопартийность необходима для формирования гражданского общества в стране. На данном

этапе ее становления население еще не осознает в полной мере роли и значения политических партий.

Председатель комитета регионального отделения партии «Патриоты России» единственный из всех представителей партий негативно оценил новые законодательные акты, регулирующие и определяющие деятельность политических партий и переход к пропорциональной системе выборов. По его мнению, требования к партиям завышены и создают дополнительные барьеры при государственной регистрации. Без оснований завышен и 7 % барьер для прохождения партии в законодательные органы. Отмена графы «против всех» лишает многих граждан обозначить свой протест против существующей системы, что приведет к еще большей политической апатии населения и усилит отчуждение народа от власти. Тем не менее, он считает, что 7 % барьер способны преодолеть 5—6 политических партий.

По мнению секретаря Обкома КПРФ, основным недостатком нынешней партийной системы являются сами партии, которые абсолютно формальны, реально не представляют интересы рядовых граждан, а служат инструментом удовлетворения потребностей партийной элиты. Представитель партии «Единая Россия» также основным недостатком политических партий отметил процесс формирования политических партий, происходящий по инициативе «сверху».

Оценивая перспективы дальнейшего развития и функционирования региональных отделений, все эксперты отметили, что тщательно готовятся к предстоящим выборам, разрабатывают стратегию и не собираются сдаваться без борьбы. Некоторые представители оценили свои перспективы в Пензенском регионе как хорошие («Патриоты России», КПРФ) или очень хорошие («Справедливая Россия»). Представитель партии «Единая Россия» заметил, что хотя перспективы достаточно хорошие, тем не менее, предстоит тяжелая борьба, так как «пензенский регион дотационный, поэтому популизм в избирательной кампании будет играть значительную роль». На этом фоне основным идеологическим соперником «Единой России» в регионе является партия «Справедливая Россия». Секретарь координационного совета партии ЛДПР оценил перспективы своей партии как вполне достойные и ей вполне по силам преодолеть 7 %

барьер для прохождения в органы законодательной власти на региональном и федеральном уровнях.

Относительно препятствий успешного функционирования региональных отделений, в том числе и в период выборов, 4 из 5 представителей политических партий (ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия» и «Патриоты России») указали на применение так называемого «административного ресурса» со стороны органов муниципальной власти, которые официально или неофициально поддерживают партию «Единая Россия». Достаточно интересен тот факт, что формы применения административного ресурса, действие которого ощущают на себе партии, весьма разнообразны и не противоречат закону о выборах. Особо отмечен факт недостатка помещений, невозможность его снять для выпуска печатной продукции, захват зданий, принадлежащих партии, отсутствие достаточного эфирного времени на ГТРК «Пенза». Также было сопротивление и даже запрет глав некоторых районов и муниципалитетов при проведении мероприятий агитационного характера и встреч с избирателями.

Таким образом, в целом участники регионального политического процесса позитивно оценивают становление многопартийности в РФ, так как считают ее, во-первых, непременным условием становления гражданского общества. Во-вторых, политические партии необходимы для построения современного демократического общества, в котором они играют существенную роль. В-третьих, политические партии составляют оппозицию власти и контролируют ее деятельность. В-четвертых, конкуренция политических партий обусловливает движение вперед, развитие, так как они занимаются решением конкретных вопросов и предлагают различные варианты их решения. Однако необходимо отметить факт некоторой монополизации политического рынка в Пензенском регионе. 4 из 5 крупных и влиятельных партий в регионе испытывают определенное давление со стороны действующих властей, хотя в целом, следует признать, не испытывают сильной тревоги по этому поводу и оценивают свои перспективы как вполне достойные. Единственной партией, которая основным препятствием считает объективные причины, связанные с экономическим положением региона, является «Единая Россия», что вполне понятно, так как партия имеет достаточно надежную поддержку со стороны

исполнительной власти региона. Но, тем не менее, представители как «Единой России», так и других политических партий считают, что предвыборная борьба будет достаточно сложной и пока невозможно точно оценить шансы той или иной партии на выборах в декабре 2007 г.

В целом политический процесс в регионе отражает основные особенности российского политического процесса и подтверждает тенденции, обозначившиеся в марте 2007 г., когда прошли выборы в 14 регионах страны. По данным Центральной избирательной комиссии РФ, в прошедших выборах приняли участие 14 политических партий. Во всех регионах зарегистрированы только 4: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»[4]. Именно эти партии и участвовали в распределении депутатских мандатов практически во всех регионах.

Можно предположить, что кардинальной перестройки политического пространства Пензенской области в ближайшие время не произойдет. Законодательное Собрание Пензенской области по итогам выборов 2 декабря 2007 г. будет сформировано из представителей 4 традиционных участников политического процесса в Пензенском регионе: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь», причем партия «Единая Россия» будет доминировать и получит если не большинство в местном законодательном органе, то достаточно весомое число мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Лапаева В. В.* Становление российской многопартийности // Социол. исслед. 1996. № 8. С. 34—47; *Макаренко Б. И.* Партийная система в России: эволюция, нынешнее состояние и перспективы. Центр политических исследований, 2001.

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» от 20 декабря 2004 г. ФЗ-№ 168.

[3] Данные Управления федеральной регистрационной службы Министерства Юстиции РФ по Пензенской области от 15 марта 2007 г.

[4] Убедительный успех, который предстоит развивать в декабре // События и комментарии. Институт общественного проектирования, 2007.

Поступила 19.06.07.

А. Н. СЫРОВ

СОЗДАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА ПРАВИТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эффективное распределение ресурсов, ориентированное на развитие региона в долгосрочной перспективе, и достижение гибкости административного аппарата определяют необходимость применения стратегического управления. Однако практика стратегирования на региональном уровне развита слабо. Существующие региональные стратегии на 20—25 лет формируют перспективное направление стратегирования, но являются скорее исключением для политической практики России и, прежде всего, из-за механизма реализации. Одним из возможных элементов механизма реализации стратегии может быть публичный имидж региональных органов государственной власти.

Развитие технологий и движение человечества к информационному обществу меняют традиционные представления об образе жизни, возможностях общения, сокращая время на рациональное осмысление окружающей действительности, повышая роль информационного аспекта жизненной среды человека, выражающегося в потоках символов и знаков, связывающих субъектов коммуникации. В поле публичных информационных коммуникаций восприятие имиджа субъектами осуществляется с помощью семантических знаков, которые создают образ с учетом предыдущих практик, ценностей и стереотипов. Трансформируясь в информационную реальность, имидж выступает основным составным элементом мира иллюзий, или виртуального мира. Сформированный образ позволяет адаптировать реальность к индивидуальным особенностям гражданина. Важность виртуального мира подчеркивается в трудах многих исследователей. Так, на-

---

СЫРОВ Андрей Николаевич, аспирант кафедры социологии управления Волго-Вятской государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород).

пример, С. Москвичи считает, что разум и сила неэффективны в процессе коммуникации между властью и массами. Единственный действенный механизм — «обольщение» как способ перенесения в мир иллюзий[1]. Г. Лебон характеризует восприятие окружающего мира человеком посредством модификации реального мира в мир, соответствующий его опыту, представлениям, ожиданиям, установкам и стереотипам[2]. А. В. Шевченко считает, что порождением информационной эпохи стал виртуальный мир, которым оперируют в политике XXI в.[3]

Стратегический подход в управлении субъектом Российской Федерации трансформирует вопросы формирования положительного публичного имиджа регионального Правительства в ключевое, функциональное направление внутри стратегии развития. Такой подход позволяет скоординировать интересы граждан и цели Правительства региона в отношении социально-экономического развития на 20—25 лет, реализовав основные принципы стратегического управления: опору на авторитет и влияние; понимание гражданами политики органов государственной власти; открытый (публичный) характер деятельности органов государственной власти.

Функциональность стратегии построения положительного публичного имиджа объясняется вовлечением регионального сообщества в процесс социально-экономического развития субъекта РФ посредством поддержки регионального Правительства и понимания проводимого им курса в долгосрочной перспективе, создавая уверенность в «завтрашнем дне». Такой подход формирует устойчивый положительный публичный имидж, который, являясь рекламно-информационным продуктом[4], приводит к увеличению знания и понимания граждан о происходящем в регионе и его будущем.

Сформированный Правительством положительный публичный имидж позволяет создать у граждан образ, способный увлечь массы, сделаться двигателем их поступков[5]. Таким образом, положительный публичный имидж — один из основных стратегических ресурсов региональных органов государственной власти, позволяющий скоординировать и взаимодополнить другие функциональные стратегии, ориентированные на успешную реализацию генеральной стратегической цели.

Реализация функциональной стратегии построения положительного публичного имиджа позволяет создать близкое

населению, понимаемое им Правительство, решающее его проблемы в рамках повышения стандартов жизни, включая качество окружающей среды, уровень социального обеспечения и качество жилищно-коммунальной инфраструктуры. Достижение такого функционального видения воплощает *миссию положительного публичного имиджа* регионального Правительства, которое, учитывая интересы граждан, реализует потребности населения, используя современные технологии сокращения времени предоставления услуг и повышения их качества. Таким образом, *цель стратегии построения положительного публичного имиджа* можно сформулировать как доверие граждан, проживающих на территории данного региона к своему Правительству, потому что оно способно эффективно решать возложенные на него полномочия, создавая равные возможности для граждан по доступу к информации и информационно-коммуникативным технологиям, позволяя гражданам участвовать в процессе государственного управления.

Для достижения цели построения положительного публичного имиджа регионального Правительства необходимо решить ряд *задач*: установить признаки положительного публичного имиджа; определить факторы, влияющие на построение положительного публичного имиджа; определить механизмы воздействия на эти факторы.

Достижение поставленных целей определяется основными *признаками положительного публичного информационного имиджа*. Прежде всего это вера населения в способность органов государственной власти региона решить их насущные проблемы, основанная на положительном опыте взаимодействия граждан или их близких с органами власти. Не менее важны способность и желание государственных служащих выполнять поставленные перед ними задачи. Для этого необходимо представлять на должности государственной службы граждан в соответствии с индивидуально психологическими особенностями выполнения ими своих социальных ролей в группе[6], на руководящие должности — лидеров, ценности которых будут адекватны имиджам социального взаимодействия, установленного в организации государственном органе[7] Важным признаком положительного имиджа является знание потребностей населения, достигается оно с помощью применения двухсторонней симметричной модели взаимодействия: информирование и сознательное участие

граждан в политическом процессе[8]. Реализация этой модели объединяет мнения заинтересованных субъектов в социально-экономическом развитии региона.

Определяя *факторы построения положительного публичного имиджа,* следует выделить психо-эмоциональный (ценности, опыт, стереотипы и ожидания государственных служащих и граждан); коммуникативный[9] (информация о работе государственных органов, взаимодействие со СМИ и представление информации средствам массовой информации; взаимодействие структурных подразделений в процессе своего функционирования).

Механизм воздействия на структурные факторы в рамках достижения цели положительного публичного имиджа характеризуется рядом мероприятий по ее реализации. Так, психо-эмоциональный фактор имеет дуальную природу: государственные служащие, которые, с одной стороны, являются субъектом построения имиджа, а с другой — субъектом его восприятия. Тем самым начинать построение положительного публичного имиджа Правительства следует с восприятия его таковым государственными служащими. Этому будет способствовать отлаженный механизм межструктурного взаимодействия и включение личностной мотивации государственных служащих в общестратегическую цель функционирования Правительства и тех органов государственной и муниципальной власти, которые находятся на территории региона и оказывают влияние на восприятие гражданами регионального Правительства в целом. Сложность заключается в том, что региональное Правительство может воздействовать только на государственных служащих субъекта РФ. Однако, если учитывать, что построение региональной и федеральной государственной службы в субъектах РФ основано в рамках одного правового поля, то между ними не должно быть различий в восприятии государственной службы в субъекте. Несмотря на построение государственной службы на одних принципах, регулирование ее производится различными нормативными актами, что формирует различное настроение служащих. Что же касается органов муниципальной власти, которые реализуют в муниципальных образованиях возложенные на них государственные полномочия, то на них воздействие регионального Правительства может быть только рекомендательным.

Структура положительного публичного имиджа включает в себя три ключевых направления: деятельность служб по связям с общественностью; управление человеческими ресурсами; управление производством. Меры по реализации этих направлений необходимо систематизировать в рамках функциональной стратегии, вырабатывая операционные стратегии по соответствующим направлениям.

В рамках функционального имиджа следует рассмотреть кадровое управление, регламентированное нормативно-правовыми актами, и необходимость его трансформации в управление человеческими ресурсами в органах власти. Проблемы кадров в государственной службе в современных условиях весьма актуальны[10] Необходимость стратегического подхода к проведению кадровой политики осознается всеми. Однако сегодня деятельность кадровых служб основана на бюрократической парадигме работы организации[11], что существенно сокращает гибкость органов власти, снижая мотивацию служащих. Это следствие применения форм управления, ориентированных на процедуры и правила, оплату труда за выслугу лет, а не за результат. Необходимо, на наш взгляд, перейти от индивидуального труда к работе в командах; от работы по функциям — к работе по проектам; от узкой и жесткой специализации — к широкопрофильной подготовке, использованию новых кадровых технологий определения лояльности персонала и соответствия работника занимаемой должности. Постоянная и целенаправленная работа по повышению квалификации и экономической компетентности персонала позволяет стимулировать желание сотрудников принимать участие в управлении, раскрепощает и повышает их инициативу.

Управление производством раскрыто в регламентах и других нормативных актах, регулирующих взаимодействие и функционирование органов государственной власти. Специфика производства заключается в определении потребностей граждан; использовании концепций маркетинга; стремлении к изучению, прогнозированию и удовлетворению потребностей граждан, проживающих на территории субъекта РФ. Этот подход позволяет избежать кризисов в управлении и экстремальных социальных ситуаций в регионе.

Деятельность служб по связям с общественностью — это, прежде всего, контроль и координация трех основных состав-

ляющих коммуникационного процесса, работающих в целевом поле функциональной стратегии, реализующих принципы демократического общества и осознающих социальную роль органов власти. Воздействуя на бессознательное, опираясь на жесткие архетипы, воспроизводя стереотипы, служба по связям с общественностью оказывает воздействие на формирование публичного имиджа. Применение принципиального подхода к гражданам как к потребителям государственных услуг и использование технологии установления обратной связи с населением позволяет снижать социальные издержки проводимых в регионе реформ[12].

Служба по связям с общественностью — не вспомогательная и техническая служба администрации[13], она занимает ключевое место в государственном управлении, являясь равноправным участником выработки, принятия и реализации управленческих решений, создавая оптимальные условия для их реализации и беря на себя упреждение конфликтных ситуаций.

Публичный имидж Правительства субъекта РФ можно оценить качественно и количественно.

Качественно публичный имидж Правительства субъекта РФ характеризуется положительной и отрицательной оценкой. Он является положительным, когда способствует социально-экономическому развитию территории и становится логическим продолжением стратегического управления в регионе с учетом основных факторов. Отрицательный публичный имидж складывается в случаях, когда Правительство не имеет четкого представления о социально-экономическом развитии региона, а работа службы с общественностью (если она существует) строится по принципу «латания дыр», а имидж — только на принципах «обольщения».

Количественная оценка публичного имиджа необходима для определения степени достижения цели функциональной стратегии. Для этого следует разработать механизм, позволяющий количественно охарактеризовать формируемый имидж посредством сложившегося образа у субъектов его восприятия. Предлагаемая оценка будет интегральной характеристикой оценки существующего имиджа для двух сегментов: образ правительства, складывающийся у населения, проживающего на территории региона; образ правительства, складывающийся у населения, проживающего за его территорией.

В первом случае оценить имидж предлагается посредством анкетирования населения и контент-анализа СМИ. Проведение анкетного опроса предполагает получение ответов на вопросы: «Доверяете ли Вы высшему должностному лицу?», «Сталкиваясь с государственными, муниципальными служащими при решении Ваших проблем чувствуете ли Вы понимание и желание скорее решить Ваши проблемы?». Проведение контент-анализа СМИ предполагает установление процентного соотношения положительно и отрицательно окрашенных высказываний об органах власти к общему числу упоминаний о них в СМИ по формуле[14]:

$$I = 100 \times (N^+ - N^-) / (N^+ + N^- + N^0),$$

где I — числовой индекс представления; N^+, N^- и N^0 число положительных, отрицательных и нейтральных упоминаний.

Во втором случае имидж регионального Правительства, трансформируясь в публичный имидж субъекта РФ, характеризует его инвестиционную привлекательность, которая может быть измерена количеством привлеченных инвестиций на территорию региона, посредством относительного показателя «Объем инвестиций в основной капитал на численность населения, проживающего на территории региона».

Результат исследований в первом случае и показатель во втором приводятся к единой размерности посредством непараметрических методов, а затем агрегируются по формуле среднегеометрического[15]. Применение данной формулы характеризует сбалансированность и равную важность обоих сегментов, характеризующих имидж.

Следует отметить, что предложенный механизм построения и реализации функциональной стратегии позволяет сформировать положительный публичный имидж Правительства субъекта РФ и количественно оценить его, способствуя привлечению дополнительных инвестиций, создавая благоприятную среду для проживания в нем граждан, развивая бизнес, тем самым содействуя социально-экономическому развитию региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Москвичи С.* Век толп. М., 1998.

[2] *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.

[3] См.: *Шевченко А. В.* Информационная устойчивость политической системы. М., 2004. С. 256.

[4] *Дахин А. В.* Парниковый эффект — 2: Антропологический след рекламно-информационной мегамашины // Свободная мысль — XXI век. 2003. С. 70—81.

[5] См.: *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul.htm].

[6] См.: *Гончарова Е. Н.* Организационная культура. М., 2004.

[7] См.: *Галкина Т. П.* Социология управления: от группы к команде. Учеб. пособие. М., 2003.

[8] См.: *Назаров М. М.* Средства массовой коммуникации и российское общество на пороге XXI века // Социально-гуманитарные знания. 1999. С. 11—21.

[9] См.: *Luhmann N.* Die Realitat der massenmedien. 2., erweiterte Auflage. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.

[10] См.: Актуальные проблемы повышения профессионализма государственных и муниципальных служащих в условиях административной реформы. Ростов н/Д, 2005.

[11] См.: *Агеев О. В., Устинкин С. В.* Бюрократия и политика: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2003.

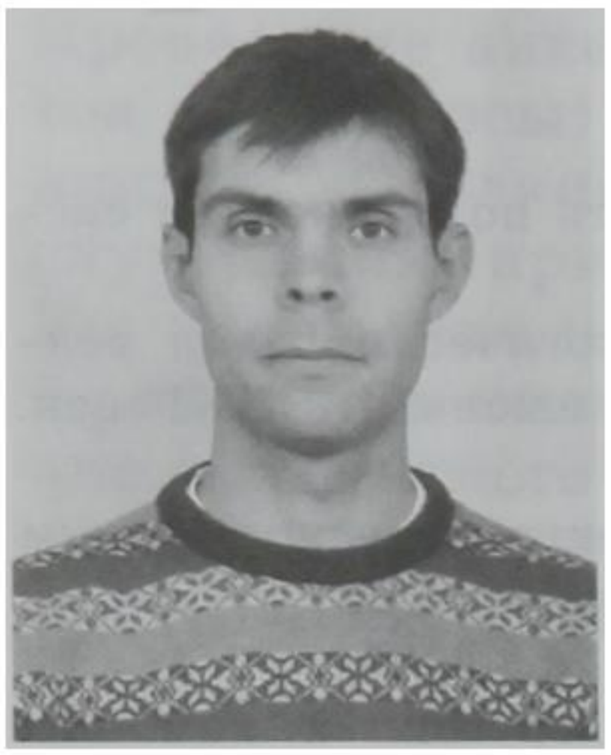
[12] *Гринберг Т. Э.* Политические технологии: ПР и реклама. М., 2005.

[13] См.: Связи с общественностью в политике и государственном управлении / Под общ. ред. В. С. Комаровского. М., 2001.

[14] *Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А.* СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 175—197.

[15] См.: Экономический анализ: Учебник для вузов / Под ред. Л. Т. Гитляровской. М., 2002.

Поступила 22.03.07.

А. В. ПОЛИКАРПОВ

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В современной России муниципалитеты получили некоторую самостоятельность в определении своей финансовой политики, основанной на разграничении компетенций между региональной и муниципальной властью. Муниципалитеты теперь сами распоряжаются своими финансами, вводят местные налоги и осуществляют заимствования. Муниципальные органы власти получили возможность заниматься развитием собственной экономики в интересах проживающих на их территории людей.

Существующая в настоящее время система формирования доходов местных бюджетов законодательно базируется на налоговом, бюджетном кодексах и федеральном законе от 25 сентября 1997 г. «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации». Однако нормативная база не создала механизма гарантий местному самоуправлению, финансовой самостоятельности и независимости, хотя эти принципы провозглашаются и на словах гарантируются. Формирование доходной части местных бюджетов осуществлялось и продолжает осуществляться в основном не за счет собственных доходов, а путем отчисления от регулирующих доходов. Даже с учетом этого финансовых ресурсов местным бюджетам не хватает и в их доходной части, несмотря на принятые законы, не снижается удельный вес средств, поступающих в виде финансовой помощи из бюджетов субъектов федерации.

Формулировка ч. 2 ст. 39 Бюджетного Кодекса, гласит: «В доходах бюджета могут быть частично централизованы доходы, зачисляемые в бюджеты других уровней бюджетной

ПОЛИКАРПОВ Алексей Вячеславович, аспирант кафедры экономической теории Волго-Вятской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород).

системы Российской Федерации для целевого финансирования централизованных мероприятий, а также безвозмездные перечисления». Это грубейшее нарушение основополагающих законодательных актов, в первую очередь Конституции РФ и действующих федеральных законов о местном самоуправлении. Устанавливая для федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ законодательное право централизации части доходов местных бюджетов без согласования с органами местного самоуправления, Кодекс полностью ликвидирует экономическую и финансовую самостоятельность местного самоуправления.

Возможно, централизация средств бюджетов всех уровней необходима. Но она не сможет и не должна проводиться без согласия соответствующего законодательного (представительного) органа власти, в том числе и местного самоуправления. Об этом необходимо было бы недвусмысленно сказать в бюджетном кодексе. Кроме того, в кодексе должен быть определен механизм подобной централизации доходов, в частности, в отношении местных бюджетов указанные нормативы централизации доходов ни в коей мере не должны утверждаться законом о бюджете субъекта РФ, а только правовым актом органа местного самоуправления о бюджете на текущий финансовый год.

Согласно Бюджетному кодексу РФ, все доходы делятся на законодательно закрепленные (собственные) и полученные от государства в порядке бюджетного регулирования (регулирующие). Эта классификация широко используется в российской и зарубежной финансовой практике при анализе степени самостоятельности местных бюджетов. Так, в Европейской хартии местного самоуправления выделены понятия «собственных» и «передаваемых» ресурсов как важные характеристики структуры финансовых ресурсов органов местного самоуправления. Расширительная трактовка собственных доходов, предлагаемая в законопроекте, не позволяет провести такой анализ и искусственно снимает проблему финансовой самостоятельности местного самоуправления. Возникает противоречие с положением Бюджетного кодекса РФ о собственных и регулирующих доходах. При этом еще в большей степени усиливается путаница, связанная с неоднозначным определением этих терминов в уже существующих законодательных актах.

Заказ № 5077

Речь идет о том, что в силу неких правовых коллизий основные федеральные налоги, которые в пределах закрепленных долей отнесены к собственным доходам местных бюджетов, по отношению к бюджетам субъектов РФ определяются как регулирующие налоги. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ регулирующие доходы бюджетов представляют собой федеральные и региональные налоги и иные платежи, по которым устанавливаются нормативы отчислений (в процентах) в бюджеты субъектов РФ или в местные бюджеты на очередной финансовый год, а также на долговременной основе (не менее чем на 3 года). Бюджетный кодекс предусматривает установление нормативов этих отчислений ежегодным законом о бюджете соответствующего уровня бюджетной системы.

Исходя из этих положений, федеральные налоги, формирующие регулирующие доходы регионов, могут быть зачислены в бюджеты субъектов РФ по нормативам отчислений от федеральных налогов, устанавливаемых федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год, так что региональные власти могут определить общий объем средств, передаваемых им в соответствии с установленными нормативами лишь на год, а не на более длительный период. Между тем, регионы обязаны в рамках переданных им средств установить для муниципальных образований доли соответствующих федеральных налогов на постоянной основе (для формирования регулирующих доходов). Ясно, что при таком механизме, исключающем возможность точного прогноза доходов и расходов региональных бюджетов, субъекты федерации не могут ввести сколько-нибудь стабильные значения нормативов отчислений от федеральных налогов для муниципальных образований.

Это во многом объясняет, почему доли отчислений от ряда федеральных и региональных налогов, определяемые муниципальным образованиям, подвергались ежегодным изменениям. Не только регулирующие, но и собственные налоговые доходы местных бюджетов, формируемые за счет отчислений от федеральных и региональных налогов, устанавливались не на длительный период, а ежегодно, что противоречило положениям Федерального закона «О финансовых основах местного самоуправления в РФ».

Кроме того, практика ежегодного изменения нормативов отчислений от федеральных и региональных доходов

в местные бюджеты была связана с действиями и самих субъектов федерации. В ряде случаев право региональных властей устанавливать индивидуальные и дифференцированные нормативы отчислений от регулирующих налогов, предоставленное им Бюджетным кодексом РФ, оборачивалось субъективным подходом к решению вопросов финансирования бюджетов муниципальных образований.

Таким образом, можно сказать, что *местные бюджеты фактически формируются субъектами федерации*: ими устанавливаются нормативы отчислений от основных бюджетообразующих налогов, доходы сокращаются, исходя из дефицита бюджета субъекта федерации, жестко закрепляются не только нормативы расходов бюджетных средств, но и направления расходования каждого рубля местного бюджета. В результате *местные бюджеты представляют собой скорее сметы доходов и расходов, чем самостоятельно формируемый бюджет.*

Низкая доля собственных доходов в бюджетах муниципальных образований, преимущественное их формирование за счет регулирующих доходов приводят к тому, что усилия местных органов власти по наращиванию своей доходной базы приводят не к увеличению доходов местных бюджетов, а к их стабилизации либо сокращению. Это реализуется субъектом федерации через снижение нормативов отчислений и зачисление всех налогов от наиболее крупных налогоплательщиков в бюджет субъекта федерации. При таком подходе у местных органов власти отсутствуют стимулы наращивания налогооблагаемой базы.

С другой стороны, муниципальные образования, не предпринимающие усилия по развитию своей экономической базы, живут за счет перераспределения финансовых ресурсов от более сильных муниципалитетов, что порождает иждивенчество. Исполнительным органам государственной власти субъектов федерации проще заниматься перераспределением финансовых ресурсов между поселениями, чем осуществлять региональную политику по их развитию и повышению инвестиционной привлекательности.

Анализ закона от 20 августа 2004 г. «О внесении изменений и дополнений в бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» № 120-ФЗ отражает основной недостаток, который заключается в

отсутствии законодательных гарантий, реально обеспечивающих соответствие доходных полномочий местного самоуправления расходным. Более того, предлагается не устанавливать на федеральном уровне нормативы для определения финансирования вопросов местного значения. В связи с отказом от нормативного метода формирования бюджетов и отсутствием каких-либо других критериев определения расходных полномочий при подготовке законопроектов не проведены расчеты стоимости реализации вопросов местного значения, так же как и полномочий федерального уровня и уровня субъектов федерации.

Доходная база муниципальных образований в соответствии с изменениями и дополнениями в Налоговый и Бюджетный кодексы формируется следующим образом. В бюджетном законе отказались от категории регулирующих доходов. Все налоговые, неналоговые доходы и безвозмездные перечисления, за исключением субвенций из Федерального фонда компенсаций и региональных фондов компенсаций, предлагается отнести к категории собственных доходов. Эта новация позволила на долговременной основе закреплять за муниципальными образованиями сколь угодно малые доли налоговых доходов, сокращения объемов расходных полномочий покрыть не снижением объемов финансовой помощи, а сокращением налоговых доходов.

Передача дополнительных полномочий по регулированию муниципальных бюджетов на уровень субъектов федерации стимулирует их диктат по управлению муниципалитетами. Согласно новому закону, доля финансовой помощи в бюджеты муниципальных образований в 2006 г. по сравнению с 2003 г. возросла с 29 до 47 %. Реально по большинству муниципальных образований она была еще выше. Никакой самостоятельности местного самоуправления при таком подходе быть не может. Предположенный вариант формирования финансовой базы местного самоуправления не только сохраняет все недостатки существующей системы, но и значительно ухудшает финансовую ситуацию, особенно муниципальных образований с развитой экономической базой, налогооблагаемый потенциал которых всегда был определяющим в субъектах РФ. Теперь же формирование бюджетов больших и крупных городов полностью зависит от исполнительных органов власти субъектов РФ, ни о

каком долговременном планировании бюджетного процесса, стимулировании наращивания налоговой базы этой категории муниципальных образований не может быть и речи. Изменение содержания понятия «собственные доходы» не решает проблему обеспечения местных бюджетов собственными доходными источниками, а загоняет ее внутрь. Собственные доходы предполагают наличие возможности у местных органов власти влиять на формирование своей налоговой базы. Эти возможности распространяются лишь на доходы, закрепленные за местными бюджетами на постоянной основе — это местные налоги и доли федеральных налогов, закрепленных за муниципальными бюджетами федеральным законом. Новая формулировка снижает самостоятельность местных органов власти при осуществлении бюджетного процесса.

Возникает также вопрос: почему из доходных источников местных бюджетов исключили налог на прибыль организаций? Общая его ставка предусмотрена авторами проекта закона об изменениях и дополнениях в Налоговый кодекс РФ 24 %, а ставки, по которым он уплачивался в федеральный бюджет и бюджеты субъектов федерации, — соответственно в размере 6,5 и 17,5 %. В порядке ретроспективного экскурса хотелось бы напомнить, что зачислять часть налога на прибыль организаций в местные бюджеты решено в связи с отменой важного для них с фискальной точки зрения налога на содержание жилищного фонда и объектов социальной сферы. Нет никаких сомнений, что это серьезно ослабило местные бюджеты.

В федеральном законе об изменениях и дополнениях в Бюджетный кодекс РФ предусмотрена норма, согласно которой законом субъекта РФ (за исключением регионального закона о бюджете на очередной финансовый год или иного регионального закона с ограниченным сроком действия) могут быть установлены единые для всех поселений, городских округов и муниципальных районов нормативы отчислений в их бюджеты от отдельных федеральных или региональных налогов и сборов, подлежащих зачислению в бюджет данного субъекта федерации. Приведенная норма не вызвала бы никаких сомнений, если бы не следующее обстоятельство. Действующим ныне Бюджетным кодексом РФ уже установлено, что региональные законодательные (представительные)

органы государственной власти могут передавать местным бюджетам на постоянной основе (полностью или частично) доходы бюджетов субъектов РФ от собственных налогов и сборов. Иными словами, такое право у законодательной власти субъектов федерации уже есть. Только вот никто этим правом в течение нескольких лет действия Бюджетного кодекса РФ почему-то не воспользовался. Следовательно, в целях стабильного обеспечения местных бюджетов доходными источниками необходимо придать этой норме не разрешительный, а обязательный характер.

Таким образом, оздоровление муниципальных финансов и самостоятельность местного самоуправления напрямую зависят от бюджетной политики и межбюджетных отношений. Необходимо качественное определение бюджетных полномочий, функций, регламента, прав и ответственности разных уровней власти. Без законодательного и нормативного урегулирования перечисленных проблем разговор о «финансовой самостоятельности» местного самоуправления носит декларативный характер и не отражает истинного положения дел на местах.

Поступила 17.05.07.

А. А. ОГАРКОВ

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ[1]

С принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ, а также Федерального закона «О внесении изменений в бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» № 120-ФЗ возникла потребность в существенной реорганизации системы межбюджетных отношений на субрегиональном уровне, в ее выходе на качественно новый уровень, соответствующий требованиям бюджетирования, ориентированного на результат. Заново строятся межбюджетные отношения в двухзвенной системе местного самоуправления.

Разграничение бюджетных полномочий между соответствующими субъектами управления бюджетным процессом (субъектом федерации, муниципальным районом (городским округом), поселением) рассматривается в новых условиях как возможность повышения роли местного самоуправления, приближения его к решению конкретных задач удовлетворения потребностей населения муниципальных образований, т. е. к реализации задач на конечный результат.

Разграничение функций и задач между субъектами государственного и муниципального управления потребовало особого внимания на обеспечение органов местного самоуправления надежными источниками формирования доходной части их бюджетов. В сложившихся условиях межбюджетного регулирования в РФ это означает, что необходимо выстроить четкую политику разграничения расходных и доходных пол-

---

ОГАРКОВ Александр Александрович, доцент кафедры социологии управления Волгоградской академии государственной службы, кандидат экономических наук.

номочий, стимулирующих органы местного самоуправления к «зарабатыванию денег» и предотвращающих стремление к финансированию своих обязательств преимущественно за счет средств финансовой помощи.

В рамках проводимой реформы местного самоуправления осуществляется переход к закреплению доходов бюджетов на долгосрочной основе без ограничения срока, при одновременном установлении более жестких требований для региональных властей в части регулирования доходной части бюджетов муниципальных образований и их параметров.

Формирование системы межбюджетных отношений, отвечающей требованиям реформы местного самоуправления, может быть осуществлено только на основе методик, обеспечивающих рациональное перераспределение финансовых ресурсов на субфедеральном уровне и стимулирующих органы местной власти к развитию экономики и социальной сферы муниципальных образований.

Основные направления формирования межбюджетных отношений в условиях нового федерального бюджетного и налогового законодательства заключаются в следующем.

Во-первых, устанавливается обязательная двухуровневая система местного самоуправления, создается поселенческий уровень местного самоуправления — городские и сельские поселения, входящие в состав муниципального района. Соответственно, разграничиваются расходные полномочия между уровнями бюджета поселения, муниципального района (городского округа), субъекта РФ.

Во-вторых, более четко определяются права Российской Федерации и ее субъектов в вопросах регулирования местного самоуправления. Регулирование вопросов местного значения допускается только Конституцией РФ и федеральным законом.

В-третьих, вносятся существенные изменения в бюджетное законодательство, а именно: уточняется бюджетное устройство и общие принципы организации бюджетной системы РФ; проводится разграничение налоговых доходов между бюджетами различных уровней бюджетной системы РФ; за конкретным уровнем бюджетной системы доходы закрепляются на долгосрочной основе (без ограничения срока); устанавливаются более жесткие бюджетные ограничения для региональных уровней власти, в частности, по регули-

рованию доходной части бюджетов муниципальных образований; устанавливаются жесткие требования к параметрам межбюджетного регулирования.

В-четвертых, вносятся существенные изменения в налоговое законодательство: изменяется система федеральных, региональных и местных налогов; уточняются (в сторону ограничения) налоговые полномочия органов власти регионального и местного уровня.

В-пятых, жестко ограничивается перечень имущества, которое может находиться в собственности муниципальных образований. Состав муниципальной собственности зависит от объема муниципальной компетенции. Закон запрещает иметь в муниципальной собственности имущество, не связанное с решением вопросов местного значения или выполнением отдельных государственных полномочий. При этом известная незавершенность в распределении полномочий может привести к тому, что муниципалитеты могут утратить многие виды необходимых им имуществ (например, связанных с вопросами развития и поддержки малого предпринимательства, которые прямо не обозначены в числе «вопросов местного значения»).

В настоящее время Волгоградской областной Думой приняты Законы Волгоградской области, устанавливающие границы и наделяющие статусом муниципального района (городского округа) районы и города Волгоградской области, а также образующие в составе муниципальных районов поселения с установлением границ поселений. Вместе с тем, при установлении границ возникли споры, связанные с разграничением территорий между областным центром — г. Волгоградом и прилегающими к нему Светлоярским и Городищенским районами, г. Волжским и Среднеахтубинским районом.

В июне 2005 г. Волгоградской областной Думой приняты поправки в Закон Волгоградской области «О бюджетном процессе в Волгоградской области», новый закон «О межбюджетных отношениях в Волгоградской области», закон «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов государственными полномочиями Волгоградской области по выравниванию уровня бюджетной обеспеченности поселений».

С мая по август 2005 г. и с февраля по март 2006 г. Администрацией Волгоградской области организованы и про-

ведены с участием руководителей комитетов и управлений администрации области семинары с выездом в муниципальные районы по вопросам реализации нового федерального закона о местном самоуправлении. С апреля по июль 2006 г. администрацией области организованы аналитические группы по вопросам реализации этого закона, посетившие все поселения Волгоградской области.

Реформирование местного самоуправления в РФ существенно затронуло вопросы формирования доходной части местных бюджетов (ст. 55 131-го закона), однако проблема устойчивой дотационности муниципальных образований не решается. Как показали расчеты, практически все муниципальные образования, за исключением нескольких поселений, не в состоянии собственными доходами обеспечить финансирование необходимых расходов. Для надлежащего выполнения местными органами власти своих полномочий из областного бюджета выделяется финансовая помощь.

Фонд финансовой поддержки муниципальных образований Волгоградской области упразднен. Вместо него образованы Областной фонд финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов) и Областной фонд финансовой поддержки поселений.

При создании этих фондов область, как и другие регионы России, столкнулась с существенными проблемами. Дело в том, что федеральный закон не установил показателей, до которых должно обеспечиваться выравнивание уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований. Неизвестно, например, сколько может (должен) тратить регион (район) на финансовую помощь муниципальным образованиям; какие цели или формальные показатели выравнивания среди муниципальных образований обеих уровней должны при этом достигаться. Так, если регион выделит на нужды выравнивания 100 руб. и по копейкам распределит эти деньги среди поселений, то с формальной точки зрения все требования нового закона будут соблюдены. Здесь все бремя «ответственного решения» целиком лежит на усмотрении органов исполнительной и законодательной власти субъекта федерации. Наличие подобной ситуации может привести к возникновению конфликтных ситуаций на субрегиональном и межмуниципальном уровнях. Поэтому объективно присутствует необходимость закрепления в ре-

гиональном законодательстве экономических основ расчета фондов финансовой поддержки.

Межбюджетное регулирование как способ передачи муниципальным бюджетам средств для исполнения органами местного самоуправления собственных расходных полномочий по решению вопросов местного значения является ключевым элементом при построении межбюджетных отношений на субрегиональном уровне.

Основополагающей нормой, определившей принципы построения межбюджетного регулирования в Волгоградской области за последние 10 лет вплоть по 2005 г., являлась ст. 37 Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с ч. 1 указанной статьи «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законом обеспечивают муниципальным образованиям минимальные местные бюджеты путем закрепления доходных источников для покрытия минимально необходимых расходов местных бюджетов».

Несмотря на то, что ст. 129 Бюджетного кодекса РФ одним из принципов построения межбюджетных отношений, соответственно и межбюджетного регулирования, устанавливает принцип выравнивания уровней минимальной бюджетной обеспеченности, понятия уровня бюджетной обеспеченности законодательно закреплено не было. В связи с этим обеспечение минимальных местных бюджетов, т. е. покрытие расчетных финансовых разрывов, оставалось основной целью построения межбюджетного регулирования.

В сложившейся ситуации в Волгоградской области межбюджетное регулирование осуществлялось в соответствии с принципами, установленными ст. 37 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.).

Впервые методика формирования областного фонда финансовой поддержки закреплена в специальном приложении к Закону Волгоградской области «Об областном бюджете на 2002 год». В последние годы методика менялась: более детально прописывались вопросы, связанные с расчетом минимальных расходов, включались или исключались те или иные виды минимальных расходов, более детально про-

писывалась методика расчета потенциала доходов, предусматривались иные виды финансовой помощи, но принципы построения межбюджетных отношений не менялись.

Реформа местного самоуправления, начало которой положено Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» и Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений», направлена на достижение комплекса политических и экономических целей. Экономическая составляющая реформы, на наш взгляд, направлена на развитие экономического потенциала (и как следствие — на увеличение налогового потенциала), и повышение эффективности функционирования бюджетного сектора. Один из подходов к решению поставленных задач состоит в закреплении за каждым уровнем бюджетной системы тех видов доходных источников и тех расходных полномочий, администрирование которых наиболее эффективно на соответствующем уровне бюджетной системы.

Можно определить перечень налогов (например, налог на доходы физических лиц, налог на имущество физических лиц), исполнение по которым в значительной мере зависит от мер, принимаемых местными органами власти по увеличению налогового потенциала, но само по себе это не гарантирует, что местные органы власти будут прилагать необходимые усилия для увеличения налогового потенциала. Можно определить виды бюджетных услуг, оказание которых наиболее эффективно именно данным уровнем бюджетной системы, однако это не означает, что органы местного самоуправления будут стремиться к повышению эффективности бюджетных расходов.

Органы местного самоуправление вполне могут выбрать для себя иной путь решения проблемы нехватки средств: не через увеличение собственных доходов и повышение эффективности использования бюджетных средств, а через получение дополнительной финансовой помощи из регионального бюджета. Это ведет к сокращению доходов и принятию обязательств, не обеспеченных необходимыми доходами. Поэтому задача региональных органов государственной власти в том, чтобы ориентировать муниципалитеты

на самостоятельную реализацию собственных доходных и расходных полномочий. В связи с этим актуально формирование системы стимулов, побуждающих муниципалитеты к самостоятельному решению задач по наполнению доходной части бюджетов, выбору оптимального способа исполнения собственных расходных полномочий.

Стремление муниципальных образований получать дополнительную финансовую помощь и (или) поступления по дополнительным нормативам по налогам столь велико, что вполне уместно возникает вопрос, а почему бы не использовать финансовую помощь в качестве инструмента для создания стимулов. При этом следует отметить, что стимулирование муниципальных образований не должно приводить к увеличению расходов регионального бюджета на предоставление финансовой помощи территориям — в противном случае речь идет не о создании стимулирующих условий, а всего лишь о дополнительной финансовой подпитке. Сущность стимулирования — в перераспределении имеющегося расчетного объема финансовой помощи в пользу муниципальных образований, принявших меры по развитию налогового потенциала и оптимизации бюджетных расходов, за счет сокращения финансовой помощи муниципальным образованиям, не обеспечившим принятие указанных мер. Распределение средств между бюджетами муниципальных образований осуществляется посредством применения той или иной методики (технологии) межбюджетного регулирования, в связи с чем выбор методики приобретает особое значение при формировании межбюджетных отношений на субрегиональном уровне.

В настоящее время можно выделить три методики межбюджетного регулирования: «подушевая методика», «покрытия расчетного финансового разрыва» и «методика выравнивания уровня бюджетной обеспеченности».

Сущность *подушевой методики* межбюджетного регулирования заключается в распределении муниципальным образованиям финансовой помощи и (или) налоговых поступлений по дополнительным нормативам отчислений пропорционально численности населения, проживающего на территории муниципального образования. В результате на одного жителя приходится одинаковый объем расчетных дотаций.

Эта методика обладает рядом преимуществ и недостатков. Поэтому ее применение в Волгоградской области в классической интерпретации могло привести к возникновению ситуации, когда бюджеты ряда муниципальных районов были бы обеспечены доходами только для финансирования заработной платы и коммунальных услуг, а по отдельным районам не хватило бы средств даже для финансирования указанных расходов. В таких условиях любые попытки стимулировать муниципальные образования к мобилизации налогового потенциала или оптимизации бюджетных расходов заведомо обречены на неудачу. Задачей стимулирования является побудить муниципалитеты самостоятельно изыскивать средства на развитие территорий, а не бороться за выживание.

Данная методика приемлема для субъектов РФ или муниципальных районов, в которых муниципальные образования более или менее схожи: одинаковы налоговый потенциал, численность населения, степень урбанизации, развитость инфраструктуры, в том числе и социальной, и т. д.

Альтернативой подушевой методики межбюджетного регулирования стала *методика покрытия расчетного финансового разрыва*, особенность которой в ориентации на 100 % обеспечение минимальных расходов муниципалитета. В рамках данной методики расчетная финансовая помощь определяется как разница между минимальными расходами и минимальными доходами, которые могут быть получены в бюджет муниципального образования по минимальным нормативам, установленным Бюджетным кодексом РФ. При этом для всех муниципальных образований применяется одна методика расчета минимальных расходных обязательств и доходов.

Помимо преимуществ данной методики основной ее недостаток — отсутствие каких-либо стимулирующих воздействий, что само по себе парализует любую разумную инициативу муниципалитетов по увеличению доходов и повышению эффективности бюджетных расходов. В условиях применения технологии покрытия расчетного финансового разрыва деятельность органов местного самоуправления по развитию собственного налогового потенциала приведет к тому, что в следующем финансовом году (при прочих равных условиях) данному муниципальному образованию

минимальные доходы будут просчитаны в большем объеме, соответственно, расчетный финансовый разрыв будет меньше, а вместе с ним уменьшится и объем расчетной финансовой помощи. К аналогичным последствиям приведет и оптимизация бюджетных расходов, например, закрытие малокомплектной школы при условии обеспечения подвоза учащихся в школу в соседний населенный пункт даст заметную экономию бюджетных средств. Однако при формировании межбюджетных отношений на следующий финансовый год данному муниципальному образованию расходы на содержание закрытой ранее школы учитываться не будут, в результате произойдет уменьшение финансового разрыва, и как следствие — сокращение объема расчетной финансовой помощи. Более того, муниципальное образование, стремящееся привлечь дополнительные средства из вышестоящего бюджета, может добиться желаемого, лишь увеличивая объем расходов, на финансирование которых в случае нехватки собственных доходов муниципалитета регион увеличит объем дотации. В результате происходит увеличение сети бюджетных учреждений, рост штатной численности работников, при этом реальные потребности получателей бюджетных услуг не учитываются, меры по повышению эффективности использования бюджетных средств не принимаются. Как это ни парадоксально, но стремление органов государственной власти субъектов РФ обеспечить бюджеты муниципальных образований средствами, необходимыми для полного финансирования минимальных расходов, приводит к возникновению у регионального бюджета и бюджетов муниципальных образований дополнительных расходных обязательств, не увязанных с реальной потребностью и не подкрепленных дополнительными доходными источниками. Следствием становятся увеличение дефицита бюджета субъекта РФ, сокращение расходов инвестиционного, капитального характера, а затем — сокращение иных текущих расходов бюджетов.

Решить данную проблему призвана *методика выравнивания уровня бюджетной обеспеченности*. Применение этой методики позволяет сформулировать ряд стимулов. Первый побуждает к увеличению неналоговых доходов. В соответствии с п. 3 ст. 138 и п. 4 ст. 142.1 Бюджетного кодекса РФ при расчете уровня бюджетной обеспеченности

неналоговые доходы не учитываются, соответственно, дополнительные поступления не приведут к уменьшению в следующем финансовом году расчетного объема дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности. Поэтому чем выше удельный вес неналоговых доходов в бюджете, тем в большей степени сбалансирован будет бюджет муниципального образования. При этом отметим, что неналоговые доходы (арендная плата и часть прибыли муниципальных унитарных предприятий, подлежащая зачислению в муниципальный бюджет), наиболее эффективно администрируются на местном уровне, даже в сравнении с налогом на доходы физических лиц.

Второй стимул побуждает к увеличению налоговых доходов, зачисляемых в бюджет муниципального образования по минимальным нормативам отчислений, установленным Бюджетным кодексом РФ. Есть закономерность прямой зависимости степени сбалансированности бюджета от удельного веса неналоговых доходов в бюджете. Сбалансированность достигается посредством передачи бюджету муниципального образования дополнительных средств из регионального бюджета. Иначе говоря, чем выше удельный вес неналоговых доходов — тем больше финансовой помощи для покрытия расчетного финансового разрыва получит бюджет муниципального образования. Однако увеличить удельный вес неналоговых доходов можно не только путем работы над повышением отдачи от аренды муниципального имущества или повышения эффективности управления муниципальных унитарных предприятий, но и путем сокращения поступлений по налоговым доходам (в результате ошибок или просто попустительства местных органов власти), что также приведет к увеличению доли неналоговых доходов в бюджете муниципального образования.

Необходимо предотвратить развитие по второму сценарию. Поставленная задача решается благодаря применению «коэффициентов покрытия», используемых при определении объема регионального фонда финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов) и регионального фонда финансовой поддержки поселений. Суть данного механизма в следующем: объем фонда финансовой поддержки определяется как сумма расчетных финансовых разрывов бюджетов муниципальных образований. Полученная сумма

корректируется (уменьшается) на коэффициент, установленный законом субъекта РФ на очередной финансовый год — «коэффициент покрытия».

Аналогичным образом производился расчет фонда финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов) Волгоградской области на 2006 и 2007 гг.:

$$ОФФП^{мр(го)} = К * \sum(Р_i^{мр(го)} - Д_i^{мр(го)}), \quad (1)$$

где $ОФФП^{мр(го)}$ — областной фонд финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов); $К$ — коэффициент покрытия (на 2006 и 2007 г. составляет 0,9); $(Р_i^{мр(го)} - Д_i^{мр(го)})$ — финансовый разрыв бюджета муниципального района (городского округа), причем: $Р_i^{мр(го)}$ — объем минимальных расходных обязательств, просчитанных муниципальному району (городскому округу) в соответствии с областной методикой формирования межбюджетных отношений на очередной финансовый год; $Д_i^{мр(го)}$ — объем налоговых и неналоговых доходов, рассчитанных муниципальному району (городскому округу) по нормативам, установленным Бюджетным кодексом РФ в соответствии с областной методикой формирования межбюджетных отношений на очередной финансовый год.

В результате при выравнивании уровня бюджетной обеспеченности между муниципальными районами (городскими округами) распределяется 90 % от суммы средств, необходимой для полного покрытия консолидированного финансового разрыва. Значит, чем больше у муниципального образования первоначальный расчетный финансовый разрыв, тем больше средств (при прочих равных условиях) оно не дополучит до полного обеспечения сбалансированности. Итак, снижение поступлений по налоговым доходам, и как следствие — сокращение удельного веса налоговых доходов, приведет к увеличению финансового разрыва, и тем больше средств недополучит муниципальное образование в связи с применением коэффициентов покрытия. Даже если и произойдет увеличение удельного веса неналоговых доходов, это не сможет компенсировать потери в финансовой помощи, произошедшие в связи с увеличением финансового разрыва.

Аналогичная закономерность возникает и при увеличении расходных обязательств, учитываемых муниципальному образованию при расчете финансовой помощи. Увеличение

суммы расходов приводит к увеличению финансового разрыва, вследствие чего применение коэффициентов покрытия приводит к увеличению «потери» бюджета муниципального образования по финансовой помощи.

Таким образом, применение коэффициентов покрытия при расчете региональных фондов финансовой поддержки муниципальных образований позволяет сформировать третий стимул — стимул к оптимизации бюджетных расходов. Отказ от полного выравнивания уровня бюджетной обеспеченности способен дать положительный импульс к саморазвитию муниципального образования. При этом следует отметить, что формирование второго и третьего стимула становится возможным при условии применения элементов, используемых в методике покрытия расчетного финансового разрыва, что еще раз подчеркивает необходимость максимального использования преимуществ всех методик (технологий) межбюджетного регулирования.

Четвертый стимул сформулирован непосредственно в Бюджетном кодексе РФ и ориентирован на поощрение муниципальных образований к увеличению поступлений по налогам, передаваемым муниципальным образованиям по дополнительным нормативам отчислений, заменяющим расчетные дотации. В соответствии с п. 4 ст. 137 и п. 4 ст. 138 Бюджетного кодекса РФ, средства, полученные по дополнительным нормативам сверх расчетного объема дотации, при последующем распределении финансовой помощи не учитываются, потери не компенсируются.

Следует отметить, что кроме преимуществ методика выравнивания уровня бюджетной обеспеченности имеет и недостатки.

Первый заключается в сложности расчетов: расчетный объем финансовой помощи муниципальному образованию в рамках этой методики определяется с учетом показателей в среднем по муниципальным образования. В результате муниципальное образование, даже имея методику расчета налогового потенциала и минимальных расходных обязательств, применяемых при определении объемов региональных фондов финансовой поддержки, не может самостоятельно рассчитать объем, причитающейся ей дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности.

Второй недостаток — не в полной мере учитываются объективные различ[illegible] экономических потенциалов территорий. Например, удельный вес неналоговых доходов в бюджетах некоторых муниципальных образований заметно выше, чем в других. При формировании межбюджетных отношений в Волгоградской области на 2006 г. в бюджетах городских округов удельный вес неналоговых доходов составлял 14,5 % (по 6 городским округам диапазон — от 13,0 до 26,3 %), в бюджетах муниципальных районов — в среднем 9,5 % (по 33 муниципальным районам диапазон — от 4,7 до 18,8 %). На 2007 г. структура доходов бюджетов муниципальных образований изменилась. Удельный вес неналоговых доходов бюджетов муниципальных районов (до замены дотаций дополнительными нормативами отчислений по налогам и сборам) составляет 23,5 %, бюджетов городских округов — 15,2 %. Причина — изменение федерального законодательства.

Потенциал доходов городских округов выше, чем у муниципальных районов, вследствие чего изначально расходные полномочия бюджетов, городских округов обеспечены собственными минимальными доходами в большей степени, чем бюджеты муниципальных районов. Например, при формировании межбюджетных отношений в Волгоградской области на 2006 г. выяснилось, что минимальные расходные обязательства бюджетов муниципальных районов обеспечены их собственными доходами в среднем только на 20 % (от 15 до 29 %), а расходы бюджетов городских округов в среднем — на 86 % (от 54 до 91 %). На 2007 г. по муниципальным районам уровень покрытия минимальных расходных обязательств собственными доходами составляет 26 %, по городским округам — 89 %.

В результате в Волгоградской области после выравнивания уровня бюджетной обеспеченности, несмотря на применение коэффициентов покрытия, 4 из 6 городских округов получили средства в объеме, превышающем расчетный финансовый разрыв. Соответственно, бюджеты иных муниципальных образований оказались сбалансированы менее чем на 90 %.

Средства, «сэкономленные» в результате применения коэффициентов покрытия, распределяются между бюджетами муниципальных образований, но в рамках иной межбюджетной технологии — через дотации на обеспечение сбалансированности бюджетов муниципальных районов (городских округов).

В Волгоградской области в 2006 г. и 2007 г. объем дотаций на обеспечение сбалансированности определялся по единой для всех муниципальных районов (городских округов) методике и формуле:

$$Д_i^{сбаланс} = Д_i^1 + Д_i^2, \quad (2)$$

где $Д_i^1$ — дотация i-му бюджету муниципального района (городского округа), имеющему после выравнивания уровня бюджетной обеспеченности из областного фонда финансовой поддержки поселений и областного фонда финансовой поддержки муниципальных районов (городских округов) непокрытый расчетный финансовый разрыв. Дотация рассчитывается в объеме 90 % от непокрытого расчетного финансового разрыва i-го муниципального района (городского округа). $Д_i^2$ — дотация i-му бюджету муниципального района (городского округа), у которого удельный вес расходов на выплату заработной платы работникам бюджетных учреждений и оплату коммунальных услуг в отчетном году составил более 50 %, предусматриваются дотации.

Объем этой дотации рассчитывается по формуле:

$$Д_i^2 = Д^2 * (P_i * O_i) / \sum (P_i * O_i), \quad (3)$$

где $Д^2$ — объем средств бюджетам муниципальных районов (городских округов) на обеспечение сбалансированности на 2006 г. и 2007 г. — 100 млн руб.; P_i — размер доходов бюджета за отчетный год i-го муниципального района (городского округа), отобранного для предоставления дотаций; O_i — отношение первоочередных расходов к доходам для i-го муниципального района (городского округа), отобранного для предоставления дотаций, отнесенное к среднему аналогичному показателю по всем муниципальным районам (городским округам).

Всего в законе Волгоградской области «Об областном бюджете на 2006 год» дотации на обеспечение сбалансированности составляют 346 млн руб., в том числе муниципальным районам — 335 млн руб., городским округам — 11 млн руб. На 2007 г. предусмотрено 458 млн руб., в том числе бюджетам муниципальных районов — 380 млн руб., бюджетам городских округов — 78 млн руб. Дотации на обеспечение сбалансированности призваны компенсировать недостатки методики выравнивания уровня бюджетной обеспеченности,

но при этом сохранить преимущества данной технологии межбюджетного регулирования.

Следует отметить, что формирование межбюджетных отношений, в том числе и построение межбюджетного регулирования, должно быть направлено на создание условий для саморазвития территорий. Задача органов государственной власти в создании условий, при которых органы местного самоуправления будут заинтересованы в результатах администрирования собственных доходов и расходов, даже если это и потребует от них принятия непопулярных решений. Стимулирование муниципалитетов к увеличению собственных доходов, повышению эффективности использования бюджетных средств может быть обеспечено благодаря удачному сочетанию элементов различных методик межбюджетного регулирования, что является необходимой предпосылкой успешной реализации реформ местного самоуправления.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Статья подготовлена по материалам Отчета о научно-исследовательской работе «Социальные, организационно-правовые и финансово-экономические условия оптимизации государственного управления и местного самоуправления в Волгоградской области», проведенной в III квартале 2006 г. в ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы».

Поступила 21.11.06.

М. Н. ЩУКИН

СОЗДАНИЕ ИНТЕГРИРОВАННЫХ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ АПК» В РЕГИОНЕ

В современных условиях сельскохозяйственному предприятию привлечь инвестиционные ресурсы для реализации реалистичного и рентабельного проекта практически невозможно. Это говорит о том, что в регионах необходимо создавать условия для ускорения процессов кооперации и интеграции, что будет способствовать росту инвестиционной активности и повышению привлекательности для крупных инвесторов. В этой связи возрастает роль государственных инвестиций. Широкие возможности для этого предоставляет приоритетный национальный проект «Развитие АПК».

Республика Мордовия в рамках реализации национального проекта утверждена пилотным регионом. Правительством республики разработан соответствующий региональный проект «Развитие АПК» на 2006—2007 гг., в котором запланировано привлечь за этот период в агропромышленный комплекс более 10 млрд руб. инвестиций. Однако доступ к кредитам, займам и лизингу получат только те, кто имеет продуманные, экономически обоснованные окупаемые проекты. При таких условиях преимуществом будут обладать интеграционные формирования, имеющие больше возможностей для подготовки и реализации проектов. Поэтому необходимо создавать новые эффективные организационно-экономические модели интегрированных агропродовольственных формирований, способствующие реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК».

ЩУКИН Михаил Николаевич, соискатель кафедры информационных систем в экономике Мордовского государственного университета.

В Мордовии эффективно функционируют крупные многоотраслевые хозяйства, созданные путем агропромышленной интеграции на базе промышленного птицеводства (ОАО «Агрофирма „Октябрьская“», ОАО «Птицефабрика „Атемарская“», ОАО «Птицефабрика „Чамзинская“»). Весьма интересна и эффективна организационно-экономическая модель интегрированного агропродовольственного формирования, созданного на базе многоотраслевого сельскохозяйственного предприятия ОАО «Агрофирма „Норов“». Следует отметить, что доля неинтегрированных хозяйств в выручке от реализации конечной переработанной продукции не превышает 20—30 %, тогда как у перерабатывающих предприятий она составляет 60—80 %. Предложенная модель интеграции позволит улучшить экономическое и социальное положение сельскохозяйственных предприятий.

Открытое акционерное общество Аграрная производственная фирма «Норов» находится в с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия. В настоящее время ОАО «Агрофирма „Норов“» является крупным сельскохозяйственным предприятием, общая площадь сельскохозяйственных угодий 14 282 га, в том числе пашни 10 885 га, численность работающих — 409 чел. Основной и приоритетный вид деятельности ОАО «Агрофирма „Норов“» — производство продукции сельского хозяйства (таблица).

Таблица

Основные экономические показатели развития ОАО «Агрофирма „Норов“» за 2001—2005 гг.

Наименование	Единица измерения	2001	2002	2003	2004	2005
Поголовье КРС	гол.	2640	2650	2657	2704	3130
В том числе коров	гол.	900	900	900	900	1000
Поголовье свиней	гол.	985	815	830	391	107
Производство зерна	т	13364	17818	13824	11531	15922
Производство мяса	т	537	339	414	373,4	455,1
Производство молока	т	2446	2790	3280	3747	4207
Реализация мяса	т	317	284	343	373,4	455,1
Реализация молока	т	1817	2278	2649	3250	3740
Прибыль	тыс. руб.	13438	15245	19485	25623	31846
Сельхозугодья	га	14346	13351	11547	13855	14282
Уровень рентабельности	%	56	46	43	57,6	50,8

За последние годы ОАО «Агрофирмой „Норов“» реализован ряд инвестиционных проектов, благодаря инвестиционной поддержке государства в рамках целевых программ и национальных проектов развития АПК.

ОАО «Агрофирма „Норов“» приняла участие в «Республиканской целевой программе развития АПК Республики Мордовия на 2001—2005 гг.». По этой программе получен кредит на 21 млн руб. на реализацию проекта «Организация молочного комплекса беспривязного содержания КРС на базе Семилейского отделения ОАО «Агрофирма „Норов“» на 500 коров». Также по программе взят кредит на 35 млн руб. на реализацию проекта «Организация молочного комплекса беспривязного содержания КРС на базе Кочкуровского отделения ОАО «Агрофирма «Норов» на 1 тыс. коров». Кредиты по этим проектам будут погашены к 2008 г.

В настоящее время „Норов“ реализует национальный проект «Развитие АПК». В 2006 г. в рамках национального проекта получено 60 млн руб. кредита сроком на 8 лет на реализацию проекта «Строительство коровника, доильного блока и реконструкции двух корпусов молочного комплекса «Старотурдаковский» ОАО «Агрофирма «Норов». Также в 2006 г. в рамках национального проекта «Развитие АПК» взят кредит 120 млн руб. сроком на 8 лет на реализацию проекта «Создание свиноводческого комплекса ОАО «Агрофирма „Норов“» в п. Красноармейский Кочкуровского района на 12 тыс. голов» (планируется ввод в действие в 2008 г.).

Подготовка проектов (в частности, обоснование оптимальной численности поголовья) осуществлялась в тесном контакте с учеными республики, установившими, что наиболее эффективны сельскохозяйственные организации, имеющие поголовье свиней 1 тыс. и более, а коров — от 300 до 1 тыс. Проекты по строительству двух комплексов для КРС рассчитаны на 500 и 1 тыс. голов, а свиноводческий комплекс — на 12 тыс. голов.

Реализация проектов по развитию животноводства в ОАО «Агрофирма „Норов“» значительно увеличит объемы производства молока и мяса, что подтолкнет его акционеров к созданию агропродовольственного объединения, включающего предприятия переработки и реализации продукции. Это позволит в дальнейшем существенно увеличить прибыль,

а не отдавать ее значительную часть сторонним перерабатывающим и торговым компаниям.

Предлагается организационно-экономическая модель агропродовольственного формирования на базе крупного многоотраслевого сельскохозяйственного предприятия комплексного типа, где функционирует цепочка: производство — переработка — реализация.

Структуру интегрированного объединения, на наш взгляд, должны составлять следующие компоненты.

Органы управления агропродовольственного формирования. Это общее собрание акционеров, совет директоров и исполнительная дирекция. В состав исполнительной дирекции входят все руководители подразделений объединения, каждый отвечает за свой участок работы. В совет директоров входят учредители или их полномочные представители. В совет могут быть включены руководители МТС и наиболее крупных сельскохозяйственных подразделений, несмотря на то, что они не являются учредителями объединения и не имеют статуса юридического лица. Однако их участие в совете позволит эффективнее согласовывать интересы, находить компромиссные решения, более оперативно решать возникающие проблемы снабжения, сбыта готовой продукции и т. д.

В связи с изменившейся структурой и функциями предприятия в организационно-экономическую модель необходимо включить финансово-расчетный центр (ФРЦ), в котором будут фиксироваться все операции, осуществляемые в процессе производства, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции. Лучшей реализации и продвижения готовой продукции будет способствовать организация отдела маркетинга.

Сельскохозяйственные подразделения-производители (СПП) — это производственные единицы, основная задача которых сводится к производству продукции растениеводства и животноводства (на ОАО «Агрофирма „Норов“» таковыми являются Кочкуровское, Старотурдакское, Семилейское, Красномайское, Воеводское отделения). Между сельскохозяйственными производителями целесообразен кольцевой севооборот, состоящий из разных культур, позволяющий использовать земельные площади более эффективно. В целях снижения рыночного риска, связанного с перепроизводством

какого-либо вида продукции и снижением на него цены, органы управления объединения должны сбалансировать хозяйственную деятельность путем диверсификации выпускаемой продукции.

Машинно-технологическая станция (МТС) обеспечивает «кольцевую» технологию обработки земли. Ее задачей является обеспечение входящих в объединение сельскохозяйственных предприятий машинами, тракторами и оборудованием в части, необходимой для содействия выполнению работ в сроки, обусловленные природно-климатическими условиями. Прежде всего это касается дорогостоящей уборочной техники, требующей квалифицированного обслуживания и ремонта.

Перерабатывающие предприятия обеспечивают переработку сельскохозяйственного сырья. В их число могут входить мельницы, пекарни, колбасные производства, коптильни, комбикормовые заводы и т. д. Их состав определяется в зависимости от географической расположенности и имеющейся сырьевой базы.

К *предприятиям инфраструктуры* относятся транспортные предприятия, страховые компании и другие организации, не являющиеся обязательными элементами интегрированного объединения. Они создаются в случае необходимости или для освоения появившихся возможностей. Например, страховые компании могут сыграть решающую роль в компенсации потерь при неблагоприятных погодных условиях и позволят создать эффективные схемы освоения государственных субсидий (на ОАО «Агрофирма „Норов“» успешно функционирует строительный отдел, его силами «Норов» реализует проекты по строительству животноводческих комплексов, жилья для работников и социально-культурных объектов).

Торговая сеть осуществляет реализацию конечной продукции. В ОАО «Агрофирма „Норов“» предлагается создать торговую сеть, включающую магазины в городах Саранск, Пенза, в районных центрах Мордовии и Пензенской области. Условием эффективности продаж стало размещение точек ближе к потребителю, продвижение брэнда «Норов», который должен ассоциироваться с высоким качеством продукции и ее экологичностью.

Состав участников интегрированного агропродовольственного формирования обусловлен специализацией, разделением

труда, перечнем выполняемых функций. Все вошедшие в состав формирования подразделения осуществляют производственно-хозяйственную деятельность на принципах внутрифирменного и внутрипроизводственного расчета.

Относительно того, как ОАО «Агрофирма „Норов“» будет финансировать проекты по созданию собственных перерабатывающих предприятий и торговой сети, можно предложить следующую схему. В 2008 г. будут погашены кредиты, взятые на организацию высокотехнологичных молочных комплексов «Семилейского отделения» и «Кочкуровского отделения», которые функционируют с 2005 г. и приносят прибыль. Эти комплексы можно использовать как залоговый фонд для привлечения новых кредитов. По нашим расчетам, ОАО «Агрофирма „Норов“» способна привлечь в 2008 г. не менее 100 млн руб. инвестиций на создание агропродовольственного формирования с полным циклом: производство — переработка — реализация.

Принципиально важным является то, что экономически крепкие крупные сельскохозяйственные предприятия становятся учредителями агропродовольственного формирования и гарантами возврата средств внешних инвесторов. Это значительно повышает его экономический авторитет. У внешних инвесторов появляется уверенность, что они не рискуют понести убытки, вложив свои средства в развитие объединения.

Обратим внимание также на то, что в объединении, построенном на предложенных принципах, легче решать социальные вопросы. В связи с убыточностью и «закредитованностью» сельскохозяйственных предприятий владельцам земельных паев, как правило, не выплачивали дивиденды. В составе же агропродовольственного формирования они будут получать плату за аренду их земель, а при определенном уровне его рентабельности — дивиденды. К тому же, многие из них будут обеспечены высокооплачиваемой работой.

Предложенная организационно-экономическая модель агропродовольственного объединения, созданного на базе крупного многоотраслевого сельскохозяйственного предприятия, дает возможность использовать ряд преимуществ: приобретать и эффективно использовать современные дорогостоящие машины и оборудование; потребность в машинах и оборудовании в расчете на единицу обрабатываемой

площади значительно меньше; высокую инвестиционную привлекательность, позволяющую прибегать к заимствованиям на фондовом рынке; более благоприятные условия привлечения кредитных ресурсов вследствие значительной стоимости основных фондов, рассматриваемых в качестве одного из основных способов обеспечения кредита; расширенные возможности осуществления инновационных процессов, начиная от модернизации технологических процессов и заканчивая совершенствованием методов организации и управления агропромышленным производством и многие другие. Это позволит привлекать высококвалифицированных руководителей и специалистов, решая тем самым кадровый вопрос, повысить уровень отплаты труда, сопоставимый с заработной платой горожан, — важнейший стимул для притока работников (прежде всего молодежи) в село. Не менее важным является улучшение условий труда, повышение уровня культуры и быта жизни людей за счет широкого распространения новых технологий. Представляется, что это будет способствовать возрождению сельской интеллигенции (врачей, педагогов, работников культуры, представителей инженерных профессий).

Участие ОАО «Агрофирма „Норов“» в целевых государственных программах и реализации национального проекта «Развитие АПК» позволило ей стать одним из ведущих интегрированных сельскохозяйственных предприятий Мордовии. В современных условиях государство, на наш взгляд, должно поддерживать интеграционные процессы в АПК, так как рассмотренная модель интеграции, основанная на государственной поддержке, улучшает экономическое и социальное положение сельскохозяйственных организаций.

Поступила 17.04.07.

О. А. ФЕДОРОВА

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Продолжающийся процесс глобализации мировой экономики выдвигает новые требования к повышению конкурентоспособности территорий. Одной из приоритетных задач региональной стратегии стало обеспечение эффективного ресурсосберегающего производства: «производить *больше* с *меньшими* затратами времени, оборудования, персонала, площадей, финансов». Эта парадигма показала свою эффективность в передовых странах Юго-Восточной Азии, завоевала Северную Америку и Европу.

Регионы конкурируют между собой за инвестиции, размещение перспективного бизнеса на своей территории. В этой ситуации создание благоприятного бизнес-климата, сетей поставщиков и потребителей может стать решающим фактором выбора территории. Российские регионы только начинают включаться в борьбу, нуждаются в проектах, способных вывести их экономику на международный уровень.

Анализ мировой хозяйственной практики показывает, что наиболее действенным направлением развития бизнеса, позволяющим достигать высокой эффективности производства (благодаря рациональному использованию имеющихся ресурсов), является производственный аутсорсинг[1], в котором участвуют предприятия разных размеров, приводящий в итоге к созданию промышленных образований, называемых кластерами.

Под *кластером* понимается индустриальный комплекс, сформированный на базе территориальной концентрации сетей специализированных поставщиков, основных производителей и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой технологической цепочки, выступающих альтернативой секторальности[2].

ФЕДОРОВА Ольга Александровна, аспирант кафедры экономики и организации производства Московского государственного технического университета.

Кластер имеет потенциал, превышающий сумму потенциалов его составляющих. Возникающее приращение — результат сотрудничества, эффективного использования возможностей партнеров на длительном периоде. В кластерах формируется сложная комбинация конкуренции и кооперации. Взаимодействие с внутренним потребителем кластера «завязано» на конкуренцию, с внешним — на кооперацию. В ходе постоянных малых конфликтов (конкурентная борьба внутри кластера) система оптимизируется, повышает возможности для участия в глобальной конкуренции.

Кластерный подход позволяет реализовать систему аутсорсинга, заключающуюся в том, что крупные компании концентрируются на ключевых направлениях деятельности. Так как выполнение всех этапов производственно-технологического процесса (ПТП) своими силами не всегда возможно с конкурентоспособной ценой и качеством, возникает необходимость оптимизации его структуры. В отношении каждого этапа принимается решение: производить на базе собственных активов или закупать у альтернативных поставщиков.

Анализ реального опыта позволил выработать алгоритм определения целесообразности передачи выполнения некоторых операций сторонним исполнителям, который подразумевает проведение 6 взаимосвязанных этапов: оценка эффективности работы собственных активов; изучение возможностей потенциальных поставщиков; фильтрация на основе стратегической релевантности; фильтрация на основе допустимой рискованности; параллельная оценка; принятие решения.

На первом этапе всесторонне оценивается имеющийся потенциал рационализации в рамках собственного производства. Проводится инвентаризация производственных мощностей, определяются процессы, приоритетные для эффективной работы предприятия, соответствующие его стратегическим целям. Сравнивается эффективность активов, оценивается важность анализируемого актива для функционирования остальных, вклад в формирование цены продукта. Этот этап дает возможность сопоставить миссию, цели, стратегии предприятия с результатами деятельности на рынке и характеристиками внешней среды, оценить использование собственного потенциала.

На втором этапе исследуются ситуации на рынке, возможности поставщиков (репутация, качество продукции и т. п.). Инструментом детального анализа конкурентов является операционный бенчмаркинг, концентрирующийся на анализе себестоимости и «конкурентных отличий», направленный на определение путей достижения статуса «лучший в классе» в предметной области. Для его использования в российских условиях следует учитывать ряд рекомендаций, базирующихся на международном опыте[3]. В частности, надо иметь возможность сбора достоверной информации о предприятиях-конкурентах, вникнуть в сущность бизнес-процессов, научиться анализировать их отдельные части, обеспечить систематическую работу по бенчмаркингу, обмен результатами проведенных исследований.

На третьем этапе осуществляется предварительная качественная оценка целессообразности аутсорсинга (фильтрация на основе стратегической релевантности) посредством использования матрицы аутсорсинга[4] — простого и эффективного инструмента вне зависимости от величины и размеров предприятия. Это позволяет исключить из рассмотрения процессы, не являющиеся стратегически важными, количественная оценка которых не имеет смысла.

На четвертом этапе предлагается оценить степень рискованности аутсорсинга. Анализ рисков должен происходить в контексте деятельности предприятия (обычно наряду с общеотраслевыми рисками предприятия принимают присущие только им риски, связанные с размерами, сложностью операционной деятельности и т. д.).

Для своевременной и адекватной реакции предприятия на возможные угрозы их необходимо ранжировать по двум параметрам — степени актуальности, характеризующей временной интервал, воздействия угроз и значимости последствий их проявлений[5].

Таким образом, третий и четвертый этапы выполняют роль фильтров, выделяющих из исследуемого ПТП операции, наиболее вероятные и реальные для аутсорсинга.

Так как окончательное решение о передаче выполнения некоторых этапов ПТП должно приниматься после сопоставления количественной оценки с качественной, на пятом этапе параллельно количественной проводится всесторонняя

качественная оценка. Оценку целесообразности использования собственного производства (*M*) или аутсорсинга (*O*) предлагается производить по разработанной методике сравнительного анализа параметров для каждого варианта реализации (с целью их последующего сравнения и принятия решения относительно финансовой эффективности) (табл. 1).

Таблица 1

Матрица оценочных показателей для анализа структуры производственно-технологического процесса при принятии решения об аутсорсинге

Параметр	Собственное производство	Аутсорсинг
Капитальные затраты	Приобретение оборудования; поиск, обучение персонала	Поиск работников, ответственных за процесс
Периодические затраты	Заработная плата персонала; содержание, переоборудование производственных мощностей; налог на имущество, на управление запасами производимой продукции	Поиск контрагента, взаимодействие с ним; заработная плата персонала, контролирующего отданный на аутсорсинг процесс
Преимущества	Независимость от контрагентов; управление конкурентоспособностью продукции	Приобретение продукции требуемого качества по наименьшей цене; гибкость в определении объемов, сроков поставки
Недостатки	Тщательное планирование загрузки производственных мощностей; постоянная оценка спроса на продукцию	Возможность оппортунистического поведения сторонних предприятий; сложность в интеграции внутренних и внешних процессов, их последующем контроле
Условия для использования	Отсутствие надежных поставщиков; потенциальная монополия поставщика	Невозможность обеспечить необходимое качество; высокая себестоимость

Следует учитывать необходимость капитальных (I) и периодических затрат (S), значения приобретаемых преимуществ (B) и возможных недостатков (N), условия (R), необходимые для внедрения и использования. Оценка параметров определяется как сумма произведений значений составляющих показателей, приведенных в единую шкалу, на коэффициент значимости (K) соответствующего показателя в весе рассчитываемого параметра (табл. 2).

Таблица 2

Формулы для расчета параметров оценки целесообразности использования производственного аутсорсинга

Параметр	Формулы расчетов для оценки реализации и управления бизнес-процессом	
	Собственное производство	Аутсорсинг
Капитальные затраты	$I(M)=\frac{\sum_{m^i} K(I)_{m^i}\ I_{m^i}}{m^i}$	$I(O)=\frac{\sum_{o^i} K(I)_{o^i}\ I_{o^i}}{o^i}$
Периодические затраты	$S(M)=\frac{\sum_{m^s} K(S)_{m^s}\ S_{m^s}}{m^s}$	$S(O)=\frac{\sum_{o^s} K(S)_{o^s}\ S_{o^s}}{o^s}$
Преимущества	$B(M)=\frac{\sum_{m^B} K(B)_{m^B}\ B_{m^B}}{m^B}$	$B(O)=\frac{\sum_{o^B} K(B)_{o^B}\ B_{o^B}}{o^B}$
Недостатки	$N(M)=\frac{\sum_{m^n} K(N)_{m^n}\ N_{m^n}}{m^n}$	$N(O)=\frac{\sum_{o^n} K(N)_{o^n}\ N_{o^n}}{o^n}$
Условия для использования	$R(M)=\frac{\sum_{m^r} K(R)_{m^r}\ R_{m^r}}{m^r}$	$R(O)=\frac{\sum_{o^r} K(R)_{o^r}\ R_{o^r}}{o^r}$

Финансовые значения показателей капитальных, периодических затрат, возможных доходов рассчитываются при помощи метода дисконтирования финансовых потоков, т. е. приведения их к текущему моменту времени. Для сопоставления количественных и качественных показателей, используемых для расчета соответствующих параметров, значения в оценочной матрице приводятся в единую балльную шкалу

от 1 до 10 путем присвоения наиболее предпочтительному значению показателя 10 баллов, наименее предпочтительному — 0. Производится оценка соответствующего процесса на возможность его передачи во внешнее исполнение путем сравнения общего рейтинга собственного производства и аутсорсинга:

$$TR(M) = K_I \cdot I(M)+K_S \cdot S(M)+K_B \cdot B(M)+K_N \cdot N(M)+K_R \cdot R(M) \text{ и}$$
$$TR(O) = K_I \cdot I(O)+K_s \cdot S(O)+K_B \cdot B(O)+K_N \cdot N(O)+K_R \cdot R(O) \quad (1)$$

где K — коэффициент значимости соответствующего параметра в общем весе рейтинга.

Оценка качественных и количественных параметров по сравнению с рынком показывает, насколько эффективно предприятие выполняет некую функцию, насколько она соответствует отраслевому развитию.

Если

$$TR(O) > TR(M), \quad (2)$$

аутсорсинг исследуемого процесса эффективен. При получении обратного результата

$$TR(O) < TR(M), \quad (3)$$

можно сделать вывод о неэффективности аутсорсинга (процесс предпочтительно оставить во внутреннем исполнении).

На шестом этапе при положительном решении о передаче той или иной функции на аутсорсинг утверждается план выполнения проекта, вырабатывается механизм мониторинга, логистики успешной реализации аутсорсингового контракта. Решающее значение на этом этапе уделяется разработке схем, приемов контроля поставок продукции, услуг со стороны. Исполнитель должен в строгом соответствии с графиком осуществлять поставку продукции, отвечающей требованиям технических условий, чертежей и документов на закупку. Заказчик может получить право в ограниченных пределах вмешиваться в деятельность партнера (не претендуя на финансовый контроль над ним), управляя таким образом получением продукции и услуг по контракту (что способствует повышению гибкости деловых отношений между заказчиком и исполнителем).

Разработанный методический комплекс представляет систематизированный подход к оптимизации структуры ПТП с использованием производственного аутсорсинга, учитывающий стратегические цели развития предприятия в условиях постоянно трансформирующейся внешней среды. Предложенная методика оценки целесообразности аутсорсинга имеет прикладной характер, может использоваться при создании промышленных кластеров на основе реструктуризации предприятий машиностроительного комплекса.

Преимущества, получаемые бизнесом от применения механизма аутсорсинга, создания территориально-производственных объединений (кластерный подход), состоят в улучшении кадровой инфраструктуры, повышении эффективности, гибкости, инновационного потенциала при создании новых продуктов, технологий, появлении возможности выхода на международные рынки, снижении затрат за счет эффекта масштаба, который проявляется при кооперации производителей и потребителей.

Используя преимущества кластера, предприятия и региональные власти имеют возможность совместно искать пути наиболее эффективного продвижения инициатив через федеральные структуры, включая лоббирование на федеральном уровне прохождения региональных и отраслевых инициатив.

Кластерный подход — мощный инструмент наращивания конкурентоспособности территорий, производственных комплексов, которое в итоге состоит в улучшении торгового баланса, повышении привлекательности региона, увеличении занятости, заработной платы, отчислений в бюджеты различных уровней.

Устойчивое развитие региона объективно повышает его конкурентоспособность на рынке территорий, где каждый регион позиционирует себя в качестве выгодного объекта инвестиций, обладателя значимого интеллектуального капитала, высококвалифицированной рабочей силы, динамично развивающейся экономической и социальной системы. Крупные транснациональные компании при размещении сборочных производств при прочих равных условиях выбирают регионы со сформированными кластерами поставщиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Воронин А.* Аутсорсинг — модное течение в экономике или панацея для нашей промышленности? // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.neg.by/publication/2002_04_12_221.html].

[2] *Haag D.* Cluster specialisation patterns and innovation styles. 1998. С. 5.

[3] См.: *Михайлова Е. А.* Бенчмаркинг. М., 2003.

[4] См.: *Хлебников Д. В.* Аутсорсинг как инструмент снижения бизнес-затрат и оптимизации бизнес-системы / Компас промышленной реструктуризации. 2004. № 2. С. 26—28.

[5] См.: *Бараненко С. П., Шеметов В. В.* Стратегическая устойчивость предприятия. М., 2004.

Поступила 20.04.07.

С. М. МАКЕЙКИНА

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА БЮДЖЕТНОГО ВЫРАВНИВАНИЯ РЕГИОНА

В современной России крайне важно осознание того, что эффективная система бюджетных отношений — это компромисс, продукт синтеза экономических интересов государства, населения и предпринимательства. Компромисс этих интересов может быть достигнут только при условии обеспечения экономического развития регионов. В этих условиях можно и нужно говорить о совершенствовании механизма бюджетного выравнивания на субфедеральном уровне, но только как об одном из элементов целостной системы государственного бюджетного регулирования. Не следует забывать, что экономический потенциал государства формируется не на федеральном уровне, а создается в регионах, поэтому, на наш взгляд, для России проблема самодостаточности экономического потенциала регионов становится главной. Следовательно, приоритетной целью бюджетного регулирования логически должно стать выравнивание способности региона к самообеспечению и саморазвитию на базе активного использования потенциалов всех форм собственности.

В соответствии со ст. 129 Бюджетного Кодекса Российской Федерации (БК РФ) оказание финансовой помощи из федерального бюджета может быть осуществлено в следующих формах: предоставление дотаций на выравнивание уровня минимальной бюджетной обеспеченности субъектов Федерации; предоставление субсидий; предоставление субвенций на финансирование отдельных целевых расходов; предоставление бюджетных кредитов; иная безвозвратная и безвозмездная передача средств. В целях выравнивания

МАКЕЙКИНА Светлана Михайловна, преподаватель кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

бюджетной обеспеченности субъектов РФ в составе федерального бюджета образуются 5 фондов.

Федеральный Фонд финансовой поддержки субъектов Федерации (ФФФПР) сформирован в размере 203,167 млрд руб. с учетом индекса потребительских цен в 7 %, на 2007 и 2008 гг. индексация планируется на 6 и 4 % соответственно. Федеральный фонд софинансирования социальных расходов (ФФССР) формируется в зависимости от численности соответствующих категорий граждан с учетом уровня бюджетной обеспеченности субъектов РФ после распределения ФФФПР. Его объем в 2006 г. — 25,853 млрд руб. с последующей индексацией по годам от прогнозируемых темпов роста потребительских цен. Фонд реформирования региональных и муниципальных финансов (ФРРМФ) предусматривает предоставление субсидий на основе конкурсного отбора двумя частями в течение двух лет. В 2006 г. он сформирован в объеме 1,412 млрд руб. Федеральный фонд регионального развития (ФФРР) предусматривает оказание финансовой поддержки территориальных бюджетов в форме дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов федерации. В 2006 г. определен в объеме 55,319 млрд руб. Федеральный фонд компенсаций (ФФК) образуется в целях финансового обеспечения полномочий делегируемых для исполнения органам государственной власти субъектов федерации и органам местного самоуправления. В 2006 г. он определен в объеме 62,366 млрд руб. Объем расходов на финансовую помощь на федеральном уровне составляет около трети совокупных доходов[1]

Такое множество фондов усложняет межбюджетные отношения, что сказывается на качестве социально-экономического развития регионов. В свою очередь в программе социально экономического развития страны региональный аспект отсутствует, кроме того, в последнее десятилетие постоянно сокращалось количество региональных целевых программ, фонд регионального развития сократился с 60 до 2,5 млрд руб., что привело к значительной дифференциации субъектов федерации по бюджетной обеспеченности.

Следует отметить, что механизм выделения трансфертов из федерального бюджета основан на выравнивании душевых бюджетных расходов через индекс бюджетных расходов (ИБР). Применение этого принципа приводит к тому, что

при сокращении собственных бюджетных доходов бюджет имеет больше прав на получение средств из федерального бюджета, что поощряет регионы к уменьшению их доходной базы. Безусловно, необходима дифференцированная политика по отношению к регионам. Полагаем, что *стратегия регионального развития должна перейти от политики бюджетного выравнивания социально-экономического развития территорий к политике бюджетной поддержки так называемых опорных регионов, своеобразных точек индустриального, технологического и инфраструктурного роста.*

Муниципальная реформа на субрегиональном уровне привела к двухуровневой системе местного самоуправления и созданию значительного числа новых муниципалитетов. При этом исключена из бюджетной практики ответственность органов власти и управления субъектов федерации за сбалансированность местных бюджетов. За регионами остаются лишь функции финансового выравнивания (оказания финансовой помощи). «Глубина» этого выравнивания, объем выделяемых средств на эти цели есть компетенция субъектов федерации.

В Республике Мордовия вертикальное выравнивание в форме разграничения доходных полномочий оказывается недостаточно гибким и не решает проблемы полностью. Так, поступления от налога на прибыль предприятий в местные бюджеты РМ в расчете на одного жителя в 2002 г. составляли 221,8 руб. на человека, но в разных районах колебались от 77,9 руб. (в Темниковском) до 801 (в Торбеевском). В 2005 г. ситуация изменилась и в среднем по районам приходилось 158,8 руб. на человека, в том числе 80,1 руб. в Торбеевском и 177,7 руб. в Темниковском районе[2].

В целом по РФ налог на имущество распределен достаточно неравномерно, но при этом налогооблагаемая база оценивается как немобильная. В настоящее время налог на имущество физических лиц является местным, а налог на имущество предприятий — региональным. С точки зрения социальной справедливости и равномерности распределения налоговой базы напрашивается вывод, что основная доля поступлений приходится на крупные города, так как в основном именно в них сконцентрированы предприятия. В Мордовии ярким примером такой несправедливости стали

ГО Саранск и Лямбирский район (большая часть населения Лямбирского района работает в г. Саранске). Однако очевидно, что расходные обязанности крупных городов должны сильно отличаться от обязанностей городов районного подчинения, поселков, сельских населенных пунктов.

Проблемой бюджетного выравнивания является, на наш взгляд, наличие в Мордовии системы межбюджетных отношений, стимулирующей органы местного самоуправления к выполнению социально-экономических показателей. Дело в том, что норма БК РФ ограничивает системы межбюджетных отношений в республике. Республика была вправе планировать дотацию в 2007 г. при условии выполнения социально-экономических показателей только 7 районам: Атюрьевскому, Большеберезниковскому, Большеигнатовскому, Дубенскому, Инсарскому, Старошайговскому и Темниковскому, т. к. дотация в двух из трех последних отчетных лет превышала 50 % от общего размера собственных доходов только в этих районах. Чтобы скорректировать бюджеты разных районов и уменьшить межрайонные различия в уровне доходов, необходима система горизонтального финансового выравнивания, которая реализуется с помощью механизма распределения финансовой помощи.

В соответствии с законом «О межбюджетных отношениях в Республике Мордовия» в составе республиканского бюджета образованы:

— республиканский фонд финансовой поддержки муниципальных районов (РФФПМР). Он образуется с целью выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городского округа). Дотации из РФФПМР получают все муниципальные районы (городской округ), уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых не превышает уровень расчетной бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городского округа), определенный в качестве критерия для предоставления указанных дотаций. Уровень расчетной бюджетной обеспеченности устанавливается законом РМ о республиканском бюджете РМ на очередной финансовый год. Размер дотаций из РФФПМР определяется в соответствии с методикой распределения средств фонда:

— республиканский фонд софинансирования социальных расходов, который образуется в целях предоставления бюджетам муниципальных образований субсидий для долевого

финансирования приоритетных социально значимых расходов. Следует отметить увеличение размера фонда с 15 млн руб. в 2005 г. до 996 млн 753,1 тыс. руб. или в 66,5 раз в 2006 г. Это связано с тем, что за счет средств фонда с 2006 г. в зависимости от выполнения производственных показателей выплачиваются субсидии, которые ранее учитывались как дотации;

— республиканский фонд компенсаций, который образуется с целью финансового обеспечения исполнения органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий.

В составе республиканского бюджета образуется республиканский фонд муниципального развития, предоставляющий муниципальным образованиям субсидии для долевого финансирования инвестиционных проектов развития общественной инфраструктуры муниципального значения.

С 1 января 2006 г. в Мордовии вступили в силу положения федерального законодательства, формирующие четкую систему межбюджетных трансфертов. В целом сумма межбюджетных трансфертов в 2006 г. возросла к уровню 2005 г. в 1,5 раза, составив 3 173,6 млн руб. В 2005 г. доля дотаций, выплачиваемых в зависимости от выполнения производственных показателей, составила 36 % от всей суммы трансфертов, в 2006 г. — 30 %. Общая сумма межбюджетных трансфертов местным бюджетам на 2007 г. определена Законом РМ «О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2007 год» в сумме 3 845,8 млн руб. (на 21 % больше, чем в предыдущем), из них 1 074,833 млн руб., или 30 % составляют дотации, выплачиваемые в зависимости от выполнения производственных показателей.

Оценка степени бюджетного выравнивания предполагает использование показателя подушевой обеспеченности муниципалитетов собственными доходами и обеспеченности тех же муниципалитетов после перечисления им финансовой помощи из вышестоящего бюджета. Неравенство подушевой обеспеченности анализируется путем расчета отношения богатейшего района к беднейшему для оценки бюджетной обеспеченности районов республики (таблица).

Бюджетная обеспеченность местных бюджетов по районам Республики Мордовия, (руб. на душу населения)[3]

Район	2002 г.		2003 г.		2004 г.		2005 г.		2006 г.	
	До выравнивания	После выравнивания	До выравнивания	После выравнивания	До выравнивания	После выравнивания	До выравнивания	После выравнивания	До выравнивания	После выравнивания
Ардатовский	1482,9	2862,2	1958,8	3446,5	1797,1	3489,8	1938,2	4660,6	1447,0	5485,8
Атюрьевский	1095,9	4986,0	1555,2	6021,0	1399,8	6938,8	1536,1	7850,3	1455,1	7884,0
Атяшевский	1322,5	3987,8	2035,3	5064,9	2201,6	6335,4	2540,3	8568,1	1830,6	5875,0
Большеберезниковский	1220,8	3169,0	1632,9	3872,5	1661,2	3914,1	1543,0	4821,2	1493,9	5689,5
Большеигнатовский	1092,3	4109,9	1540,4	4981,8	1452,3	5359,1	1696,1	7036,7	1593,7	6074,8
Дубенский	1202,4	3725,2	1637,3	3964,6	1478,7	4386,0	1733,5	5159,4	1535,6	5649,6
Ельниковский	2301,2	5753,3	2974,2	4819,8	2781,2	6335,6	3208,1	8222,2	1921,4	9786,9
Зубово-Полянский	1118,0	2292,8	1621,1	2356,7	1438,7	2619,9	1729,0	3932,3	1205,3	4032,6
Инсарский	1501,6	4726,1	1970,4	5184,6	1880,7	4737,1	2062,4	7368,9	1659,6	4958,9
Ичалковский	1377,1	3653,2	1799,6	3910,9	1865,3	4612,9	2252,9	6214,1	1750,7	4827,5
Кадошкинский	2102,7	3764,7	2583,0	3809,5	2531,7	4783,1	2774,2	6626,2	1760,3	8219,3
Кочкуровский	1278,5	3880,4	1531,9	4274,1	1886,3	9356,9	1693,0	7885,1	1989,5	7781,7
Краснослободский	1551,2	3612,3	2059,6	4261,2	2449,9	2418,6	2367,8	5813,6	1872,6	6164,9
Лямбирский	1310,7	2812,9	1778,4	4070,1	1502,9	4003,0	1774,5	5285,4	1722,3	5037,5
Ромодановский	1616,9	2977,5	2172,4	4258,8	2293,9	5985,4	2238,7	5596,6	2226,5	5913,3
Старошайговский	1434,6	4724,4	1857,9	5416,8	1910,4	7143,9	2014,1	7097,2	1704,4	7912,6
Темниковский	1256,6	4182,3	1546,5	3815,7	1549,7	4369,8	1757,9	6123,0	1421,0	5924,8
Теньгушевский	1545,7	3636,0	2130,1	4118,6	2177,3	5734,1	2236,7	5504,6	1865,0	5509,0
Торбеевский	2366,5	3490,9	2504,1	3326,7	3721,9	2928,3	1983,4	5048,2	1651,5	5968,1
Чамзинский	2980,7	4466,4	3980,9	4868,4	3795,1	6165,8	3478,9	6857,6	1865,2	7170,7
МО Ковылкино	1679,1	3178,5	1981,9	3652,0	1981,9	3730,2	2341,1	5110,1	1886,5	5939,8

Большую часть финансовой помощи в 2002 г. составляла дотация (72 %) на выравнивание уровня минимальной бюджетной обеспеченности и предоставляемая в зависимости от выполнения прогноза основных показателей социально-экономического развития. Среднедушевая обеспеченность по РМ в 2002 г. до выравнивания составила 2 933,9 руб. на человека. В отличие от 2001 г., в 5 районах этот показатель сложился выше среднереспубликанского (в 2001 г. — 3). Отношение богатейшего района к беднейшему — 2,41 (на 0,78 ниже предыдущего года). После выравнивания среднедушевая обеспеченность по республике составила 3 505,4 руб. на человека, отношение богатейшего к беднейшему — 1,80, в 14 районах сложилась подушевая обеспеченность выше среднереспубликанской (в двух из них еще до перечисления дотаций). Механизм финансовой помощи местным бюджетам работал эффективно, о чем говорит высокая степень выравнивания бюджетной обеспеченности.

В 2003 г. в методику расчета дотаций районным бюджетам внесен новый элемент — коэффициент напряженности. Он рассчитывается путем согласования прогноза показателей социально-экономического развития территории района, рассчитанного на очередной финансовый год Министерством экономики РМ с администрацией района. Доля дотаций в финансовой помощи была значительна — 61 %.

В отличие от 2002 г., среднедушевая обеспеченность до выравнивания в 2003 г. в 7 районах сложилась выше среднереспубликанской. Отношение богатейшего района к беднейшему — 2,6 (на 0,19 выше предыдущего года). После выравнивания среднедушевая обеспеченность по республике составила 3 977 руб. на человека (на 471,6 больше, чем в 2002 г.), отношение богатейшего к беднейшему — 2,55, в 12 районах сложилась подушевая обеспеченность выше среднереспубликанской (на 2 района меньше, чем в 2002 г.). В 2003 г. механизм финансовой помощи местным бюджетам использован менее эффективно, чем в 2002 г.

В 2004 г. доля дотации составила всего 36 %, что связано с увеличением суммы субвенций на 299 %. В 8 районах до выравнивания сложилась бюджетная обеспеченность выше среднего уровня, после выравнивания — в 12 районах. Отношение богатейшего района к беднейшему до вырав-

нивания составило 2,71, а после — 3,8. После выравнивания среднедушевая бюджетная обеспеченность составила 4 486 руб. на человека.

В 2005 г. доля дотаций составляла 42 %, за счет роста суммы субсидий на 257 % и субвенций на 7 %. Количество районов, в которых бюджетная обеспеченность выше средней по республике, было таким же, как и в предыдущем году. При этом бюджетная обеспеченность до выравнивания возросла на 58 руб. на человека. Отношение богатейшего района к беднейшему до выравнивания составило 2,25, что ниже уровня предыдущего года на 0,45. Бюджетная обеспеченность после выравнивания составила 5 785 руб. на человека (на 1 299 руб. больше, чем в 2004 г.). Отношение богатейшего района к беднейшему после выравнивания — 2,18, что ниже показателя до перечисления финансовой помощи.

В 2006 г. структура финансовой помощи существенно меняется (рисунок).

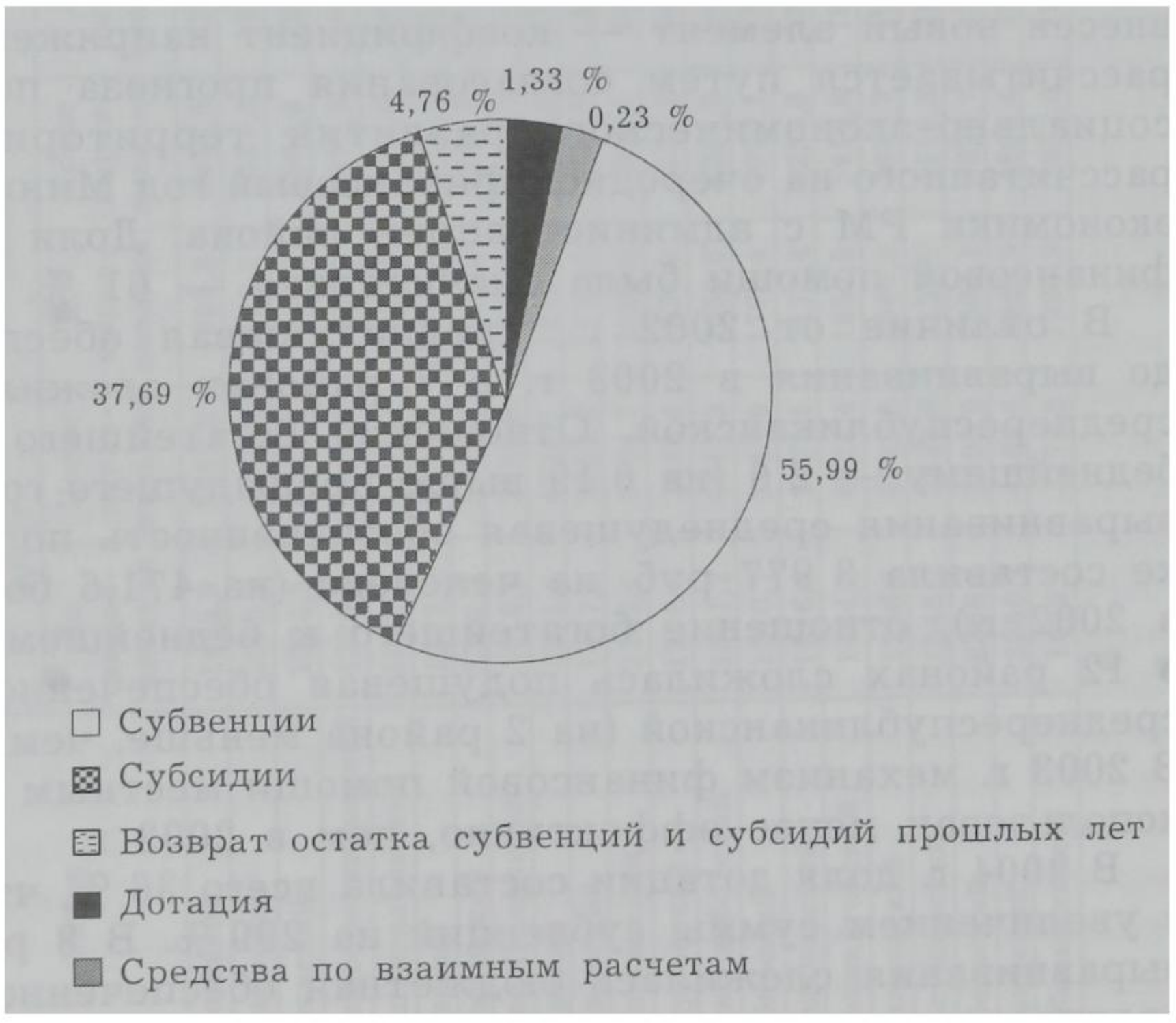

Рисунок. Структура финансовой помощи в 2006 г.

Значительная доля субсидий связана, как уже было отмечено, с включением в их состав суммы дотации, выплачиваемой в зависимости от выполнения производственных показателей. Но следует отметить, что более половины финансовой помощи составляли субвенции. Это связано с выделением средств на финансирование новых расходных полномочий местных органов власти. 2006 г. характеризуется низкой бюджетной обеспеченностью до выравнивания, что связано с небольшими доходами местных бюджетов: на 414 руб. ниже, чем в 2005 г. Но в 10 районах бюджетная обес-печенность оказалась выше среднего уровня (по сравнению с 8 в предыдущие годы). Отношение богатейшего района к беднейшему до выравнивания составило 1,85 и явилось самым низким за последние 8 лет. Бюджетная обеспеченность после выравнивания — 5 939 руб. на человека, что на 154 руб. выше, чем в 2005 г. В 13 районах сложилась обеспеченность выше средней. Отношение богатейшего района к беднейшему оказалось очень высоким по сравнению с предыдущими годами и составило 2,43. Это на 0,25 больше, чем в предыдущем году. Особо следует отметить, что этот показатель до выравнивания был ниже.

Обращаясь к таблице, можно заметить, что именно в 2006 г. объем выравнивания был наиболее значительный, но эффективность оказалась не лучшей. Несмотря на то, что важной тенденцией в 2006 г. при сохранении основополагающих принципов стало усиление заинтересованности получателей дотаций в сохранении и развитии производственного потенциала, личных подворий и сферы торгового обслуживания населения, по нашим оценкам, *система вертикального выравнивания сработала неэффективно, и механизм финансовой помощи сработал лишь как механизм «финансовой помощи».* Стимулирующая функция системы межбюджетного выравнивания выражена тем слабее, чем меньше доля дотаций, выплачиваемых в зависимости от выполнения производственных показателей. Более качественно система бюджетного выравнивания сработала в 2002 г.

Таким образом, Республика Мордовия активно работает над решением проблемы улучшения механизма бюджетного выравнивания на муниципальном уровне, однако есть предпосылки для дальнейшего его развития. В стимулирующей роли межбюджетных отношений нет сомнений, местное

сообщество оказывается заинтересованным как в расширении базы бюджетных поступлений, так и в максимальной собираемости налогов. Этот механизм определения условий перечисления дотаций стал инструментом влияния органов государственной власти на развитие экономического потенциала республики. На наш взгляд, представляется целесообразным в течение 2007—2008 гг. разработать и принять соответствующие поправки. Прежде всего, полагаем важным расширение полномочий субъектов федерации по адаптации основных положений реформы к специфике условий регионов. Это должно включать государственные гарантии в отношении адекватного формирования экономической базы местного самоуправления по двум составляющим: финансовые ресурсы местных бюджетов и муниципальная собственность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гуртов В.* Экономический аспект федерализма // Экономист. 2006. № 2. С. 31—35.

[2] Здесь и далее см.: Электрон. ресурс [режим доступа: [режим доступа: minfin@moris.ru].

[3] Расчетные данные.

Поступила 11.07.07.

А. В. АВЕРИН

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Проблема релевантного измерения и оценки эффективности бизнеса является важнейшей задачей менеджмента. В течение XX в. экономические реалии менялись: первоначально для оценки эффективности бизнеса использовалась абсолютная величина прибыли, получаемая организацией, затем возникла необходимость соотношения прибыли с затратами, которые понесла компания для ее извлечения, т. е. стала широко использоваться система показателей рентабельности (продаж, капитала, собственного капитала и пр.). Так как большинство этих показателей — коэффициенты, то с помощью методов факторного анализа можно построить модели, раскрывающие механизмы взаимного влияния факторов на показатели, объяснить важные экономические зависимости. Необходимо отметить, что факторные модели являются основным инструментом анализа коэффициентов, построенных на основе информации бухгалтерской отчетности.

На основе использования показателя «рентабельность собственного капитала» оценим эффективность бизнеса по фактическим данным одного из ОАО г. Саранска (табл. 1).

Таблица 1

Изменение рентабельности собственного капитала

Показатель	Аналитический период, год				
	2002	2003	2004	2005	2006
Рентабельность собственного капитала	0,419	0,348	0,005	0,235	0,302
Факторы:					
Чистая прибыль, тыс. руб.	64467	82029	1180	71998	133093
Собственный капитал, тыс. руб.	153604	235128	239130	306566	440679

АВЕРИН Андрей Владимирович, аспирант кафедры статистики Мордовского государственного университета.

Из таблицы видно, что рентабельность собственного капитала имеет тенденцию к снижению, наивысшее значение показателя в 2002 г. В 2006 г. уровень рентабельности возрос к уровню 2005 г., но значения 2002 г. не достиг. Факторный анализ изменения этого коэффициента по показателям чистой прибыли и величине собственного капитала за 2005—2006 гг. показывает, что увеличение рентабельности собственного капитала обусловлено увеличением чистой прибыли. При анализе эффективности можно также в качестве целевого показателя рассмотреть величину эффекта, т. е. абсолютный размер чистой прибыли, а в качестве факторов — рентабельность и величину задействованных ресурсов. При этом с точки зрения эффективности использования средств несущественными представляются источники финансирования задействованной в хозяйственной деятельности ресурсной базы. В этом случае следует воспользоваться формулой факторного разложения показателя чистой прибыли по линии ее разложения на интенсивный фактор (за счет рентабельности активов) и экстенсивный фактор (за счет величины совокупных активов). Результаты показывают, что положительная динамика конечных финансовых результатов ОАО вызвана преимущественно увеличением отдачи на 1 руб. задействованных ресурсов при увеличении самой ресурсной базы. Полезно также проводить разложение по экстенсивному и интенсивному факторам сквозь призму текущих финансовых результатов: объема продаж и рентабельности основной деятельности. Как и в случае анализа рентабельности активов, формула факторного разложения текущих финансовых результатов имеет смысл при положительных значениях чистой прибыли.

Из сравнения факторного анализа отклонения чистой прибыли по линии «совокупные активы — рентабельность совокупных активов» и «объем продаж — рентабельность» следует, что факторный анализ чистой прибыли по линии «объем продаж — рентабельность» дает четко выраженный приоритет экстенсивного фактора, вклад рентабельности составляет 39,72 %. Для анализа эффективности производственной и инвестиционной деятельности воспользуемся формулой:

$$ROA = \frac{EBIT}{S} \times \frac{S}{A} = OM \times TR, \quad (1)$$

где ROA — рентабельность активов; $EBIT$ — прибыль до вычета процентов и налогов; A — средняя сумма активов за период; S — выручка от реализации продукции; OM — операционная маржа; TR — оборачиваемость активов.

Результаты расчета показывают, что увеличение рентабельности активов было обусловлено в основном влиянием операционной маржи.

Недостатком моделей факторного анализа прибыли является их практическая непригодность в случае, когда имеет место отрицательный конечный результат. Математический аппарат этих моделей в данном случае предполагает, что рост экстенсивного фактора при отрицательном значении показателей эффективности ведет к росту абсолютной величины убытка. Это может быть верным, если «зона убытков» охватывает и базисный, и отчетный периоды, но в случае перехода от отрицательной к положительной величине конечных финансовых результатов такой подход с экономической точки зрения является некорректным.

Всем факторным моделям и по уровню значимости, и по тенденциям изменения присуща отраслевая специфика. Однако они не предлагают единой системы оценки эффективности бизнеса, они лишь вскрывают механизмы влияния значений одних показателей на динамику других. Более того, они характеризуют эффективность бизнеса только по итогам за один прошедший отчетный период. Одновременно данные бухгалтерских отчетов нуждаются в дополнительной обработке с целью снижения вероятности искажения финансовой отчетности правилами ее составления, так как нередко требования последних не соответствуют экономическому смыслу отражаемых в отчетности операций. Так как оценка эффективности бизнеса наиболее общая задача анализа, то каждое из таких искажений будет затруднять видение реального состояния бизнеса. Этот подход имеет неоспоримое преимущество: наглядность и простоту использования, что ведет к широкому практическому применению; универсальность, возможность применения для компаний различных отраслей; сопоставимость результатов анализа в динамике; исключение ошибки прогнозирования; возможность оперативного контроля.

Заказ № 5077

Чтобы получить показатели оценки эффективности бизнеса, более полно отражающие действительность, необходимо усложнение методики расчета, привлечение данных не только из бухгалтерских отчетов, но и любой информации, влияющей на развитие и состояние бизнеса и таким образом способствующей оценке деятельности организации как со стороны собственников, так и со стороны менеджмента.

В последнее время активно предлагается использовать для измерения эффективности бизнеса концепцию сбалансированной системы показателей (ССП), предложенную Д. Нортоном и Р. Капланом[1] Концепция ССП предполагает использование в качестве критерия эффективности оценки бизнеса систему из следующих составляющих: финансовая, клиентская, бизнес-процессов, развитие и обучение. Каждая из них соответствует одной из сторон стратегии и видения бизнеса его менеджментом. Специфика ССП состоит в том, что в качестве критериев предложены нефинансовые показатели, т. е. сама концепция ССП связывает эффективность деятельности организации не только с каким-либо уровнем рентабельности, но и с другими показателями, оценивающими эффективность маркетинга (клиентская составляющая), логистики и построения бизнес-процессов, кадровой политики и управления персоналом.

На наш взгляд, ССП не вносит ничего нового в состав критериев для оценки эффективности бизнеса: она предлагает разложение уже существующих и широко используемых критериев в сложную факторную систему, являющуюся отражением стратегии организации в современной рыночной среде. Таким образом, ССП не предлагает новых показателей оценки эффективности бизнеса, а лишь обосновывает старые, уже использующиеся в экономической практике.

Аналитической системой, которая учла бы отмеченные недостатки системы бухгалтерских показателей и ССП, была бы способна объединить и преобразовать информацию, не только содержащуюся в финансовых отчетах, но и рыночную, внешнюю для бизнеса как за прошедшие периоды, так и на дату проведения анализа в конечные показатели эффективности, является концепция стоимости бизнеса, в основе которой — идея приращения стоимости. Это обусловлено тем, что каждая организация в процессе своего функционирования все время участвует в процессе создания стоимости. В настоящее время концепция стои-

мости получила достаточно широкое распространение[2] Для оценки эффективности бизнеса ОАО на основе стоимостного подхода мы воспользовались методикой расчета показателя экономической добавленной стоимости. При этом следует помнить, что организация, которая максимизирует свою экономическую добавленную стоимость в единичный период времени, повышает свою стоимость.

Расчет экономической добавленной стоимости ОАО привел к следующим результатам (табл. 2).

Таблица 2

Расчет экономической добавленной стоимости

Показатель	Аналитический период, год							
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Чистая операционная прибыль за вычетом налогов (NOPLAT), тыс. руб.	8455	20467	51292	90074	106136	13637	71998	133093
Инвестированный капитал, тыс. руб.	134087	275470	279653	324020	375545	466795	428085	537858
Рентабельность инвестированного капитала (ROIC), %	6,3	7,4	18,3	27,8	28,3	2,9	16,82	2,47
Цена капитала предприятия (WACC), %	0,68	7,8	6,1	4,3	3,49	4,78	3,4	4,14
(ROIC — WACC), %	5,62	-0,4	12,2	23,5	24,81	-1,88	13,42	-1,67
Экономическая добавленная стоимость (EVA), стр.5хстр. 2/100, тыс. руб.	7535	(1102)	34118	76145	93172	(8776)	57449	(8982,2)

Для расчета цены капитала предприятия (WACC) выделили два основных источника капитала: собственный и заемный. Цена каждого из приведенных источников средств различна, поэтому цену капитала предприятия находим по формуле:

$$WACC = \sum k_j \times d_j, \quad (2)$$

где k_j — цена j-го источника средств; d_j — удельный вес j-го источника средств в общей их сумме.

Основная сложность заключается в исчислении стоимости единицы капитала, полученного из конкретного источника средств. Для некоторых источников ее можно вычислить достаточно легко (например, цена банковского кредита), по другим это сделать довольно трудно, причем точное исчисление в принципе невозможно. Тем не менее, даже приблизительное знание цены капитала весьма полезно для анализируемого ОАО.

Основным элементом заемного капитала ОАО являются кредиты банка (долгосрочные и краткосрочные). Для расчета цены заемного капитала воспользуемся формулой:

$$WACC_{кб} = i \times (1 - T), \quad (3)$$

где $WACC_{кб}$ — цена источника средств, кредиты банка; i — уплачиваемый банку процент; T — ставка налога на прибыль.

Обслуживание источника средств «собственный капитал» равносильно выплате дивидендов. В ОАО все акции обыкновенные. Размер дивидендов по ним зависит от эффективности работы предприятия и заранее не определен, поэтому цена источника средств «обыкновенные акции» рассчитывается по формуле:

$$WACC_{о.а.} = Д_n / Ц_{о.а.} + g, \quad (4)$$

где $Д_n$ — прогнозное значение дивиденда на ближайший период; $Ц_{о.а.}$ — текущая (рыночная) цена обыкновенной акции; g — прогнозируемый темп прироста дивиденда.

Цена источника средств «нераспределенная прибыль» рассчитывается по аналогии с ценой источника средств «обыкновенные акции». Для расчета цены источника средств «собственный капитал» воспользуемся данными таблицы 3.

На основе полученных данных рассчитывается WACC ОАО (табл. 4).

Таблица 3

Расчет цены источника средств «собственный капитал»

Показатель	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Величина собственного капитала, тыс. руб.	129035	129366	106316	153604	235128	239130	306556	440679
Дивиденды выплаченные, тыс. руб.	145	—	286	286	286	145	145	145
Удельный вес выплаченных дивидендов в величине собственного капитала, %	0,11	—	0,27	0,19	0,12	0,06	0,05	0,03
Цена источника средств «собственный капитал»	0,11	—	0,27	0,19	0,12	0,06	0,05	0,03

Таблица 4

Расчет WACC ОАО, %

Показатель	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Удельный вес долгосрочных обязательств в совокупных пассивах	—	65,29	37,46	35,31	15,23	16,41	29,8	24,88
Удельный вес краткосрочных кредитов в совокупных пассивах	2,72	6,49	6,97	3,78	11,74	20,99	12,49	19,72
Удельный вес собственного капитала в совокупных пассивах , %	69,56	33,58	25,20	27,02	45,16	39,29	39,09	42,09
Цена источника средств «долгосрочные обязательства» с учетом их удельного веса	—	5,5	3,6	3,4	1,29	1,21	1,86	1,99
Цена источника средств «краткосрочные кредиты» с учетом их удельного веса	0,60	2,3	2,5	0,9	2,2	3,51	1,52	2,14
Цена источника средств «собственный капитал» с учетом его удельного веса	0,08	—	0,27	0,19	0,12	0,06	0,02	0,01
WACC, %	0,68	7,8	6,1	4,3	3,49	4,78	3,4	4,14

Из рисунка 1 видно, что WACC за весь анализируемый период имеет более низкие значения по сравнению с рентабельностью инвестированного капитала, и только в 2004 г. и в 2000 г. превышает его соответственно на 1,88 % и 0,4 %. Таким образом, создаваемая чистая прибыль предприятия не только направляется на погашение обязательств перед различными группами инвесторов (плата за капитал), но и на приращение стоимости бизнеса.

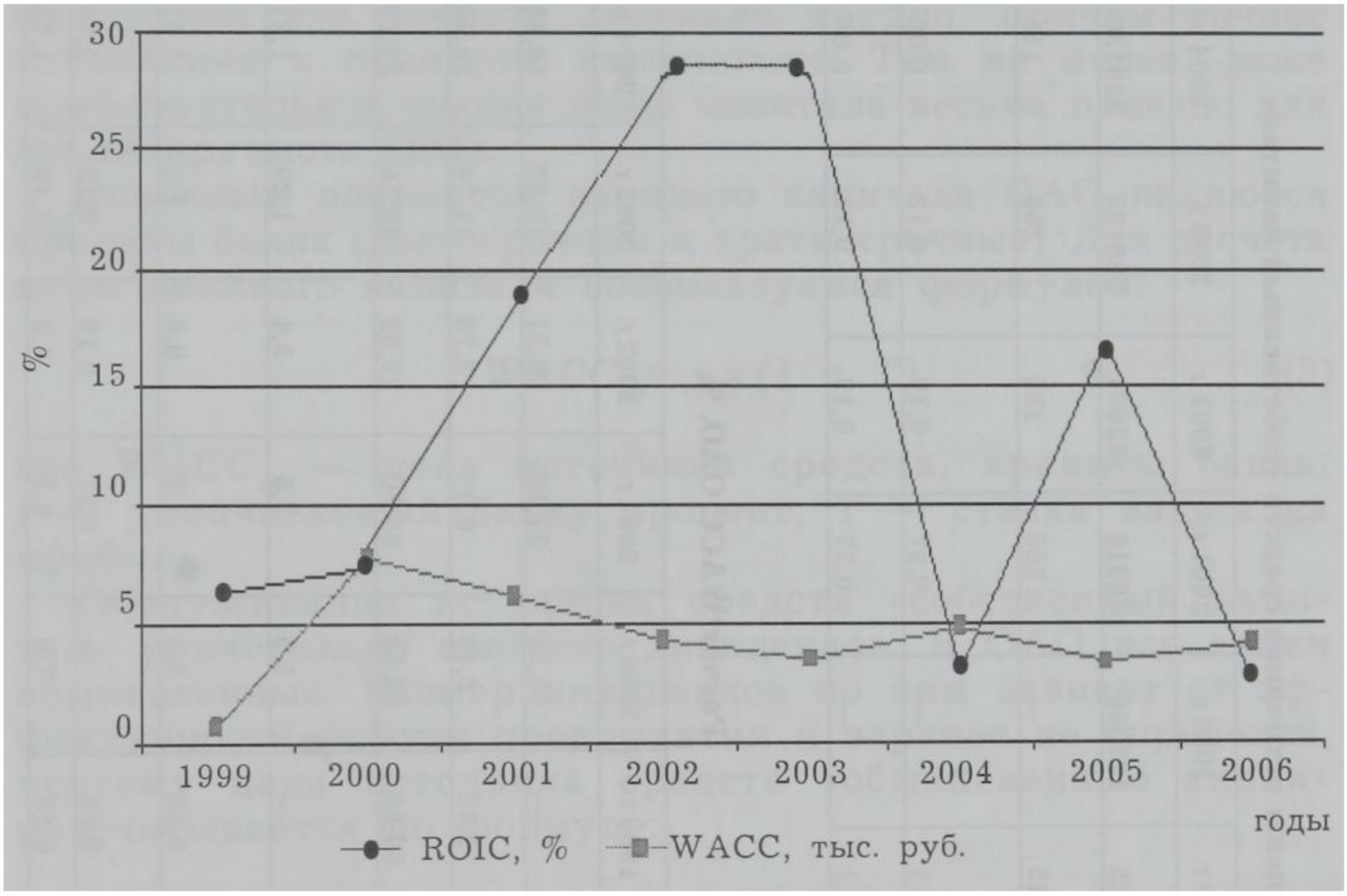

Рис. 1. Изменение рентабельности инвестированного капитала и цены капитала

Из рисунка 2 видно, что экономическая добавленная стоимость имела положительное значение в 1999 г., 2001—2003 гг., 2005 г., т. е. ОАО создавало и активно повышало стоимость своего бизнеса. Однако в 2000 г., 2004 г. и 2006 г. экономическая добавленная стоимость имеет отрицательное значение, что означает потерю стоимости бизнеса, а значит и снижение его эффективности.

Данная ситуация диктует необходимость решения неотложных задач: увеличения отдачи на уже вложенный инвесторами капитал, т. е. повышение его рентабельности;

увеличения рентабельности вновь инвестируемого капитала; поиск более дешевых источников финансирования инвестиций с целью снижения цены капитала; наращения темпов роста бизнеса до тех пор, пока рентабельность инвестиций не сравняется с ценой капитала. В этом случае стоимость бизнеса станет постоянной величиной.

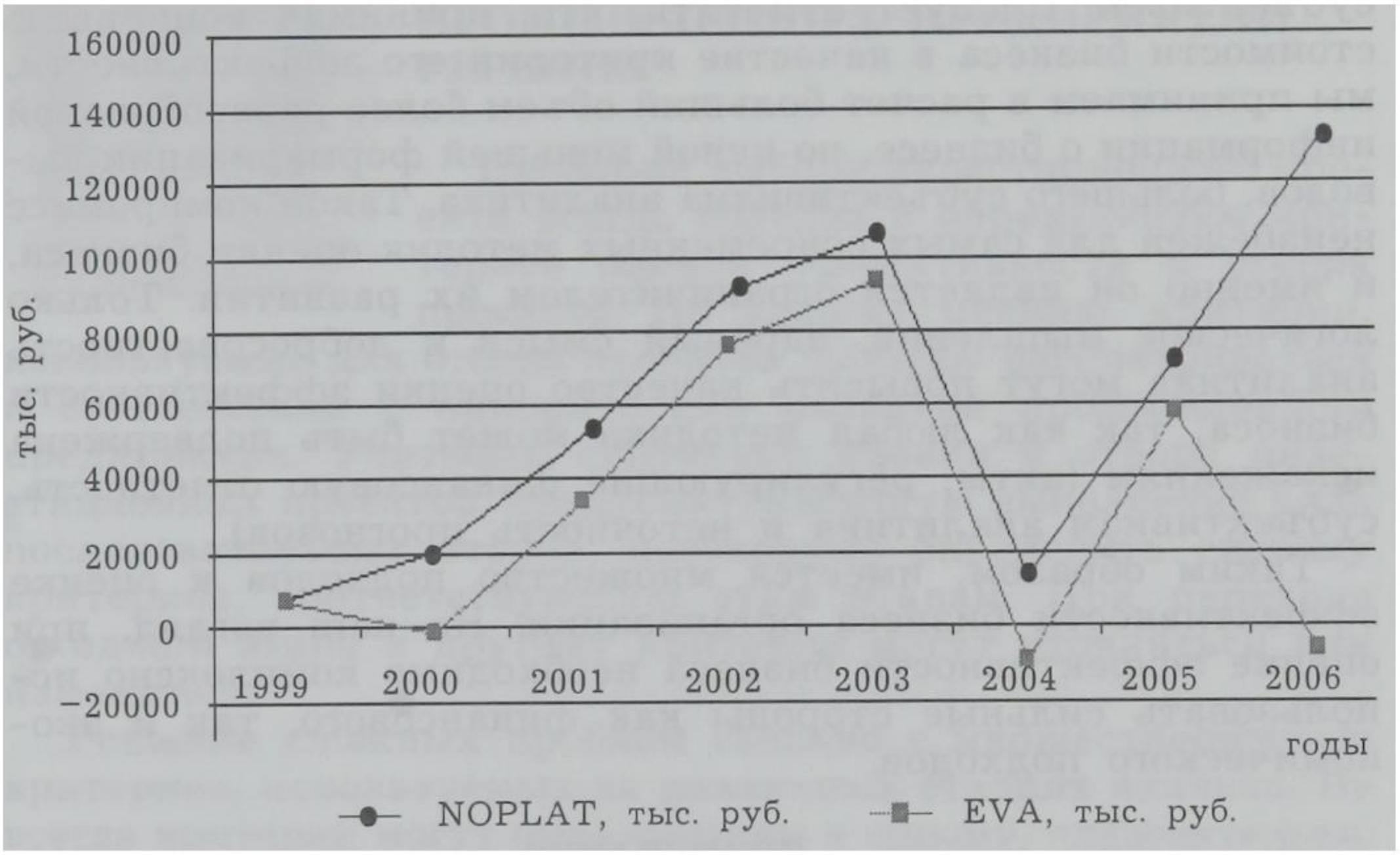

Рис. 2. Чистая операционная прибыль
после уплаты налогов и экономическая добавленная стоимость

Важным отличием стоимостной концепции измерения эффективности бизнеса от концепций, основанных на коэффициентах и факторных моделях, является учет не одного, а неопределенного количества будущих периодов функционирования бизнеса. Действительно, с точки зрения оценки эффективности бизнеса на данный момент более важным является достоверная оценка того, какой доход он сможет обеспечить в будущем, а не то, каковы прошлые результаты деятельности. Тем не менее, важно чтобы первая находилась в полном соответствии со вторыми.

Однако не стоит идеализировать концепцию стоимости бизнеса. Неоспоримым недостатком является заведомая неточность и, более того, субъективность прогнозных данных.

Ясно, что бухгалтерские данные прошлых периодов также не точны и не всегда соответствуют экономической сути произошедших событий, но неопределенность будущего намного выше. Далее, учет внешней информации об экономической конъюнктуре, состоянии финансовых рынков при расчете средневзвешенной стоимости капитала также весьма субъективен. Следует отметить, что, принимая концепцию стоимости бизнеса в качестве критерия его эффективности, мы принимаем в расчет больший объем более разнообразной информации о бизнесе, но ценой меньшей формализации выводов, большего субъективизма аналитика. Такой компромисс неизбежен для самых современных методик оценки бизнеса, и именно он является ограничителем их развития. Только логическое мышление, здравый смысл и добросовестность аналитика могут повысить качество оценки эффективности бизнеса, так как любая методика может быть подвержена искажениям (акты, регулирующие финансовую отчетность, субъективизм аналитика и неточность прогнозов).

Таким образом, имеется множество подходов к оценке эффективности бизнеса организации. На наш взгляд, при оценке эффективности бизнеса необходимо комплексно использовать сильные стороны как финансового, так и экономического подходов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Каплан Р. С., Нортон Д. П.* Сбалансированная система показателей. От трагедии к действию / Пер. с англ. М., 2003.

[2] См.: *Коупленд Т., Колер Т., Мурин Дж.* Стоимость компаний: оценка и управление: 2-е изд. М., 2000; *Stern Stewart Research.* The new math: 4>8 (North American Airlines)// EVAluation, September, 2000; *Stern Stewart Research.* Best of times, worst of times // EVAluation, November, 2000.

Поступила 24.04.07.

Л. А. ЧЕЛМАКИНА

КРИТЕРИИ ОТБОРА И ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Проблема выбора инвестиционного проекта всегда связана с определением критериев оценки эффективности и отбора проектов. По нашему мнению, критерии, используемые для отбора проектов, должны рассматриваться в соответствии с приоритетами развития промышленного предприятия. Учитывая структуру оценки и отбора инвестиционных проектов, предусматривающую выполнение ряда последовательных этапов, необходимо определить систему критериев, соответствующую этим этапам. При переходе от одного этапа к другому критерии могут уточняться или изменяться.

Решение сложных проблем связано с множественностью критериев, используемых на различных стадиях анализа. Не всегда критерии могут быть сведены к одному, следовательно, не все цели могут быть представлены одним критерием. Это обусловливает необходимость использования взаимосвязанной и непротиворечивой системы критериев, используемой на различных этапах отбора и оценки проекта.

Известно, что при большом числе критериев задача может быть неразрешимой из-за трудностей, связанных с принятием наиболее адекватного решения. С другой стороны, необоснованное сокращение числа критериев отбора может привести к выбору нерационального варианта. При всем многообразии набора используемых критериев, по нашему мнению, критерии отбора проектов могут быть выделены в несколько групп: соответствие проекта экономическим приоритетам развития промышленных предприятий; опти-

---

ЧЕЛМАКИНА Лариса Александровна, преподаватель кафедры экономического анализа и учета Мордовского государственного университета.

мальность проекта по технологическим, производственным и экологическим составляющим; соответствие финансово-экономических показателей проекта нормативам; уровень риска; надежность соискателя и гарантированность возврата средств.

Выбор проектов не может быть осуществлен на основе одного формального критерия. Это относится ко всем инвестиционным проектам промышленных предприятий. Решение должно приниматься с учетом множества различных, зачастую противоречивых характеристик проекта и его участников, носящих количественный или качественный характер.

Таким образом, отбор инвестиционных проектов, на наш взгляд, должен осуществляться на трех уровнях. На первом отбираются все проекты, удовлетворяющие приоритетам развития промышленных предприятий, проводится первичная его экспертиза. На втором — проект проходит комплексную финансово-экономическую экспертизу и, получив положительное заключение, передается на третий уровень — проверку соответствия проекта критериям отбора. Основные критерии отбора проектов приведены в таблице.

Вначале определяется рейтинг проекта по группам критериев. В каждую группу входит ряд критериев, формирующих оценку по данной группе. Критерии оцениваются по балльной шкале (0,1, 3, 5) и имеют свой собственный вес в группе (весовой коэффициент). Количество баллов, набранных проектом по данной группе критериев (рейтинг проекта по группе), рассчитывается следующим образом:

$$Ri = \frac{1}{ai(max)} \sum_{i=1,n}^{n} aixi, \qquad (1)$$

где Ri — рейтинг проекта по i-ой группе критериев; x_i — весовой коэффициент i-го критерия; a_i — значение оценки i-го критерия; n — количество критериев в группе.

Таблица

Критерии отбора инвестиционных проектов

Критерий	Весовой коэффициент	Оценка	Значение оценки
Соответствие социально-экономическому развитию предприятия			
1. Обеспечение занятости населения	5,0	1. Проект приведет к сокращению рабочих мест 2. Количество рабочих мест останется на прежнем уровне 3. Проект, вероятно, обеспечит некоторое расширение количества рабочих мест 4. Проект обеспечит создание большого количества новых рабочих мест	0 1 3 5
2. Развитие приоритетных отраслей экономики	4,0	1. Реализация проекта повлияет на отрасль негативно 2. Реализация проекта не окажет на отрасль никакого влияния 3. Окажет положительное влияние на развитие отрасли 4. Окажет существенное благоприятное влияние на развитие отрасли	0 1 3 5
3. Рациональное использование природных ресурсов	3,0	1. Проект окажет негативное воздействие с точки зрения использования природных ресурсов 2. Проект не окажет никакого воздействия на решение проблемы 3. Проект окажет некоторое позитивное воздействие 4. Проект позволит более рационально использовать природные ресурсы	0 1 3 5
4. Развитие инфраструктуры	4,0	1. Проект окажет отрицательное воздействие на развитие инфраструктуры 2. Проект не окажет никакого воздействия на развитие инфраструктуры 3. Проект окажет некоторое положительное воздействие на развитие инфраструктуры 4. Проект значительно улучшит состояние инфраструктуры	0 1 3 5

Продолжение таблицы

Критерий	Весовой коэффициент	Оценка	Значение оценки
5. Развитие объектов социальной сферы	4,0	1. Окажет отрицательное воздействие на развитие социальной сферы 2. Не окажет никакого влияния 3. Окажет некоторое положительное воздействие на развитие социальной сферы 4. Окажет значительное положительное воздействие	0 1 3 5
6. Рост доходов бюджета	5,0	1. В результате реализации проекта сумма налоговых и иных поступлений в бюджет сократится 2. В результате реализации проекта сумма поступлений останется без изменений 3. Сумма изменений несколько увеличится 4. Сумма изменений значительно возрастет	0 1 3 5
Оптимальность проекта по технологическим, производственным и экологическим составляющим			
1. Технологический уровень производства	4,0	1. Очень низкий; требуется полная и дорогостоящая реконструкция 2. Низкий; требуется реконструкция 3. Достаточно высокий 4. Очень высокий; не требует дополнительных инвестиций	0 1 3 5
2. Эффективность использования технологического потенциала	4,0	1. Очень низкая; технологический потенциал используется нерационально 2. Низкая 3. Достаточно эффективно 4. Очень эффективно; оптимально	0 1 3 5
3. Функциональные и потребительские свойства продукции	4,0	1. Значительно уступают по качеству аналогичной продукции 2. Уступают по качеству некоторым образцам продукции 3. Превосходят отечественные и соответствуют мировым образцам 4. Превосходят все существующие аналоги	0 1 3 5

Продолжение таблицы

Критерий	Весовой коэффициент	Оценка	Значение оценки
4. Себестоимость и цена продукции	5,0	1. Значительно выше, чем у конкурентов 2. Соответствует аналогам 3. Незначительно ниже, чем у конкурентов 4. Значительно ниже, чем у конкурентов	0 1 3 5
5. Экологическая безопасность	3,0	1. Проект значительно ухудшит экологическую обстановку 2. Проект несколько ухудшит экологическую обстановку 3. Проект не окажет никакого отрицательного воздействия на экологическую обстановку 4. Проект значительно улучшит экологическую обстановку	0 1 3 5
Финансово-экономические показатели			
1. Объем финансирования с точки зрения возможностей бюджета	4,0	1. Очень большой 2. Относительно большой 3. Относительно небольшой 4. Незначительный	0 1 3 5
2. Возможность получения кредитов	4,0	1. Очень низкая 2. Низкая 3. Относительно высокая 4. Очень высокая	0 1 3 5
3. Возможность привлечения для финансирования проекта институциональных инвесторов	5,0	1. Очень низкая 2. Низкая 3. Относительно высокая 4. Очень высокая	0 1 3 5
4. Коммерческая эффективность проекта (ЧДД, ВНД, ИД)	3,0	1. Проект убыточен 2. Проект недостаточно прибылен 3. Проект вполне прибылен 4. Проект высоко прибылен	0 1 3 5

Продолжение таблицы

Критерий	Весовой коэффициент	Оценка	Значение оценки
5. Период окупаемости инвестиций	4,0	1. Срок окупаемости недопустимо велик 2. Срок окупаемости несколько превышает желаемое значение 3. Относительно небольшой 4. Инвестиции окупятся очень быстро	0 1 3 5
6. Экономическая и бюджетная эффективность	5,0	1. Низкая 2. Достаточно низкая 3. Относительно высокая 4. Высокая	0 1 3 5
Уровень рисков			
1. Финансово-экономические риски	5,0	1. Очень высокие 2. Относительно высокие 3. Низкие 4. Очень низкие	0 1 3 5
2. Технические риски	5,0	1. Очень высокие 2. Относительно высокие 3. Низкие 4. Очень низкие	0 1 3 5
3. Социально-политические риски	5,0	1. Очень высокие 2. Относительно высокие 3. Низкие 4. Очень низкие	0 1 3 5
Надежность Соискателя и гарантированность возврата средств			
1. Репутация (имидж) предприятия и его продукции	3,0	1. Крайне низкая 2. Потребители незнакомы с этим предприятием 3. Некоторые виды продукции пользуются хорошей репутацией 4. Предприятие имеет очень хороший имидж	0 1 3 5
2. Квалификация административно-управленческого персонала	3,0	1. Очень низкая. Абсолютно не способны реализовать этот проект 2. Низкая. Требуется замена ключевых руководителей 3. Достаточно высокая 4. Очень высокая; именно это руководство способно наилучшим образом реализовать проект	0 1 3 5

Окончание таблицы

Критерий	Весовой коэффициент	Оценка	Значение оценки
3. Финансовое положение	5,0	1. Близкое к банкротству или банкротство 2. Плохое 3. Относительно устойчивое 4. Очень хорошее	0 1 3 5
4. Обеспечение гарантий	4,0	1. Крайне неэффективная 2. Неэффективная 3. Относительно эффективная 4. Очень эффективная	0 1 3 5

Каждая группа критериев в свою очередь имеет собственный вес, определяющий значимость данной группы в общей оценке. Общее количество баллов (результирующий рейтинг проекта), получаемое проектом в результате анализа, определяется суммой баллов, набранных по каждой группе критериев путем суммирования рейтингов групп:

$$R = \sum_{j=1}^{m} Rj, \qquad (2)$$

где R — результирующий рейтинг проекта; R_j — рейтинг проекта по j- ой группе критериев; m — количество групп критериев, используемых в отборе.

Таким образом, интервал изменения рейтинга проекта составляет от 0 до 100 баллов. Предложенная схема отбора критериев может быть адаптирована органами государственного управления в зависимости от приоритетов развития путем изменения количества критериев и установки собственных весовых коэффициентов их значимости.

Разработанный алгоритм отбора инвестиционных (как универсальная система отбора) проектов позволяет решить задачи сравнения проектов по единой шкале критериев, учитывающей основные аспекты региональных интересов; приведения процесса отбора проектов к стандартным процедурам, что позволяет сократить время на экспертизу и повышает эффективность работы экспертов; приведения всех предложений Соискателей к стандартному виду, соответствующему международным требованиям.

Так как критерии отбора известны, а результатом является рейтинг проекта, то это позволит избежать лоббирования проектов определенными группами Соискателей.

Выгодными для предприятия признаются программы и проекты, имеющие максимальный результирующий рейтинг, положительные экспертные заключения и надежную схему экономической безопасности. Конкурсная комиссия принимает решение о внедрении программы или проекта.

Поддержка проектов может оказываться в форме кредитования (предоставление ссуд) проектов за счет государственных средств, выделения инвесторам налоговых льгот, предоставления государственных гарантий сторонним инвесторам, финансирующим развитие производства на территории региона, а также в форме участия региона в доле капитала проекта. Порядок финансирования инвестиционных проектов включает ряд процедур: утверждение плана финансирования инвестиционных проектов (объем и график финансирования) на соответствующий период времени; согласование и утверждение плана обеспечения финансирования (источники, сроки заимствования, перечень заемных инструментов, объем эмиссии); обеспечение заемного процесса и создание финансовых фондов займов, предназначенных для финансирования инвестиционных проектов.

Отбор, экспертиза и управление проектами в ходе их реализации (сопровождение проектов) рассмотрены в рамках единого процесса инвестиционной деятельности, что позволяет обеспечить эффективное использование инвестиционных средств в решении социально-экономических задач региона.

Предложенная методика является универсальной и может быть использована в практике отбора инвестиционных проектов любым субъектом предпринимательской деятельности.

Поступила 09.07.2007.

В. А. БЕРЕСЛАВСКАЯ *Л. Н. АИТОВА*

ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ ПРЕДПРИЯТИЯМИ РЕГИОНА

В современных условиях ключевым фактором экономического развития предприятий становится эффективное использование внутренних и внешних инвестиционных ресурсов. Нестабильность финансовых результатов не позволяет предприятиям накопить достаточное количество внутренних инвестиционных ресурсов для воспроизводства основного и оборотного капиталов, а возможности предприятия по привлечению внешних инвестиционных ресурсов в значительной степени зависят от его инвестиционной привлекательности.

Несмотря на имеющиеся публикации, в научной литературе нет единого подхода к определению инвестиционной привлекательности предприятия и ее оценке. С. В. Кузнецов и А. С. Кузнецов определяют инвестиционную привлекательность как интегральную характеристику предприятий с позиций перспективности развития, сбыта продукции, эффективности использования активов, их ликвидности и финансовой устойчивости[1]. М. Н. Крейнина представляет

БЕРЕСЛАВСКАЯ Вера Александровна, профессор кафедры экономики и финансов Марийского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

АИТОВА Лейсан Нурфисовна, старший преподаватель кафедры экономики и финансов Марийского государственного технического университета.

Заказ № 5077

инвестиционную привлекательность предприятия как характеристику целесообразности вложения в него средств[2] Схожую позицию занимают А. Е. Денчук и О. В. Есаулова. Инвестиционную привлекательность они представляют как экономическую целесообразность инвестирования на основании интересов и возможностей инвестора и реципиента инвестиций[3]. С точки зрения И. А. Галкиной, инвестиционная привлекательность предприятия определяется наличием такого инвестиционного потенциала, который способствует его непрерывному обновлению и получению гарантированной прибыли[4]. Она справедливо, на наш взгляд, отмечает взаимосвязь между инвестиционной привлекательностью и инвестиционным потенциалом, однако такой подход не учитывает риск инвестирования.

М. В. Береславская представляет инвестиционную привлекательность как категорию, характеризующую эффективность использования имущества предприятия, устойчивость финансового состояния, качество и конкурентоспособность продукции[5]. Однако такой подход не учитывает интересы инвестора.

Во всех определениях не нашел отражение сравнительный характер понятия «инвестиционная привлекательность». Считаем, что инвестиционная привлекательность предприятия — это предпочтительность вложения средств в данное предприятие по сравнению с другими с учетом интересов инвесторов.

Научные подходы к оценке инвестиционной привлекательности также разнообразны. Тем не менее, можно утверждать, что общим подходом к оценке инвестиционной привлекательности предприятия является система показателей, отражающих его финансово-экономическую деятельность. Предлагаем использовать методику системного анализа финансовой отчетности, основанную на соотношении показателей, формирующих финансовые коэффициенты, по темпам роста. Отсутствие нормативных значений коэффициентов делает методику универсальной для предприятий разных отраслей экономики.

По своему содержанию экономические показатели представляют собой отображение реализуемых в хозяйственной системе действий, выбранных в процессе принятия решений. Любое вновь принятое решение находит отражение в динамике экономических показателей. Именно поэтому в качестве

признака упорядочения показателей предлагаем использовать меры их динамики, в частности, темпы роста.

Лучшему финансовому состоянию предприятия соответствует нормативный порядок мер движения показателей, отражающих результаты его деятельности. Такой нормативный порядок показателей (динамический норматив) представляет собой «идеальную модель» развития предприятия. Путем последовательного ранжирования показателей по темпам их роста формируется упорядоченный ряд показателей. Каждому показателю присваивается число-ранг.

В силу разнородности показателей не все из них могут быть сравнимы с точки зрения интерпретации их соотношения и их целевой направленности, поэтому не всегда возможно построение упорядоченного ряда показателей. В практике расчетов известны линейный и нелинейный динамические нормативы. Линейный имеет место в том случае, когда все без исключения исходные показатели взаимосвязаны между собой и могут быть выстроены в линейную цепочку. В случае нелинейного динамического норматива лишь часть показателей взаимосвязана между собой и их нельзя выстроить в единый упорядоченный ряд показателей. На практике встречается преимущественно нелинейный динамический норматив, поэтому в исследовании принят этот вид динамического норматива.

Процесс формирования аналитической модели в виде динамического норматива включает в себя следующие шаги.

Формирование системы показателей. Для проведения анализа выбраны коэффициенты, дающие достаточно полное представление об экономическом и финансовом состоянии предприятия: текущая ликвидность; обеспеченность собственными оборотными средствами; реальная стоимость имущества; финансовая независимость; маневренность собственного капитала; ресурсоотдача; оборачиваемость дебиторской задолженности; оборачиваемость кредиторской задолженности; фондоотдача; рентабельность продаж; фондорентабельность; рентабельность основной деятельности; среднегодовая выработка 1 работающего; затраты на 1 руб. выпущенной продукции; соотношение выручки и «чистых» обязательств[6]; эффективность финансовых вложений (соотношение доходов от финансовых вложений и суммы среднегодовых долгосрочных и краткосрочных финансовых вложений).

Таким образом, для построения модели следует использовать показатели: 1) оборотные активы[7]; 2) краткосрочные обязательства (краткосрочные кредиты банков и займы, кредиторская задолженность и прочие краткосрочные пассивы); 3) собственные оборотные средства; 4) основные средства по остаточной оценке, запасы сырья и материалов, затраты в незавершенном производстве; 5) итог баланса; 6) собственный капитал; 7) выручка от продажи товаров, продукции, работ, услуг; 8) дебиторская задолженность; 9) кредиторская задолженность; 10) объем выпуска продукции; 11) среднегодовая стоимость основных производственных средств; 12) прибыль от реализации; 13) себестоимость проданных товаров, продукции, работ, услуг; 14) среднесписочная численность персонала; 15) затраты на производство продукции, работ, услуг; 16) «чистые» обязательства; 17) доходы от финансовых вложений (сумма процентов к получению и доходов от участия в других организациях); 18) сумма среднегодовых долгосрочных и краткосрочных финансовых вложений.

Эталонное упорядочение пар показателей по темпам их роста. Рост 1—13 коэффициентов, а также 15—16 коэффициентов оценивается как благоприятная тенденция, следовательно, в динамическом нормативе должны выполняться следующие соотношения показателей по темпам роста:

$$T_{роста1} > T_{роста2};\quad T_{роста3} > T_{роста1};\quad T_{роста4} > T_{роста5};$$
$$T_{роста6} > T_{роста5};\quad T_{роста3} > T_{роста6};\quad T_{роста7} > T_{роста5};$$
$$T_{роста7} > T_{роста8};\quad T_{роста7} > T_{роста9};\quad T_{роста10} > T_{роста11};$$
$$T_{роста12} > T_{роста7};\quad T_{роста12} > T_{роста11};\quad T_{роста12} > T_{роста13};$$
$$T_{роста10} > T_{роста14};\quad T_{роста7} > T_{роста16};\quad T_{роста17} > T_{роста18}.$$

Для коэффициента 14 справедливо следующее нормативное соотношение: $T_{роста10} > T_{роста15}$;

Так как $T_{роста3} > T_{роста1}$, а $T_{роста1} > T_{роста2}$, то и

$T_{роста3} > T_{роста2}$. $T_{роста3} > T_{роста6}$, а $T_{роста6} > T_{роста5}$, то и

$T_{роста3} > T_{роста5}$. $T_{роста12} > T_{роста7}$, а $T_{роста7} > T_{роста5}$,

$T_{роста7} > T_{роста8}$, $T_{роста7} > T_{роста9}$, $T_{роста7} > T_{роста16}$, то и

$T_{роста12} > T_{роста5}$, $T_{роста12} > T_{роста8}$, $T_{роста12} > T_{роста9}$, $T_{роста12} > T_{роста16}$.

Так как не все из рассматриваемых показателей взаимосвязаны между собой, имеет место нелинейный динамический норматив.

Отражением результатов реализованных решений служит фактическое упорядочение показателей по темпам их роста. Оценкой финансово-экономической устойчивости предприятия служит уровень близости фактического и нормативно установленного в динамическом нормативе упорядочения темпов роста показателей. Методика расчета оценки устойчивости для нелинейного динамического норматива включает в себя расчет темпов роста показателей за анализируемый период времени, формирование матрицы предпочтений (на основании нормативных соотношений между темпами роста показателей формируется матрица предпочтений), построение матрицы соотношений показателей по фактическим темпам роста (для построения матрицы показатели ранжируются по фактическим темпам роста), построение матрицы совпадений фактических и эталонных соотношений, расчет интегральной оценки финансовой устойчивости (Y).

Оценка Y меняется в диапазоне от 0 до 1. Чем ближе оценка к единице, тем большая доля нормативных соотношений между показателями реализована в реальной финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Результаты оценок финансово-экономической устойчивости крупных и средних предприятий молочной промышленности Республики Марий Эл представлены в таблице.

Таблица

Оценка финансово-экономической устойчивости крупных и средних предприятий молочной промышленности Республики Марий Эл

Наименование предприятия	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
ОАО «Марийскмолпром»	0,59	0,41	0,09	0,14
ЗАО «Звениговский гормолкомбинат»	0,73	0,27	0,36	0,27
ОАО «Мари-Турекский маслосырзавод»	0,73	0,27	0,09	0,09
ЗАО «Сернурский сырзавод»	0,77	0,27	0,59	0,23

Наиболее устойчивое финансово-экономическое состояние достигнуто ЗАО «Сернурский сырзавод» и ЗАО «Звениговский гормолкомбинат».

Предложенная методика оценки инвестиционной привлекательности позволяет при использовании предложенной системы показателей, оценивающих финансово-экономическую деятельность предприятия, получить инвестору четкую картину о риске вложения средств в предприятие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кузнецов С. В., Кузнецов А. С.* Инвестиционный потенциал региона: оценка и механизмы реализации. СПб, 2003.

[2] См.: *Крейнина М. Н.* Финансовое состояние предприятия. Методы оценки. М., 1997.

[3] См.: *Денчук А. Е.* Совершенствование методов комплексной оценки инвестиционной привлекательности промышленных предприятий: Дис. ... канд. экон. наук. Ярославль, 2000; *Есаулова О. В.* Оценка инвестиционной привлекательности промышленных предприятий: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2002.

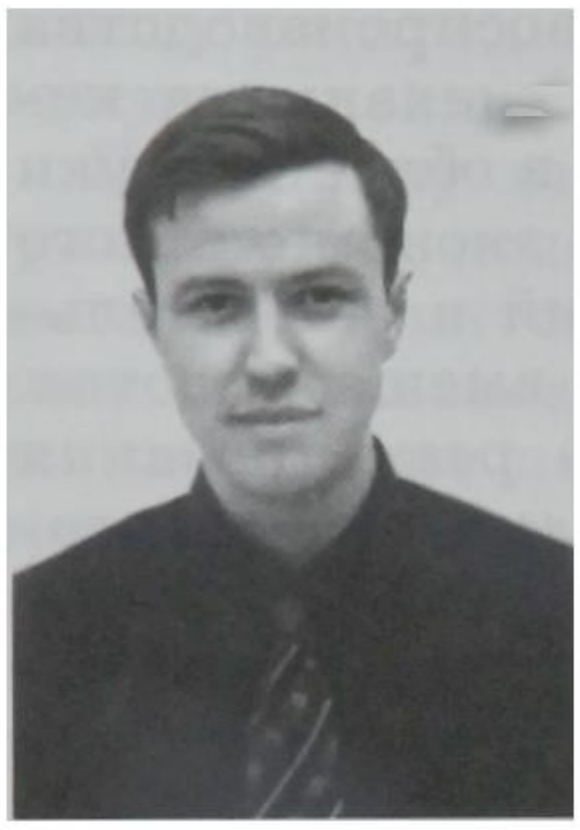
[4] *Галкина И. А.* Организационно-экономический механизм инвестирования сельского хозяйства регионального АПК: Дис. ... канд. экон. наук. Ставрополь, 2000.

[5] *Береславская М. В.* Методология оценки инвестиционной привлекательности // Финансовые проблемы РФ и пути их решения: теория и практика. Тезисы V Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. СПб., 2004. С. 214—216.

[6] Под «чистыми» обязательствами понимаются: кредиты и займы + кредиторская задолженность — дебиторская задолженность.

[7] Без учета расходов будущих периодов.

Поступила 16.04.07.

М. Т. АЛДАРКИН *А. Ф. ШИЧКИН*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЛИ В СИСТЕМЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА

Важнейшим условием устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия является эффективная и сбалансированная система государственного регулирования агропромышленного комплекса. Только на основе такой системы возможно эффективное функционирование аграрного сектора экономики и решение проблем продовольственной безопасности[1]

Опираясь только на рыночный механизм, невозможно осуществить справедливое распределение доходов. Ничем не ограниченное рыночное распределение доходов приводит к социальной поляризации, существенной дифференциации доходов, а также безработице и напряженности в обществе. Рыночный механизм не может самостоятельно обеспечить производство общественных товаров и услуг коллективного пользования. Рынок не способствует сохранению невоспроизводимых ресурсов, не может регулировать использование

АЛДАРКИН Марат Тагирович, аспирант кафедры экономики и организации агробизнеса Мордовского государственного университета.

ШИЧКИН Александр Федорович, соискатель кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета.

ресурсов, принадлежащих всему человечеству. В условиях рынка не достаточно решается проблема воспроизводства рабочей силы. Только с помощью рыночного механизма невозможны глубокие, стратегические прорывы в области науки и техники. В связи с этим эффективность экономического механизма агропромышленных формирований в значительной степени зависит от государственного вмешательства. Только *разумный синтез государственного регулирования и механизма рынка позволяет наиболее полно решать социально-экономические проблемы современного общества.*

В сфере государственного управления и регулирования агропромышленных объединений особое место занимают земельные ресурсы. Земля представляет собой не только сырьевую базу, но и пространственный базис для размещения всех видов хозяйственной деятельности человека. В последнее время обострились противоречия в земельных отношениях. Это касается отношений по поводу форм собственности на землю, видов землепользования, взаимоотношений общества и природы в целом. Для решения этих противоречий необходимо создание условий нового режима землепользования, более адекватно отвечающего требованиям современного этапа[2].

Под государственным регулированием эффективности использования земельных ресурсов на предприятиях АПК понимается комплекс организационных, правовых, экономических и других мер воздействия, видов и форм государственной деятельности, обеспечивающих многообразие форм собственности, владения и пользования землей, хозяйства и хозяйствования на ней, самостоятельность субъектов земельных отношений, рациональное и эффективное использование земельного фонда страны.

При определении взаимодействия составных частей государственного регулирования интегрированных предприятий необходимо учитывать некоторые особенности. Во-первых, процесс постоянного развития земельных отношений осуществляется в рамках существующих форм производства. Во-вторых, земля как средство производства, пространственный базис и компонент природы имеет свою специфику. В-третьих, обязателен выбор критериев, к достижению которых следует стремиться при регулировании использования земли. Именно своеобразие объекта земельных отношений требует вмешательства государства во взаимос-

вязи и взаимозависимости, возникающие между людьми по поводу распределения, перераспределения, использования и восстановления земельных ресурсов.

По нашему мнению, основные цели государственного регулирования использования земли в предприятиях агропромышленной интеграции, — экономические (развитие эффективного сельскохозяйственного производства, рациональное использование земельных ресурсов, развитие разных форм предприятий-землепользователей, формирование договорных отношений в сфере землепользования); социальные (удовлетворение населения продуктами питания, обеспечение занятости населения, финансовая и кредитная поддержка землепользователей); политические (регулирование взаимоотношений землепользователей через правовые нормы).

Для достижения поставленных целей в Мордовии необходимо создать экономический механизм регулирования, представляющий собой совокупность методов и форм воздействия на экономические интересы товаропроизводителей.

Одним из составляющих этого механизма является *ценовое регулирование*, предполагающее применение нормативной, кадастровой, рыночной цены земли, арендной платы, регулируемой цены на сельскохозяйственную продукцию.

Особое место в этом механизме регулирования землепользования и землевладения принадлежит нормативной цене земли. В 2004 г. по предложению Комзема по Республике Мордовия, Правительство РМ приняло Постановление «О нормативной цене земли». При установлении уровня нормативной цены земли учитывались повышающие коэффициенты к ставкам земельного налога, ситуация с ценами при совершении сделок купли-продажи земельных участков, существующий уровень арендной платы за использование земли и другие факторы.

Наиболее высокую нормативную цену в РМ имеют земли в г. Саранске, используемые для коммерческой деятельности организациями всех форм собственности. Нормативная цена этих земель колеблется от 260 до 1800 руб. за 1 $м^2$ в зависимости от оценочной зоны. Самую низкую нормативную цену имеют земельные участки, используемые под садоводство, огородничество, сенокошение и выгон скота — 18 руб. за 1 $м^2$. В районных центрах кадастровая цена земли значительно ниже.

Рыночная цена земли формируется в процессе купли-продажи, т. е. на рынке под влиянием спроса и предложения. Владелец земельного участка расстается с ним лишь в том случае, если полученные от продажи земли деньги, будучи помещенные в банк, принесут в виде процента доход не меньший, чем полученная ими с этого участка рента. Причиной, искажающей формирование рыночных цен на земельные участки в Мордовии, стала неразвитость рынка недвижимости и его изолированность от финансового рынка страны в целом. Поэтому установить объективную рыночную цену очень сложно.

Переход на рыночную оценку земли исключительно важен. Рыночную цену можно использовать в качестве базовой при налогообложении, приватизации, установлении стартовой цены на конкурсах и аукционах, в бухгалтерской отчетности. Без этого невозможно создать нормальную систему платежей за землю.

В настоящее время наиболее распространенная форма использования земли в агропромышленных интегрированных формированиях арендная. По данным государственной статистической отчетности, местными органами власти в РМ в 2005 г. передано в аренду 244,2 тыс. га земли. С 1993 по 2005 г. число арендаторов земли увеличилось в 13,5 раза.

Абсолютная часть (96,6 %) арендованных земель приходится на долю сельскохозяйственных предприятий, граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, осуществляющих жилищное строительство, развивающих садоводство, животноводство. Арендная плата за землю этой категории землепользователей базируется в основном на ставках земельного налога, характеризующихся низким уровнем. Общий размер поступлений во все уровни бюджетов от сдачи в аренду земли в 2005 г. составил 363,081 млн руб. — 75,12 % от всех земельных платежей.

Средний размер арендной платы за 1 га земель составил примерно 28—30 руб. Безусловно, этой суммы недостаточно даже на то, чтобы восполнить использованные из земли питательные вещества. Незначительные размеры поступлений связаны во многом с отсутствуем научного подхода при установлении арендной платы за землю. Она устанавливалась произвольно. Примеры низких ставок арендной платы в республике свидетельствуют не столько об объективности

их размеров, сколько об относительно низком уровне благосостояния народа.

Следующей составляющей экономического механизма является *налоговое регулирование* — создание различных систем налогообложения для субъектов земельных отношений. Земельная налоговая политика республики требует совершенствования. Она функционирует неэффективно. Общая сумма взимаемого налога на землю в 2005 г. составила 120,27 млн руб. — 24,88 % от всех выплат за землю. Основной составляющей в этой величине являются налоги за земли городов и поселков и лишь 48,05 млн руб. (39,9 %) за использование земель сельскохозяйственного назначения. Безусловно, этих средств недостаточно, чтобы повлиять на улучшение использования земли.

Не менее важной составляющей является *страхование* (возмещение потерь и ущерба). Сегодня имеются все основания говорить о глубоком кризисе сферы сельскохозяйственного страхования в регионе, да и в стране в целом. Причин такого положения несколько.

Первая и главная, на наш взгляд, заключается в крайне неблагоприятном финансовом положении большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей. Вторая — мешающая нормальному развитию сельскохозяйственного страхования, — инфляция. Третья — отсутствие гарантий своевременной выплаты страховых возмещений ввиду отсутствия необходимых средств у страховых компаний. Четвертая — отсутствие необходимой гибкости при проведении страховых операций, в частности, недостаточный учет реальной степени риска наступления страховых событий.

Большое значение имеет *государственная поддержка субъектов земельных отношений* (программы, субсидии и т. д.). В Мордовии решению проблемы сохранения и повышения плодородия почв способствует принятие «Комплексной программы повышения плодородия почв в Республике Мордовия», прообразом которой станет разработанная Федеральная программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006—2010 годы» Однако из-за недостаточного финансирования в республике две программы остались невыполненными (за 1996—2000 гг. и 2002—2005 гг.). Первая освоена в среднем на 22,7 %, вто-

рая за 2002—2005 гг. официально даже не принималась, поэтому данные ее выполнения сомнительны.

И, наконец, *государственное регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения.* Вовлечение в рыночный оборот земель сельскохозяйственного назначения сопряжено с некоторыми негативными проявлениями, поэтому земельный рынок должен регулироваться государством. Основными требованиями к процессу государственного регулирования земельного рынка в сфере агропромышленной интеграции следует считать разделение полномочий (нормотворчество, нормоприменение, в том числе восстановление нарушенных прав, государственное предпринимательство в земельной сфере); дифференцированный подход к землям разных категорий; поддержание конкурентной среды; стимулирование привлечения инвестиций в земельно-имущественную сферу; открытость информации обо всех участниках и объектах земельного рынка; гласность процесса принятия норм, регулирующих земельный рынок, их простота; возможность оценки объектов рыночного оборота независимыми оценщиками; возможность обжалования участниками земельного рынка действий регулирующих органов и их должностных лиц; дополнительная защита прав социально незащищенных категорий граждан; учет экономических интересов участников земельного рынка.

Если совершение каких-либо сделок выгодно участникам рынка, а государство намерено их запретить, то запрет должен быть контролируемым, а не декларируемым, в противном случае сделка все равно состоится, но ее нелегальный характер приведет к дополнительным негативным последствиям.

При реформировании сельского хозяйства большие надежды возлагались на развитие рынка земли, для чего Земельным кодексом РФ, федеральным и республиканским законами «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» сняты последние ограничения на продажу и платное использование сельскохозяйственных угодий.

В Мордовии имеются региональные особенности оборота земельных ресурсов и эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения в области агропромышленной интеграции. Современную ситуацию в данной

сфере на земельном рынке республики следует оценить как нестабильную, но, как показывает динамика сделок купли-продажи земельных участков, не следует ожидать сворачивания рынка. Спрос на землю в ближайшее время будут предъявлять фирмы, торгующие землей, строительные компании, предприниматели, а также лица с высоким уровнем доходов. Земля будет предлагаться к продаже главным образом местными органами власти, а также пенсионерами и бывшими работниками сельскохозяйственных предприятий.

В 2005 г. в Мордовии общий объем сделок с земельными участками по купле-продаже, дарению, наследованию составил 5 435 единиц на площади 5 544 га. Основная часть земель сельскохозяйственного назначения в республике сохранена в различных правовых формах (совместного, долевого использования или владения в собственности крупных сельскохозяйственных предприятий). *В республике во главу земельной политики поставлен принцип эволюции* в отличие от более радикальных преобразований в других регионах страны. Приоритет отдается сохранению земель сельскохозяйственного назначения за специализированными сельскохозяйственными товаропроизводителями, способствуя при этом развитию различных форм и отношений собственности на землю и реформированию внутрихозяйственных экономических отношений.

В основе земельной политики лежит принцип установления границ свободы действий субъектов земельных отношений, а порой и принуждения их к совершению определенных действий. Одновременно при хозяйственном управлении землей все субъекты земельных отношений должны быть равноправны. Таким образом, оказывается неизбежным некоторое противоречие между возможностями государства (в том числе по установлению правил совершения сделок с землей) и соблюдением равенства сторон. Поэтому следует четко соблюдать принцип разделения полномочий между органами, наделенными регулирующими и контролирующими функциями, и теми, которые участвуют от имени государства в различных рыночных земельных сделках.

В современных условиях государство может не только устанавливать правила функционирования земельного

рынка в части предприятий АПК и контролировать их (в рамках земельной политики), но и участвовать в рыночных операциях через созданные государством или с его участием банки, агентства и иные структуры, стимулируя этим совершение земельных сделок (в рамках хозяйственного управления — земельного менеджмента). Особенно это актуально для залога земель[3].

Переход регулирования земельных отношений на новую ступень, предусматривающее вторичное рыночное распределение земли, не может быть реализован без улучшения информационной базы. Особое значение имеет государственный земельный кадастр, где собираются сведения и документы о правовом режиме земель, их распределении по собственникам, землевладельцам, землепользователям и арендаторам, категориям земель, об их качественной характеристике и ценности. С его помощью делается оценка земли, регулируются арендные отношения, устанавливается налог на землю. На базе земельного кадастра создается государственная система земельной информации для проведения единой государственной земельной политики[4].

Итак, анализ механизма регулирования использования земли приводит к выводу о том, что необходимо сосредоточить работу на решении вопросов повышения, эффективности использования земель, имея в виду:

— оптимизацию форм хозяйственного использования земли, включая обоснованные размеры земельных угодий для эффективного ведения сельскохозяйственного производства и рациональное землеустройство, обеспечивающее освоение современных систем земледелия, прогрессивных технологий, новых форм земплепользования;

— разработку и освоение экономического механизма земельных отношений агропромышленных формирований и его основных составляющих (земельной ренты, оценки и цены земли, земельного налога, фиксированных выплат за пользование участками худшего качества, арендной платы, платы за операции с землей);

— государственное регулирование землевладения, охватывающее разработку и контроль правил применения законодательных актов и нормативных документов по земельным отношениям, а также создание для всех землепользователей равных условий, обеспечивающих возможность хозяйствова-

ния на основе расширенного воспроизводства и сохранения плодородия сельскохозяйственных земель;

— разработку для предприятий агропромышленной интеграции проектов землеустройства и землепользования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Подзоров Н. Г.* Методологические подходы к разработке стратегии государственного регулирования аграрного сектора экономики // Экономика и управление: в поисках нового (Межвуз. сб. науч. тр.). Вып. III. Саранск, 2004. С. 189—194.

[2] См.: *Кресникова Н.* Роль государства в управлении земельными ресурсами // Экономика сельского хозяйства. 2000. № 5. С. 16.

[3] См.: *Липский С.* Современное государственное управление сельскохозяйственным землепользованием // АПК, экономика и управление. 2003. № 6. С. 13—19.

[4] См.: *Ломакин Б. И.* Земельные отношения: проблемы и решения. Саранск, 2004.

Поступила 21.02.07.

Е. А. СОЛОДОВА,
П. Г СОРОКОЛЕТОВ

ФОРМУЛА ПРОГРЕССА ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Современная система образования находится на перепутье: различные программы ее модернизации предлагают множество альтернативных путей развития. Проанализировать эти пути, выявить возможные конечные цели развития позволяет процедура математического моделирования на основе синергетической методологии.

В системе образования различают несколько иерархических уровней моделирования. Модель макроуровня системы образования в регионах связывает макрохарактеристики развития нации: демографический показатель, уровень развития отраслей народного хозяйства с уровнем образования, даваемого системой образования страны, и определяет концепцию развития системы высшего образования в России. Весьма оригинальную модель предложил А. С. Панарин[1] Формализуем эту модель в терминах математики и проанализируем ее. Система неравенств (1) есть условие выживаемости нации, безопасности России.

В «формуле прогресса» задействовано всего 5 параметров. Это и есть параметры порядка макромодели.

Первое неравенство в системе есть требование более высоких темпов роста межотраслевого знания по сравнению с отраслевым знанием. Действительно, сегодня все самое интересное в науке возникает на стыке различных отраслей знания. Появились такие науки, как математическая психология, математическая лингвистика, биофизика, в самих названиях которых заложена междисциплинарность. Например, такое мощное технологическое направление, как нанотехнологии, предполагает знание специалистами физики, химии, биологии, математики, методов компьютерного моделирования. Интегрированным выражением идеи междисциплинарности является синергетика.

СОЛОДОВА Евгения Александровна, ведущий научный сотрудник Государственного научно-методического центра, доктор педагогических наук, профессор (г. Москва).

СОРОКОЛЕТОВ Павел Геннадьевич, директор Государственного научно-методического центра (г. Москва).

$$\frac{dx_{межотр.}}{dt} > \frac{dx_{отр.}}{dt}$$

$$\frac{dx_{фундам.}}{dt} > \frac{dx_{прикл.}}{dt}$$

$$\frac{N_{молод.}}{N_{\sum}} > 0{,}5$$

$$\frac{dT_{учебы}}{dt} > \frac{dT_{работы}}{dt}$$

$$\frac{dT_{досуга}}{dt} > \frac{dT_{учебы}}{dt} \qquad (1)$$

Второе неравенство следует читать так: «Темпы роста фундаментального знания должны превышать темпы роста прикладного». Принципы создания отраслевого вуза, дающего прикладные знания, рассчитанные на быстрейшее удовлетворение запросов рынка, и фундаментального вуза диаметрально противоположны. Образование в прикладном вузе строится на принципе скорейшей окупаемости вложенных средств и направлено, в основном, на формирование определенных стандартных знаний, навыков и умений. Такие вузы работают по принципу следящей системы автоматического регулирования: схема чутко реагирует на вход и ее задача — как можно более точно и быстро отследить входной сигнал, т. е. запрос внешнего рынка, отрасли. Прикладная система отличается от классической тем, что не воспитывает у обучающихся потребности к осмыслению того, что они изучают. Она всего лишь приучает человека к рациональному использованию того, что уже создано до него, не побуждая к творчеству.

Следующее неравенство формулирует демографическое требование, состоящее в том, что доля молодежи в общем составе населения должна превышать 50 %.

Четвертое неравенство: темпы прироста времени учебы в жизни каждого человека должны быть больше темпов прироста времени работы. Данные социологов свидетельствуют о том, что современный человек должен раз в

5 лет переучиваться, чтобы оставаться квалифицированным работником[2].

Последнее неравенство в системе есть требование более высоких темпов прироста досугового времени по сравнению со временем учебы.

Имеется прямая связь между безопасностью страны и внутренней гармонией членов общества, достигаемая (среди прочих составляющих) путем кропотливой ежедневной воспитательной работы сферы образования.

В регионах России есть вузы, работающие в соответствии со всеми указанными принципами — это Физтех, вузы Наукоградов, готовящие научную элиту страны. Именно такими элитными вузами должны стать в короткое время фундаментальные вузы России — другой дороги нет. В противном случае нарушатся необходимые условия формулы прогресса нации, ее безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Малинецкий Г. Г., Потапов А. Б.* Современные проблемы нелинейной динамики. М., 2002.

[2] *Андрианов И. В., Баранцев Р. Г., Маневич Л. И.* Асимптотическая математика и синергетика: путь к целостной простоте. М., 2004.

[3] См.: *Панарин А. С.* Христианский фундаментализм против рыночного терроризма // Наш современник. 2003. № 1—2.

Поступила 23.05.07.

Р. Х. МАРДАНОВ

У. Р. МУСИН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

Пролонгацию преобразований в сфере местного самоуправления необходимо рассматривать с позиций решенных задач в деятельности муниципальных образований: завершен процесс разграничения полномочий между государственной властью и местным самоуправлением и их финансового обеспечения, муниципальные образования стали самостоятельными в реализации делегированных полномочий. Достигнутые результаты требуют дальнейшего закрепления, в связи с этим возрастает необходимость использования современных управленческих технологий.

Зарубежный и отечественный опыт показывает, что серьезной проблемой становится способность органов местного самоуправления успешно разрабатывать и воплощать программы развития и достигать поставленных целей. При этом основная причина большинства неудач — не низкое качество программ развития, а многочисленные ошибки

МАРДАНОВ Рустэм Хабибович, профессор кафедры региональной экономики Башкирского государственного университета, кандидат экономических наук.

МУСИН Урал Рамазанович, ассистент кафедры региональной экономики Башкирского государственного университета.

в их реализации в первую очередь, — несогласованность программ развития с оперативными планами и текущей деятельностью органов местного самоуправления.

Одной из современных технологий управления в разработке и реализации программы развития муниципального образования стало использование системы сбалансированных показателей (ССП), проявившей себя достаточно гибкой и универсальной для применения в разных странах мира[1]

Очевидным примером для изучения передового опыта служит разработанная модель стратегических карт ССП, описанная в работах Р. Каплана и Д. Нортона[2], являющиеся методологической основой в создании и внедрении ССП для разработки и реализации программ развития муниципальных образований с учетом российской специфики. Альтернативной моделью является шведская модель «клиент-поставщик», основанная на системе сбалансированных показателей[3]

Сбалансированная система показателей остается чрезвычайно популярной. Предлагаем использовать ее в качестве инструмента реализации программы развития системы образования муниципального района на пути достижения стратегических целей. Объектом исследования выбрана система образования муниципального района, вследствие того, что среди предписанных полномочий органам местного самоуправления стратегически важным остается предоставление образовательных услуг на уровне муниципального района. Оказание этой государственной услуги занимает основную долю в расходной части муниципального бюджета.

Несмотря на то, что для оценки деятельности образовательных учреждений используются критерии и показатели, определяемые программой развития образования, они не обеспечивают желаемого эффекта. Критериальная оценка позволяет увидеть конечные результаты деятельности учреждений по направлениям программы развития образования, но не дает возможности оценить факторы, способствующие переходу образовательных учреждений на более высокий уровень. Возникает также неясность в связях и согласованиях долгосрочных целей развития муниципального района с целями программы развития системы образования. Таким образом, проблема в недостаточной разработанности технологии реализации программы развития системы образования и оценки качества образовательных услуг.

В связи с изложенными проблемами предлагается технология реализации программы развития образования на основе методологии ССП. Под главной целью концепции ССП понимается ускорение и облегчение процесса исполнения программы развития системы образования муниципального района.

Баймакский район Республики Башкортостан имеет разветвленную систему образования, включающую учреждения дошкольного, начального, основного, среднего и дополнительного образования. Система образования муниципального района представляет собой образовательный комплекс из 149 образовательных учреждений[4].

В качестве главной стратегической цели отдела образования района определен процесс формирования разносторонне развитой и социально образованной активной личности, обеспечение доступности общего образования и ориентированность на потребность в профессиональном образовании, обеспечивающем кадрами рынок труда.

В программе развития системы образования муниципального района «Баймакский район» определен набор показателей, отражающих стратегические цели муниципальной системы образования.

Для повышения качества образовательных услуг системы образования следует использовать проекцию — клиентскую составляющую системы сбалансированных показателей. Эта составляющая включает ряд целей и показателей программы развития системы образования.

Финансовая составляющая системы сбалансированных показателей фокусируется на развитии новых источников доходов и эффективности использования имеющихся средств и, как правило, состоит из привлечения и изыскания дополнительных средств финансирования, а также оптимизации бюджетных расходов в системе образования.

Анализ показывает, что значительная часть расходов в системе образования используется на оплату труда сотрудников (60—70 %). Таким образом, на выполнение мероприятий по программе развития системы образования используется незначительная часть имеющихся финансовых средств. Значит в рамках программы развития системы образования необходимо сконцентрировать усилия на достижении параметров целевых показателей по годам, либо не отклоняться от траектории значений целевого показателя.

В основе повышения общественной ценности образовательных услуг находятся финансовая составляющая во взаимосвязи с внутренними бизнес-процессами. Имея четкое представление об ожидаемых результатах клиентской и финансовой составляющих системы сбалансированных показателей, можно определить показатели составляющих внутренних бизнес-процессов. Установлено, что в прямой зависимости от целей финансовой составляющей находятся цели и целевые показатели внутренних бизнес-процессов.

Рассматривая «Обучение и развитие» после того как определены первые три составляющие ССП, отдел образования имеет возможность привести в соответствие с требованиями проекций внутренних бизнес-процессов и финансовых ресурсов нематериальные активы системы образования. Заметим, что реализуемость программы развития системы образования во многом зависит от восприимчивости сотрудников к изменениям, от их способности и желания изменить свое поведение и использовать все имеющиеся знания и навыки для выполнения задач, способствующих достижению стратегических целей.

Для повышения трудовой и социальной активности каждого работника необходимо создать условия, максимально побуждающие его к творчеству, инициативе, поиску инновационных идей и их реализации, чтобы вскрыть и привести в действие все имеющиеся резервы.

Составляющая ССП «Обучение и развитие» определена исходя из требований стратегических бизнес-процессов, направленных на повышение качества образовательных услуг. Составляющая ССП «Обучение и развитие» включает также ряд целей и целевых показателей.

Для определения оценочных индикаторов целевых показателей о степени удовлетворенности работников следует использовать анкету проверки качества знаний и работы сотрудников муниципальной системы образования.

После определения стратегических целей и показателей во всех четырех составляющих разработана стратегическая карта системы образования муниципального района «Баймакский район» (рисунок).

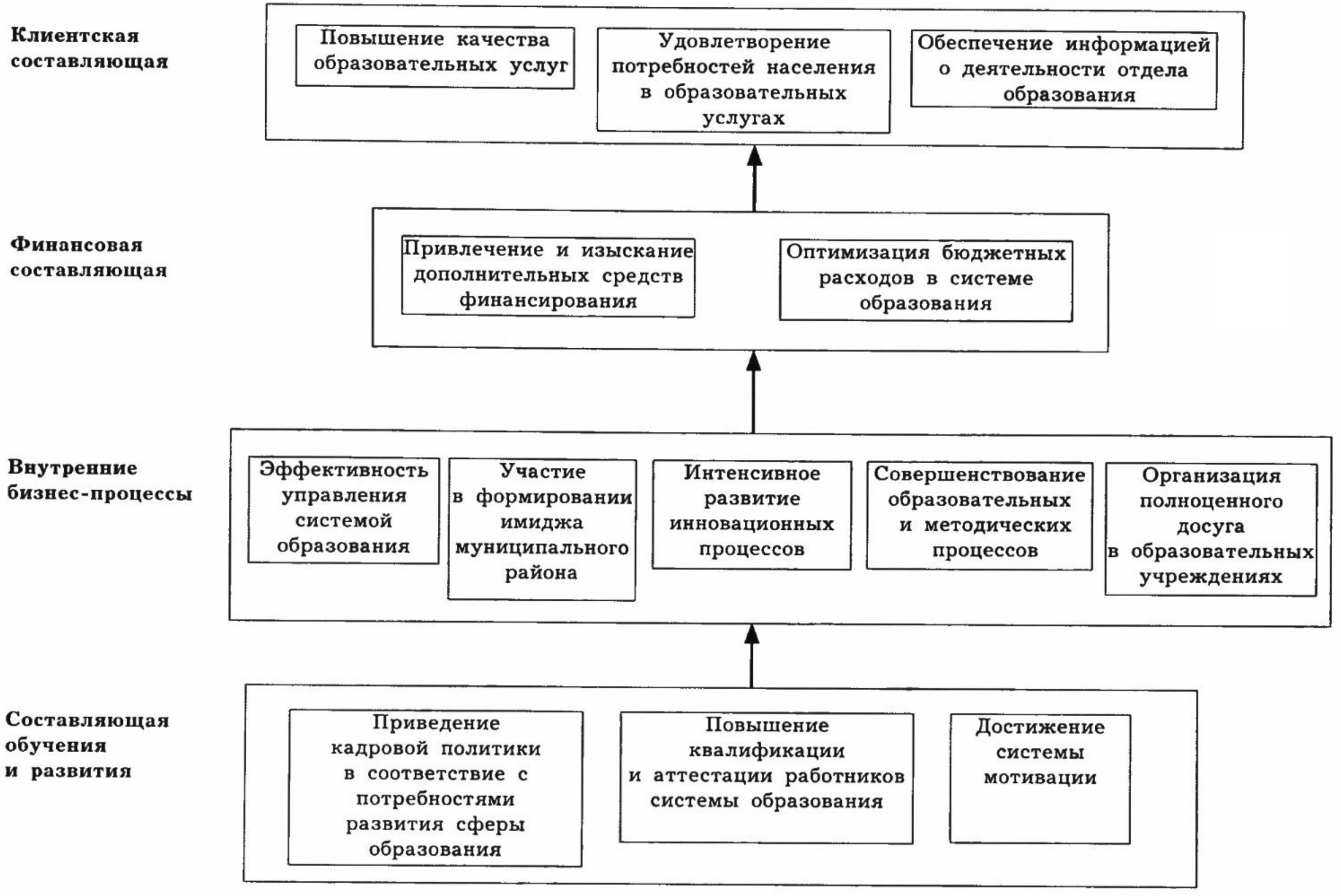

Рисунок. Стратегическая карта отдела образования муниципального района «Баймакский район»

На основе метода ССП выявляются причинно-следственные связи степень влияния одних целевых показателей на другие индикаторы происходит по всем четырем проекциям. Это далеко не полный перечень позиций, которые могут измеряться, но они основные.

Далее на основании расширенного количества показателей формируется система сбалансированных показателей. Подобным образом формируются целевые показатели оценки реализации программы развития муниципальной системы образования, и по ним прослеживается ход достижения целей, что позволяет более комплексно подойти к оценке. Безусловно, эти показатели неравноценны. Для более объективной оценки работы отдела образования должен быть определен удельный вес целей программы развития сообществом экспертов в области образования.

После того, как установлены связи между индикаторами, следует произвести их нормирование, т. е. установить целевые значения показателей на 5 лет, с разбивкой по годам. Данные свидетельствуют, что значение показателей за 2006 г. в сравнении с 2004 и 2005 г. в общей оценке сохраняют траекторное направление в достижении поставленных целевых ориентиров.

В формате программы развития системы образования нашли отражение целевые показатели, что позволило сфокусировать внимание отдела образования администрации муниципального района на ее реализации. Постановка системы сбалансированных показателей осуществлялась параллельно с реализацией программы развития. Анализ фактических результатов позволил уточнить первоначальные стратегические гипотезы, причинно-следственные связи в стратегической карте и скорректировать состав целевых показателей.

Следует выделить некоторые аспекты, способные повысить эффективность применения данной методики и избежать возможных ошибок. Во-первых, повышение уровня качества образования происходит, как правило, в течение длительного периода. В этих условиях реализация отдельных программных мероприятий, а зачастую и всей их совокупности, может не приносить явных результатов в краткосрочном периоде. В отдельных случаях на начальных этапах может наблюдаться некоторое ухудшение состояния системы об-

разования. Во-вторых, для учета изменений в окружающей среде, результатов текущего исполнения программы развития необходимо проводить периодический мониторинг целевых показателей. Воплощение программы развития должно стать непрерывным процессом, а не единовременной акцией. В-третьих, одним из ключевых факторов успешности технологии системы сбалансированных показателей является системное и последовательное ее применение в управлении системой образования, взаимная увязка всех целей составляющих ССП в рамках реализации программы развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Каплан Р., Нортон Д.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Пер. с англ. М., 2003. С. 42.

[2] См.: *Каплан Р, Нортон Д.* Указ. соч.; *Они же.* Организация, ориентированная на стратегию. Как в новой бизнес среде преуспевают организации, применяющие сбалансированную систему показателей / Пер. с англ. М., 2004; *Они же.* Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты / Пер. с англ. М., 2005.

[3] См.: *Нильс-Горан О., Жан Р., Магнус В.* Оценка эффективности деятельности компании. Практическое руководство по использованию сбалансированной системы показателей / Пер. с англ. М., 2003.

[4] Программа развития системы образования Баймакского района 2004—2008 гг. Баймак, 2004. С. 6.

Поступила 21.09.06.

В. И. ОСИПОВ

О. В. ШИБИЛЕВА

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА И ИХ ОСВОЕНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ

Бурное развитие вычислительной техники и ее широкое применение в практике обработки экономической информации обусловили необходимость соответствующей подготовки студентов вузов, обучающихся экономическим специальностям. В первую очередь это касается специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», ориентированной на подготовку работников бухгалтерии предприятий и аудиторских фирм, главная задача которых — сбор и обработка информации характеризующей деятельность хозяйствующего субъекта, а также контроль содержащихся в ней сведений.

Функции, выполняемые этой категорией работников, отличаются сложностью и большой трудоемкостью, поэтому на предприятиях стремятся автоматизировать прежде всего бухгалтерский учет. Эта задача в условиях укрепления в российской экономике рыночных отношений становится особенно актуальной. Однако в связи с дефицитом квалифицированных специалистов в области проектирования ав-

---

ОСИПОВ Владимир Иванович, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

ШИБИЛЕВА Ольга Викторовна, преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Мордовского государственного университета.

томатизированных систем обработки данных и отсутствием должной подготовки персонала бухгалтерии к их эксплуатации современная вычислительная техника при формировании учетной информации почти не применяется.

Особенно актуальна эта проблема для сферы управленческого учета. В результате его неудовлетворительной автоматизации менеджеры не имеют возможности своевременно получать разносторонние и объективные сведения, необходимые для эффективного контроля и регулирования деятельности предприятия, что отрицательно сказывается на состоянии российского предпринимательства.

Следует отметить, что изучению вопросов автоматизированной обработки информации студентами вузов, обучающимися по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», уделяется пристальное внимание. Общий объем аудиторной нагрузки по дисциплинам, касающихся автоматизированной обработки данных, в 2001/2002 учебном году составил 225 ч. При этом основной акцент в подготовке студентов делался на их обучение общим вопросам владения компьютерной техникой (189 ч). Прикладные программы по бухгалтерскому учету в этом учебном году изучались поверхностно, на них приходилось лишь 16 % от общего объема часов. В 2006/2007 учебном году ситуация с их изучением несколько улучшилась. Это произошло на фоне увеличения удельного веса нагрузки по дисциплинам, связанным с автоматизацией бухгалтерского учета и аудита (71,5 % ч). Положительной оценки заслуживает включение в учебный план дисциплины «Компьютерный аудит».

Основной упор при изучении дисциплины «Автоматизированные бухгалтерские программы» уделяется на основании программы «1: С Бухгалтерия», получившей в отечественной практике бухгалтерского учета наибольшее распространение. Это универсальная автоматизированная бухгалтерская система предназначена для ведения синтетического и аналитического учета хозяйственных операций по различным направлениям деятельности предприятия. Аналитический учет в ней ведется по объектам аналитического учета (субконто) в натуральном и стоимостном выражениях.

Назрела необходимость внедрения на предприятиях автоматизированных систем управленческого учета, позволяющих получать разносторонние сведения о текущей деятельности

предприятия и перспективах его развития в соответствии с информационными запросами субъекта управления. Для успешного решения этой задачи на предприятии должна быть организована соответствующая подготовка работников управленческой бухгалтерии. Кроме того, важное значение будет иметь привлечение выпускников вузов, владеющих программами автоматизированного ведения управленческого учета и способных грамотно использовать получаемую с их помощью информацию.

Следовательно, высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку специалистов в области бухгалтерского учета и аудита, должны внести в учебные программы определенные коррективы, способствующие устранению пробелов в обучении студентов. В связи с этим курс «1 С: Бухгалтерия» целесообразно заменить на дисциплину, охватывающую более широкий спектр тем по автоматизированной обработке учетной информации. Она может иметь название «Автоматизированные системы финансового и управленческого учета». Такой подход к подготовке студентов позволит сформировать у них представление о бухгалтерском учете как единой информационной системе управления предприятием, которая имеет общую базу данных и способна максимально полно удовлетворить запросы внутренних и внешних пользователей информации.

Приступая к решению этой проблемы, руководителям и специалистам вузов необходимо определиться с составом автоматизированных программ, предлагаемых для изучения. При этом целесообразно не ограничиваться только одной программой. Более правильным, на наш взгляд, будет освоение студентами сразу нескольких их разновидностей, что позволит лучше адаптироваться к практике.

При выборе программ автоматизированного ведения управленческого учета следует руководствоваться критериями популярности программы среди пользователей, доступности к программному обеспечению, возможности обучения специалистов, способности программы перестраиваться применительно к особенностям работы предприятия, пригодности программы для дальнейшего совершенствования.

Имеется множество различных программ автоматизации бухгалтерского управленческого учета. Они достаточно полно изложены в специальной литературе[1]. Однако наибольшую

известность получили «БООС-Корпорация», «БЭСТ-5. Контроллинг», «Парус», ACCPAC Advantage Series Enterprise Edition, Axapta, SunSystems.

Программа «БООС-Корпорация» предназначена для крупных и средних предприятий. Это комплексная интегрированная система, применимая в сфере материального производства и торговле. С ее помощью решаются задачи организации и оптимизации автоматизированного планирования деятельности предприятия, дополненного механизмом управления по отклонениям план-факт; формирования и оптимизации учетной политики с целью детализации управленческого учета и проведения комплексного экономического анализа; организации с применением вычислительной техники, оперативного учета по структурным подразделениям предприятия, призванного обеспечить информационную поддержку принятия решений на низших уровнях управления; совершенствования на базе автоматизации сбора и обработки маркетинговой информации процесса управления сбытом продукции.

«БООС-Корпорация» — базовая информационная основа корпоративной системы управления, поэтому ее знание особенно полезно для выпускников экономических вузов, принятых для работы в какую-либо корпорацию.

Программа «БЭСТ-5. Контроллинг» предназначена для информационного отражения реальных процессов производства и сбыта продукции, в том числе на уровне структурных подразделений, бюджетирования деятельности хозяйствующего субъекта, проведения экономического анализа. Заложенные в ней методы планирования, учета и анализа могут дополняться и корректироваться с учетом потребностей пользователей информации.

Главное достоинство этого программного продукта автоматизации управленческого учета в способности не только адаптироваться к специфике конкретного предприятия, но и легко приспосабливаться ко всем изменениям бизнеса. Указанное свойство системы «БЭСТ-5 Контроллинг» в ходе обучения студентов автоматизации управленческого учета должно быть рассмотрено особенно тщательно, так как владение им позволяет специалистам в области бухгалтерского учета и аудита формировать для управления предприятием наиболее актуальную информацию на данный момент времени.

Программа предоставляет полную свободу настройки показателей управленческого учета. Их можно связать с различными внешними факторами, мероприятиями и управленческими процедурами, поэтому менеджеры имеют возможность детально видеть происходящие события и анализировать степень влияния отдельных факторов на результаты работы хозяйствующего субъекта.

Для эффективного управления предприятием менеджерам различных уровней нужна подробная информация о составе приобретенных и израсходованных ресурсов, структуре доходов, характере обязательств и т. д. В связи с этим в рамках управленческого учета выделяют балансовые центры и центры ответственности. Посредством «БЭСТ-5. Контроллинг» можно определить их состав и характеристики, обеспечить поступление надлежащей информации.

В основе системы «БЭСТ-5. Контроллинг» принцип двойной записи, предполагающий отражение каждой хозяйственной операции по дебету и кредиту счетов бухгалтерского учета. При этом используются специальные счета управленческого учета, перечень которых определяется особенностями и потребностями предприятия. При отражении хозяйственных операций в ней задействованы счета финансового учета, позволяющие формировать различные финансовые отчеты (отчет о прибылях и убытках, баланс денежных средств и др.) и осуществлять анализ финансовых показателей.

Большое внимание в системе «БЭСТ-5. Контроллинг» уделяется учету затрат и калькулированию себестоимости продукции. Эти вопросы наряду с управленческим учетом рассматриваются в дисциплине «Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях сферы материального производства». В связи с этим при изучении программы в части указанных вопросов важное значение имеет ее освоение применительно к отраслевым особенностям предприятий, что позволит студентам иметь представление об автоматизированном варианте решения задач, относящихся в названной дисциплине.

На заключительном этапе автоматизированного учета затрат программа «БЭСТ-5. Контроллинг» предусматривает составление отчетных калькуляций себестоимости единицы продукции. В процессе их формирования осуществляется распределение накладных расходов по видам продукции

(работ, услуг), которое производится с использованием экономически обоснованных баз распределения, соответствующих специфике конкретного предприятия.

Значительное место в рассматриваемой программе занимает бюджетирование, являющееся одним из разделов управленческого учета и представляющее собой важный инструмент контроля и регулирования деятельности хозяйствующего субъекта.

Студентам, обучающимся по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», необходимо иметь представление об автоматизированных системах управленческого учета, разработанных за рубежом. С их помощью они могут проводить мероприятия по модернизации систем, применяемых в отечественной практике учета, свободно ориентироваться в информации, поступающей от зарубежных филиалов и иностранных партнеров.

Указанная задача может быть решена посредством изучения программы ACCPAC Advantage Series Enterprise Edition, представляющей собой всеобъемлющую, многоуровневую автоматизированную систему управленческого учета. Она разработана для средних и крупных компаний со сложной структурой, функционирующих в различных сферах бизнеса. Основные особенности системы — полнофункциональный охват финансового, управленческого, налогового и оперативного учета; применение разнообразного аналитического инструментария; наличие многоязычной и многовалютной среды; ориентация на неограниченное количество пользователей; свободный и безопасный доступ к данным сотрудников компании, находящимся в любой точке мира, через Интернет.

ACCPAC Advantage Series Enterprise Edition служит основой интегрированного набора решений, направленных на комплексное управление компанией и ведение электронного бизнеса. Ее эффективность обусловлена привлечением к созданию программы большого количества разработчиков, проживающих в различных странах, что обеспечивает удовлетворение уникальных потребностей конкретного производства.

В рассматриваемом аспекте заслуживают внимания программы Axapta и SunSystems. При их разработке использованы современные технологии обработки данных,

обеспечивающие существование на предприятии единого информационного пространства. Благодаря чему упрощается процесс принятия решений, становится возможным комплексное управление хозяйственными процессами внутри предприятия и за его пределами.

Таким образом, анализ действующей практики подготовки студентов вузов по вопросам автоматизации бухгалтерского учета показал, что она требует дальнейшего совершенствования. Особое значение в этом плане имеет включение в учебный план дисциплины, позволяющей учащимся освоить автоматизированные системы управленческого учета. В результате будет ликвидирован существенный пробел в образовании выпускников вузов, получивших специальность «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», что окажет положительное влияние и на состояние управленческого учета в хозяйствующих субъектах.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: *Абрамова И.* Как строить систему управленческого учета // Бухгалтер и компьютер. 2003. № 10. С. 14—20; *Банина Ю.* Современные технологии управления в программе «БЭСТ 5. Контроллинг» // Бухгалтер и компьютер. 2003. № 10. С. 31—34; *Кузьмин Ю. Н.* Автоматизация управленческого учета на средних и крупных предприятиях // Финансовый директор. 2005. № 10. С. 20—22 и др.

Поступила 16.02.07.

О. А. ХАСАНОВА

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Эффективность функционирования социальных институтов определяется совокупностью соответствующих критериев. Одним из важнейших является динамика изменения уровня и качества жизни населения. В связи с этим закономерно возникает вопрос системной оценки феномена «качество жизни».

Понятие «качество жизни» и его сущность понимается в синтетическом, комплексном смысле далеко выходящим за пределы более привычных понятий, как «уровень жизни», «индекс человеческого развития», «уровень социальной безопасности», «качество окружающей среды» и т. п. Тем не менее можно постулировать набор базовых факторов (компонентов), определяющих качество жизни населения. Очевидно, что может меняться только удельный вес влияния каждого фактора на интегральный индикатор качества жизни[1] С. А. Айвазян считает, что базовыми компонентами, образующими систему обеспечения жизнедеятельности населения, являются качество населения и его благосостояние, социальная безопасность, качество окружающей среды[2]

Здесь используются исследования Института социально-экономических и правовых наук Академии наук Республики Татарстан (ИСЭПН АНТ). Кроме того, использованы данные исследования Центра социально-экономических исследований при Кабинете Министров Республики Татарстан (ЦЭСИ при КМ РТ), проведенного в режиме мониторинга в мае-июне 2005 г.[2] Один из наиболее важных интегральных компонентов качества жизни — благосостояние населения. Данные по оценке материального положения экономически активного населения Республики Татарстан, по итогам исследований ИСЭПН АНТ, позволяют констатировать: в

ХАСАНОВА Оксана Аркадиевна, аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан.

Заказ № 5077

последние годы у большинства населения материальное положение ухудшилось, что становится социально опасным симптомом. Полученные данные показывают, что только у относительно небольшой части населения материальное положение несколько или заметно улучшилось.

Согласно данным мониторинга ЦЭСИ РТ, на вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?», в июне 2005 г. в сравнении с ноябрем 2004 г., значительно изменилась позиция «плохое», количество респондентов, отметивших ее, увеличилось на 5,5 %. Здесь стоит особо остановиться на позиции жителей г. Казани. Имеют место заметное изменение общественного мнения: общее число негативных оценок выросло на 14,5 %; 1,1 уменьшилось число положительных оценок и почти на 5,0 % снизилось число оценивающих свое материальное положение как «среднее». В целом в г. Казани в мае 2005 г. оценили свое материальное положение как «очень хорошее» 1,9 % опрошенных, «хорошее» — 10,4, «среднее» — 47,2, «плохое» — 31,1, «очень плохое» — 6,3 %. В городах республики эти цифры составляют 0,8 %, 9,6, 53,0, 27,4, 3,4 %[3].

По данным исследования ЦЭСИ РТ на вопрос: «Какие проблемы современного российского общества тревожат Вас более всего?», получены следующие ответы: рост цен, тарифов и низкая зарплата на предприятиях — 1-ое и 2-ое место в рейтинге наиболее значимых для общества проблем. Обращает на себя внимание, что проблема роста цен несколько выросла — с 48,3 % в ноябре 2004 г. до 49,3 % в июле 2005 г. На 3-ем месте впервые с ростом на 7,2 пункта — несоответствие тарифов ЖКХ качеству услуг, за которые приходится платить по этим тарифам 28 % (20,8 % — в ноябре 2004 г.). Следует отметить, что эта тенденция смены настроения в целом одинаково характерна как для жителей столицы, так и для жителей малых и средних городов РТ.

Следующим показателем благосостояния населения, качества жизни стало качество питания. Опрошенные, по данным ИСЭПН АНТ, так определили качество своего питания: почти 50 % позволяет себе только самое необходимое, куда входят хлеб, молоко, картофель, крупа, макароны, а также (что не все себе позволяют) масло и мясо; столько же — могут позволить себе еще немного овощей и фруктов; ни в чем себе не отказывает только десятая часть опрошенных.

Результаты исследования в г. Казани показывают, что ни в чем себе не отказывать при выборе продуктов питания могут лишь от 7 до 15 % респондентов. Большая часть опрошенных в каждом микрорайоне г. Казани выбрала варианты ответа «самое необходимое», куда включены хлеб, молоко, крупа, макароны, мясо и масло. На 2-ом месте по частоте выбора вариант ответа «самое необходимое плюс немного овощей и фруктов», на 3-ем с небольшим отставанием — «только самое необходимое», куда включаются только хлеб, молоко, крупа, макароны. Таким образом, значительная часть горожан (до 28 %) имеет скудное питание, состоящее в основном из углеводных продуктов. Подобные результаты получены и приводятся в исследовании В. П. Кондратова[4].

Между тем большинство населения республики в целом тратит на оплату еженедельного набора продуктов питания свыше четверти своего бюджета. При этом четверть населения тратит на покупку продуктов питания более половины бюджета. Учитывая качество продуктового набора, это не позволяет сделать вывод о высоком качестве питания населения, что вкупе с не вполне удовлетворительными жилищными условиями свидетельствует о невысоком качестве удовлетворения базовых потребностей населения.

В силу того, что значительная часть населения тратит на оплату жилья и покупку продуктов большую часть своего бюджета, речи об удовлетворении потребностей более высокого уровня не идет. Культурный досуг, отдых, восстановление физических и душевных сил населения отодвигаются на второй план. Между тем без их удовлетворения качество жизни населения можно считать фрагментарным.

Качество благосостояния населения не ограничивается спектром материальных потребностей и способов их удовлетворения. Следует отметить, что весомую роль играет и комплекс духовных потребностей населения. Что касается форм их удовлетворения, то, судя по высказываниям респондентов, они достаточно ограничены. Большинство населения городов республики, согласно данным исследований ИСЭПН АНТ, предпочитают проводить свободное время у телевизора (27 %), либо встречаясь с друзьями (19,0), работая в саду, по дому (16,0), читая газеты, журналы (13,0), а также книги (12 %). Посещают выставки, театры, концерты лишь 3 % опрошенных, занимаются физкультурой и спортом — 4,0, занимаются художественной самодеятельностью 0,7 %.

Занятия населения столицы Республики Татарстан в свободное время аналогичны. Как видно, наиболее используемый объект социальной инфраструктуры при этом — жилище. Занятия, связанные с использованием услуг других объектов социальной инфраструктуры, менее популярны. Характерной чертой проведения свободного времени для современного городского населения стала замкнутость на своем жилище и хозяйстве, в кругу своих друзей, родственников.

Эти данные, к сожалению, свидетельствуют о растущем духовном обеднении населения, стремлении как-нибудь провести («убить время»), а не использовать его в целях саморазвития. Стремление реализовать себя, раскрыть свой творческий, физический и духовный потенциал на втором плане по сравнению с бесцельным времяпрепровождением. Это, по нашему мнению, показатель духовной деградации населения, духовного обеднения, критерий низкого качества жизни населения, озабоченного по большей части лишь вопросами выживания. Кроме того, за подобными ответами скрывается не только потребность в услугах того или иного объекта, но и недостаточность доходов современного горожанина для оплаты услуг имеющихся учреждений культурно-спортивного направления.

В опросе ЦЭСИ РТ респондентам предложено отметить несколько направлений в социальной политике государства, которые, как они полагают, должны и далее быть в центре внимания. «Лидером» в РТ оказалось направление, связанное с предотвращением роста тарифов ЖКХ — 44 %; 42,2 жителей республики считают второй по значимости постоянную, хорошо оплачиваемую работу; на 3-е место жители ставят проблему предотвращения безработицы — 33,0 (в Казани — 27,8, а городах республики — 38,3 %). На 4-ом месте направление, связанное с адресной защитой малоимущих слоев населения — 28,8 %. На 5-ом — работа по повышению минимального размера оплаты труда — 25,8 %[5] Некоторые вариации наблюдаются по г. Казани и городам республики. Так, жителей Казани больше волнуют проблемы адресной социальной защиты малоимущих слоев населения, поддержка науки и образования, борьба с преступностью, обеспечение порядка и законности, борьба с коррупцией в органах власти. Жителей же городов РТ больше волнуют проблемы предотвращения безработицы, проведения жилищ-

но-коммунальной реформы, развитие сферы обслуживания, охрана окружающей среды, улучшение здравоохранения[6]

Таким образом, основываясь на анализе результатов исследования, можно констатировать: проводимые в последние годы в Республике Татарстан социально-экономические реформы не в полной мере способствуют позитивной динамике качества жизни населения и пока не формируют благоприятное социальное самочувствие населения. Для оптимизации состояния качества жизни городских поселений необходимы равнонаправленные усилия государства на различных уровнях властных институтов и населения в аспекте повышения его гражданской культуры, трудовой и поведенческой активности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Айвазян С. А.* Интегральные свойства качества жизни населения (моделирование, измерение, информационное обеспечение) // Проблемы информатизации. 1999. № 2. С. 61.

[2] См.: Социально-экономическое самочувствие жителей РТ наблюдается ЦЭСИ РТ в режиме мониторинга с 1994 года. Приводятся данные опроса, проведенного в июне 2005 г. Число респондентов по 14 территориально-административным единицам республики, представляющим все особенности территориального характера жизнедеятельности, составило 2 500 чел.

[3] См.: Результаты социологического исследования, проведенного Центром экономических и социальных исследований РТ (июнь-июль 2005 г.) // «Серый» рынок труда. Динамика изменения / Сб. информ.-аналит. материалов № 2. Казань, сент., 2005.

[4] См.: *Кондратов В. П.* Качество жизни горожан (влияние социальной инфраструктуры). Казань, 2004. С. 85.

[5] См.: Результаты социологического исследования, проведенного Центром экономических и социальных исследований РТ (июнь-июль 2005 г.) // «Серый» рынок труда. Динамика изменения / Сб. информ.-аналит. материалов. № 2. Казань, сент., 2005. С. 44.

Поступила 04.05.07.

С. С. ЕФИМОВА

СМИ КАК СУБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Современное российское общество испытывает насущную потребность в устойчивой организации социально-политической жизни, свойственной гражданскому обществу и правовому государству. Актуальность проблемы становления гражданского общества в России возрастает по мере расширения и углубления демократических преобразований. Особую роль в этом процессе призваны сыграть региональные СМИ, способствующие формированию общественного мнения жителей территориальных сообществ, консолидирующие общественность вокруг социально значимых для региона политических фигур, создающих благоприятный политический климат для осуществления демократических реформ. «В самые сложные, критические моменты нынешней истории страны наша пресса раскрывает людям правду, истину, которая рождается в противоборстве мнений»[1] Без СМИ невозможно решение самых разных проблем, они стали органичной частью современного российского общества. На наш взгляд, СМИ являются влиятельнейшим субъектом политики, поскольку формируют общественное мнение, сознание и организуют общественное поведение. В связи с этим возникает необходимость в углубленном исследовании влияния региональной прессы как одного из важнейших СМИ на формирование вкусов и пристрастий людей, в том числе и политических.

Самостоятельная региональная пресса — явление достаточно новое для России. Возникнув на волне перестройки, она довольно быстро потеснила федеральные издания за счет более полного, точного знания потребностей, вкусов и интересов местных территориальных сообществ. Регио-

---

ЕФИМОВА Светлана Сергеевна, аспирант кафедры социологии социальной политики Поволжской академии государственной службы (г. Саратов).

нальная пресса играет роль своеобразного зеркала жизни региона, катализатора, оказывающего влияние на динамику региональной жизни. За короткое время региональная пресса значительно расширила не только спектр проблем, выносимых на обсуждение, но и приобрела собственного читателя. Естественно, что региональная пресса не развивалась в вакууме. На рубеже 80—90-х гг. XX в. идеи гражданского общества были восприняты передовой общественностью страны в целях обеспечения новых, плодотворных форм утверждения гуманистических форм социального переустройства российского общества. В самой идее гражданского общества в концентрированном виде сосредоточены многие идеалы, например, свобода физических лиц и частного предпринимательства, отсутствие давления и насилия со стороны государства. В этих условиях региональная пресса выступала в качестве важного фактора становления гражданского общества, являясь рупором передовой общественности, формируя общественное мнение, направляя действия властей по переустройству жизнедеятельности людей в созидательное русло.

Конечно, становление зрелого гражданского общества в России дело не одного десятилетия. Тем не менее, некоторые его элементы и структуры функционируют уже сегодня в центре и регионах, обеспечивая становление и утверждение демократии. Среди них и демократические СМИ, способствующие реализации идеи гражданского общества на местах.

Советская власть не допускала оппозиционной периодической печати, а СМИ, в том числе и региональные, дружно поддерживали политику коммунистической партии и правительства страны. Это, конечно, не означает, что в советской России недооценивалась проблема информации как таковой. Однако в отечественной социологии проблемы СМИ длительное время не рассматривались, так как они использовались в качестве инструмента пропаганды в идеологическом противоборстве. Как правило, такой подход приводил к упрощенным представлениям и был слишком идеологизированным.

В настоящее время имеется много интересных работ, в том числе и известных отечественных социологов, где СМИ с разных позиций подвергаются содержательному анализу[2] Однако проблема использования СМИ в современном российском обществе стоит уже в иной плоскости. Сегодня нет принудительного единомыслия, появилась оппозиционная пресса, активно формируются новые каналы информацион-

ного воздействия на массы. Появились и публикации, где впервые непредвзято освещаются проблемы взаимодействия общественного мнения, власти и управления, СМИ и практики проведения различных предвыборных кампаний[3] Однако, если в определенной степени СМИ сегодня уже живут по законам мироощущения вне власти, то власть еще продолжает жить по законам мироощущения внутри самой себя. Взаимодействие СМИ и политики плохо поддается структуризации и анализу, именно поэтому целесообразно, на наш взгляд, исследовать эту проблему на региональном уровне, позволяющем более «объемно» показать место и роль региональных СМИ в становлении гражданского общества.

Следует отметить, что практически до последнего времени вне поля зрения исследователей оказывались проблемы, вызванные влиянием региональной прессы на формирование и функционирование возникающих в регионах элементов гражданского общества. Конечно, это произошло далеко не случайно. Стройная, иерархически и идеологически выверенная система построения местной прессы при социализме служила целям сохранения у власти существовавшего политического режима, его основных теоретических постулатов, обеспечивших однажды его победу. Критическому разбору на страницах местных СМИ подвергались, как правило, лишь второстепенные с точки зрения их влияния на устойчивость политического режима, факты и явления. Поэтому в настоящее время одна из приоритетных задач применительно к российским реалиям — освоение концепции гражданского общества. Эта задача актуальна и для развития самой отечественной социологии[4].

Средства массовой информации органично вписаны в политическое пространство регионов, которые в своих основных качествах воспроизводят политическое пространство государства. СМИ стали одним из важных каналов влияния граждан на местные власти, т. к. на своих страницах отражают мнения граждан о различных сторонах жизнедеятельности территориальных сообществ. Без этого канала местное сообщество потеряет едва ли не половину своих возможностей в плане эффективности и значимости становления гражданского общества и правового государства. Политическое пространство региона сегодня достаточно четко структурировано и является полем реализации властных полномочий, взаимодействия его структурных элементов

и СМИ как важного фактора формирования общественного мнения и становления демократических институтов. В современных условиях трудно переоценить значение организации демократического информационного пространства регионов, предполагающего равные возможности для всех политических сил и общественных движений по пропаганде и популяризации своих взглядов и программ.

В Саратовской области складывается политическая основа свободы СМИ. Это стало возможным благодаря пониманию того, что становление гражданского общества и его развитие возможны только на основе принципа политического плюрализма, согласно которому общественная жизнь центра и регионов должна включать множество различных взаимозависимых и вместе с тем автономных групп, партий и движений, обладающих собственными СМИ, причем ни одна из них не может обладать монополией на окончательную истину и пытаться навязать ее современному региональному сообществу. Только свободная борьба идей и интересов служит гарантией сохранения политического здоровья общества, предотвращения любых форм тирании и стагнации.

Еще один принцип организации регионального информационного пространства — связь культуры и политики, которая последовательно реализуется в диалоговом режиме, строгих рамках правового пространства, обеспечиваемого институтом муниципальной демократии. Принцип представительства отдельных групповых или местных интересов заключается в том, что через органы, созданные в рамках муниципальной демократии, различные партикулярные интересы адаптировались к общей социальной политике, проводимой на местах.

Таким образом, в совокупности принципы, на которых основано региональное информационное пространство, образуют своеобразную регулятивную схему деятельности местной прессы. Кроме того, развитие гражданского общества в его региональном аспекте возможно только на основе принципа политического плюрализма.

В современном российском обществе имеются социальные группы, заинтересованные в поддержке, развитии и использовании институтов гражданского общества: средний и малый бизнес, менеджеры частных компаний, часть представителей интеллектуальных профессий, а также специалисты частных структур. В институциональном плане точками опоры гражданского общества являются многочис-

ленные гражданские организации, ассоциации бизнеса (ставящие задачи этического регулирования бизнеса, выработки механизмов решения контрактных споров, использующие делегированные им права в отношении своих участников и др.), а также СМИ, своей деятельностью аккумулирующие насущные потребности населения. Только свободная борьба идей и интересов может служить гарантией сохранения политического здоровья общества.

Опыт показывает, что важную роль в деле становления гражданского общества в регионах могут сыграть региональные целевые программы. Значимы в формировании общественного мнения жителей региона относительно их реализации местные и региональные СМИ. Особенно повысилась роль и значение районных и городских газет, постепенно выходящих на первые позиции не только в структуре подписки населения, но и в рейтингах значимости СМИ.

Объективной необходимостью для современной региональной прессы стали при освещении гражданской жизни освобождение от информационной всеядности, субъективизма, чрезмерной политизации, соотношение рационального и эмоционального, аналитическая информация о том, что происходит в обществе. Это не информация обо всем, а информация, позволяющая видеть направления развития.

Изучение региональных СМИ еще далеко от завершения, что открывает блестящие перспективы для философов, социологов, юристов, политологов и историков, анализирующих этот общественный феномен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Власть, зеркало или служанка: Энциклопедия жизни современной российской журналистики. М., 1998. Т. 2. С. 2.

[2] См.: *Андреев Э. М.* Средства массовой информации и реформирование России // Соц.-полит. журн. 1996. № 4. С. 32—40; *Федотова Л. Н.* Социология массовой коммуникации. СПб., 2003 и др.

[3] См.: *Писачкин В. А., Поверинов И. Е.* Информационное пространство социума: структура, трансформация и региональная специфика. Саранск, 2005.

[4] *Андронова И. В.* Политико-правовые и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России. Саратов, 2004.

Поступила 29.03.07.

Е. В. АНДРЕЕВА

КОММУНИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ГРАЖДАНИНА В РЕГИОНЕ

Наблюдаемое на рубеже XX и XXI вв. развитие информационных технологий значительно облегчило производство и распространение социально значимой информации и привело к формированию глобального информационного пространства, в которое вовлечены политические, экономические, религиозные и культурные институты сообщества. Современные информационно-технические средства, передавая неведомые ранее объемы информации миллионам людей, оказывают существенное воздействие на их труд, быт, досуг, политическую жизнь, диктуют им образцы поведения, отражают и формируют общественное мнение.

Развитие информационных технологий вызывает к жизни важнейшую потребность современного человечества — в социальной коммуникации, выражающей особый тип взаимодействия людей, групп, народов, государств.

Социальная коммуникация давно и плодотворно изучается в рамках различных исследовательских парадигм: символический интеракционизм, феноменология, диалогизм, постмодернизм и др., в рамках которых получены важные сведения о многих сторонах социальной коммуникации[1].

Социальная коммуникация — есть движение смыслов в социальном времени и пространстве. Они, двигаясь от коммуниканта к реципиенту, представляют собой знания, умения, стимулы, эмоции[2].

В Мордовии исследование проблем социальных коммуникаций приобрело особую актуальность в связи с радикальными переменами в коммуникативном поле общества. Изменение характера информационного взаимодействия между властью и обществом, особенности развития мордов-

---

АНДРЕЕВА Елена Викторовна, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

ской государственности и рыночных отношений в условиях переходного этапа к новым цивилизационным отношениям, следовательно, и к новым формам коммуникативного взаимодействия, крайне затруднительно и мало продуктивно. Хотя в настоящее время в Мордовии накоплен достаточно большой потенциал в области создания и внедрения инфокоммуникационных технологий (ИКТ) в органах государственной власти, местного самоуправления, на предприятиях и организациях республики.

При активной поддержке Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина разработана и реализуется долгосрочная республиканская целевая программа «Формирование информационного общества в Республике Мордовия в период до 2010 года».

Важной целью информатизации республики стало построение модели «электронное правительство», работа которого наряду с региональным позволит кардинально улучшить характер взаимодействия органов власти и населения. Для реализации поставленных задач в республике осуществляется формирование региональной инфокоммуникационной инфраструктуры, создание объединенных государственных информационных ресурсов, построение региональной системы управления регионом и организация межведомственного взаимодействия.

Однако развитие ИКТ в Мордовии осложняется рядом факторов, создающих препятствия для широкого внедрения и эффективного применения ИКТ. Это несовершенство нормативно-правовой базы в сфере информационных технологий; недостаточный уровень распространения информационных технологий в республике; неразвитость высокоэффективных моделей управления типа «электронное правительство»; несовершенство информационного взаимодействия органов государственной власти с гражданами; недостаточный уровень рынка информационно-коммуникационных услуг; отставание уровня компьютерной грамотности населения от требований времени; недостаточность скоростных каналов передачи информации между субъектами информатизации.

По нашему мнению, это объясняется, во-первых, своеобразием историко-культурного пути развития региона, во-вторых, отставанием от развитых стран в плане перехода к новым постиндустриальным отношениям.

Рассматривая коммуникационные аспекты воспроизводственного процесса, в частности, роль социальных коммуникаций в социальном воспроизводстве гражданина, наметим основные точки соприкосновения этих концептуальных подходов к общественным явлениям.

Основной механизм процесса социального воспроизводства представлен диалектическим тождеством процессов опредмечивания—распредмечивания, дающее ключ к пониманию процесса перехода от материальных форм к идеальным и наоборот. Так, благодаря опредмечиванию способности и замыслы человека из возможности превращаются в действительность, и сам человек, по словам К. Маркса, «удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире»[3].

Предметные же формы материального и идеального весьма разнообразны. Как отмечает Н. С. Савкин: «Кроме материальных форм продукта существуют знаковые системы, различная символика, языки, в которых воплощаются идеи, замыслы, программы»[4] Распредмечивание, являющееся центральной категорией теории социального воспроизводства, — представляет собой «процесс перехода предметности в живую, действующую способность»[5], посредством чего опредмеченный продукт начинает «жить», осуществлять свое предназначение, выполнять определенные функции.

Обращаясь к теории социальной коммуникации, становится понятным, что она есть весьма сложный процесс, где и происходят операции опредмечивания и распредмечивания смыслов и их переход из психического хронотопа в материальный и снова в психический хронотоп. Для начала социальной коммуникации коммуникант должен опредметить, овеществить свои смыслы, т. е. воплотить их в содержание коммуникационного сообщения. Коммуникационное сообщение движется в материальном пространстве и времени, достигая в конце концов своего реципиента. Для завершения социальной коммуникации реципиенту следует распредметить смысловое содержание сообщения, т. е. понять его и включить понятые смыслы в свою психику, индивидуальную память.

Смыслы, которыми владеет коммуникант, могут «опредметиться» двояко: во-первых, в виде коммуникационных сообщений (речь, письмо, рисунок); во-вторых, в виде ути-

литарных изделий (орудия, оружие, одежда, жилища), где также воплощены знания и умения человека. Реципиент может использовать для постижения смыслов оба вида сообщений, и в обоих случаях есть свои проблемы. Казалось бы, предпочтительнее иметь дело с устным или письменным посланием на знакомом языке, предназначенном для восприятия его реципиентом. Смыслы, воплощенные в изделиях, надо уметь извлечь, раскодировать и осмыслить, что, по-видимому, сложнее чтения текста на родном языке. Однако и в последнем случае адекватное понимание проблематично[6].

Таким образом, в основном механизме функционирования и возобновления общества теория социального воспроизводства и теория социальных коммуникаций сходятся. Можно даже говорить о том, что на данном этапе развития социума теория социальных коммуникаций может стать логическим продолжением воспроизводственного подхода, ознаменовав его выход на качественно иной уровень.

Обратившись к практике внедрения коммуникационных технологий в процесс воспроизводства гражданина в регионе, нельзя не отметить, что преобразования в социально-политической сфере, происходящие под воздействием новых информационных технологий, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют расширению «видимости», открытости осуществления власти в регионе, с другой — создают потенциальную возможность концентрации управления информационными потоками в руках узкого круга лиц, ставящих перед собой задачу направленного воздействия на массовое сознание или, если угодно, манипулирования им в политических целях.

Применение новейших информационных технологий в перспективе может привести к существенному уменьшению аппарата управления, более открытому доступу к политико-правовой информации в регионе. Появляется необходимость унификации законодательства, приведения в единую систему правовых актов всех уровней, что в целом способствует их развитию и совершенствованию. Компьютерные технологии, расширение информационных банков данных приведет к повышению уровня правового сознания и культуры личности, что является одним из основных средств борьбы с правовым нигилизмом и воспитания граждан как действительных субъектов права.

«В условиях, когда компьютер расширил могущество личности, — отмечали американские футурологи Д. Несбит и П. Эбурдин, — граждане могут более эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства за действиями граждан»[7] Однако такое определение перспектив всеобщей информатизации и компьютеризации, как представляется, верно отчасти. Особенно сомнительна вторая часть высказывания о слабых возможностях контроля органов власти и управления над личностью.

Более справедливо, на наш взгляд, говорить о возможности всеохватывающего контроля региональных правительственных структур. Информационная технология может сделать человека совершенно «прозрачным» для административно-командного аппарата, что с неизбежностью ведет к разрушению и попранию личности, а в конечном счете — к тоталитаризму. Компьютеризация без демократизации общества может одновременно с техническим прогрессом уменьшить свободу человека, следовательно, привести к социальному регрессу.

Действительно, сегодня многочисленные политические консультанты используют различные способы организации коммуникации для передачи смысла и значения. Имеются разные способы описания этих техник: описание предмета (внутри некоторого способа деятельности — рекламы, PR, имиджмейкинга, организации избирательной кампании), описание через идеологию[8] При этом необходимо учитывать, что современные информационные технологии по мере расширения их сферы применения в жизни региона создают реальную возможность манипулятивного воздействия на личность, в том числе и со стороны субъектов регионального политического процесса.

Другой, не менее важной стороной процессов информатизации, становится изменение признаков региона. Это выражается в том, что становятся более прозрачными границы. Появляется единое информационное пространство, которое можно определить как совокупность информационных ресурсов, инфраструктуры, позволяющих на основе единых информационных принципов и общих правил обеспечивать безопасное информационное взаимодействие региональных органов государственной власти, общества и граждан при их равнодоступности к информационным ресурсам, а так-

же максимально полном удовлетворении потребностей при сохранении баланса интересов и безопасное вхождение в мировое информационное пространство, осуществление информационной безопасности.

Эти изменения можно оценить как позитивные, имея в виду тенденцию интеграции, вхождения различных регионов в единую информационную семью, их сближение на основе общности интересов и общечеловеческих ценностей. С другой стороны, возникают проблемы национальной принадлежности, опасность нарастания космополитических настроений, стирания гражданских качеств личности, особенно патриотизма.

На наш взгляд, в основе идеальной, подлинно демократической модели социально-политической коммуникации в регионе, лежит диалог между управляющими и управляемыми, предполагающий равноправный обмен точными, полными, завершенными и проверяемыми сведениями о политических явлениях и процессах, сопрягаемыми с основными цивилизационно-культурными ценностями общества региона, фундаментальными правами и свободами личности. Особое значение при этом имеют свобода политических, религиозных и иных убеждений, совести, слова и печати, митингов и собраний, объединений, а также право беспрепятственно придерживаться и свободно выражать свое мнение, искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от региональных границ, если они не противоречат гуманистическим принципам. Интеллектуальная свобода, наличие просвещенного общественного мнения, демократическая политическая культура, свобода СМИ — важные предпосылки оптимального развития процесса социального воспроизводства гражданина в коммуникационном пространстве региона.

В этом смысле теория социальной коммуникации должна все в большей степени выступать как наука и искусство достижения гармонии, координации интересов общества, его групп и индивидов посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности, уважении коренных интересов человека.

Среди наиболее актуальных проблем социального воспроизводства гражданина в регионе (с учетом коммуникационных аспектов следует выделить структурно-функциональные

изменения коммуникативного пространства регионального социума как системы, а также разрушение в результате глобального наступления новых информационных технологий (СМИ, Интернет и пр.) традиционных, исторически сложившихся механизмов трансляции социального опыта и поиск новых коммуникативных форм адаптации гражданина к современным условиям его бытия; изменение ценностных ориентаций и мотивации его поведения в контексте современных экономических, политических и социокультурных процессов, наблюдаемых в региональном сообществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Михайлов В. А., Михайлов С. В.* Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Сб. науч. тр. Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004. С. 34—52.

[2] *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 22.

[3] *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 94.

[4] *Савкин Н. С.* Социальная философия. Саранск, 2003. С. 124.

[5] Там же.

[6] *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации... С. 17.

[7] *Несбит Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 1990-е годы. Мега тенденции. Год 2000. М., 1992. С. 347.

[8] *Кудрявченко Н. А.* Политическая коммуникация и власть // Актуальные проблемы политологии: Сб. науч. работ студентов и аспирантов Российского ун-та дружбы народов / Отв. ред. В. Д. Зотов. М., 2001. С. 65.

Поступила 05.06.07.

Заказ № 5077

М. В. СИМОНОВА

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Решение многих социальных проблем в Поволжском регионе и России в целом связано с ускорением темпов развития строительного комплекса, поэтому научно-технический прогресс в строительстве и строительной индустрии требует постоянного обновления материально-технической базы, совершенствования технологий, применения новых прогрессивных материалов. Но конкурентоспособность предприятия во многом зависит не только от технических и технологических факторов, но и от степени использования возможностей, предоставляемых ими. Любая строительная техника, технологические линии, строительные материалы остаются только лишь средством созидательного труда, воплощенного посредством использования человеческого потенциала. В связи с этим роль человеческого фактора в современных рыночных условиях постоянно возрастает и становится неотъемлемой частью капитала предприятий промышленности строительных материалов и изделий.

На региональном уровне одним из видов обеспечения строительного комплекса для последовательного развития является кадровое обеспечение. Потребности строительного комплекса в качественной рабочей силе во всех регионах страны обусловлены изменением структуры потребительского спроса на строительную продукцию в сторону повышения требований к качеству жизни и потребляемой строительной продукции. Одна из основных предпосылок получения качественной продукции — качественная рабочая сила. Повышение качества рабочей силы обеспечивает более эффективное использование производительных сил предприятий

СИМОНОВА Марина Викторовна, доцент кафедры экономики управления в строительстве Самарского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат технических наук.

и, как следствие, повышение качества конечной продукции и производительности труда.

Значительная часть трудовых ресурсов расселена под уходящую модель социалистического индустриального развития. Развитие регионов ведет к капитализации территорий, прежде всего человеческих ресурсов, и основой этого процесса являются города, т. е. капитализация городской среды. Как часть экономики страны, региона или города человеческие ресурсы представляют собой динамичную общественно организованную систему, в которой на различных пространственных уровнях протекают взаимосвязанные процессы, имеющие сходства и различия в силу объективных и субъективных причин. На макроэкономическом уровне (федеральный, региональный пространственные уровни) решающее значение имеют объективные факторы. Микроэкономический уровень (предприятие, организация, личность) определяется существенным влиянием субъективных факторов. Анализ факторов, оказывающих влияние на качество рабочей силы на различных пространственных уровнях, показывает, что по мере перехода на каждый следующий уровень возрастает объем и количество объективных факторов (материального и нематериального характера) при постепенном сокращении субъективных, которые полностью отсутствуют на региональном и федеральном уровнях.

По нашему мнению, оценка качества рабочей силы на региональном уровне должна основываться на следующих объективных факторах: социально-экономическое развитие региона; инвестиционная привлекательность региона; региональное законодательство в области инвестиционно-строительной деятельности и размещения производительных сил; региональные программы, направленные на развитие качества трудового потенциала; региональные инновационные программы, определяющие потенциал наукоемких технологий и материалов; региональные программы социального партнерства; действующая система технопарков; развитие информационных технологий в системе управления производством; демографическая ситуация, в том числе ее структурный аспект; миграционная ситуация в регионе; уровень и структура профессионального строительного образования; деятельность общественных профессиональных

организаций и объединений работодателей (в том числе на межотраслевом уровне).

Каждый из указанных факторов оказывает влияние на формирование качества рабочей силы региона. Пространственный аспект при анализе их взаимодействия имеет решающее значение. Усиление привлекательности и конкурентоспособности регионов способствует привлечению инвестиций, которые вкладываются в первую очередь в основные средства предприятий и организаций, в развитие производительных сил.

Следует при этом учитывать, что строительный комплекс — один из основных элементов освоения инвестиций, производитель материальной базы всех секторов отечественной экономики. Объем инвестиций определяет масштабы строительной деятельности, требуемый объем человеческих ресурсов. Структура инвестиционно-строительной деятельности определяет сложность задач, поставленных перед строительным комплексом, а также профессионально-квалификационный уровень специалистов на всех этапах строительства. Социально-экономическое развитие регионов и демографическая ситуация определяют состояние трудовых ресурсов, из которых формируется качественная рабочая сила.

После 2006 г. в России началась значительная естественная убыль трудоспособного населения, достигающая примерно 1 млн чел. в год. Эта убыль не может быть компенсирована в короткое время ни путем удлинения возраста выхода на пенсию, ни за счет роста производительности труда, ни за счет выноса производства в перенаселенные страны с более дешевой рабочей силой. Следовательно, в будущем *качественная рабочая сила* будет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом в России. Вскоре дефицит труда следует ожидать по всему спектру квалификаций. В части дешевой массовой рабочей силы дефицит традиционно закрывается путем управляемой иммиграции. Относительно квалифицированной рабочей силы этот механизм неприменим. Характер трудовой миграции ориентирован в основном в западном направлении и если в Поволжский регион приходит низкоквалифицированная рабочая сила из восточных регионов и стран, то на Запад уезжают в основном высококвалифицированные специалисты, привлеченные более высокими доходами.

Последовательная капитализация территорий, формирование в каждом федеральном округе инфраструктуры развития, благоприятный инвестиционный климат способствуют сохранению в регионе качественной рабочей силы, дают возможность повышения квалификационного статуса новой рабочей силе. Интеллектуальная эмиграция — процесс неизбежный и если к нему подходить со стратегических позиций, можно использовать его во благо территорий, так как интеллект работает там, где созданы для этого условия. Однако нехватка трудовых ресурсов в регионах России едва ли может быть достаточным основанием для проведения политики, направленной на привлечение мигрантов на территорию Российской Федерации: мигранты создают ненужную конкуренцию на низкооплачиваемых рабочих местах и не способны оказать влияние на решение действительно важной проблемы — компенсации нехватки высококвалифицированных кадров. Это, прежде всего, относится к сфере строительного комплекса.

В промышленно-развитых странах широко применяются новые принципы проектирования перспективных изменений в рабочей силе по всем категориям с учетом прогнозов освоения новых технологий (как правило, на 5—7 лет). Проблемой достижения соответствия уровня и возможностей персонала, с одной стороны, и качественных характеристик имеющихся (и перспективных) рабочих мест — с другой, занимаются и соответствующие государственные структуры. Во многих службах занятости развитых стран имеются специальные «центры оценки», где работник с отрывом от производства проходит своеобразное «тестирование» с позиции перспективных требований к личности в условиях ожидаемых перемен в технологиях. Информация по результатам оценки представляет собой реальную базу для кадрового планирования и определения необходимого уровня профессиональных качеств работников, их способности к освоению нового уровня знаний. В структуре квалифицированной рабочей силы компаний выделяются 3—4 степени ее качественного состояния, для каждого из которых определяются задачи по характеру подготовки с учетом будущих изменений. В последние годы все больше внимания уделяется вопросам оптимизации структуры рабочей силы в ведущих отраслях промышленности.

В промышленности строительных материалов повышенные требования к качеству рабочей силы определяются многочисленными объективными причинами, в их числе следует отметить использование новых материалов, в том числе композитов; внедрение новых методов обработки строительных материалов на основе новых энергоносителей, в том числе комбинированных методов при сверхнизких и сверхвысоких давлениях и температурных параметрах; постоянное усложнение технических систем; повышение роли факторов интенсификации использования в различных отраслях строительного комплекса, в различных природно-климатических условиях (например, в условиях Севера); повышение требований к экологической безопасности многих видов оборудования; повышение требований к качеству строительной продукции (особенно это относится к строительным материалам); устаревание знаний специалистов под влиянием научно-технического прогресса и возможностей современных компьютерных технологий; ускорение интеграции различных отраслей знаний и их взаимопроникновение; повышение роли системного подхода к созданию предметов труда, имеющих межотраслевое применение в условиях возрастания влияния фактора времени (в АПК, транспортном строительстве и т. д.).

В строительном комплексе должны сохраняться приоритеты подготовки специалистов широкого профиля, способных интегрировать в оптимальные временные периоды большой объем информации, относящийся к различным сферам развития общества. Имеется проблема ускорения темпов эффективности инновационной деятельности в сфере образования и постоянного повышения квалификации специалистов всех уровней. В наибольшей мере это относится к проблеме развития человеческого капитала.

Трудоспособное население, работающее в сфере строительного комплекса (около 7 % от общего количества работников), имеет определенный запас человеческого капитала, основанный на состоянии здоровья, уровня образования и культурного уровня. Каждый из этих элементов в отдельности и в совокупности друг с другом оказывает влияние на состояние качества рабочей силы региона и зависят от социально-экономического развития региона. Исходя из этого, можно сделать предположение о разном уровне ка-

чества рабочей силы не только в пространственном ресурсе страны, но и в пространстве одного региона. При принятии управленческих решений о перспективах развития строительной отрасли федеральному агентству или агентствам регионального развития необходим набор показателей пространственного развития, причем этот набор определяется задачами данного министерства или регионального агента и строго индивидуален. В этой связи становится актуальным вопрос о методах оценки качественного уровня рабочей силы в различных пространственных уровнях.

Методы оценки деятельности рабочей силы имеют различные названия: системы формальной оценки совершенной деятельности, оценка уровня знаний специалиста, оценка результатов деятельности персонала, деловая оценка персонала, оценка труда, комплексная оценка трудового вклада работника. Во всех имеющихся методах исходят преимущественно из количественных оценок, даже при анализе рабочих мест, результативность которых можно оценить по количеству и качеству труда. В современных организациях доходы работников зависят в основном от уровня образования, трудового стажа, занимаемой должности, но редко от конечных результатов деятельности. Обеспечение конкурентоспособности предприятия требует полной реализации человеческого потенциала. Однако современные условия характеризуются уравниловкой. Оплата труда на частных и государственных предприятиях не базируется на научной основе. Критерии, которыми пользуются современные отделы труда и заработной платы в строительстве (при их наличии), как правило, не имеют научного обоснования. Научная база, разработанная в период социалистического хозяйствования, уже не может в полной мере соответствовать современным рыночным условиям, а новая, даже если предлагается, исходит в основном только из внутренних факторов предприятия. Комплексная пространственная оценка качества рабочей силы региона или города может служить в этом случае основой для разработки внутрифирменных стандартов и методов оценки трудового потенциала и результатов деятельности каждого отдельного предприятия (организации).

Качество рабочей силы необходимо рассматривать как динамичную характеристику, изменяющуюся не только в

пространственном, но и во временном отношении. Комплексное сопоставление пространственных и временных факторов роста качества рабочей силы может дать основу стратегического планирования развития строительного комплекса.

В связи с реализацией национальных проектов проведение оценки качества рабочей силы в регионах и на уровне предприятий строительного комплекса обусловлено необходимостью выявления ее состояния на определенный момент времени. Стратегические планы развития региона в целом и строительного комплекса в частности должны содержать конкретные цели, для достижения которых необходим определенный уровень качества рабочей силы. Таким образом, методология проведения оценки становится одной из основных задач, требующей серьезного научного обоснования.

Оценка качества рабочей силы (персонала) на пространственном уровне строительного предприятия (организации) должна содержать объективные и субъективные факторы. Объективные факторы поддаются количественному измерению, субъективные можно оценить только использовав эмпирические зависимости на основе социологических исследований и психологических тестов.

Объективные материальные факторы (состояние производительных сил предприятия, уровень использования новой техники, технологий, строительных материалов, уровень информационной вооруженности) при оценке качества рабочей силы строительного предприятия имеют важное значение. Предприятие, имеющее низкий технический уровень и обеспеченное качественной рабочей силой, не может долгое время сохранять имеющийся уровень качества рабочей силы, которая теряет свой профессиональный уровень, деградирует, если он был выше предложенного технического уровня. Современные методики оценки персонала предприятий не учитывают этот фактор, что сказывается на общем уровне качества рабочей силы предприятия. Если материальные факторы качества рабочей силы предприятия зависят в основном от инвестиционных возможностей, то нематериальные объективные факторы могут корректироваться управленческими и экономическими методами. Оценка нематериальных объективных факторов качества рабочей силы предприятия основывается на данных кадровой службы, обязанной проводить мониторинг по указанным параметрам.

Персональное качество рабочей силы в еще большей степени зависит от субъективных факторов. Определяющее значение в этом случае имеют личностные характеристики. Объективные факторы легко измеримы и отражают накопленный жизненный и профессиональный опыт. Субъективные факторы оцениваются через мнение оценщика на основе эмпирических данных, собранных с помощью психологических и социологических инструментов и методов. Поэтому важно минимизировать влияние личности оценщика на результаты оценки. Она должна производиться по группам, включающим однородные показатели. Особое значение имеют способы выбора методов, с помощью которых оцениваются показатели. В научной литературе изложены многочисленные методы, нашедшие широкое применение в современной практике[1]

Это оценочные тесты, методы управления целями, учета выполнения рабочего стандарта, автономизации, контрольных карт, оценка через написание эссе, оценка через критические ингредиенты, метод принудительного выбора, самооценка, составление социограммы, метод итогового ранжирования, метод попарного сравнивания, метод оценочных карт и др. В каждом из приведенных методов есть свои преимущества и недостатки. Конкретный выбор методов, применяемых для оценки личного уровня качества специалиста, зависит от характера выполняемых обязанностей и должности. Оценка качества управленческого труда и труда рабочих не должны проводиться одинаковыми методами вследствие различного характера выполняемых функций[2].

Конкурентоспособность предприятия строительных материалов и конструкций определяется в первую очередь конкурентоспособностью производимой им строительной продукцией, в большой степени зависящей от правильно выработанной стратегии достижения поставленных целей. Концентрация ресурсов и экономическая гибкость лежат в основе промышленной политики развитых индустриальных государств. Создание конкурентоспособных инновационных строительных материалов и конструкций требуют соответствующего обеспечения по многим направлениям, в том числе и человеческими ресурсами, способными обеспечить необходимые мощность, скорость и разнообразие инновационного потока.

Рабочая сила в инновационном процессе играет одну из основных ролей. Причем основной акцент необходимо делать на специалистов, обладающих высоким уровнем технико-экономической эрудиции и подготовленных для решения приоритетных исследовательских и прикладных задач любой сложности. Качественный уровень рабочей силы имеет значение на всех стадиях строительного производства, начиная от проектирования и производства строительных материалов до непосредственного строительства и заканчивая эксплуатацией зданий и сооружений. На предприятиях промышленности строительных материалов этот вопрос стоит особенно остро из-за слабой технической и технологической базы, практически полного отсутствия подготовки рабочих кадров для отрасли, отсталых методов управления, менеджмента и маркетинга.

Основные элементы организационно-финансового механизма функционирования системы подготовки качественных специалистов ориентированы на долгосрочную перспективу, процесс управления системой входит в разряд сложных экономических задач, требующих серьезной научной основы. В систему управления входит ряд государственных и общественных организаций и бизнес-структур. Общественные организации и коммерческие предприятия промышленности строительных материалов выступают в этой системе как экспертные органы, имеющие возможность корректировки подготовленных планов и программ, так как в итоге именно они потребители рабочей силы, заинтересованные в повышении ее качества.

Роль качества рабочей силы в обеспечении и повышении конкурентоспособности предприятий промышленности строительных материалов постоянно возрастает. Поэтому при определении стратегии развития предприятий необходимо опираться на политику более значимого участия работодателей в формировании качества рабочей силы на различных пространственных уровнях. Конкурентоспособность предприятия во многом определяется инвестиционно-экономической ситуацией региона, так как весь строительный комплекс имеет ярко выраженный региональный аспект. Повышение конкурентоспособности региона влечет за собой возможности расширения рынков сбыта качественной строительной продукции не только в пределах Российской Федерации, но

и за рубежом. Конкурентные преимущества отечественной строительной продукции можно создавать, применяя комплексный подход к управлению всеми ресурсами, в том числе и человеческими.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Яковлева Н. Г.* Оценка профессионализма менеджеров в системе управления персоналом предприятия. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2004.

[2] См.: *Жуков А. А.* Оценка руководителей как инструмент кадрового менеджмента промышленного предприятия: организационно-методические аспекты. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Кострома, 2004.

Поступила 29.12.06.

Л. Н. ЛИПАТОВА,
В. Н. ГРАДУСОВА,
Е. И. ДУДАНОВ

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Либерализация экономической жизни, развитие рынка труда привели к заметной интенсификации трудовой мобильности в экономике России. Если в конце 70-х гг. XX в. место работы ежегодно менял каждый шестой занятый, то в начале 90-х гг. это касалось уже каждого пятого, а в конце десятилетия — каждого четвертого работника, в 2002 г. с предприятий и организаций уволилось 30 % персонала, в 2004 г. — 31 % работников[1]

В экономике Республики Мордовия в 1992—1996 гг. ежегодный уровень выбытия работающих составлял 16—18 %, коэффициент приема — 12—13 % от среднесписочной численности. Это был период спада производства и высокой безработицы, что сдерживало процесс перераспределения рабочей силы. Стабилизация экономики, оживление производства, развитие сферы услуг вызвали дальнейшую активизацию этого процесса, показатели движения рабочей силы существенно возросли. В 2005 г. коэффициент найма составил 23,4 %, увольнений — 27,6 % от среднесписочной численности.

Показатель оборота рабочей силы в экономике Мордовии с 2002 г. устойчиво превышает 50 %. Интенсивность трудовых перемещений существенно различается по видам экономической деятельности. К числу отраслей с самыми высокими показателями традиционно относятся строительство, торговля и общественное питание. Высокая сменяемость кадров в строительных организациях связана со спецификой этой отрасли, для которой характерны сезонные колебания и инвестиционный кризис.

ЛИПАТОВА Людмила Николаевна, профессор кафедры экономической теории Саранского кооперативного института.

ГРАДУСОВА Валентина Николаевна, доцент кафедры антикризисного управления и финансового менеджмента Северо-Западной Академии государственной службы, кандидат экономических наук (г. Санкт-Петербург).

ДУДАНОВ Евгений Игоревич, ассистент кафедры производственного менеджмента Мордовского государственного университета.

Значительная текучесть в торговле объясняется неустойчивым финансовым положением предприятий, зависящим от платежеспособности населения, отсутствием надежных социальных гарантий, особенностями организации труда. Высокие показатели движения работающих отмечались в жилищно-коммунальном хозяйстве республики, что, на наш взгляд, объясняется ограниченным спросом со стороны населения, спецификой технологического процесса, плохими условиями труда, общей отсталостью отрасли. Начавшееся реформирование ЖКХ способствовало закреплению кадров на предприятиях отрасли. Оборот рабочей силы сократился со 103 % в 2002 г. до 58 % от среднесписочной численности в 2005 г.

Стабилизировалась ситуация и в промышленности Мордовии. В 2003 и 2004 гг. эту отрасль, которая является основой любой экономической системы, буквально лихорадило — оборот кадров превышал 70 %, ежегодно сменялось более 1/3 работающих. За один 2005 г. показатель оборота снизился на 26 %, стал наименьшим среди отраслей материального производства — 54 % от среднесписочной численности[2]

Среди отраслей промышленности высокой трудовой мобильностью выделяются машиностроение и металлообработка. В 2003 и 2004 гг. оборот кадров на предприятиях отрасли составил 105 и 99 % от среднесписочной численности соответственно. В традиционно лидирующей по данному показателю отрасли — строительстве — оборот рабочей силы немного меньше: 108 % от среднесписочной численности в 2003 г. и 100 % — в 2004 г.

За последние годы в число отраслей с повышенной подвижностью персонала вошли транспорт, сельское и лесное хозяйство. В 2005 г. оборот рабочей силы на этих предприятиях превысил 60 %. Во всех случаях интенсификация перемещений произошла преимущественно за счет оттока кадров. Преобразования в этих отраслях явно запаздывают.

К числу отраслей с низким уровнем сменяемости персонала относится аппарат органов государственного управления. Сотрудников этих структур привлекают престижность этого рода занятий, благоприятные условия труда, высокая заработная плата, социальная защищенность, льготное пенсионное обеспечение и др. Однако в последние годы и в этой

отрасли трудовая мобильность активизировалась, главным образом, за счет частых случаев увольнений.

Относительная стабильность медицинских, научных и педагогических коллективов объясняется спецификой их труда, отсутствием профессиональных альтернатив занятости. Наиболее активные люди покинули научные и образовательные учреждения еще в начале 90-х гг. XX в. Многие стали успешными предпринимателями, чиновниками разных уровней.

Профессиональная мобильность связана с мотивацией работника и действиями работодателя, поэтому пристального внимания требует процесс выбытия. В Мордовии в 2005 г. наиболее активно этот процесс наблюдался в строительстве (62,3 % от среднесписочной численности), оптовой и розничной торговле, общественном питании (37,8 %), транспорте (36,6 %), сельском и лесном хозяйстве (34,1 %). В целом в республике коэффициент выбытия составлял 27,6 %.

Среди увольнений, согласно отчетам предприятий, доминируют добровольные. В 2001—2005 гг. в Мордовии на них приходилось более 60 % всех случаев. Вполне объяснимо, что доля таких перемещений уменьшается по мере увеличения заработной платы. Максимума этот показатель достигал в бюджетных отраслях (здравоохранении, образовании, культуре) — почти 90 %. Изменение рыночной конъюнктуры, ужесточение финансовых ограничений для предприятий не вызвали всплеска увольнений по инициативе администрации. Так, на крупнейшем промышленном предприятии РМ — ОАО «Рузхиммаш» — по инициативе администрации ежегодно увольняется не более 5 %. Увольняют, главным образом, за нарушения трудовой дисциплины. По результатам опросов увольняющихся, проводимых отделом кадров, 60 % покидают завод из-за низкой заработной платы, 30 % не удовлетворены условиями труда. Сокращение штатов в ОАО «Рузхиммаш» в последние 5 лет не проводилось.

Имеется несколько причин, сдерживающих работодателей от массовых сокращений. Одна из них — отсутствие у предприятий средств на выплату пособий работникам, подлежащим сокращению. Однако переоценивать значимость этого фактора не следует. Денег у таких предприятий действительно нет. Однако оптимизировать занятость можно было бы, приостановив найм новых работников, что проще

и не требует затрат. Но и в относительно благополучных, и в депрессивных отраслях прием работников проводился весьма активно.

Другой фактор связан с российской ментальностью. Работодатели не сокращают сотрудников, понимая, что трудоустроиться многие уволенные не смогут. Кроме того, имеется представление, что предприятия, воздерживающиеся от массовых увольнений, имеют некоторые преференции в политическом и финансовом плане. Подтвердить или опровергнуть это не представляется возможным. Но известно, что в ряде регионов местные власти, обеспокоенные нарастанием безработицы и связанными с этим негативными последствиями, настойчиво предостерегают собственников от массовых сокращений.

Изложенное относительно избыточной занятости и наблюдаемый высокий устойчивый приток кадров наводят на мысль, что руководители предприятий не обеспокоены всерьез ее существованием и не рассматривают сокращение ее масштабов как фактор повышения эффективности производства. На наш взгляд, недооценка роли человеческого фактора связана с приверженностью менеджеров со стажем к экстенсивным подходам в организации производства, а также с тем, что в начале 90-х гг. XX в. повсеместно ликвидированы или существенно сокращены службы, занятые организацией труда.

Помимо сокращения кадров политика работодателя характеризуется наймом новых работников. В целом в экономике Мордовии отмечается закономерное уменьшение приема по мере сокращения числа занятых. Но процессы пополнения кадрового состава проходили весьма активно. Отчасти это можно объяснить либерализацией общественной жизни и отменой обязательности трудовой деятельности. Тому подтверждение — распространение краткосрочной занятости. Так, в ОАО «Рузхиммаш» удельный вес работающих на предприятии менее 1 года за последние 5 лет увеличился с 17 до 21 %.

Стаж работы на одном предприятии зависит от работника и работодателя. Уровень мобильности зависит от отраслевой принадлежности, размера и возраста фирмы, формы собственности, кадровой политики менеджмента, уровня оплаты труда и других характеристик предприятия. Решающее

значение в вопросе смены места работы имеют уровень и своевременность оплаты труда. На решении об увольнении сказываются также пол, возраст, психомоторные качества, уровень образования, профессиональная принадлежность, ценностные установки и др. Невысокая мобильность лиц старших возрастов связана с их скромными представлениями об обеспеченности, сохранившимися с советских времен, низкой самооценкой, незнанием конъюнктуры рынка труда, а также нежеланием рисковать. Такой возрастной состав увольняющихся стал отличительной чертой современных процессов профессиональной мобильности. Наиболее склонны к перемене мест мужчины. Также чем больше стаж, тем реже работники думают о смене места работы. Проявляется и зависимость степени мобильности от уровня образования: чем выше квалификация работника, тем больше стаж его работы на предприятии.

Интенсивность движения работников существенно различается по категориям работников. Согласно проведенному исследованию, в ОАО «Рузхиммаш» самые высокие показатели оборота наблюдаются у руководителей, основных и вспомогательных рабочих, наименьшие — среди специалистов и служащих. Значения показателя оборота, рассчитанные для категории руководителей, ежегодно в 1,3—1,5 раза превышают его средний по всему персоналу предприятия уровень. Высокая сменяемость кадров этой категории объясняется, прежде всего, текучестью руководителей низшего звена управления (мастера, начальники участков), что связано с особенностями организации труда, отсутствием стабильности на производстве. Кроме того, немаловажное значение имеет то обстоятельство, что это в основном молодые люди, не боящиеся перемен и стремящиеся к максимально выгодному приложению своего труда. Они, как правило, коммуникабельны, хорошо приспосабливаются к новым условиям.

Высокую профессиональную подвижность проявляют вспомогательные рабочие (55—74 %), что связано с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой. Наименее подвижны служащие. Показатели оборота этой категории работающих, к которой относятся секретарь, архивариус, кассир, диспетчер, табельщик и другие технические исполнители, обычно в 2—3 раза меньше, чем в целом по предприятию. Высокая стабильность этого контингента объ-

ясняется благоприятными условиями труда, отсутствием перспективы карьерного роста, незначительным спросом на рынке труда этой категории работников.

Важнейшее направление исследования процессов мобильности — анализ динамики образовательной и профессионально-квалификационной структуры занятого населения. Перераспределительные процессы идут между разными профессиональными группами: между рабочими и специалистами, квалифицированными и неквалифицированными рабочими и т. п. Такие изменения отражают качественную сторону процессов перераспределения, свидетельствуют о ходе адаптации работников и приоритетах кадровой политики государства и предприятий.

Уровень образования занятых в экономике Мордовии довольно высок. Более 1/4 работающих имеют высшее и неполное высшее образование, хотя за последние 5 лет доля этой группы уменьшилась на 0,3 %. Наиболее существенные изменения коснулись категории работающих с начальным профессиональным образованием — их удельный вес вырос в 1,4 раза[3]

В ОАО «Рузхиммаш» за 2001—2005 гг. удельный вес работников с высшим и неполным высшим образованием немного вырос, но был и остается заметно меньше, чем в экономике РМ в целом. Меньше и доля контингента со средним общим образованием. Большинство занятых в ОАО «Рузхиммаш» имеют среднее профессиональное образование, что в 2 раза больше, чем в среднем по Мордовии. Руководители подразделений все чаще говорят, что базовые знания, приобретенные в учебных заведениях молодыми специалистами, не удовлетворяют предъявляемым требованиям.

Интенсивность движения рабочей силы в Мордовии за последние годы существенно возросла, но ее эффективность не высока. Значительное влияние на процессы перераспределения оказывает фактор стихийности, о чем свидетельствуют сохраняющиеся длительное время высокие значения доли холостого оборота (2001 г. — 99 %, 2003 г. — 97,0, 2005 г. — 92 %).

Уровень трудовой мобильности населения Мордовии ниже, чем в России. В первую очередь это объясняется высокой долей сельского населения в республике (на 1 января 2006 г. — 40,8 %). Как известно, для сельских жителей

характерны низкие показатели движения рабочей силы. Кроме того, в Мордовии слабо развито частное предпринимательство, характеризующееся высокой степенью трудовой мобильности.

На трудовые перемещения влияет и угроза безработицы. Ее уровень в Мордовии достаточно высок — 7 %. Коэффициент напряженности на республиканском рынке труда в 2005 г. составлял 2,8 чел. на одну вакансию. В ряде районов (Старошайговском, Зубово-Полянском, Большеигнатовском) превышал 20, а в Кочкуровском достиг 71 чел. на одно вакантное рабочее место. В 2005 г. 11 % безработных более года находились в поисках работы, а средняя продолжительность регистрируемой безработицы возросла до 5,7 месяцев. Довольно напряженная ситуация на региональном рынке труда в определенной мере сдерживает дальнейшую активизацию трудовых перемещений.

Таким образом, проведенный анализ трудовой мобильности работников предприятий региона позволяет говорить о постепенной интенсификации процессов трудовой мобильности, но невысокой их эффективности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Трудовые ресурсы СССР / Под ред. Л. А. Костина. М., 1979. С. 38—39; Движение рабочей силы и рабочих мест в российской экономике / Л. Гордон, В. Гимпельсон, В. Кабалина и др. М, 1997. Вып. VIII. С. 17; Россия в цифрах: Краткий стат. сб. М., 2001. С. 89—90; 2003. С. 88—89; 2005. С. 173.

[2] Составлено и рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник / Комитет гос. стат. Республики Мордовия. Саранск, 2003. С. 71—72; 2005. С. 106—107; 2006. С. 110.

[3] Мордовия: Стат. ежегодник / Комитет гос. стат. Республики Мордовия. Саранск, 2005. С. 94.

Поступила 23.04.07.

С. В. ЛАПШИН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА РЕГИОНАЛЬНОЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ СЕТЕВОЙ КОМПАНИИ

Достижение стратегических целей, стоящих перед энергопредприятиями РАО «ЕЭС России», в значительной степени определяется кадровым потенциалом отрасли, способным обеспечить надежное и бесперебойное снабжение потребителей энергией. Результативное использование персоналом своих способностей, знаний и навыков, реализация требуемых моделей производственного поведения работников во многом определяются эффективностью стимулирования персонала. Поэтому в условиях реструктуризации РАО «ЕЭС России» к действующим на энергопредприятих системам стимулирования персонала предъявляются особые требования.

Анализ системы стимулирования персонала ОАО «Мордовэнерго» и других распределительных сетевых компаний, входящих в зону ответственности ОАО «Межрегиональная сетевая компания Урала и Волги», выявил ряд проблемных областей. В их числе низкая доля тарифной составляющей в заработной плате работников, слабая увязка размера оплаты труда и премиальных выплат с конечными результатами деятельности предприятий, результативностью (эффективностью) индивидуального и коллективного труда, отсутствие мотивов и стимулов к творческой и инновационной деятельности, узость используемых видов социально-психологических и моральных стимулов. Все это обусловливает низкий уровень удовлетворенности работников качеством трудовой жизни и необходимость поиска путей комплексного решения выявленных проблем.

Для повышения эффективности деятельности предприятий РАО «ЕЭС России» особую актуальность приобрета-

---

ЛАПШИН Сергей Владимирович, начальник отдела управления персоналом ОАО «Мордовэнерго».

ет использование процессного подхода, что создает новые возможности и в формировании системы стимулирования персонала энергопредприятий. В частности, появляется возможность формализации процесса стимулирования посредством не многочисленных инструкций, а методами графического моделирования. Это позволяет просто и ясно довести до персонала механизм стимулирования, выявить слабые места системы стимулирования персонала и разработать ее целевую модель.

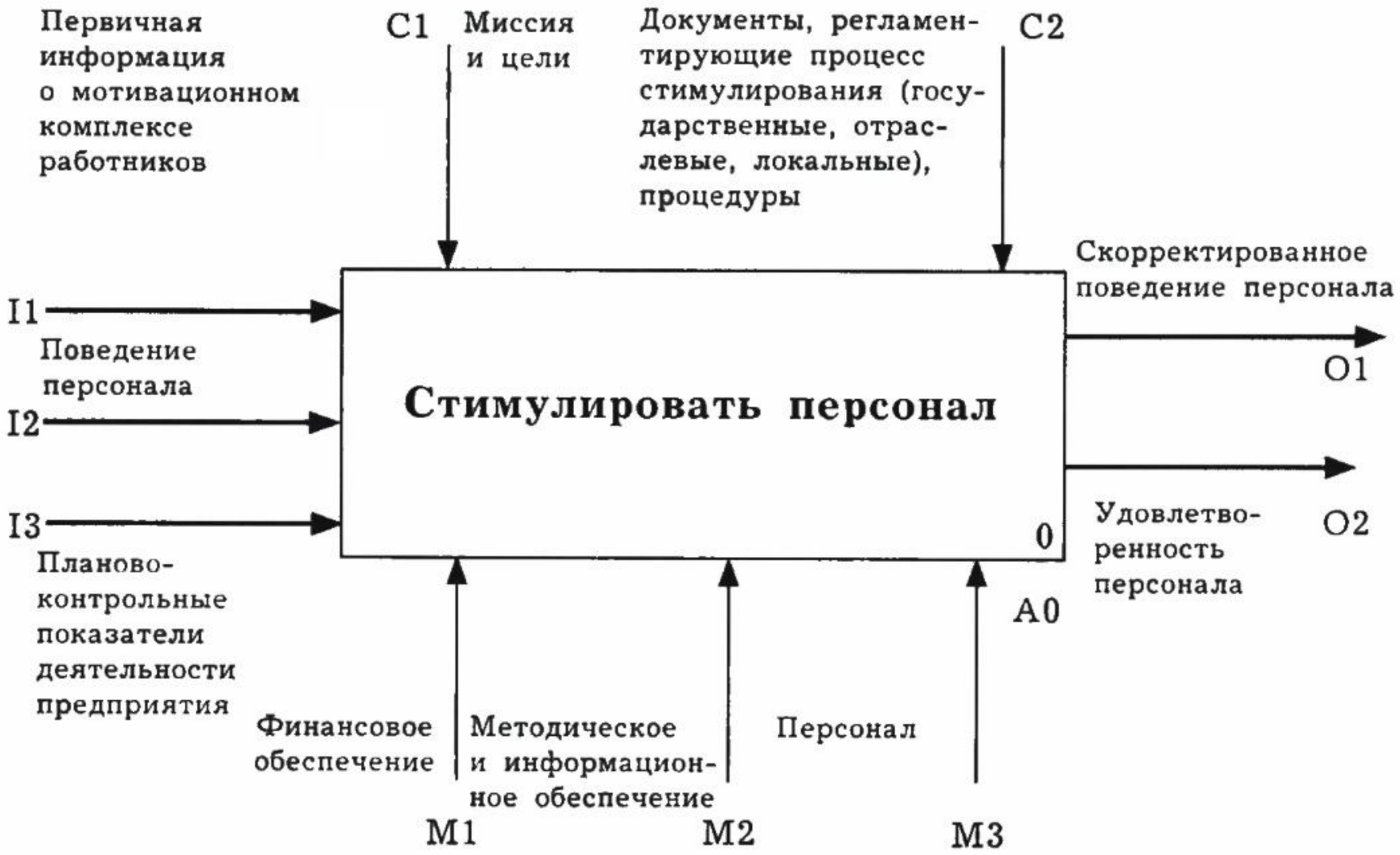
Из совокупности методов моделирования, используемых в отечественной и зарубежной практике, наименее освоена и наиболее признана методология IDEF0, позволяющая исследовать структуру, параметры и характеристики производственно-технических и организационно-экономических систем. Методология IDEF0 в наглядной форме представляет взаимодействие и взаимосвязь функций рассматриваемого процесса.

Модель IDEF0 начинается с представления моделируемого процесса в виде одного функционального блока с интерфейсными дугами, определяющими границы процесса (рис. 1).

Модель разработана с позиций подразделения, ответственного за работу с персоналом в ОАО «Мордовэнерго» (отдел управления персоналом), что закреплено в положении о подразделении. Цель создания модели — развитие системы стимулирования персонала ОАО «Мордовэнерго».

Стимулирование включает деятельность, выполняемую несколькими структурными подразделениями, и поэтому относится к числу сквозных (межфункциональных) процессов организации. Следовательно, управлять процессом может только руководитель, имеющий в своем распоряжении соответствующие ресурсы. В настоящее время в ОАО «Мордовэнерго» владелец процесса стимулирования персонала — директор по персоналу и общим вопросам.

Началом процесса стимулирования персонала являются первичная информация о мотивационном комплексе работников (I1), поведение персонала (I2), планово-контрольные показатели деятельности предприятия (I3). Выходные стрелки характеризуют продукт, получаемый в результате деятельности. Выход в результате функционирования процесса стимулирования на персонал предприятия может характеризоваться двояко: через скорректированное поведение персонала (O1) и показатели удовлетворенности персонала (O2).

Цель (причина создания модели): развитие системы стимулирования персоналом ОАО «Мордовэнерго»

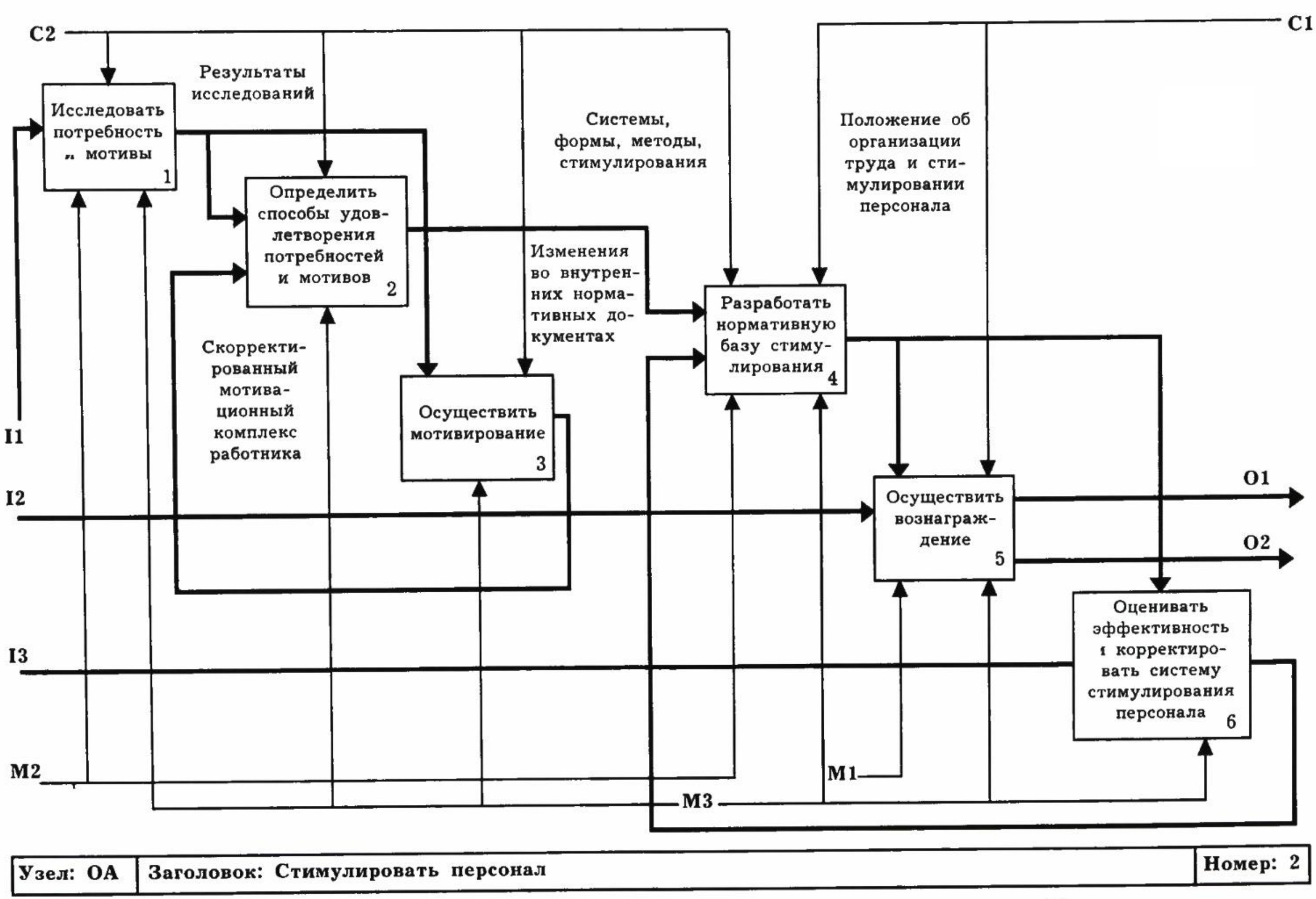
Точка зрения. субъект системы стимулирования персонала (отдел управления персоналом ОАО «Мордовэнерго»)

Рис. 1. Контекстная диаграмма процесса стимулирования персонала «А-0»

Содержанием интерфейсных дуг управления является предписывающая и ограничивающая информация. К ней относится миссия и цели предприятия (С1), документы/ процедуры, регламентирующие процесс стимулирования персонала (С2). Нижняя сторона блока представляет собой механизм, т. е. ресурсы, необходимые для исполнения процесса стимулирования. К основным ресурсам, используемым анализируемой функцией, следует относить финансовое (М1), информационное и методическое обеспечение (М2), а также персонал (М3).

В основе построения IDEF0-модели лежит принцип «декомпозиции», позволяющий поэтапно и структурировано представить модель процесса в виде иерархической структуры отдельных диаграмм.

На рис. 2 процесс стимулирования персонала раскрывается в виде набора взаимодействующих и взаимосвязанных блоков, отражающих процессы, операции и действия, происходящие в изучаемой системе.

Узел: OA	Заголовок: Стимулировать персонал	Номер: 2

Рис. 2. Дочерняя диаграмма процесса стимулирования персонала «A0»

Нами выделяются 6 основных функций процесса стимулирования персонала: исследование потребностей и мотивов персонала; определение способов удовлетворения потребностей и мотивов; осуществление мотивирования; разработка нормативной базы стимулирования; осуществление вознаграждения; оценка эффективности и корректировка системы стимулирования персонала.

Исходной составляющей блока 1 «исследовать потребности и мотивы» стала первичная информация о мотивационном комплексе работников. Для получения достоверного образа трудовой мотивации персонала обязательным условием стало наличие информации, полученной в результате соответствующих прикладных социологических и психологических исследований. Только в этом случае наблюдение носит целенаправленный, систематический характер. Управляющей информацией этой функции является решение менеджмента предприятия о проведении подобного исследования, оформленное в виде приказа и программы исследования. В качестве методического обеспечения следует использовать разработки ОАО «Цотэнерго», а также опыт проведения социологических исследований на других энергопредприятиях РАО «ЕЭС России». Результатами реализации этой функции в зависимости от утвержденной программы являются социограммы, индивидуальные характеристики работников, результаты групповых оценочных сессий, опросов и анкетирования.

Центральное место среди получаемых материалов занимает документ, характеризующий мотивационное ядро каждого работника. Для каждой категории персонала определяются процедуры оценки и специфический набор тестовых методик. Построение диаграммы показало важность и необходимость подобных исследований, но пока в ОАО «Мордовэнерго» можно говорить лишь о частичной их реализации. Однако уже на первом этапе изучения элементов мотивационной структуры работников получена информация, которая привела к увеличению разнообразия используемых в сетевой компании инструментов стимулирования.

Следующей функцией стало «определение способов удовлетворения потребностей и мотивов» (блок 2). Включение этой функции в процесс стимулирования персонала связано с наличием на предприятиях разнообразных целей и мотиваций работников. Это приводит к тому, что эффек-

тивным может быть только тот процесс стимулирования, в котором принимается во внимание специфика предприятия, а также мотивы, потребности работников. Таким образом, решение задачи связано с необходимой диверсификацией типов стимулирования.

Одной из составляющих реализации этой функции являются результаты исследования, полученные на предыдущем этапе. Другой — обратная связь, идущая от осуществления мотивирования, представляющая собой скорректированный мотивационный комплекс работников. Ограничительная информация содержится в уставе ОАО «Мордовэнерго», бизнес-плане, коллективном договоре, сметах использования прибыли, т. е. в документах, лимитирующих возможности использования ресурсов, направляемых на стимулирование персонала.

Результат реализации функции — системы, формы, методы стимулирования, адекватные мотивационному комплексу персонала предприятия. Установление адекватных инструментов стимулирования производится специалистами отдела управления персоналом при поддержке консультантов. Однако окончательный выбор и принятие управленческих решений должны всегда оставаться за владельцем процесса. Эта функция частично реализуется в ОАО «Мордовэнерго», однако отсутствие полной информации о мотивационном комплексе существенно снижает эффективность проводимой отделом управления персоналом работы по совершенствованию системы стимулирования персонала в части выбора средств и систем стимулирования.

Не налажена на предприятии деятельность, связанная с мотивированием персонала (блок 3). Преодолеть разнородность мотиваций работников, выстроить их в соответствии с целями предприятия, добиться оптимальной степени участия персонала в достижении целей организации — задача данной функции.

Деятельность менеджеров по мотивированию персонала строится в соответствии с результатами исследований, полученных на первом этапе процесса. К предписывающей информации относятся локальные нормативные акты региональной сетевой компании (положения об аттестации персонала, кадровой комиссии, переподготовке и повышении квалификации персонала, кадровом резерве). Эти локаль-

ные нормативные документы частично представлены в ОАО «Мордовэнерго». Однако проведенный документационный анализ показал, что они имеют слабую взаимосвязь, различный уровень проработанности, носят формальный характер, слабо используются в работе.

Решение задач мотивирования персонала, обеспечивающих согласованность целей управления с мотивами и потребностями работников, возложено на непосредственных руководителей при методической поддержке отдела управления персоналом. Включение в процесс стимулирования блока «осуществить мотивирование» определяет то, что система стимулирования персонала может быть эффективна только при условии активного обучения менеджеров предприятия способам мотивирования и вовлечения их в данную деятельность. Основное внимание субъекта стимулирования должно быть обращено на развитие и усиление желательных для субъекта стимулирования мотивов деятельности и, наоборот, ослабление элементов мотивационной структуры, мешающих управлению человеком.

Итогом реализации этой функции стал скорректированный мотивационный комплекс работников, который в виде обратной связи представляется входом для функции № 2 («Определять способы удовлетворения потребностей»). Зачастую мотивирование работников по ряду причин может не принести результатов. Это может быть связано, например, с отсутствием у работников видимых перспектив служебного и профессионального роста, нежеланием работать на предприятии. Увольнение подобных работников приводит к большим финансовым и временным потерям, связанным с их обучением, поиском замены. Это определяет значимость работы по подбору и отбору кадров. Для обеспечения успешности деятельности по мотивированию персонала уже на этапе приема работника предприятие должно отбирать наиболее соответствующих стандартам качества выполняемой работы, предусматривать соответствие квалификации работника, его индивидуальным устремлениям, максимально возможное совпадение его профессиональной подготовки, требованиям конкретных должностных обязанностей.

На ряде энергопредприятий, таких как ОАО «Мосэнерго», ОАО «Ленэнерго», ОАО «Свердловэнерго», при отборе и наборе персонала используются компьютерные психофизио-

логические системы тестирования, включающие программы, предназначенные для оценки уровня развития профессионально значимых психофизиологических и личностных качеств, необходимых для успешной работы на той или иной должности. В ОАО «Мордовэнерго» ответственность за подбор и отбор персонала несут высшие менеджеры региональной сетевой компании (директора филиалов, заместители генерального директора). Однако они не осуществляют эти процессы комплексно и планомерно.

«Разработка нормативной базы» (блок 4) позволяет поставить распределение ресурсов, направляемых на стимулирование персонала, среди работников предприятия в зависимость от информации, полученной в результате исследования мотивационного комплекса и эффективности трудовой деятельности. На данном этапе определяется, сколько должен получать каждый работник. Исходными данными реализации этой функции будут полученные на предыдущем этапе процесса стимулирования результаты в виде систем, форм и методов стимулирования, адекватные мотивам и потребностям персонала предприятия. Вторая составляющая этой функции представляет собой обратную связь блока «корректировать и оценивать эффективность» в виде изменений, вносимых в нормативные документы по результатам анализа эффективности функционирования процесса.

К управляющей информации блока относятся миссия/цели предприятия, а также комплекс государственных, отраслевых и внутрифирменных документов. Условием формирования юридически корректного и действенного Положения об организации труда и стимулировании персонала является соблюдение принципа «системного подхода», что подразумевает проведение многофакторного анализа федеральных, отраслевых, региональных и внутриорганизационных факторов, выступающих в качестве ограничивающих условий и описываемых в указанных документах.

Ресурсами этой функции являются «персонал» и методическое обеспечение. К методической документации, используемой при разработке положения об организации труда и стимулировании персонала, следует отнести рекомендации Минтруда РФ по разработке внутрипроизводственных тарифных условий оплаты труда работников предприятий;

рекомендации о едином порядке организации оплаты труда по тарифным ставкам (должностным окладам) работников акционерных обществ (филиалов) РАО «ЕЭС России»; материалы ОАО «Цотэнерго» (пособие по организации оплаты труда работников энергетических организаций, пакет рекомендательно-методических положений и документов по стимулированию труда работников электросетевых предприятий); ГОСТ Р ИСО 9000-2001. Системы менеджмента качества; сведения Федеральной службы государственной статистики, городского центра занятости населения. Несомненный интерес представляют также аналогичные положения, действующие в энергокомпаниях РАО «ЕЭС России».

Итогом реализации функции стал внутренний локальный документ «Положение об организации труда и стимулировании персонала». Формируемое положение включает в себя описание механизма системы стимулирования персонала предприятия: цели и задачи, совокупность взаимосвязанных принципов, методов стимулирования, направленных на обеспечение функционирования процесса в рамках установленных параметров. Структурно подобное положение для энергопредприятий должно включать описание тарифной системы оплаты труда, премиальной системы, доплат и надбавок, социальных выплат.

Началом реализации функции «осуществлять вознаграждение» (блок 5) является производственное поведение персонала. К ограничивающей информации следует отнести цели и задачи предприятия, сформулированные в приказах РАО «ЕЭС России», ОАО «МРСК Урала и Волги», приказах ОАО «Мордовэнерго». Предписывающая информация сформулирована в «Положении об организации труда и стимулировании персонала», завершающем предыдущий блок.

Ресурсами функции «осуществлять вознаграждение» являются финансовое обеспечение (М1), отчетные данные о деятельности предприятия (М2), персонал (М3). На основе имеющейся информации отделом управления персоналом производится формализованная оценка результативности производственного поведения персонала и определяется уровень выплачиваемого вознаграждения. Исходя из постоянно возрастающей значимости системы планирования и контроля региональной сетевой компании, в основе оценки должен лежать целевой подход к оценке эффективности.

Важнейшее значение для эффективного протекания пятой функции имеет соблюдение принципа «вовлеченность персонала». В настоящее время в ОАО «Мордовэнерго» реализацией этой функции занимается преимущественно отдел управления персоналом при незначительном участии в нем руководителей различных уровней. Вовлечение менеджеров в распределительные отношения за счет повышения индивидуализации вознаграждения повысит личную заинтересованность персонала в результатах собственного труда, деятельности подразделения и предприятия в целом.

Итогом реализации данной функции, с одной стороны, является скорректированное производственное поведение персонала, приводящее к изменению состояния предприятия. Параметры нормативного производственного поведения описываются в «Кодексе корпоративной этики» ОАО «ФСК ЕЭС», «Кодексе корпоративного управления» РАО «ЕЭС России», правилах внутреннего трудового распорядка, положениях о подразделениях и должностных инструкциях работников. С другой — информация об удовлетворенности персонала (О2), зависящая от степени адекватности и справедливости вознаграждения.

Завершающая функция процесса стимулирования — этап оценки эффективности и его корректировка (блок 6). В предлагаемой модели эта функция заканчивает цикл, и в то же время итог ее реализации в виде корректировок локальных документов является основой для дальнейшего совершенствования нормативной базы, используемой в процессе стимулирования. Наличие подобной обратной связи имеет принципиальное значение, поскольку процесс стимулирования может быть эффективным только в том случае, если в нем регулярно формируется информация о состоянии объекта управления, достижении или недостижении запланированного результата, об отклонении от намеченного движения к поставленной цели.

Управляющим документом рассматриваемой функции стало «Положение об организации труда и стимулировании персонала», где должны быть отражены методика оценки, критерии и показатели, используемые при оценке эффективности процесса стимулирования персонала. Действующее в ОАО «Мордовэнерго» в настоящее время Положение не содержит в себе такой информации. Полученная в ходе

оценки информация — основа для внесения корректировок в действующую нормативную базу, что и будет итогом реализации функции «оценивать эффективность и корректировать систему стимулирования персонала». На этом этапе также возможно привлечение консультантов, деятельность которых может быть особенно эффективна при реинжиниринге процесса стимулирования персонала.

Для формирования эффективной системы стимулирования персонала региональной сетевой компании с использованием методологии IDEF0 разработана соответствующая модель и предложены практические рекомендации по выполнению функций этого процесса. Подобная модель обеспечивает полное представление о функционировании процесса, всех имеющихся в нем потоках информации и ресурсов; научно отражает взаимосвязь и взаимозависимость функций данного процесса и позволяет осуществлять реинжиниринг системы стимулирования персонала в соответствии с целями реструктуризации отрасли.

Поступила 03.05.04.

О. О. ВАВИЛОВ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Трансформация взглядов на предпринимательство происходит параллельно с развитием общества. На наш взгляд, генезис этого феномена берет начало с момента разделения труда и специализации. Как отмечает А. Т. Цориева, при разделении труда происходит возникновение профессий, а при появлении специализации — возникновение обмена, когда производители одного продукта удовлетворяют свои потребности в других продуктах, меняясь ими с другими производителями[1] Все это образует целостную систему, включающую в себя стабильные группы людей, занимающих особое место в производстве, обмене и потреблении продуктов труда.

В научном дискурсе понятие «предприниматель» стало использоваться в середине XVIII в., когда Р. Кантильон ввел его в оборот в «Очерке о природе коммерции». Использованию данного термина также способствовали труды А. Смита, В. Зомбарта, Ж.-Б. Сэя и Й. Шумпетера. В их работах четко прослеживалась трактовка предпринимателя как собственника, берущего на себя риск при реализации своих экономических функций. Однако в большинстве случаев не фиксировались особенности социального статуса и социальной значимости фактических субъектов хозяйствования: купца, предпринимателя, работодателя[2]. Фактически же первыми предпринимателями можно считать торговцев. Следует отметить, что негативное отношение к торговцам сформировалось и закрепилось с момента их зарождения как социального института. Совсем иной подход представлен в работах Р. Кантильона, основоположника исследований в области предпринимательства, который впервые стал рассматривать торговцев в качестве ключевых фигур социально-экономической системы. К предпринимателям он относил торговцев, фермеров, ремесленников, мелких собственников

ВАВИЛОВ Олег Олегович, консультант Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (г. Москва).

и даже нищих, — всех кто вынужден был действовать в условиях риска[3] Работы К. Бодо способствовали укреплению в большей степени положительного имиджа представителей бизнеса. Он определял их как людей, обладающих определенным интеллектом, знаниями и разного рода информацией[4]. В аналогичном ключе рассматривали роль и место предпринимателя Ф. Бэкон и Т. Гоббс, делая акцент на положительной роли предпринимательства в экономической системе[5].

Осуществлялись также работы по изучению мотивов предпринимательской деятельности, что, безусловно, стало важным шагом в деле становления рассматриваемого феномена в качестве междисциплинарного объекта исследования. Так, немецкая школа, яркий представитель которой В. Зомбарт, привнесла свое видение предпринимательской деятельности, рассматривая в качестве ее движущей силы стремление к процветанию и росту своего дела, прибыли, поскольку без нее невозможно процветание[6] Позже, в работах М. Вебера, рациональное предпринимательство определялось как «строй мышления, для которого характерно систематическое рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии»[7] Согласно М. Веберу, европейский капитализм основан на европейском религиозно-этическом комплексе, формирующем трудолюбие, бережливость, честность, расчетливость. Основываясь на идеях протестантства, он показал связь между учением об оправдании и стремлением к хозяйственному успеху, доказав, что религиозные ценности явились основой «духа капитализма». Начало его становления в Европе связывается М. Вебером с приобретением европейцами самостоятельной цивилизационной целостности, т. е. с периодом окончания азиатской и арабской военной угрозы и появлением стратегического равновесия между папством и монаршей властью.

Следует отметить, что в дальнейшем религиозное обоснование мотивов предпринимательской деятельности не получило широкого распространения в научной среде. Более того, основоположник неоавстрийской школы Ф. Хайек рассматривал предпринимательскую деятельность как поисковую, связанную с нарушением равновесия, принятием решений в условиях неопределенности внешней среды. Движущей силой поиска возможностей, согласно Ф. Хайеку,

является предприниматель, стремящийся достичь наиболее эффективной комбинации своих уникальных знаний с рыночной ситуацией и, тем самым, обеспечить первенство в конкуренции и больший доход[8]. Необходимо отметить, что его идеи во многом созвучны с мыслями Й. Шумпетера, изложившего принципиально новый взгляд на предпринимательскую деятельность. Он рассматривал предпринимательство как движущий фактор экономического развития на основе инновационных изменений, таких как использование новой техники и технологий; производство новых видов товаров; использование новых видов сырья; освоение новых рынков сбыта; внедрение новых технологий управления. В его исследованиях четко прослеживается дифференциация функций собственника и управленческой деятельности. Шумпетер полагал, что предприниматель может не являться собственником производства[9]

Начало дискуссии о роли предпринимательства в хозяйственной системе заложено в работах Т. Веблина — основоположника институционально-эволюционного подхода, который ввел понятие институтов как устойчивых привычек мышления, присущих большой общности людей и происходящих из инстинктов, традиций, обычаев, социальных норм[10] В настоящее время отправные точки институционально-эволюционного подхода сформировали новое научное направление, активно используемое в отечественной научной мысли[11] Этот подход позволил отнести предпринимательство к новаторской деятельности, проявляющейся в комбинировании факторов производства, в то время как творческий аспект (поиск путей, ведущих к лучшему результату) стал истинной движущей силой его действий.

На наш взгляд, наиболее негативно оценили предпринимательство К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, понятийный аппарат марксистской теории основан на таких терминах, как «капитал» («капитал-собственность» и «капитал-функция»), «отчуждение», «капиталистическая форма эксплуатации», «разделение труда». Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, в основе предпринимательского дохода капиталиста лежит эксплуатация наемных работников и отчуждение их от результатов своего труда, что формирует критическое отношение к предпринимательству в XIX в.

В дальнейшем дискуссия о роли предпринимательства в экономике и обществе выработала две полярные позиции, сторонники которых разделялись на приверженцев идей социализма и рынка. Тем не менее, становление предпринимательства как объекта научного исследования было завершено, произошло существенное расширение предметной области, обусловленное междисциплинарностью рассматриваемого объекта.

Особый интерес представляло изучение личности предпринимателя, чему способствовали труды авторов второй половины XIX в. Так, И. Тюнен, Ф. Найт, Г. Мангольдт подходили к выделению личностных особенностей капиталиста-собственника, наемного управляющего и предпринимателя. Г. Мангольдт одним из первых указал на наличие рискового начала в характере предпринимателя, обосновывая различие «производства на заказ» и «производства на рынок», последнему из которых присущи риск и неопределенность.

Обращаясь к современному научному знанию, можно констатировать множественный характер подходов к определению понятия «предпринимательство». С нормативно-правовой точки зрения, согласно Гражданскому кодексу РФ (ч. I ст. 2), под «предпринимательством» следует понимать, «самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном порядке. В свою очередь, предпринимателем признается лицо, занимающееся не запрещенной законом хозяйственной деятельностью (производством, продажей товаров, оказанием услуг, выполнением работ) с целью извлечения прибыли».

Очевидно, формальное определение не отражает междисциплинарный характер этого феномена, поскольку он объект исследований экономистов, социологов, психологов, правоведов, философов.

Множественность прослеживается и в рамках единых направлений. Так, А. Т. Цориева определяет предпринимательство как особый вид человеческой деятельности, отличающейся творческим, инновационным характером и ориентированной на получение прибыли, заключающейся в рискованном создании новых предприятий и управлении

ими, обеспечивающей занятость, социальную мобильность, благосостояние общества[12]. В противоположность ей А. В. Бусыгин под предпринимательством понимает искусство деловой активности и мыслительный процесс; умение организовать собственный бизнес и достаточно успешно осуществлять функции, связанные с ним»[13]. Р. Л. Дафт сводит трактовку рассматриваемого объекта к «...процессу создания коммерческой организации»[14]. На наш взгляд, нельзя ограничивать предпринимательство только созданием хозяйствующего субъекта.

Наиболее универсальное определение предпринимательства предложил Л. И. Абалкин, который рассматривает его как особый вид деятельности, имеющей ряд отличительных признаков: свобода в выборе направлений и методов работы, самостоятельность в принятии решений; ответственность за принимаемые решения и их последствия, связанный с этим риск; ориентация на достижение коммерческого успеха, получение прибыли[15] Аналогичной точки зрения придерживается В. А. Шевчук[16] Такой подход к определению предпринимательства с точки зрения социологии правомерен. Индивид, осознанно выбирающий направление своей деятельности, рассматривается как член общества, перед которым он несет ответственность. При этом индивид стремится к реализации собственных потребностей высшего порядка, а также к удовлетворению потребностей остальных членов общества, т. е. к углублению процесса собственной социализации. В этой связи А. Е. Куделин справедливо отмечает, что «предпринимательство — это осуществление присущей Человечеству сущностной функции неформализуемого исторического творчества через ответственную самодеятельность инициативных субъектов Истории. ... Реализуется эта функция в период существования экономических (на основе стоимости) отношений в основном в виде бизнеса»[17]

М. Б. Орлов отмечает, что при объяснении предпринимательства чаще всего совершается движение от образного представления к понятийному определению[18]. Справедливо будет отметить, что восхождение от частного к общему в данном случае не представляется единственно корректным способом, о чем и свидетельствует М. Б. Орлов. В этом контексте примечательна позиция А. И. Агеева, который выделяет характеристики, присущие предпринимательству:

владение капиталом, соединение и комбинирование факторов производства, ориентация на извлечение прибыли, капитализация доходов, «включенность» в рыночные отношения, экономическая свобода и самостоятельность, принятие риска, инициативность и творчество, способность преодолевать сопротивление среды, особое управление производством[19]

Таким образом, очевидна необходимость изучения предпринимательства в различных плоскостях на основе междисциплинарного, комплексного подхода. Это предполагает рассмотрение взаимосвязи социальных, экономических и прочих его аспектов. Системный подход позволяет выяснить их функциональную связь, так как предпринимательство представляет собой и предпосылку, и связующий элемент системы общественных отношений, и результат его функционирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Цориева А. Т.* Становление и развитие малого предпринимательства в республике Северная Осетия-Алания (социологический анализ). Дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 12.

[2] См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

[3] *Кантильон Р.* Очерк о природе торговли вообще. М., 1755.

[4] Цит. по: *Carsud A., Lep K., Eddy G.* Entrcprcncurship: Research in quest of paradigm. Tlic Art and Science of Entrcprcncurship. Cambridge, M.A., Ballingcr Publishibg Co., 1986. P. 120.

[5] См.: *Бэкон Ф.* Опыты или наставления: нравственные и политические. М., 1992. С. 445; *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2-х т. М., 1991. Т. 2. С. 180.

[6] См.: *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 131—132.

[7] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения: Пер. с нем. М., 1990. С. 85.

[8] См.: *Хайек Ф.* Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 113—151; № 11. С. 123—165.

[9] См.: *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982. С 150—183.

[10] См.: *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y., 1919.

[11] См.: *Маевский В.* Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики. 1994 № 5; *Макаров В.* О применении метода эволюционной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 3.

[12] См.: *Цориева А. Т.* Становление и развитие малого предпринимательства в республике Северная Осетия-Алания (социологический анализ)... С. 25.

[13] *Бусыгин А. В.* Предпринимательство: Учебник. М., 2001. С. 13.

[14] *Дафт Р. Л.* Менеджмент. СПб., 2000. С. 806.

[15] *Абалкин Л. И.* Заметки о российском предпринимательстве. М., 1994. С. 117.

[16] См.: *Шевчук В. А.* Социально-экономический анализ становления и развития малого предпринимательства в России. / Дис. ... канд. экон. наук. М., 2000. С. 16—17.

[17] *Куделин А. Е.* Предпринимательство и «бизнес» // Материалы V Международной ярмарки идей: 30 академический симпозиум. С. 393.

[18] См.: *Орлов М. Б.* Тенденции развития социальных функций предпринимательства в современном российском обществе. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2003. С. 21.

[19] *Агеев А. И.* Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М., 1991. С. 5.

Поступила 30.04.07.

Н. А. ШЕСТАКОВА

ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Условия социально-политической нестабильности и противоборства, ситуации недоверия и нетерпимости, атмосфера неуверенности в завтрашнем дне неизменно порождают многочисленные теории относительно возможных путей реконструкции существующего строя. Один из вариантов преобразования общества — его построение по модели гражданской организации.

По мнению исследователей гражданского общества, его основу составляет совокупность независимых социальных элементов (отдельных индивидов и создаваемых ими отношений, организаций, объединений, находящихся на службе общества), которые в процессе свободных, равноправных взаимоотношений друг с другом выражают свою волю посредством реализации интересов, потребностей, мотивов, обеспечивая тем самым необходимые условия успешного функционирования и развития. К ним можно отнести политические партии, профсоюзы, органы местного самоуправления, религиозные организации и другие негосударственные организации, независимые СМИ, различные гражданские инициативы (комитеты, комиссии и т. п.)[1] Одни из них имеют длительную историю, другие формируются временно вокруг какой-либо проблемы или их ограниченного круга и по достижении своей цели распадаются. В любом случае они выполняют свое предназначение — включенность граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, влияние на принятие решений и контроль за их исполнением, самоуправление на местном уровне.

ШЕСТАКОВА Надежда Александровна, аспирант кафедры философии для гуманитарных факультетов Мордовского государственного университета.

Ведущая роль в решении объективно имеющихся проблем традиционно отводится общественным объединениям. Именно общественные объединения, формируемые по инициативе граждан, воплощают в жизнь принципы участия людей в решении социальных вопросов.

Поскольку гражданское общество это не только комплекс институтов, но и система взаимоотношений участников всевозможных процессов, направленных на сотрудничество и поиск компромиссов и соглашений, то в фокусе внимания оказываются стереотипы их поведения, морально-этические нормы, ценности, традиции, обычаи и т. п. Поэтому статус полноправного субъекта обязывает своего носителя иметь в качестве первостепенных ориентиров гражданского поведения определенный набор ценностных представлений, формирующих сущность гражданского общества. Здесь, прежде всего, имеются в виду такие нравственные характеристики, которые превалируют в человеке, претендующем на право называться «добропорядочным гражданином»: ответственность, честность, терпимость, инициативность, компетентность, адекватность, надежность и др.

Молодежные организации — важнейший элемент гражданского общества за счет присущих им характеристик мобильности, решительности, адаптивности, коммуникабельности, динамичности, новаторства, креативности. Ценность молодежных организаций в том, что участие в них дает молодому человеку возможность полнее ощущать масштабы действия своей свободы, реализовывать свой гражданский потенциал, находить четкие ориентиры гражданственности, активизировать гражданское самосознание, посредством активной гражданской деятельности выражать себя как социально значимую, высококультурную единицу общества. Сформированность гражданского самосознания обусловливает модель гражданского поведения молодого гражданина, заключающуюся в прогрессивных формах жизнедеятельности, установке на активное участие во благо общества, четкой гражданской позиции и подразумевает, в первую очередь, наличие чувств долга, ответственности, патриотизма.

Гражданское самосознание — это настроенность на коммуникативный процесс, в который включается, с одной стороны, сама молодежь, с другой — те многочисленные институты, которые этот процесс поддерживают, а также

направляют и вырабатывают его идеологию. В результате такой практики молодежь учится выстраивать отношения с институтами, поддерживающими процесс диалога, инициируемый молодежными организациями чтобы услышать и донести их мнения до власть имущих.

Выделение молодежи в качестве носителя гражданского самосознания правомерно вследствие смены статуса этой социальной группы. Несмотря на распространенное негативное мнение о состоянии ценностной системы молодежи (низкий уровень развития человеческих качеств, состояние нравственной фрустрации, гражданский инфантилизм), не следует относиться к молодежи как к бестелесной, статичной, выделяемой на основе возрастных и социально-демографических критериев, группе. Являясь своеобразным контрольным элементом общества, молодежь несет на себе отпечаток всех процессов, происходящих в социуме, в частности, характерного для нашей эпохи кризиса культурной, духовной сторон общественной жизни. Поэтому отсутствие нравственной зрелости не является специфической чертой молодого поколения. Напротив, будучи деятельным, энергичным элементом общества, молодежь, четко ориентированная на взаимодействие с обществом, демонстрирует готовность и желание преодолеть сложившиеся условия. У молодых, в отличие от некоторых других социальных групп, есть четкое внутреннее ощущение того, чего они хотят. Потенциал молодежной массы колоссален. Из объекта воспитания и опеки молодое поколение переходит в разряд социально-культурной реальности, способной к активным действиям и проявлению себя в качестве полноценного субъекта гражданского общества.

Справедливо предположить, что непростая социально-политическая обстановка в стране, нравственная дезориентация общества, крах принципов солидарности, моральных норм, кризис духовной культуры ведут к еще большим социальным проблемам, порождая пессимизм, состояние аполитичности, нежелание выполнять свой гражданский долг. Однако, как показывает практика, на деле ситуация обстоит иначе. Вопреки современным тенденциям нравственные импульсы личности порождают большую активность граждан. Гражданская активность сказывается на самосознании личности, когда в процессе выполнения своих обязанностей у человека

начинают преобладать оптимистические настроения, повышается вера в свои силы, он явно ощущает степень своей самореализации, находя практические пути выхода своим убеждениям и индивидуальности.

Последнее десятилетие отмечено стремительным ростом числа молодежных общественных организаций, в том числе и в Мордовии. В числе мотивов создания и вступления в молодежные организации преобладающими стали интересы к выбранному направлению деятельности, возможность выразить свои взгляды и убеждения, реализовать свои гражданские ценности, пополнить багаж знаний и навыков.

На базе Мордовского государственного университета созданы общественные организации и студенческие отряды, отличительная особенность которых — создание по профильному принципу. Это Молодежная группа Красного Креста, Саранская городская общественная организация (СГОО) «Ассоциация „Милосердие“», СГОО «Содружество педагогических отрядов МГУ им. Н. П. Огарева», СГОО «Клуб интеллектуального творчества», «Союз студентов МГУ им. Н. П. Огарева», «Союз студентов Республики Мордовия», движение «Альтернатива», «ССБ», «Студенческий отряд спасателей», Клуб веселых и находчивых, объединенный отряд «Поиск», отряд «Факел», агентство волонтерской службы «ПИЭТАС», «Молодежный экологический форум», строительные отряды и многие др.[2]

Объединяя на добровольной основе граждан, отряд «Поиск» ставит своей целью увековечение памяти погибших защитников Отечества, привлекая к этой деятельности подростков и молодежь. Основная деятельность отряда «Поиск» — содействие процессам утверждения среди населения, молодежи идеалов гуманизма, милосердия и бескорыстного служения Отчизне, внимательного отношения к ветеранам войны и труда, жизнь которых была гражданским подвигом во имя страны; содействие возрождению лучших исторических традиций России и Мордовии по достойному увековечению памяти погибших при защите Отечества, нравственному воспитанию, развитию духовного потенциала человека. «Поиск» организует и координирует исследовательскую деятельность по установлению имен и судеб воинов, пропавших без вести, работы по поиску и захоронению останков погибших, установлению памятных

знаков и мемориальных зон. Исследуя судьбы защитников Отечества, у молодежи формируются представления о самоценности человеческого существования, гражданском долге, патриотизме, национальной гордости за великое прошлое страны, — все, что входит в понятие гражданственности.

Молодежная группа Красного Креста (МГКК) является волонтерским объединением Мордовской республиканской общественной организации Российского Общества Красного Креста. Основные направления деятельности МГКК — оказание социальной, психологической, гуманитарной и иной помощи всем нуждающимся детям, подросткам, молодежи и другим уязвимым категориям населения г. Саранска.

К приоритетным направлениям деятельности организации относятся защита жизни, здоровья и личного достоинства человека (профилактика ВИЧ/СПИД и наркомании в подростковой и молодежной среде, пропаганда здорового образа жизни); общественно-гуманитарная работа (проведение общественных акций, направленных на гуманизацию жизнедеятельности молодежи и пропаганды социально приемлемых форм поведения, проведение акций по сбору материальных средств на развитие благотворительной деятельности МГКК).

Клуб интеллектуального творчества (КИТ) — молодежная общественная организация, задача которой — повышение сознательности студентов и их требовательности к уровню собственного интеллектуального и культурного развития, продвижение в молодежную среду инновационных методик воспитательной работы, создание условий развития чувства социальной ответственности, что непосредственным образом сказывается на становлении гражданского самосознания.

Большую роль в формировании духовного мира и гражданского самосознания студентов играет их членство в Агентстве волонтерской службы «ПИЭТАС» Мордовского государственного университета. Агентство ставит своими целями формирование и совершенствование социально-бытового, социально-медицинского, социально-психологического патронажа пожилых и престарелых граждан, одиноких и одиноко проживающих; объединение студенческой молодежи для развития волонтерского движения в республике; осуществление мероприятий, направленных на формирование оптимальной среды жизнедеятельности пожилых

и престарелых, детей-инвалидов, детей-сирот, социально незащищенной студенческой молодежи. Для достижения этих целей «ПИЭТАС» участвует в разработке и реализации Республиканских социальных программ «Старшее поколение», «Дети Мордовии» и др., организует научные и практические конференции, «круглые столы» по проблемам социально уязвимых слоев населения, осуществляет благотворительную деятельность.

«Молодежный экологический форум» способствует формированию экологической культуры молодых людей, привлечению их внимания к проблемам природы, в том числе осознанию экологического состояния родного края.

Клуб веселых и находчивых (КВН) — молодежная общественная организация, созданная с целью формирования оптимальных условий для самовыражения личности.

Участие в создании и работе студенческих организаций позитивным образом сказывается на формировании гражданского самосознания молодежи. Это дает молодым людям возможность ощущать свою автономность и значимость в обществе, определять свои жизненные позиции. Вовлеченность в орбиту политической активности способствует выработке у молодого поколения представлений об общественном идеале, собственном социальном предназначении, содействует воспитанию чувства ответственности за результаты своей деятельности, что, в свою очередь, определяет стратегию поведения в отношениях с другими людьми, институтами власти, обществом в целом.

Потребность в существовании и активной деятельности студенческих организаций неоспорима. Важную роль в этом процессе должна играть поддержка действующих и вновь создаваемых организаций со стороны местной администрации, органов по делам студенчества и молодежи. В современной ситуации потенциал молодежи представляется мощным орудием воздействия на национальное самосознание. Поэтому задача воспитания сознательного, ответственного, активного, нравственно зрелого гражданина — одна из приоритетных во всем процессе образования. За счет природной активности молодежной группы разрабатываемые и пропагандируемые внутри молодежных организаций жизненные стандарты, гражданские ценности обретают возможность реального воплощения в стиль жизни всего населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Заславская Т. И.* Инновационный потенциал России и проблемы гражданского общества // Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития: Материалы науч. конф. (Москва, 7 дек. 2000 г.), М., 2001. С. 18—29; Гражданское участие: Ответственность, сообщество, власть. М., 1997; *Васильев В. А.* Гражданское общество: идейно-теоретические истоки // Соц.-полит. журн. 1997. № 4. С. 92—105; *Гаджиев К. С.* Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 9. С. 5—8; *Варыводин В. А.* Гражданское общество // Соц.-полит. журн. 1992. № 8. С. 22—31; *Кострикин А.* Сектор партнерства или поле битвы? // Электрон. ресурс [режим доступа: www.pchela.ru].

[2] См.: Пути и методы преобразования социальной действительности: методология, теория и практика деятельности молодежных объединений / Под ред. М. Д. Мартыновой. Саранск, 2004.

Поступила 16.04.07.

В. П. БУКИН *Ю. В. МАНАННИКОВА*

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА

Профессиональное образование — это целенаправленный процесс освоения образовательных программ в интересах человека, общества с целью приобретения знаний, умений и навыков для выполнения работы по конкретным профессиям и специальностям. Система профессионального образования призвана предоставить человеку возможность получать ту профессиональную подготовку, которая требуется ему для дальнейшего профессионального, карьерного и личностного роста. На территории Пензенской области профессиональное образование — приоритетное направление государственной и региональной политики и важнейший фактор социально-экономического развития региона.

Одной из важнейших социально-экономических проблем, связанных с изменениями на рынке труда, стала угроза безработицы для молодых специалистов, окончивших вузы, техникумы, училища. С отменой планового распределения,

БУКИН Василий Петрович, декан факультета инновационных технологий обучения Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

МАНАННИКОВА Юлия Владимировна, заместитель декана факультета инновационных технологий обучения Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

гарантировавшего постоянное рабочее место и необходимый минимум социальных гарантий, выпускники учебных заведений оказываются одной из наиболее слабо защищенных в этом отношении категорий населения.

Целесообразно рассмотреть проблему профессионального самоопределения и востребованности учащихся на региональном рынке труда. Эта проблема непосредственно связана с процессом социальной мобильности молодежи, являющейся важным фактором общественных изменений и выражением социальной активности индивидов.

В связи с этим в январе 2005 — апреле 2006 г. при поддержке Министерства образования и науки Пензенской области проведено исследование различных уровней профессиональной подготовки. Объектом исследования выступали учащиеся (студенты) системы начального, среднего и высшего профессионального образования Пензенской области; предметом — жизненные планы, социальная мобильность и востребованность учащихся (студентов) учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования на региональном рынке труда.

Целью исследования стали анализ путей формирования жизненных целей, профессиональных предпочтений, возможностей трудоустройства учащихся (студентов) и выявление роли PR в этом процессе.

В качестве метода сбора первичной социологической информации выбран анкетный опрос. Каждому уровню региональной системы профессионального образования предназначалась соответствующая анкета: для учащихся ПТУ и лицеев; студентов техникумов и колледжей; студентов вузов.

Результаты исследования показали, что профессия у более 50 % учащихся всех уровней профессионального образования выбрана на основе личных пристрастий и интересов. Таким образом, интерес — приоритетный фактор профессионального выбора молодежи, движущая сила личностного роста (56,1 % учащихся ПТУ. 41,8 ссузов и 53 % студентов вузов). Оказалось, что молодежь редко ощущает призвание к какой-либо определенной профессии. Только 10,3 % опрошенных профессионально-технических училищ, 13,4 средне-специальных и 13,3 % высших учебных заведений осознали такое призвание. Для 19,4 % опрошенных студентов ссузов, 14,4 ПТУ и 9,5 % вузов основным мотивом поступления в данное учебное за-

ведение послужило стремление следовать советам других людей. Соображениями престижа больше руководствовались студенты высших учебных заведений, поскольку получение именно высшего профессионального образования и обучение в учебном заведении такого уровня стало престижным и привлекательным в современном обществе.

Анализ мотивов получения высшего профессионального образования показал, что для 47,2 % основным мотивом является желание иметь высокий уровень образованности, что дает возможность добиться обеспеченности и гарантирует жизненный успех. 39,2 % опрошенных считают, что без диплома трудно добиться чего-либо в жизни. Стремление получить образование в качестве условия культурного развития характерно для 14,7 % опрошенных. Подготовка интеллектуальной элиты — одна из важнейших функций высшего образования. Для 14 % это еще и способ приятно провести время, желание пожить интересной студенческой жизнью. Такой мотив не основной, а, скорее всего, дополнительный стимул получения высшего образования. Обращает на себя внимание и тот факт, что получение высшего образования выступает в качестве средства достижения определенных жизненных целей, напрямую не связанных с необходимостью иметь диплом. Так, для 10,3 % поступление в вуз — способ получить отсрочку от службы в армии, т. е. образование выполняет и функцию некоторой социальной защиты.

Жизненные планы рассматриваются нами как определяемая личностью совокупность целей, их последовательность и способы реализации на жизненном пути[1]. Для 45,7 % учащихся ПТУ жизненные планы сконцентрированы в продолжении профессионального образования в образовательных учреждениях более высокого уровня. Здесь они намереваются обрести профессионализм, высокий уровень квалификации и производственные знания, необходимые для карьерного роста; 35,8 % опрошенных планируют устраиваться на работу; 10,2 % мечтают начать собственное дело. Таким образом, значение и роль системы начального профессионального образования проявляются в том, что рынок труда предоставляет сейчас больше возможностей этому уровню, по сравнению с другими образовательными системами в связи со стабильным спросом на рабочие профессии. Среди учащихся ссузов более ярко выражено стремление продолжить образование. Это плани-

руют сделать 54,1 % респондентов, 29,4 хотят устраиваться на работу, 11,4 % мечтают начать собственное дело.

Для студентов вузов основной целью после окончания учебы является устройство на работу (46,3 %), 21,0 собираются работать и получать второе высшее образование, 20 % планируют начать собственный бизнес. По сравнению с результатами исследования среди студентов двух других уровней профессиональной системы, самый высокий показатель у учащихся высших учебных заведений. Вероятнее всего, чем выше уровень образования, тем выше уверенность в жизненных целях. Кроме того, 8 % собираются продолжить образование в аспирантуре, 3 % решили обустроить свою личную жизнь и завести семью.

При анализе ответов на вопрос: «Какие жизненные ценности Вам необходимы, чтобы чувствовать себя счастливым человеком?» оказалось, что некоторые жизненные и социальные ценности, ранее бывшие нравственной основой, сегодня не пользуются успехом среди молодого поколения (профессиональные достижения, чистая совесть). В молодежном сознании существенно возросло значение денег. Моральные нормы стали заменяться материальными оценками, переводиться на денежный эквивалент. Для современной молодежи деньги имеют свой «индекс» ценности в качестве одного из самых важных средств достижения успеха в жизни и опорной ступени в реализации своих жизненных планов.

Для студентов ПТУ преобладающими жизненными ценностями являются высокий заработок (72,5 %), верный, любимый человек (65,4), интересная работа (57,6), профессиональные достижения (28,1), чистая совесть (24,6), 2,2 % опрошенных назвали здоровье. Объяснение этому мы находим в изменении нравственных установок личности. В этом решающую роль играет PR, формирующий жизненные ценности прежде всего через СМИ. Удовлетворению юношеского тщеславия служат телевизионные передачи, печатные издания, затрагивающие вопросы о том, как «открыть свое собственное дело» и «стать знаменитым». Учащиеся ПТУ склонны верить поступающей информации и имеют желание ей воспользоваться.

Однако исследование среди студентов средних и высших учебных заведений показало иную значимость жизненных ценностей среди этой группы респондентов. Дело в том, что

высокий заработок среди учащихся ссузов и вузов не играет первостепенную роль, хотя и занимает высокие позиции. Он необходим 65,4 % студентам средне-специальных и 68,5 % высших учебных заведений. Для 85,5 % учащихся вузов важен прежде всего верный, любимый человек. Исследование выявило, что наличие рядом такого человека необходимо студентам высших учебных заведений. Хотя и среди учащихся ссузов эта жизненная ценность занимает приоритетное место, однако этот процентный показатель по сравнению с опрошенными вузов значительно ниже (66,6 %). Это объясняется тем, что для студентов вузов, в силу достижения ими определенного возраста, актуальным становится вопрос поиска спутника жизни. Кроме того, эта группа обладает большей уверенностью в том, что сможет найти высокооплачиваемую работу и материально себя обеспечить, поэтому большой заработок для них не определяющая ценность.

Подготовка специалистов разных уровней профессиональной системы должна сопровождаться регулярной оценкой качества образования. В целом качество профессиональной подготовки оценивается респондентами как среднее. Анализируя степень удовлетворенности учащихся своим профессиональным выбором, следует отметить, что около трети опрошенных студентов ПТУ, отвечая на вопрос: «Если бы пришлось снова выбирать, Вы стали бы поступать в данное учебное заведение по этой специальности?», дали утвердительный ответ; еще столько же затруднились ответить на этот вопрос; 26,6 % опрошенных учащихся ПТУ при наличии возможности повторного выбора поступали бы в другое учебное заведение. По всей видимости, они или разочаровались в своем выборе, или их не устраивает качество профессиональной подготовки в этом профессионально-техническом училище; 7,9 % вообще бы не стали никуда поступать учиться.

Среди опрошенных студентов техникумов и колледжей 44,9 % устраивает выбор профессии, а 9,8 % не довольны своей специальностью. Они предпочли бы во второй раз поступить в данный техникум (колледж), но на другую специальность. Почти столько же обучающихся (9,6 %) хотели бы поступить в другой техникум (колледж) и на другую специальность. У 3,8 % опрошенных отсутствует стремление поменять профессию, но имеется желание обучаться в

другом ссузе; 8 % не стали бы вообще получать среднее профессиональное образование.

Оказалось, что среди опрошенных студентов всех уровней образовательной системы наиболее удовлетворены своим профессиональным выбором студенты высших учебных заведений (68,5 %), поскольку качество профподготовки, показатели престижности имеющихся специальностей, а также самого уровня профессиональной подготовки, несомненно, выше, чем у других уровней профессионального образования. Но все таки 12,5 % студентов вузов не устраивает будущая профессия и они хотели бы при возможности поступить в данный вуз, но на другую специальность; 6,3 студентов сменили бы и вуз, и специальность; 0,8 % не стали бы учиться в высшем учебном заведении.

Результаты исследования показали, что менее половины студентов уверены в том, что смогут устроиться на работу по полученной специальности после окончания профессионального учебного заведения. Лишь 17,5 % учащихся профессионально-технических училищ твердо знают, где будут работать, 25,3 считают, что с имеющейся специальностью без работы не останутся, 43,3 имеют несколько вариантов трудоустройства, но пока без четких гарантий, 10,6 % полагают, что вероятнее всего будут какое-то время безработными. Перспектива стать безработным сильно или отчасти пугает 34,2 % учащихся ПТУ Однако среди студентов высших учебных заведений уверенных в том, где они будут работать и будут ли работать вообще гораздо меньше (8 %). Уверены в том, что без работы не останутся 21,3 %, имеют варианты трудоустройства без четких гарантий 48,5, считают, что будут какое-то время безработными 15,2 %. Этим встревожены 57,5 % студентов вузов. Среди средне-специальных учебных заведений студентов, твердо определившихся с местом будущей работы меньше, чем студентов ПТУ. но больше, чем вузов (14,3 %), 20,7 полагают, что с полученной специальностью не останутся без работы, 16,6 % настраивают себя на то, что, скорее всего, какое-то время будут безработными после окончания учебы. Возможность остаться без работы беспокоит 47,4 % опрошенных.

Такая ситуация обусловлена региональным рынком труда, изменением структуры спроса на рабочие профессии. Начальные профессиональные учреждения более гибко реагируют

на запросы рынка труда. Учреждения высшего профессионального образования опираются на анализ предпочтений выпускников школ при формировании маркетинговой политики, который показывает, что доминирующие в этой группе молодежи приоритеты связаны, в первую очередь, с финансово-экономической и правовой сферами деятельности. «Экономист» и «юрист» — знаковые профессии, ставшие стереотипами привлекательности в общественном сознании, не востребованы на рынке труда региона.

Для выявления жизненного самоопределения современной молодежи необходимо определить с каким настроением она смотрит в будущее. В целом выявлено, что 41 % опрошенных ПТУ. 50,0 учащихся ссузов оптимистично представляют свое будущее, 31,9 и 30,6 % спокойно смотрят в будущее, но без особых надежд и иллюзий. Подобное отношение можно назвать «трезвой оценкой ситуации». Тревога и неуверенность в завтрашнем дне характерны для 9,8 % опрошенных ПТУ. у студентов ссузов этот показатель равен 7 %. Страх и отчаяние одолевают 3 % учащихся ПТУ и 2,3 % студентов средне-специальных учебных заведений. Оптимистов среди учащихся высших учебных заведений оказалось больше (67,3 %) и меньше тех, кто испытывает тревогу и неуверенность (5,5), а также страх и отчаяние (0,8 %). Это объясняется иной жизненной позицией и более существенными возможностями самореализации.

Для наиболее точного определения уровня мобильности молодого поколения важно объективно представлять, как происходит поиск работы студентами ссузов и вузов. Результаты исследования показали, что среди студентов наиболее распространен неформальный способ поиска работы (помощь друзей, знакомых, родственников). Им пользуются 35,3 % студентов ссузов и 40,5 % вузов. Этот способ поиска работы с точки зрения соотношения издержек и результативности оказывается наиболее продуктивным. Чаще всего именно круг близких и знакомых людей помогает преодолевать жизненные барьеры, способствует карьерному росту, продвижению по социальной лестнице. 28,5 % учащихся ссузов и 33 % вузов рассчитывают на самих себя и самостоятельно ищут работу. К средствам массовой информации по вопросу поиска работы обращается незначительная часть опрошенных — 21,6 % студентов ссузов и 32,5 % вузов.

Учебные заведения не способствуют трудоустройству своих выпускников. Лишь 5,9 % студентов ссузов оказывают помощь сотрудники учебного заведения. Еще меньше студентов высших учебных заведений смогли удостоиться такой помощи (4,8 %). Это происходит потому, что учебные заведения, в особенности вузы, при открытии новых специальностей и планировании объемов выпускаемых студентов не учитывают потребности экономики региона и спрос на региональном рынке труда. Вследствие этого отсутствует связь между профессиональными учебными заведениями, с одной стороны, и работодателями — с другой. Поэтому получается, что вуз, готовя высококвалифицированных, но часто невостребованных специалистов, не может оказать им помощь в трудоустройстве. Обращение в службы занятости оказалось наименее популярным способом поиска работы среди опрошенных, так как эти организации ориентированы на содействие в трудоустройстве населению вообще, а студентов и выпускников профессиональных учебных заведений как особую категорию безработных не рассматривают.

Повысить уровень трудоустройства выпускников в значительной мере можно с помощью информационного обеспечения рынка образовательных услуг. Учитывая, что на региональном рынке образовательных услуг идет острейшая конкурентная борьба образовательных учреждений всех типов, уровней и форм, успешность ее определяется численностью студентов и разнообразием предоставляемых образовательных услуг. Таким образом, каждое учебное заведение профобразования — это самостоятельная образовательная «фирма», руководство которой несет ответственность за ее успехи и неудачи. Проблема информированности потенциальных потребителей образовательных услуг остается актуальной, так как большинству ссузов и некоторым вузам без рекламы своей деятельности в СМИ обойтись довольно сложно.

В результате проведенного исследования выявлены 4 основных типа мобильности студентов и учащихся профессионального образования.

Прогрессивная вертикальная мобильность. Студенты активно стремятся к повышению своего социального статуса, проявляют интерес к учебе, планируют получить не только среднее профессиональное, но и высшее образование, для

них представляет ценность трудоустройство по специальности.

Транслирующая вертикальная мобильность. Студенты осознанно стремятся получить среднее профессиональное образование и трудоустроиться по специальности, не проявляют особого стремления к получению высшего образования, имеют определенные представления о системе жизненных ценностей и норм, которые перенимают от родителей и интерпретируют как единственно возможную для себя модель социального поведения.

Неустойчивая (затрудненная) вертикальная мобильность. Выбор специальности и среднего специального учебного заведения студенты этой группы осуществляют неосознанно, в зависимости от набора преходящих факторов и случайных обстоятельств. Интерес к учебе носит крайне неустойчивый, эпизодический характер. Чаще всего они не собираются продолжать образование, работа по специальности их не привлекает, однако они рассчитывают на трудоустройство после окончания техникума или колледжа, их планы на будущее неопределенны, часто переменчивы.

Регрессивная вертикальная мобильность. Студенты не стремятся к достижению какого-либо социального статуса самостоятельно, не проявляют интереса к учебе и попадают в техникум или колледж по настоянию родителей. Они характеризуются отсутствием устойчивых ценностных ориентиров, для этой категории молодых людей трудоустройство, также как и учеба, не представляет ценности, планы на будущее чаще всего отсутствуют и в результате они утрачивают даже тот социальный статус, который имеют[2].

Результаты исследований показали, что основная масса студентов и учащихся профессионального образования характеризуется прогрессивной вертикальной мобильностью, поскольку у них четко прослеживается желание повысить свой социальный статус, продолжать обучение в образовательных учреждениях более высокого уровня.

Таким образом, престижные соображения не являются основным мотивом молодежи при выборе и получении профессии. Определяющую роль в этом процессе играют советы родных, близких людей. Имеющийся интерес к будущей специальности повышает объем и качество знаний, тем самым усиливается эффективность обучения.

Основная часть студентов вузов удовлетворена своим профессиональным выбором. Учащиеся ПТУ и ссузов отличаются низкой степенью удовлетворенности. В целом опрошенных устраивает качество обучения и уровень получаемой квалификации, но они низко оценивают свою будущую конкурентоспособность на рынке труда.

Еще находясь в стенах профессиональных образовательных учреждений, учащиеся прогнозируют возможные проблемы с трудоустройством. Очевидно, что это должно волновать не только студентов, но и учебное заведение, регион, государство в целом. Важно органично включить систему трудоустройства выпускников в институциональную структуру регионального рынка труда. Учебные программы следует ориентировать на реальную действительность, наряду с теоретической подготовкой студенты должны получать и практические навыки.

В деятельности профессиональных образовательных учреждений слабо используются PR и реклама. Необходимо усилить PR-деятельность образовательных учреждений, поскольку это поможет отработать механизм проведения системной оценки их функционирования и увеличить степень информированности о будущей специальности. Это во многом определит решение задачи эффективного трудоустройства выпускников и активизации их мобильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Большов В. Б.* Ценностные ориентации молодежи в сфере образования в условиях изменяющегося общества // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб., 2000. С. 184.

[2] *Мананникова Ю. В.* Социально-коммуникационные аспекты исследования процесса социальной мобильности и перспектив трудоустройства студентов вуза // Актуальные проблемы массовой коммуникации: опыт прошлого — проблемы настоящего. Пенза, 2005. С. 10.

Поступила 26.03.07.

О. В. ОЛИСОВА

ТРУДОВЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ САМАРЫ

Анализ современных концепций общества показал, что все аспекты трудовой деятельности претерпевают значительную трансформацию[1] Труд больше не единственная основа социальной структуры, он стал одним из факторов социальной жизни. Изменение в статусе труда на уровне социальных систем и институтов сопровождается изменением его значимости и характера на уровне отдельных индивидов. Сомнению подвергается целеориентирующая функция труда в отношении жизненного пути личности. Плюрализм и индивидуализация современного общества приводят к дестандартизации трудового пути, появляются разнообразные трудовые стратегии и стили труда.

Полагаем, необходим адекватный инструмент исследования трансформации труда как деятельности с позиции методологического индивидуализма. Таким инструментом выступает понятие трудовой стратегии. Подход к исследованию жизненных ситуаций индивидов с точки зрения стратегии достаточно популярен в отечественной и западной науке. Эта популярность отчасти объясняется разнообразием контекстов, в которых может быть применен стратегический анализ.

В России социологи активно используют понятие «стратегия» как инструмент анализа процессов «вписывания» различных социальных групп в трансформирующиеся социально-экономические условия России. Подобный подход представлен множеством работ[2] Вместе с тем изучение стратегий определенных социально-профессиональных групп проводилось зачастую без серьезной концептуализации данного понятия.

ОЛИСОВА Ольга Владимировна, заведующая лабораторией математических методов и информационных технологий в социальных науках Самарского государственного университета.

Мы опираемся на трактовку понятия стратегии, предложенную В. В. Радаевым. Обращаясь к анализу стратегии, он выделяет два вида стратегических конструктов: стратегию повседневных действий и стратегический выбор. Последний есть случай более редкий в жизни отдельного индивида и предполагает выбор принципов действия на длительную перспективу. Стратегия повседневных действий представляет собой схему практик, устойчивый образец действия, который может проявляться в разных ситуациях[3].

На наш взгляд, представление о двух видах стратегического действия на уровне эмпирической реальности реализуется через возможность континуума между целерациональностью и нерефлексивностью, долгосрочным планированием и координированием действий на короткий промежуток времени как полюсами стратегического действия. Эти крайние позиции представляют собой варианты реализации стратегии отдельными индивидами.

Трудовую стратегию мы определяем через предварительное описание ряда ее характеристик. Трудовая стратегия — это комплекс субъективных составляющих и поведенческих актов на рынке труда. Трактовка стратегии исключительно как ментального образования, которой придерживалась, например, К. А. Альбуханова-Славская, недостаточно обоснована[4] Одной из характеристик трудовой стратегии выступает определенный набор осуществляемых индивидом действий и практик, связанных с разными аспектами трудовой деятельности (подработки во время обучения, разные места работы, факт повышения профессионального уровня и др.).

В свою очередь субъективные составляющие трудовой стратегии представляют собой неразрывность ценностных ориентаций и мотивов трудовых действий. Ценностные ориентации выступают конструктом более высокого порядка, которые во многом определяют выбор той или иной линии поведения. Механизмом «запуска» действий на краткосрочную перспективу и проявлением ценностей выступают мотивы.

Следующей отличительной особенностью стратегического поведения в сфере труда выступает наличие элементов «...планирования будущих действий в противовес чисто реактивному действию»[5]. Четкий поэтапный образ будущего выступает возможным, но не обязательным проявлением стратегий. Но осуществляемые индивидом действия на рын-

ке труда являются следствиями не только его воли, но и институциональных ограничений. Отсюда большое значение в качестве характеристики трудовых стратегий приобретают условия (социальные сети, организационные и институциональные структуры). На этот аспект стратегического действия обращали внимание многие исследователи[6].

Последним признаком стратегии выступает ее устойчивость. «Под стратегией понимается устойчивая совокупность осмысленных, рефлексивных действий», — пишет В. В. Радаев[7] Мы полагаем, что сама по себе устойчивость статична и не отражает динамического аспекта трудового поведения, его направленности в будущее. Следовательно, отличительной особенностью трудовой стратегии должна стать не просто совокупность практик и субъективности, а их последовательность, развертывание стратегии во времени по этапам трудового пути. На наш взгляд, изучение стратегий как реальности должно проводиться с точки зрения построения типологии схем действий. По словам В. В. Радаева, «...социология „ищет человека“ не в какой-то отдельной точке, а на протяжении всего континуума, это означает, что он может быть представлен лишь в виде целой галереи фигур, как описание различных типов действия»[8]

Методом сбора информации о трудовых стратегиях молодых специалистов г. Самары выступили биографические интервью. Данные анализировались с помощью метода аналитической индукции. Объект исследования — молодые люди до 26 лет с высшим профессиональным образованием дневной формы обучения, с опытом работы в сфере наемного труда до 3 лет. По результатам анализа сформированы 5 типов трудовых стратегий.

Первый тип — стратегия «*просто работы*». Отличительная особенность — работа в бюджетных организациях. В отличие от других стратегий, приоритетными ценностными ориентациями молодых специалистов выступают стабильность, в том числе и в заработной плате, семья, здоровье и душевное благополучие. Именно эта система ценностных ориентаций определяет место работы и усилия, которые молодой человек согласен приложить на конкретном рабочем месте. Только бюджетные организации на российском рынке труда могут предоставить гарантии стабильной заработной платы и возможность минимизировать трудовые

усилия. Молодые люди не ориентированы на получение большого количества денег, что практически невозможно для молодого специалиста в бюджетной организации. Деньги воспринимаются не как «возможности», а как необходимость для обеспечения насущных потребностей. В спектре трудовых ценностей значимым выступает общественная ценность труда, молодые люди хотят приносить пользу и испытывать от этого моральное удовлетворение.

Невысокий уровень претензий в материальном плане не вызывает желания подрабатывать. Спокойное, уравновешенное состояние расценивается как более значимое по сравнению с приложением усилий для достижения чего-то большего, чем имеющееся.

Выбор специальности и вуза происходит на основании рационального подсчета собственных знаний и возможностей поступления, соответственно выбираются не престижные с точки зрения самарского рынка труда специальности.

Стратегия *«социальных сетей»*. Специфику трудовой мобильности данной группы составляет малое число перемещений с одного рабочего места на другое. Трудоустройство происходит только в результате использования ресурсов межличностной сети.

Использование социальных сетей для трудоустройства является распространенной практикой на рынке труда не только в России. М. Грановеттер доказательно описал, что люди чаще ищут работу и успешнее трудоустраиваются именно через личные неформальные контакты[9] Но представителям этой стратегии свойственно обращение к наименее эффективному виду сетей, а именно — связям с родственниками. Слабость таких связей проявляется в том, что при их разрыве молодой человек находится в состоянии коллапса. Для него встает проблема самостоятельного решения вопросов трудоустройства, что усугубляется минимумом теоретических и практических знаний по специальности. Это приводит к тому, что молодой специалист трудоустраивается на место работы с квалификацией заведомо ниже, чем полученное образование.

Профессиональные интересы молодых самарцев на этапе выбора вуза и специальности не совпадают. Решающим фактором выступает давление родителей, варьирующееся от шантажа до убеждения. «Заданность» трудового пути

информантов определяет отношение к процессу обучения и реализуемые учебные практики. Получение знаний не воспринимается как нечто необходимое для профессионального становления, проявляется минимум учебной и научной активности. Это скорее веселое времяпрепровождение, наполненное общением с друзьями.

Следующим отличительным признаком этой стратегии выступают изменения в мотивации работы. Если для мотивации первого места работы характерно отсутствие направленности на профессионализм и карьеру, то при столкновении с реальностью трудовых будней, в купе с различными изменениями в социальном капитале, молодые люди осознают связь между объемом, качеством выполняемой работы и уровнем заработной платы, значимыми становятся аспекты профессионального и карьерного роста.

Третий тип — стратегия «*профессионального развития*». Траектория профессиональной мобильности состоит из перемещений с должности специалиста на должность специалиста, меняются только места работы. В списке трудовых ценностей молодых людей нет стремления к руководящей должности, последовательному продвижению по карьерной лестнице. Мотивацией смены мест работы выступает поиск больших возможностей для профессионального роста на исполнительской работе и соответствующего роста в заработной плате.

Выбор сферы деятельности происходит на этапе выбора учебного заведения и специальности. Молодые люди не меняют область деятельности. Выбранная профессия выступает сочетанием интереса и расчета востребованности специалистов на региональном рынке труда.

«Профессионалы» ориентированы на саморазвитие и свободу. Это проявляется в ряде отличительных особенностей этого типа трудовых стратегий. Первая — сочетание интереса к работе с наличием некоего любимого дела, хобби. Молодые люди осознанно и рационально не превращают хобби в профессиональное занятие в силу меньших возможностей материального обеспечения в данном случае. Достойная оплата труда, к которой стремятся молодые специалисты, нужна не только как показатель собственного профессионализма, но и как возможность заниматься чем-то «для души». Вторая отличительная особенность — стрем-

ление к свободному графику работы, «заточенному» под их интересы, и практика самообразования как способ повысить профессиональную квалификацию. Но они не расценивают полученные в ходе самообразования знания как необходимое условие для роста в заработной плате или должности.

Отличительным признаком условий реализации этой трудовой стратегии выступает ситуация в отрасли, где есть явная востребованность молодых людей с данной специальностью. Профессионалы это знают и вполне рационально эксплуатируют, не стремясь к высоким должностям и планомерному построению карьеры.

Четвертая — стратегия *«потенциальных предпринимателей»*. Хронология трудовой мобильности этой группы представляет собой смену рабочих мест от специалистов в бюджетных организациях до руководителей проектов при сохранении формального статуса наемного работника. Это бизнесмены «российской действительности» с большой долей неформальных экономических действий (уход от налогов, официальный статус безработного и т. п.), предпочитающие свободный график работы и отсутствие непосредственного начальства, неформальные каналы получения нового рабочего места.

Мотивацией смены мест работы здесь является отсутствие условий для создания нового продукта, обязательно обладающего вещными характеристиками (издательский проект, парикмахерская деятельность и т. п.). На рабочих местах практикуют наращивание знаний по выполняемой работе в форме тренингов и семинаров. Они стремятся к управлению людьми, руководству определенными процессами. Реализация данного стремления начинается по прошествии от года до двух от начала трудовой деятельности.

«Предпринимателям» свойственно стремление к успеху, трактуемому как высокий социальный статус и материальное благополучие. Это стремление отчасти есть следствие ценностей и ресурсов семьи. У молодых людей родители имеют высокий статус. При этом статус репрезентируется как достигаемый посредством собственного упорного труда.

Интерес к определенной области знаний у «будущих предпринимателей» сформировался еще в школе. Они выбирают творческие профессии, связанные с возможностью выйти за шаблоны, привнести в работу долю креатива.

При этом полученная в вузе специальность не обязательно совпадает с профессиональным интересом. В мотивации выбора специальности преобладает эмоциональная составляющая, нет расчета востребованности данных специалистов на рынке труда. У молодых людей нет прописанного плана действий по реализации цели в рамках трудовой деятельности. Есть выбранная область реализации, есть контуры проекта, намерения. Детальная проработка последовательности и характера трудовых действий молодыми людьми не практикуется.

Пятая — стратегия *«профессиональной карьеры»*. Для представителей этой стратегии характерна восходящая трудовая мобильность с постоянным повышением в должности: от стажера до специалиста. Данная последовательность в занимаемых должностях — следствие ориентации на карьеру и в итоге на руководящие должности. Отличительной особенностью этой стратегии по сравнению с уже описанными типами является наличие долгосрочного планирования. Уже при трудоустройстве на первое место работы молодые люди сформировали проект своей трудовой карьеры. Мотивация трудоустройства изменяется по мере движения по «карьерной лестнице» в сторону увеличения числа требований. Если от первого места работы молодые самарцы хотели определенного функционала и сносной оплаты труда, то к последнему месту работы требования предъявляются вплоть до определенных условий труда.

Для трудовых практик и ориентаций характерна четкая рациональность и поэтапность. Каждое из действий на месте работы предпринимается с целью получения «дивидендов» в форме более высокой должности. Они по собственной инициативе предпринимают действия по расширению собственных функциональных возможностей и получению дополнительного образования для последующей продажи полученного опыта. Они восприняли институциональные нормы ликвидности рабочей силы на рынке труда и реализуют их в практике трудовой деятельности, также знают, что предел пребывания сотрудника на одном месте работы составляет порядка 3 лет. Молодые «карьеристы» знают, какими требованиями к рабочему месту по правилам игры рынка труда они могут пожертвовать в своем наличном статусе, а какими — нет. В их распоряжении обширные личностные и профессиональ-

ные ресурсы, в том числе отличная успеваемость в школе и вузе, научная и общественная активность, опыт работы по специальности во время обучения.

Полученные типы трудовых стратегий не могут служить основанием для выводов о том, что делать со сложившейся ситуацией. Для этого необходимы результаты количественных исследований. Картина трудовой деятельности и трудового пути молодых специалистов г. Самары отвечает на вопрос, как они действуют на региональном рынке труда, исходя из собственных ресурсов и институциональных ограничений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Олисова О. В.* Возможности и ограничения концепций «трудового общества» и «общества досуга» как инструментов изучения трудовых ценностей // Социология сегодня: мозаика направлений, подходов и методов: Материалы Всерос. науч. конф. «XXI век: новые горизонты гуманитарных наук». Самара, 2004. С. 60—64.

[2] См.: *Демин А. Н.* Стратегии социальной адаптации российских безработных / Проблемы экономической психологии. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М., 2004. С. 304—332; *Балабанова Е. С.* Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 35—53; *Готлиб А. С.* Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности и неуспешности // Социол. исслед. 2001. № 7. С. 51—57.

[3] *Радаев В. В.* Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 21—34.

[4] См.: *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М., 1991.

[5] *Радаев В. В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.

[6] См.: *Crow G.* The Use of the Concept of 'Strategy' in Recent Sociological Literature / Sociology. 1989. Vol. 23. No 1. P. 1—24.

[7] *Радаев В. В.* Социология регионов... С. 32.

[8] Там же. С. 28.

[9] См.: *Granovetter M.* Getting a Job: A Study of Contacts and Careers. Cambridge, 1974. P. 11—22.

Поступила 07.06.07.

Н. В. ГАШЕНИНА

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ В РЕГИОНЕ

Рост доли инвалидов трудоспособного возраста обостряет проблему занятости людей с ограниченными возможностями. Поскольку эффективные меры стимулирования работодателей отсутствуют, в трудоустройстве инвалидов не заинтересованы ни предприниматели, ни общественные организации, ни государство. Самооценка инвалидов настолько низка, что многие даже не пытаются найти работу, изначально осознавая свою невостребованность в обществе.

По результатам социологического исследования среди трудоспособных инвалидов Орловской области в октябре-декабре 2006 г. выявлено, что уровень безработицы среди инвалидов составляет 45,2 %, т. е. практически каждый второй экономически активный инвалид не может трудоустроиться.

Причиной низкого уровня занятости этой категории населения стала пассивность в вопросах поиска работы. Несмотря на то, что на пассивность, как существенный барьер трудоустройства, указали 5,6 % опрошенных инвалидов, анализ способов поиска работы показывает обратное. Лишь 18,4 % из опрошенных воспользовались более чем одним способом поиска работы. Самым популярным способом поиска работы, по мнению 42,3 % опрошенных безработных инвалидов, является обращение к родственникам и знакомым. Непосредственно к работодателю обращались 34,6 %. Поиск работы через объявления в печати не востребован в этом сегменте рынка рабочей силы, им воспользовались лишь 7,7 %. В органы государственной службы занятости населения обратились 38,5 % безработных инвалидов.

ГАШЕНИНА Наталья Валерьевна, аспирант кафедры экономической теории и государственного регулирования экономики Орловской региональной академии государственной службы.

Это не удивляет, так как инвалиды заранее убеждены в безрезультатности своих попыток. Среди искавших работу инвалидов ~~62~~,5 % не получили помощи ни от одного из названных субъектов. Родственники помогли 8,3 %, знакомые — 16,7, работодатели — 3,8, объявления в печати оказались эффективными для 4,2 %. В органах государственной службы занятости получили помощь лишь 4,6 % безработных инвалидов.

Такие результаты подрывают доверие граждан к государственным гарантиям и создают негативное отношение к органам, отвечающим за трудовую реабилитацию лиц с ограниченной трудоспособностью. Среди инвалидов, не обращавшихся в службу занятости, 33,3 % считают, что таким образом не смогут найти подходящую работу, 4,8 ссылаются на слишком удаленное расположение службы занятости от места жительства, 14,3 вообще не знали о возможности поиска работы при помощи данной организации, а 19,0 % уверены, что смогут найти работу другими способами.

Тем не менее, развитие экономики, рост общего уровня занятости, появление новых отраслей, где труд инвалидов может быть не менее производителен, увеличение числа инвалидов трудоспособного возраста и повышение минимального пособия по безработице способствовали росту числа инвалидов, воспользовавшихся услугами службы занятости. По данным Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Орловской области, в период с 2001 по 2005 г. численность зарегистрированных в поиске работы инвалидов возросла на 94,1 % и составила 1 700 чел., в результате доля инвалидов в общей численности зарегистрированных безработных граждан возросла с 6,2 до 8,2 %.

Зарегистрированным в поиске работы инвалидам служба занятости в первую очередь пытается подобрать подходящее рабочее место. В Орловской области трудоустроенных инвалидов, из числа зарегистрированных, увеличилось с 2001 по 2005 г. на 56,5 %. При этом уровень трудоустройства снизился с 20,2 до 16,3 %. Уровень трудоустройства среди всех категорий населения составлял не менее 60 %, что связано со специфическими особенностями трудового потенциала инвалидов, ограничивающими подбор рабочих мест по медицинским показаниям и сокращением числа

мест, соответствующих рекомендациям медико-социальной экспертизы (МСЭ). Во времена плановой экономики многие инвалиды могли получить работу на специализированных предприятиях. В настоящее время сокращение объемов производства и численности работающих на специализированных предприятиях обострили проблемы профессиональной реабилитации. В Орловской области из 1 100 чел., работавших на предприятиях Всероссийского общества слепых и Всероссийского общества глухих, осталось 197. В целом за период реформ численность работников государственных предприятий сократилась вдвое, а численность работников частных предприятий увеличилась более чем в 2 раза.

На предприятиях общего типа также не хватает рабочих мест для инвалидов, механизм государственного финансирования мероприятий по адаптации рабочих мест под требования инвалидов на них не применяется, налоговые льготы для организаций, использующих труд инвалидов, либо отменены, либо настолько незначительны, что организации предпочитают ими не пользоваться. В силу этих обстоятельств незначительное количество предприятий соблюдают условия труда инвалидов.

Данные социологического опроса показали, что уровень трудоустройства инвалидов, обращавшихся в службу занятости населения, оказался чрезвычайно низким. Постоянную и временную работу смогли найти 12,5 % из них. Предлагаемые варианты трудоустройства не подошли 56,2 %. Среди причин, по которым предложенные варианты трудоустройства не устроили инвалидов, в равных долях указывались несоответствие работы профессии, неудобный режим труда, неблагоприятные условия труда, удаленность от дома, низкая заработная плата, несоответствие имеющихся вакансий рекомендациям МСЭ. Из числа опрошенных безработных инвалидов служба занятости не смогла предложить подходящие вакансии для 31,3 %.

Дополнительные сложности при трудоустройстве инвалидов создает процесс ежегодного освидетельствования в органах МСЭ. Так, трудоустроенный инвалид при очередном освидетельствовании в органах МСЭ может получить группу инвалидности ниже назначенной ранее или же она может быть вообще снята, что приводит к снижению размера пенсии или ее отмене. Среди существенных барьеров трудообеспе-

чения 24,1 % инвалидов назвали именно вероятность того, что МСЭ снимет или понизит группу инвалидности. Поэтому инвалиды предпочитают как можно дольше числиться безработными, получая пособие по безработице, и отказываются от предлагаемых вариантов трудоустройства. Многие стараются найти место работы в неформальном секторе занятости. Официально они не имеют работы и трудового дохода и сохраняют за собой более высокий размер пенсии, а зачастую и право получения пособия по безработице. По результатам социологического исследования, доля инвалидов, работающих неофициально, составляет 9,5 %.

Инвалиды, не нашедшие с помощью службы занятости постоянной работы, могут получить другие виды услуг: организация общественных работ, помощь в организации предпринимательской деятельности и самозанятости, профессиональное обучение, профессиональная ориентация, привлечение к участию в программах социальной адаптации («Клуб ищущих работу», «Новый старт»), направление на досрочную пенсию. Однако ни один из опрошенных не указал на участие в какой-либо из названных программ.

Из бесед с инвалидами можно сделать вывод о высокой потребности в подобных услугах, особенно в профориентационных и профессиональном обучении, так как с получением группы инвалидности люди зачастую не способны уже выполнять прежнюю работу. Однако инвалиды не осознают необходимости получения новой профессии: 65,7 % опрошенных не считают необходимым пройти переобучение, 5,7 затруднились ответить и только 28,6 испытывают потребность в получении новой профессии или квалификации, при этом с помощью службы занятости получили возможность пройти профобучение только 5,1 % безработных.

Для трудовой реабилитации инвалидов чрезвычайно важна психологическая поддержка и социальная адаптация. Группа инвалидности является существенным сдерживающим фактором, в первую очередь — с психологической точки зрения. Физически способный к трудовой деятельности инвалид, не найдя поддержки со стороны общества и не пройдя курс социальной реабилитации, отчаивается и не предпринимает никаких попыток трудоустройства. Несмотря на то, что индивидуальная программа реабилитации инвалида предусматривает наряду с медицинской социаль-

ную, психологическую и трудовую реабилитацию, реально выполняется только первая ее часть.

Эффективность широко известного метода квотирования рабочих мест в Орловской области, как и в большинстве регионов России, крайне низка. В силу отсутствия жесткого контроля, работодатели не уплачивают предусмотренные штрафы за уклонение от квотирования. Предприятия предпочитают самостоятельно подбирать сотрудников из числа социально незащищенных категорий населения на имеющиеся вакансии, не пользуясь услугами центров занятости. В результате социально незащищенные граждане, состоящие на учете в органах службы занятости, так и остаются без работы.

По мнению 17,4 % опрошенных инвалидов, их трудоустройству может помочь содействие в организации предпринимательской деятельности. Из числа опрошенных 18,4 % готовы организовать собственное предприятие, в том числе 7,9 % указали какое именно. Несмотря на то, что органы службы занятости выделяют как одно из важных направлений своей работы содействие самозанятости, в 2004 г. Департамент федеральной государственной службы занятости инвалидов по Орловской области оказал помощь в организации предприятия 1 инвалиду, а в 2005 г. таковых не оказалось вообще.

Трудоустройство безработных инвалидов — проблема не только инвалидов, но и государства. Государство в лице Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации должно создать условия для трудовой реабилитации инвалидов. Необходимо осуществить ряд мероприятий по совершенствованию уже применяемых методов обеспечения занятости инвалидов и разработке новых, в частности, введение действенных налоговых и инвестиционных рычагов, стимулирующих работодателей к трудоустройству инвалидов; возмещение из бюджета расходов работодателей на адаптацию рабочих мест и трудовую реабилитацию инвалидов; привлечение внимания общества к проблемам лиц с ограниченной трудоспособностью, в том числе через СМИ; консультирование инвалидов об эффективных способах поиска работы через государственную и коммерческие службы занятости; взаимодействие органов государственной власти, отвечающих за трудовую реабилитацию инвалидов;

работа МСЭ и службы занятости по повышению самооценки и трудовой мотивации инвалидов; усиление работы по социальной и психологической адаптации инвалидов в обществе и на рабочем месте (по возможности проводить консультации и тренинги с каждым инвалидом); увеличение доли инвалидов, прошедших профессиональную ориентацию и переобучение с учетом специфики заболевания; пересмотр действующего законодательства по квотированию рабочих мест на основе зарубежного опыта; активное содействие самозанятости инвалидов (в данном направлении следует использовать возможности, предоставляемые приоритетным национальным проектом в сфере сельского хозяйства); с целью повышения эффективности работы специалистов службы занятости по трудоустройству инвалидов размер их заработной платы необходимо привязывать к результатам их деятельности.

Работа по данным направлениям будет способствовать трудоустройству инвалидов. Сложности реализации трудового потенциала лиц с ограниченной трудоспособностью и интеграции их в общество решаться только в случае, если осознать важность проблемы и действовать скоординированно.

Поступила 21.02.07.

О. В. ЗАЯЦ

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В РЕГИОНЕ

Одной из наиболее сложных и болезненных проблем современной России, в частности, Приморского края, является проблема жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для выявления возможностей оптимизации деятельности системы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Приморского края и причин социального сиротства, практических путей решения этой проблемы в регионе в 2006 г. проведено социологическое исследование.

Сбор эмпирических данных осуществлен посредством использования анкетного опроса двух категорий населения: населения, не работающего с детьми-сиротами и практических работников социальных служб, а также метода экспертной оценки.

Опрос населения проводился по квотной выборке (пол, возраст, сфера деятельности). Объем выборки составил 435 жителей Приморского края, не занятых непосредственно работой с детьми, оставшимися без попечения родителей, проживающих в городах Владивосток, Уссурийск, Арсеньев, Артем, а также жителей Уссурийского района. Из них 64,9 % составили женщины и 35,1 % — мужчины. Среди опрошенных — 46,8 % люди в возрасте от 20 до 30 лет, среди них — с высшим и неполным высшим, а также средним профессиональным образованием — 72,2 и 26,2 % соответственно. Значительная доля респондентов работает (83,8 %), в том числе в сфере коммерции и бизнеса — 29,8, образования — 23,2, в производстве и на транспорте 8,7 % и других сферах.

ЗАЯЦ Ольга Васильевна, доцент кафедры социальной работы Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

В отношении группы практических работников (эксперты) применялся сплошной опрос. Численность и представительность группы экспертов оценивались не столько статистическими, сколько качественными показателями. Объем экспертной группы составил 91 практический работник социальных служб: заведующие отделами, педагоги-психологи, специалисты по социальной работе, социальные педагоги и воспитатели. Экспертов в основном представляли женщины (95,8 %). Большинство из них (87 %) работают в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних системы социальной защиты населения Приморского края.

Оценка населением причин роста социального сиротства отражает общие характеристики общественного мнения современной России. На первое место в рейтинге причин социального сиротства большинство опрошенных поставили распространение пьянства и наркомании (69,8 %), экономическую ситуацию в стране (59,0), падение нравственности в обществе и семье (49,1 %). Значимое расхождение мнений по полу обнаружено только в выборе причины «распространение пьянства, наркомании». Женщины доминируют среди опрошенного населения, выбравшего этот вариант ответа. Так, в качестве главной эту причину отметили 69 % респондентов в возрасте до 30 лет и 61 % от 50 лет и старше. Экономическую ситуацию в качестве второй причины социального сиротства указали 59 %. Здесь мнения мужчин и женщин совпадают, а по возрасту эту причину чаще всего отмечали люди до 30 лет и от 50 лет и старше. Население от 50 лет и старше считают более серьезной причиной «падение нравственности в обществе, семье».

На наш взгляд, большая часть населения, отметившая в качестве основной причины детского неблагополучия «распространение пьянства и наркомании», считает так, а не иначе, потому что в обществе привыкли объяснять сиротство причинами социального характера: алкоголизмом родителей, наркоманией. Это подтверждают и результаты исследований, проведенных Е. Б. Бреевой[1] и А. Л. Арефьевым[2]. А. Л. Арефьев отмечает, что в 72,3 % семей кто-то из родителей, других родных употреблял алкоголь или наркотик. Однако по результатам исследования социального сиротства, проведенного К. Южаниновым, большинство населения г. Томска на первое место в рейтинге причин поставили экономическую ситуацию в стране, влекущую рост бедности[3].

Следует отметить, что в отличие от населения значительная часть экспертов (79,1 %) связывает рост числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с экономической ситуацией в стране. Затем названы падение нравственности в обществе, кризис семьи, распространение пьянства и наркомании.

Оценка населения и экспертов причин роста социального сиротства различна. Мнение экспертов, скорее всего, сформировано их компетентностью, объективной включенностью в проблему. Они, как нам представляется, выделили основную причину роста социального сиротства — экономическую ситуацию в стране и ее последствия. По мнению исследователей, третья волна сиротства возникла вследствие «проводимых политических и экономических реформ и неадекватности содержания государственной политики защиты детства в условиях складывающихся в России новых общественных формаций и отношений. Для сегодняшних реалий характерны значительное расширение социального сиротства, проявление его новых характеристик, определяемых продолжающимся ухудшением жизни многих семей, падением нравственных устоев, и, как следствие, изменение отношений к детям, вплоть до полного вытеснения их из семей»[4].

Анализ личных позиций респондентов первой группы по проблемам сиротства продемонстрировал достаточно высокий уровень обеспокоенности судьбами детей, оставшихся без попечения родителей. Обеспокоенность в той или иной степени проявляет 96,8 % опрошенного населения. Очевидно, беспокойство носит скорее общий характер и не связывается с личной готовностью к реальному действию, о чем свидетельствует анализ ответов на последующие вопросы. Как и предполагалось, в наибольшей степени обеспокоенность этой проблемой характерна для женщин. Это объясняется как их эмоционально-психологическими качествами, отзывчивостью и эмпатией, так и большей степенью социальной ответственности за судьбы детей. Отметим, что среди опрошенных, выбравших позицию: «Да, меня беспокоят судьбы таких детей», доминируют люди в возрасте от 50 лет и старше, а высокая степень обеспокоенности проявилась у людей от 30 до 50 лет.

Анализ ответов экспертов на этот вопрос показал, что уровень обеспокоенности представителей этой группы значительно ниже, чем у населения (на 11,2 %) и составляет

72,7 %. Если среди населения только 12,9 % «не очень беспокоят судьбы таких детей», то в группе экспертов таких 23 %. Объяснением этого может быть состояние «эмоционального выгорания» практических работников, «истощением энергии у профессионалов в сфере социальной помощи, когда они чувствуют себя перегруженными проблемами других людей»[5].

К определению ребенка в государственное воспитательное учреждение значительная доля населения (77 %) относится положительно, но только в том случае, если нет другого выхода. Как показали результаты исследования, такую позицию занимают прежде всего женщины (81 %). Среди тех, кто выбрал вариант «это необходимая мера» преобладают мужчины. Таким образом, женщины считают эту форму жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, скорее обоснованной, а мужчины — скорее необходимой мерой. Высказанное населением Приморского края отношение к помещению детей в государственные учреждения подтверждает, что в российском обществе еще имеется стереотип — государственное учреждение рассматривается как единственное средство защиты детей: ребенку-сироте лучше находиться в государственном учреждении. В качестве других вариантов ответа были указаны: «необходимо менять систему воспитания в этих учреждениях», «им нужна семья», «воспитание в другой семье», «семейные детские дома». В целом можно констатировать, что в обществе отсутствует негативное отношение к государственным детским учреждениям, их деятельность воспринимается как патерналистская обязанность государства.

Важным индикатором личного отношения населения к рассматриваемой проблеме являются ответы на вопрос: «Могли бы Вы взять ребенка, оставшегося без попечения родителей, на воспитание в свою семью?». Людей, согласных это сделать, казалось бы, много (66,9 %) с учетом всех вариантов согласия, но доминирующей является позиция «Да, в том случае, если это мой родственник» (32,8 %). Среди опрошенных жителей Приморского края, согласных взять на воспитание в свою семью ребенка-сироту оказалось 14,9 %. Мужчины и женщины при ответе на этот вопрос проявили единодушие. Что касается возрастных различий, то, как и следовало ожидать, люди в возрасте от 40 лет и старше проявляют гораздо меньшую готовность к при-

нятию ребенка в семью (11 %). Среди тех, кто безусловно мог бы взять ребенка-сироту в свою семью, преобладает население до 40 лет, а 43 % людей в возрасте от 40 до 50 лет могут взять ребенка в семью, в том случае, если он их родственник. В варианте «другое» было отмечено: «было бы материальное обеспечение», «решение квартирного вопроса», «согласие всех членов семьи», «если бы не смогла иметь своих детей».

Вряд ли можно полагать, что положительные ответы населения на данный вопрос означают готовность к реальному действию, но в целом они свидетельствуют о позитивном отношении к факту семейного жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Заслуживает внимания личное отношение к проблеме сиротства экспертов. Среди них тех, кто безусловно мог бы взять ребенка в свою семью, оказалось всего 3,2 %. По нашему мнению, такое отношение могло сформироваться в результате того, что эта группа респондентов, чья практическая деятельность непосредственно связана с выполнением функций в решении актуальных проблем ребенка и нахождении оптимальных форм его жизнеустройства, осознает всю сложность взаимодействия с такой группой детей. Кроме того, как отмечают И. А. Алексеева и И. Г. Новосельский, специфика профессиональной деятельности специалистов, оказывающих помощь детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, приводит к профессиональному выгоранию[6]

Отношение к семьям, воспитывающих приемных детей, обусловлено степенью информированности населения о таких формах жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей. Результаты исследования свидетельствуют, что уровень информированности достаточно высок (83,7 %). Тех, кому ничего не известно о приемной семье и патронатном воспитании оказалось всего 16,3 %. Источниками информации респонденты называли СМИ, знакомых, родственников. Личный опыт в качестве приемных родителей и патронатных воспитателей имеют 5,0 % опрошенного населения.

В целом, независимо от степени осведомленности, отношение населения к семьям, воспитывающим приемных детей, носит выраженный позитивный характер. На наш взгляд, большинство опрошенных исходит из того, что люди, воспитывающие чужих детей, обладают нужными положи-

тельными качествами и заслуживают уважения уже в силу того, что взяли на воспитание в свои семьи чужих детей. Но положительное представление строится скорее на некотором идеальном представлении о такой семье, а не на знакомстве и действительной осведомленности об их жизни. Только у 5 % населения имеется личный опыт, а 40,3 % узнали о приемных семьях от знакомых и родственников.

Большинство респондентов считает, что семьям, принимающим на воспитание детей-сирот, необходима поддержка со стороны органов государственной власти. 76,5 % полагает, что решающую роль играет денежная помощь, в то время как тех, кто обращает внимание на необходимость квалифицированной психологической, педагогической, медицинской и правовой помощи в 1,6 раза меньше. Практические работники социальных служб на первое место, как и население, поставили денежную помощь (87,9 %). Далее следуют улучшение жилищных условий, предоставление льгот, консультации специалистов. Вариант ответа «предоставление льгот» эксперты указывали на 22 % чаще, чем население. Таким образом, можно предположить, что эксперты в большей степени, чем население, отдают предпочтение материальным аспектам социальной поддержки семей, принимающих на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Что касается уровня информированности населения о проблеме детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, то он достаточно высок. Насыщенность информационной среды определяется составом и характером функционирования источников информации, развитостью коммуникационных систем, из которых жители могли бы получать достаточные сведения о проблеме сиротства. Наиболее популярными источниками получения информации по этой проблеме, в том числе и о деятельности органов исполнительной власти Приморского края, являются телевидение и периодическая печать. Трудно не согласиться с тем, что из всех видов СМИ самым востребованным остается телевидение[7] Однако, по нашему мнению, проблема социального сиротства и жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, телевидением освещается недостаточно полно.

Степень информированности населения о деятельности органов исполнительной власти, в частности Приморско-

го края, зависит не только от состояния информационной среды, но и от стремления самих людей получить необходимую информацию. Такое стремление обусловлено, в первую очередь, уровнем образования человека[8] Анализ ответов населения на вопрос «Делают ли что-либо органы исполнительной власти Приморского края для решения проблем сиротства?» показывает оценку их деятельности более наглядно. Людей, позитивно оценивающих деятельность органов исполнительной власти Приморского края по решению проблем сиротства, мало (52,6 %). Это мнение людей в возрасте от 40 до 50 лет и в основном женщин. Нами выявлено расхождение по полу при выборе варианта ответа «отдельные меры предпринимаются, но этого явно недостаточно». Так считает 40 % мужчин, что, скорее всего, связано с большей требовательностью, которую они предъявляют к органам государственной власти. Женщины более благосклонны в оценке деятельности органов власти (54 %). Негативной оценки («скорее говорят, чем делают», «ничего не делают») придерживается 41,2 % населения, и здесь значимых расхождений по полу и возрасту не наблюдается. Существенно отличается мнение респондентов в возрасте старше 50 лет при выборе варианта ответа «скорее говорят, чем делают» (43 %). Представители других возрастных групп выбирали этот вариант ответа гораздо реже — от 28 до 32 %.

Думается, что причин такого отношения несколько. Действительно, заметный рост масштабов социального сиротства заставляет предположить, что активность структур, призванных заботиться о судьбе этих детей, низка. Но формирование такого мнения объясняется и слабой информированностью населения о деятельности в этой области государственных социальных служб, воспитательных учреждений. Наконец, в такой оценке проявляется общее негативно-настороженное отношение к власти вообще. Возможно, причиной являются характерные для россиян патерналистские настроения, ожидания того, что именно государство и власть должны решать все социальные проб-лемы, сами же граждане привычно занимают пассивную позицию[9].

Статистически значимые различия обнаружены при анализе ответов населения и экспертов на вопрос о деятельности органов власти. Среди экспертов наблюдается гораздо больше (на 13,4 %) тех, кто считает, что органы исполнительной

власти края делают все, что могут и принимают меры по решению проблем детей, оставшихся без попечения родителей, но этого явно недостаточно. Вместе с тем одинаковое число экспертов и представителей населения полагают, что они «ничего не делают» в этом направлении.

В отличие от экспертов, большинство населения (85,7 %) считает, что государственные органы, безусловно, должны принимать участие в системе жизнеустройства, которое выражается в определении условий ее функционирования. Эта позиция подтверждает убежденность населения в том, что в большей степени в системе жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должны участвовать государственные органы. Определенная роль отводится населением учреждениям образования и здравоохранения. Эксперты же отводят главенствующую роль учреждениям образования (81,3 %). Это объясняется тем, что в решении проблем детей, оставшихся без попечения родителей, органы опеки и попечительства выполняют особые функции и в учреждениях образования Приморского края находится таких детей на воспитании 26,4 %[10].

Что касается мнения населения относительно необходимости социальных служб, осуществляющих социальный патронаж семей, воспитывающих детей, оставшихся без попечения родителей, то можно утверждать, что оно однозначно: 93,3 % населения считают, что такие учреждения необходимы. Отметим, что 83,7 % экспертов имеют подобное мнение. Настораживает тот факт, что 14,2 % экспертов затруднились дать ответ на этот вопрос.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод, что население Приморского края обеспокоено судьбами детей, оставшихся без попечения родителей. Они доброжелательно относятся к семьям, воспитывающим детей-сирот, проявляют готовность принять ребенка-сироту на воспитание в свою семью, что позволяет говорить о положительных перспективах развития системы жизнеустройства, в первую очередь, ее семейных форм. Полагаем, что реформирование (или сокращение) воспитательных учреждений в Приморском крае и передача детей-сирот в семьи на патронатное воспитание или в приемные семьи должно проводиться планомерно и только после отбора и подготовки граждан, желающих воспитывать детей-сирот. В частности, в феврале 2007 г. губернатор Приморского края еще раз подтвердил

неизменность целей краевой администрации — в течение ближайших 10 лет добиться, чтобы в Приморье не осталось ни одного детского дома. В результате принятия в 2006 г. закона Приморского края «Об оплате труда приемных родителей и мерах социальной поддержки, предоставляемых приемным семьям в Приморском крае», количество приемных семей увеличилось до 61, в них воспитывается 174 ребенка (в 2006 г. в крае зарегистрировано только 6 приемных семей, в которых проживало 36 детей). Благодаря проделанной работе, Приморский край вошел в число субъектов РФ, которые в 2007 г. получили финансовую поддержку со стороны государства, что заметно улучшило материальное положение приемных и патронатных семей, действующих в Приморье, и способствует созданию новых.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Бреева Е. Б.* Социальное сиротство. Опыт социологического обследования // Социол. исслед. 2004. № 4. С. 50.

[2] См.: *Арефьев А. Л.* Беспризорные дети России // Социол. исслед. 2003. № 9. С. 68.

[3] См.: *Южанинов К.* Социальное сиротство в зеркале общественного мнения // Вопросы социального обеспечения. 2006. № 11. С. 29.

[4] *Зарецкий В. К., Дубровская М. О., Ослон В. Н., Холмогорова А. Б.* Пути решения проблемы сиротства в России. М., 2002. С. 14.

[5] *Лаврова О.* Синдром эмоционального выгорания и методы его предотвращения // Социальная работа. 2006. № 4. С. 56—60.

[6] См.: *Алексеева И. А., Новоселъский И. Г.* Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. М., 2005. С. 242—251.

[7] Пресс-служба Государственной Думы. Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.er-duma.ru/press/16399].

[8] См.: *Бутырин Г. Н.* Информированность населения о деятельности органов власти / Личность. Культура. Общество. М., 2000. Т. II. Спец. вып. С. 24.

[9] См.: *Спирин Н. В.* Патернализм в истории Российского государства / Личность. Культура. Общество. М., 2000. Т. II. Спец. вып. С. 139—147.

[10] Выявление детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Департамент науки и образования администрации Приморского края. Анализ ситуации в Приморском крае // Электрон. ресурс [режим доступа: http://primopeca/ru].

Поступила 13.03.07.

В. ЩЕПЕТИН

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЕТЕРАНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕГИОНАХ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Общественные организации военных ветеранов по мере своего развития оказывают все большее влияние на политические отношения, чему способствуют результаты их политической активности, во многом обусловленные характером их взаимодействия с органами государственной власти. Основной причиной, препятствующей более эффективному сотрудничеству, следует признать отсутствие научно обоснованной стратегии партнерства государственных институтов с общественными объединениями военных ветеранов.

Общественные организации военных ветеранов — это созданные на добровольной основе объединения граждан, выполнявших свои служебные обязанности в условиях войн или вооруженных конфликтов, или принимавших участие в боевых действиях по заданиям законно избранного органа власти, ставящие целью артикуляцию коллективных общественно-политических интересов своих членов.

В российском законодательстве категория «военный ветеран» отсутствует. На наш взгляд, военным ветераном следует считать гражданина, выполнявшего свои служебные обязанности в условиях, при которых законодательно предусмотрено ограничение его конституционных прав и свобод, или принимавшего участие в боевых действиях по заданиям законно избранного государственного органа власти.

Под региональным общественным объединением понимается «объединение, деятельность которого в соответствии

ЩЕПЕТИН Александр Владимирович, специалист Департамента социальной политики Орловской области.

с его уставными целями осуществляется в пределах территории одного субъекта Российской Федерации»[1] Они направляют усилия ветеранской общественности в регионе на выполнение уставных целей и задач, руководят местными и первичными организациями военных ветеранов.

Цели и задачи, стоящие перед региональными общественными организациями ветеранов, во многом схожи. Однако в каждом регионе имеются свои особенности, влияющие на их деятельность.

Основными видами деятельности Воронежской региональной организации общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане являются защита прав и интересов граждан, исполнявших воинский или служебный долг в Республике Афганистан, либо участвовавших в иных вооруженных конфликтах, а также членов семей погибших; консолидация ветеранского движения; сотрудничество с другими ветеранскими и общественно-патриотическими организациями; военно-патриотическое воспитание; общение ветеранов различных боевых действий и вооруженных конфликтов, поиск сослуживцев и боевых товарищей; выпуск Книги Памяти, где увековечены имена земляков, погибших и пропавших без вести с фотографиями и описанием их последнего боя.

В Курском отделении ассоциации ветеранов боевых действий активно работают более тысячи человек. Ведется работа по оказанию помощи семьям погибших, инвалидам, нуждающимся ветеранам, их трудоустройство, помощь детям погибших при поступлении в вузы на бюджетной основе.

Основной упор в деятельности Нижегородской городской общественной организации инвалидов войны в Республике Афганистан и Нижегородской городской общественной организации инвалидов войны в Чеченской Республике делается на достижении качественной социализации, активное включение в общественную и культурную жизнь ветеранов военных действий и членов семей погибших воинов. Социальная адаптация, улучшение психологического состояния и здоровья ветеранов военных действий и членов семей погибших воинов, совершенствование медицинской, социальной, профессиональной реабилитации — основные направления работы. Эти организации выступили инициаторами разработки комплекса мер по социальной поддержке ветеранов

боевых действий, утвержденных распоряжением администрации г. Нижнего Новгорода от 20 мая 2003 г. № 1301-р «Об утверждении комплекса мер по социальной поддержке ветеранов боевых действий на 2003 год».

В Тверской области функционирует Межрегиональная общественная организация инвалидов «Союз инвалидов „Патриот"», созданная по инициативе инвалидов войн и лиц, представляющих их интересы, объединившихся в целях представительства, защиты прав и законных интересов инвалидов. Организация осуществляет свою деятельность на территории субъектов РФ, в которых созданы, создаются или будут создаваться структурные подразделения организации.

Одним их основных направлений деятельности ветеранских организаций является максимально тесное сотрудничество с местными властями в деле реализации прав ветеранов. Опыт показывает, что там, где такое сотрудничество сумели организовать, выше качество и эффективность ветеранской работы. Положительным примером стали Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Краснодарский край. Во многом такое взаимодействие зависит от личных качеств руководителя региона, активности лидеров ветеранских структур: насколько настойчив и авторитетен руководитель местного ветеранского объединения, настолько в регионе и организована работа ветеранов.

Одна из основных проблем — финансовая, в каждом регионе ветеранские организации пытаются решать ее по-своему. Можно выделить три типа источников финансирования ветеранских организаций: за счет средств регионального или местного бюджетов; средств, полученных в ходе ведения коммерческой деятельности; смешанный, когда финансирование осуществляется за счет бюджетных средств и ведения коммерческой деятельности.

Следует отметить, что финансирование осуществляется и за счет спонсорской помощи, но это применимо в основном к проведению больших мероприятий или широко разрекламированных акций. Незначительная часть денежных средств собирается за счет регулярных членских взносов.

Отсутствие фиксированного учета членов общественных организаций ведет к тому, что многие объединения выступают «от лица» всех ветеранов. В Федеральном Законе «Об

общественных объединениях» прописаны ограничения для создания общероссийских организаций. Предусматривается, что они должны иметь свои отделения или филиалы не менее чем в половине субъектов РФ[2]. Для региональных организаций таких ограничений не предусмотрено. Поэтому в соответствии с действующим законодательством достаточно трех человек для регистрации общественного объединения, которое будет называться «региональным». Обилие ветеранских структур с аналогичными названиями вызывает путаницу и недоверие у части населения.

Основная нагрузка в общественно-политической деятельности ветеранских организаций на региональных отделениях. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что центр тяжести работы постепенно перемещается в регионы, от них зависит судьба всего ветеранского движения. Поэтому всемерно содействовать консолидации деятельности ветеранских структур в регионах — одна из основных задач всероссийских общественных организаций ветеранов.

Некоторые региональные ветеранские организации выходят на международный уровень. В основном это прямые контакты с объединениями военных ветеранов республик бывшего СССР. Появляется опыт взаимоотношений с организациями «дальнего зарубежья». Например, у Калужского областного отделения движения «Боевое братство» налажены тесные связи с ветеранами Германии, Орловская региональная общественная организация боевых действий установила и поддерживает контакты с американскими ветеранами, воевавшими во Вьетнаме и Афганистане. Раньше могли себе такое позволить только общесоюзные или общероссийские общественные объединения.

Говоря о единстве ветеранского движения на региональном уровне, следует отметить, что ветераны разных поколений не спешат объединяться. Идет тенденция к объединению ветеранов боевых действий, воевавших после Великой Отечественной войны (Московская, Орловская области, Ставропольский край и ряд других), но есть регионы, где «чеченские» организации хотят быть самостоятельными (Тамбовская область, Краснодарский край). Организации ветеранов Великой Отечественной войны, труда, военной службы, правоохранительных органов хотят видеть объединения участников афганских и чеченских событий в

качестве коллективных членов. В целом такая же картина наблюдается и на общероссийском уровне.

В Московской области создано и успешно функционирует Всероссийское общественное движение «Боевое братство», президент — губернатор области генерал-полковник Б. В. Громов.

Законодательным органом в Подмосковье является Московская областная Дума. Это один из наиболее работоспособных законодательных органов среди субъектов РФ, о чем свидетельствует не только количество принятых нормативно-законодательных актов, но и частое обращение к опыту подмосковных законодателей коллег из других регионов. За последние годы половина принятых решений направлена на выполнение социально-экономических программ, в том числе относящихся к военнослужащим и членам их семей. В частности, приняты поправки к Уставу Московской области. В целях совершенствования законодательной деятельности при губернаторе создана комиссия по координации законотворчества, в состав ее входят и депутаты Московской областной Думы. Такой уровень взаимодействия в законотворческом процессе положительно отразился на качестве управленческой работы в целом и социально-экономическом развитии Подмосковья.

Решение вопросов социальной защиты фронтовиков и участников боевых действий, проживающих на территории области, — важное направление работы муниципальных органов, а также Комитета Московской областной Думы по вопросам правоохранительной деятельности, безопасности и военнослужащих. Основополагающим нормативным правовым актом в этом отношении является целевая программа «Социальная защита населения». Представители областной Думы включены в состав комиссии по разработке изменений в проект Федерального закона «О ветеранах», в части распространения льгот на участников всех без исключения боевых действий. Органами государственной власти Подмосковья неоднократно повышались пенсии для семей погибших. Инвалидам выделялось жилье, специальные легковые автомобили, решаются вопросы медицинского и лекарственного обеспечения, телефонизации. «Значительная часть из того, что делает сегодня Московская область, осуществляется с учетом предложений Всероссийского общественного дви-

жения «Боевое братство». Именно они в основе решений, принимаемых представительной и исполнительной властью области»[3]

С 1986 г. действует Московская областная организация ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, представляющая интересы участников Великой Отечественной войны, ветеранов Вооруженных Сил, отставных сотрудников правоохранительных органов, работников трудового фронта, проживающих в регионе.

Работа по патриотическому воспитанию подрастающего поколения — один из основополагающих принципов деятельности объединения. Совместно с органами народного образования, областным Комитетом по делам молодежи, РОСТО и другими структурами ведется работа с молодежью. Хорошо поставлена поисковая деятельность в Наро-Фоминском, Можайском, Одинцовском, Рузском и других районах области. Организация принимала активное участие в подготовке Книги Памяти Подмосковья, где систематизированы данные по 400 тыс. земляков, погибшим или пропавшим без вести на фронтах Великой Отечественной войны, заканчивается работа по подготовке аналогичной Книги Памяти о тех, кто не вернулся из Афганистана.

В области действует 70 городских и районных ветеранских советов, тесно сотрудничающих с более «молодыми» ветеранскими организациями, а со стороны местной администрации получающими действенную помощь и поддержку. При активном сотрудничестве с движением «Боевое братство» проведены мероприятия, посвященные 60-летию битвы под Москвой, 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. По линии социальной защиты при поддержке администрации области достигнута договоренность с органами социального обеспечения, что инвалиды Афганистана и Чечни будут обеспечиваться путевками в лечебные учреждения, обслуживающие ветеранов Великой Отечественной войны.

В Мытищинском районе среди общественных объединений имеются организации и фонды воинов-интернационалистов, ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС и др. Из большого числа ветеранских организаций можно выделить Ассоциацию ветеранов войны в Афганистане «Герат», региональную общественную организацию спецподразделений МВД и армии «Когорта». Организации военных ветеранов,

оставленные без опеки государства и общества, вынуждены разрозненно и самостоятельно искать пути и способы преодоления стоящих перед ними жизненных преград, поэтому показателен пример консолидации этих объединений и их успешное развитие как самостоятельных структур в ветеранской среде. Мытищинское районное отделение «Боевое Братство» появилось в декабре 2000 г., с тех пор началась совместная работа с администрацией Мытищинского района по реализации ряда социальных программ региона.

Химкинский район Подмосковья занимает достойное место в структуре региона. Хорошо развитая инфраструктура, близость к столице создают оптимальные перспективы развития. Важным является и тот факт, что большинство сотрудников администрации, в том числе глава района и вице-глава — ветераны силовых структур. Благодаря их усилиям, администрация Химкинского района активно сотрудничает с ветеранскими организациями, оказывая помощь в решении многих проблем ветеранов. Регулярно проводятся спортивные соревнования в память о погибших в Афганистане и Чечне, походы по местам боевой славы солдат Великой Отечественной войны.

В Люберцах имеется несколько независимых друг от друга организаций ветеранов-«афганцев». Такая разобщенность негативно сказывается на решении проблем ветеранов, в том числе социальных программ. Глава администрации района предпринимает попытки выступить посредником по объединению данных организаций под эгидой «Боевого Братства».

В 90-е гг. в Одинцовском районе ветеранов объединила организация «Ветераны необъявленных войн». Рядом с «афганцами» были те, кто также выполнял свой интернациональный долг в Алжире, Анголе, Йемене, Вьетнаме и других государствах. Сумев преодолеть противоречия между руководителями ветеранских организаций района, в 2000 г. ветераны Одинцовского района объединились в единую организацию, основу которой составляет региональное отделение «Боевое братство».

С помощью городской администрации создан фонд помощи участникам и ветеранам боевых действий в подмосковном г. Жуковский, где руководитель Жуковского отделения «Боевого братства», участник Афганской войны является заместителем главы городской администрации. Фонд осу-

ществляет благотворительные программы, гуманитарные акции в помощь участникам и ветеранам боевых действий, членам семей погибших воинов.

На примере рассмотренных районов Московской области *наблюдается тенденция к объединению разрозненных ветеранских общественных организаций в единую сеть движения «Боевое братство»*, насчитывающее в настоящее время в области 46 местных отделений.

Многие начинания в области социального и общественного развития, в том числе и забота о ветеранах, зависят от социальной стабильности в регионе и перспектив экономического роста. Понятие «ветеранская экономика» — не утопия. Сегодня появляется возможность создавать новые производственные мощности и привлекать туда ветеранов, инвалидов и членов их семей. Практика льгот не оправдала себя. Экономика должна строиться на других принципах. Говоря о перспективах развития ветеранского движения в Московской области, можно отметить: «у ветеранов появился шанс поднять „свою" экономику. Если раньше такие возможности давал в основном мелкий бизнес, сейчас задача состоит в том, чтобы построить экономическую модель, которая могла бы обеспечить стабильным заработком инвалидов и членов семей погибших. Здесь будет подключаться уже средний бизнес»[4]

Орловская область по размерам территории и численности населения одна из самых малых областей Центральной России[5] Городское население составляет 63 % жителей области, возрастная структура характеризуется низкой долей молодых возрастов и высокой долей старших. Область имеет развитые обрабатывающую промышленность и сельское хозяйство. Для успешного ведения сельского хозяйства располагает благоприятными агроклиматическими условиями. В политическом аспекте регион всегда считался стабильным и в свое время относился к так называемому «красному поясу». В последнее время ситуация стала меняться, прошедшие в марте 2007 г. выборы в Областной Совет народных депутатов тому подтверждение (39 % — за партию «Единая Россия», 23,8 % — за КПРФ).

Ветеранское движение в Орловской области до 90-х гг. представлялось в основном Советами ветеранов войны и труда. В последнее десятилетие активное участие в обще-

ственно-политической жизни региона стали принимать ветераны военной службы, силовых структур, «новое» поколение военных ветеранов Афганистана и Чечни. В настоящее время в Орловской области самая многочисленная общественная ветеранская организация с разветвленной периферийной сетью — Областной Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, аналогичные советы есть в городах и районах области. Все они зарегистрированы как самостоятельные организации. На 1 января 2006 г. в области было 7 800 чел. участников войны и более 260 тыс. ветеранов остальных категорий[6] Значительную часть объединения составляют ветераны труда.

Орловский областной Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов образован в феврале 1999 г.[7], в июне этого же года руководство ветеранской организации сдало документы на регистрацию как политическое объединение с аналогичным названием. Однако по ряду объективных причин в апреле 2000 г. принято решение регистрироваться как общественная организация. Это объединение можно отнести к лево-патриотическому блоку, так как большинство его членов придерживается консервативных взглядов. Организация объединяет в своих рядах людей, чьи судьбы связаны с коммунистической партией (бывшие политруки, работники партийного аппарата, рядовые коммунисты).

В условиях многопартийности Советы ветеранов войны и труда активно не выступают как политические объединения, но на деле остались малыми «агитационными пунктами» партий, которым они симпатизируют. Участие в общественно-политической жизни региона служит одним из средств выражения и реализации их интересов.

Советы ветеранов войны и труда на местах следят чтобы не нарушалось и постоянно совершенствовалось законодательство о пенсионном и других видах обеспечения ветеранов, четко исполнялись решения правительства по вопросам, затрагивающим эту категорию граждан. Были внесены предложения в областную администрацию «По социальной защите персональных пенсионеров союзного и республиканского значения», в Государственную Думу, Всероссийский Совет ветеранов «По пенсионному обеспечению ветеранов». Вопросы о льготах ветеранам войны и труда поднимались

председателем организации на встрече с Президентом РФ в августе 2003 г., приуроченной к 60-летию Курской битвы.

Одним из основных направлений деятельности ветеранских советов Орловщины стала забота о нравственном, военно-патриотическом воспитании молодежи. Областная комплексная программа по этой тематике разработана и принята при непосредственном участии ветеранских объединений. Тесное сотрудничество советов ветеранов с властными структурами региона (области, районов, городов) помогает ветеранам успешно решать вопросы, связанные с их деятельностью.

Союз ветеранов Вооруженных Сил Орловской области образован в мае 1994 г.[8] как добровольная массовая организация ветеранов Вооруженных Сил. Союз ставил перед собой задачу оказания содействия в решении социально-правовых вопросов ветеранов, приобщения их к общественно-политической жизни России и Орловской области. Многие члены Союза поддерживали Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» генерала Л. Л. Рохлина, а на президентских выборах 1996 г. генерала А. И. Лебедя. Ярко выраженной политической окраски объединение не имело, хотя регион, относившийся к «красному поясу», накладывал определенный отпечаток на деятельность Союза.

В июне 2001 г. Союз ветеранов Вооруженных Сил на учредительной конференции преобразован в Общественную организацию ветеранов войны и военной службы. Цели и задачи организации практически остались прежними, но дополнены в направлении социально-правовой защиты ветеранов войны и военных конфликтов.

Российский Комитет ветеранов войны и военной службы является связывающим звеном с правительственными органами и объединяет все региональные организации. Орловская областная общественная организация ветеранов войны и военной службы насчитывает 4 850 участников Великой Отечественной войны и 3 650 ветеранов военной службы[9] Комитет ветеранов военной службы поддерживает деловые отношения с другими ветеранскими общественными организациями Орловщины, тесно сотрудничает с областной организацией ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, входит в ее состав на правах коллективного члена с сохранением своей самостоятельности. В районном звене члены организации входят в состав районных Советов ветеранов.

В области с участием ветеранских организаций реализована комплексная целевая программа на 2002—2006 гг. «О мерах по социальной защите военнослужащих, ветеранов военной и государственной службы, войн (боевых действий), семей погибших военнослужащих и работников правоохранительных органов». Разработана и принята к реализации областная программа «Старшее поколение» в рамках одноименной российской программы, направленной на решение вопросов социальной защиты ветеранов различных категорий и выполнение федеральных законов «О ветеранах» и «О статусе военнослужащих».

Вопросы социально-правовой защиты ветеранов постоянно в центре внимания работы Комитета и находят поддержку в администрации области, однако этого недостаточно, так как решение многих вопросов возможно только на федеральном уровне, особенно это связано с отменой льгот в жилищно-коммунальной сфере для пенсионеров Министерства обороны, не достигших 60-летнего возраста.

В организации военно-патриотического воспитания молодежи особая роль у офицеров запаса, ветеранов военной службы: более 120 членов организации трудятся в средних общеобразовательных и средне-специальных учебных заведениях в должности преподавателей основ безопасности жизнедеятельности и основ военного дела. Этим объясняется тот факт, что на протяжении последних лет Орловская область — лидер в Московском военном округе по качеству призыва и направлению юношей в военно-учебные заведения.

В последние годы стали шире использоваться в работе с молодежью мемуары, воспоминания ветеранов войны и военной службы. Орловским книжным издательством выпущено более десятка книг, являющихся бесценным вкладом ветеранов в героическую летопись Отечества, например, А. П. Мельников «Знать и помнить», А. И. Овчинников, «Под куполом парашюта» и др.

24 апреля 1993 г. по инициативе воинов-интернационалистов Орловской области создана областная организация Российского Союза ветеранов Афганистана[10] Однако уже в 1994 г. отсутствие четкой программы действий, несогласованность между членами Правления и пассивность многих членов объединения привели организацию в кризисное

положение. Создание крепкой организации с работоспособным Правлением, в котором будут представлены в равной степени город и районы, способной решать поставленные задачи должным образом, возможно только путем объединения всех воинов-интернационалистов и четкой координации их действий в процессе решения социально-экономических проблем «афганцев». «Она нам нужна, единая областная организация, так как сила наша — в единстве»[11]

Отсутствие отдела или комитета по делам бывших воинов-интернационалистов в составе областной администрации лишний раз доказывает необходимость крепкой областной организации «афганцев», уставные задачи и цели которой направлены на работу с этой категорией граждан. Актуальность этого тезиса наиболее ярко проявилась в 1999 г., когда в области кроме ветеранов «афганцев» образовались организации «чеченцев», юридически не зарегистрированных, но с желанием объединиться, найти единомышленников для защиты общих интересов.

Орловская региональная общественная организация ветеранов боевых действий (ОРООВБД) создана 26 мая 2000 г. по инициативе лиц, выполнявших интернациональный долг в составе Вооруженных Сил СССР в Афганистане и других государствах, а также лиц, принимавших участие в локальных вооруженных конфликтах на территории России после Великой Отечественной войны[12].

Создание Орловской региональной общественной организации ветеранов боевых действий можно рассматривать как вариант близкий к классическому — инициатива снизу. Была создана инициативная группа, в которую входили представители действующих в области организаций инвалидов войны в Афганистане, ветеранов спецназа ГРУ. ветеранов боевых действий органов внутренних дел, а также лица, принимавшие участие в Чеченской Республике. Сразу было определено, что данная организация строится на строго фиксированном членстве и в ее названии должно быть выражено объединительное начало для всех категорий воевавших граждан, («ветераны боевых действий»). Более того, деятельность организации невозможна без поддержки властных структур, предусматривающей финансирование некоторых расходов деятельности организации.

Следует отметить, что в настоящее время в состав ОРООВБД входит 25 структурных подразделений в районах области. Численность ее членов составляет более 4 тыс. чел., среди них 135 инвалидов, а также 140 семей погибших, проживающих на территории Орловской области.

Несмотря на относительную молодость организации, удалось наладить взаимодействие с областными властными структурами и решить ряд социально значимых проблем: доплата к пенсии инвалидам военной травмы, назначение губернаторских стипендий студентам-ветеранам боевых действий. Предложения организации учтены при формировании областной целевой программы «Социальная защита военнослужащих, ветеранов (инвалидов) военной и государственной службы, войн (боевых действий), семей погибших военнослужащих и работников правоохранительных органов на 2002—2006 годы», а также при подготовке ряда постановлений Главы областной администрации и мэра г. Орла.

В 2000 г. представители организации принимали участие в Парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ по проблемам инвалидов и участников боевых действий[13] В феврале 2004 г. издана Книга Памяти жителей Орловской области, погибших в ходе ведения боевых действий по заданию Правительства СССР и Российской Федерации, в подготовке материалов приняли активное участие члены региональной организации.

Что касается участия в общественно-политической жизни региона, то необходимо подчеркнуть: объединение ветеранов проявляет активность в формировании кадрового состава органов государственной власти. Это баллотирование в депутаты региональных законодательных собраний, местные советы и поддержка лояльных им кандидатов. Накопленный опыт позволяет утверждать, что получаемый таким образом законодательный ресурс благотворно влияет на решение социальных проблем участников боевых действий. «Иначе говоря, пришло время идти во власть, а не занимать позицию ее жесткой критики»[14]. Члены Орловской региональной общественной организации ветеранов боевых действий баллотировались кандидатами в депутаты Орловского областного (2007 г.) и городского (2006 г.) Советов народных депутатов, принимали активное участие в выборах в Государственную Думу РФ (2003 г.).

Анализ становления и развития региональных общественных объединений военных ветеранов России позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, взаимодействие организаций военных ветеранов с политическими институтами обозначили пути развития ветеранского движения как организованной общественной силы, способной воздействовать на политическую практику регионов. Во-вторых, общественные ветеранские организации обладают высоким потенциалом патриотизма и понимания своей роли в общественной жизни региона. В-третьих, возраст, как одна из социально-демографических и статусных характеристик, оказывает влияние на объективную и субъективную политическую активность представителей ветеранского движения, происходит смена поколений ветеранов (ветераны Великой Отечественной войны сменяются ветеранами Вооруженных Сил, участниками боевых действий в Афганистане, Чеченской Республике и иных локальных войн). В-четвертых, происходит интеграция участников боевых действий в Чеченской Республике к ветеранам войны в Афганистане, уже прошедшими адаптацию в мирную жизнь и имеющими опыт решения социально-экономических и политических проблем.

Взаимоотношения ветеранских организаций и общества, на наш взгляд, будут развиваться в направлении дальнейшего развития взаимоотношений организаций с органами государственной власти и обществом в целом, а также повышения влияния ветеранского движения на федеральном, региональном и местном уровнях. Для этого есть все основания, подтверждением чему стало продвижение представителей ветеранского движения в органах государственной власти, достижение более высокого их организационного и мобилизационного уровня, реализация социально значимых программ, а в отдельных случаях — занятие сильных экономических позиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об общественных объединениях: Закон Российской Федерации// Сб. законодательных и нормативных документов. М., 1998. С. 239—250.

[2] Там же.

[3] *Аксаков В.* Все защитники Отечества должны иметь одинаковый статус // Боевое братство. 2003. № 1. С. 35.

[4] *Князев С.* Боевое братство Московской области // Боевое братство. 2001. №10. С. 17.

[5] Орловская область: Справочное издание. Орел, 2002.

[6] Отчет о деятельности Орловского областного Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов за 2005 год. Орел, 2006. С. 1.

[7] Там же, С. 1.

[8] Устав областной общественной организации ветеранов войны и военной службы. Орел, 1994. С. 1.

[9] Отчет о работе Комитета Орловской областной общественной организации ветеранов войны и военной службы за 2005 год. Орел, 2006. С. 2.

[10] Протокол I-й конференции Орловской областной организация Российского Союза ветеранов Афганистана. 12 ноября 1994 г. Орел, 1994.

[11] Там же. С. 8.

[12] Протокол № 1 учредительной конференции по созданию Орловской региональной общественной организации ветеранов боевых действий. 26 мая 2000 г. Орел. 2000. С. 1.

[13] О состоянии и неотложных мерах по совершенствованию социальной защиты инвалидов военной службы и участников боевых действий в условиях реформирования социальной сферы. Материалы парламентских слушаний Комитета по делам ветеранов / Под общ. ред. А. Чепурного. М., 2000.

[14] *Чепурной А. Г.* Современный этап взаимодействия государственных органов и общественных организаций // Совершенствование системы медико-социальной реабилитации лиц, пострадавших при выполнении воинского долга в процессе изменения социальной сферы в Российской Федерации: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. 18 мая 2002 г. М., 2002. С. 170.

Поступила 26.04.07.

А. С. ЛУЗГИН

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В последние годы этнические факторы все больше вступают в противоречие с идущими региональными внутрироссийскими и общемировыми интеграционными процессами. Это касается случаев укрупнения (объединения) субъектов РФ и интеграционных процессов, идущих в Европе. Говоря о самобытности и понимая, что ее основные признаки находят питательную среду в сельском образе жизни, каждый из нас переживает за будущее села. Урбанистические тенденции в современном обществе, с одной стороны, способствуют оттоку из села молодежи, с другой — обеспечивают доступность новых технологий в производственной деятельности и материально-бытовой сфере. Отрадно, что руководство страны «повернулось лицом к селу». Особенно это заметно в набирающих силу национальных проектах, в частности, аграрных (развитие фермерских хозяйств, частных подворий и т. д.). Думается, особенно не стоит убеждать в перспективах этого направления обновления сельского образа жизни, ведь для крестьянина во все времена было характерно стремление к самодостаточности. А наличие крепкого, технически обеспеченного подворья способствует возрождению крепкого хозяина, умеющего в своем деле сочетать новые технологии с проверенными годами устоями сельской жизни, в которых зримо прослеживается промыслово-ремесленная и фольклорно-этнографическая привлекательность. Конечно, этновоспроизводящие функции села во многом определяются наличием соответствующей производственной базы и образовательно-культурной инфраструктуры.

ЛУЗГИН Александр Степанович, Председатель Государственного комитета Республики Мордовия по национальной политике, доктор исторических наук, профессор.

Оценивая национально-культурный потенциал финно-угорских народов, отметим, что из 25 млн финно-угров в России проживает около 2 млн 700 тыс. чел. Если в Финляндии, являющейся одной из наиболее привлекательных стран по жизнеобеспечению, интеграционные процессы в мировое сообщество завершены, в Венгрии и Эстонии они идут в разной степени интенсивности, то в России финно-угорским народам еще предстоит пройти значительную часть интеграционного пути.

В мире нет другой этнической общности, чьи составляющие столь разительно отличались бы по параметрам антропологическим, языковым, религиозным, социальным и т. д. Среди финно-угров есть православные и лютеране, протестанты и язычники. Именно с этой точки зрения хотелось бы рассмотреть, как нам кажется, наиболее знаменательное событие 2007 г. для Республики Мордовия — Международный фестиваль культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия!» и участие в его открытии Президента России В. В. Путина, Президента Финляндии Т. Халонен, Премьер-министра Венгрии Ф. Дюрчаня.

В Саранске еще не было такого количества государственных символов, обозначающих представительство стран-участниц и делегаций субъектов РФ. Гости и участники фестиваля прибывали в Мордовию авиационным, железнодорожным и автомобильным транспортом (1 500 чел.). Из зарубежных участников самой большой делегацией была делегация Венгрии (более 100 чел.), в том числе всемирно известный танцевальный коллектив «Хойду» из Дебрецена, второго по величине города Венгрии. Самую большую по численности делегацию из российских регионов делегировала республика Марий Эл (167 чел.), в том числе народный ансамбль «Марий Сем».

В мероприятиях в рамках фестиваля приняло участие 74 фольклорных коллектива, из них 36 из регионов РФ. Кроме того, в фестивале приняли участие 14 молодежных эстрадных коллективов. Народные художественные промыслы и декоративно-прикладное творчество финно-угорскиих народов представляли 315 мастеров, из них почти половина (155 чел.) гостей.

События форума финно-угорских народов освещали ведущие российские и зарубежные СМИ, аккредитацию на фестиваль получили более 200 российских и зарубежных

журналистов. Подробные репортажи из Мордовии прошли по всем ведущим телеканалам России, фрагменты с торжественного открытия фестиваля увидели и услышали далеко за пределами Мордовии.

Следует отметить, что после появления на президентском сайте информации о том, что 19 июля 2007 г. Президент России проводит в Саранске совещание и его гостями станут Президент Финляндии и Премьер-министр Венгрии, количество заявок на гостевое участие в этом международном мероприятии многократно увеличилось.

Кто был причастен к подготовке данного мероприятия, знает, насколько напряженной и кропотливой она была. Заблаговременно Главой РМ Н. И. Меркушкиным был подписан соответствующий Указ, создан республиканский оргкомитет во главе с Председателем Правительства РМ, утверждены план подготовки, рабочие группы и т. д. Следует отметить, что в рамках подготовки этого мероприятия в Саранске побывал посол Венгрии в РФ и директор Венгерского культурного центра в России.

В ходе подготовки к фестивалю задавались вопросы: «Почему в Саранске?» и «Что это даст?». Говоря о выборе места для проведения данного мероприятия, отметим, что это выбор Президента РФ. В Саранске В. В. Путин уже проводил встречу с руководителями Финляндии и Венгрии, что само по себе уже значимо для дальнейшего развития Российско-Финляндских и Российско-Венгерских отношений.

Что касается аргументов в пользу данного выбора, отметим, во-первых, тот факт, что мордовский народ наиболее многочисленный из финно-угорских народов РФ; во-вторых, Саранск в последние несколько лет становится реальным центром финно-угорского движения. Здесь находится центральный офис ассоциации финно-угорских народов РФ, руководящий состав возглавляет известный ученый, декан филологического факультета Мордовского государственного университета. В 2006 г. при поддержке В. В. Путина в г. Саранске открыт Поволжский центр культур финно-угорских народов, на базе которого издается финно-угорская газета; 2 года подряд в Саранске проводятся Всероссийская выставка-ярмарка народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов и международные соревнования по легкой атлетике в закрытых помещениях среди школьников финно-угорских стран и народов. Одним

из решающих аргументов стало социально-экономическое развитие Мордовии. Таким образом, местом этнокультурного мероприятия с однозначным политическим контекстом был выбран Саранск.

Необходимо выделить международную значимость фестиваля. В данном случае языково-культурная общность стала базовой мотивацией стран, по-разному интегрированных в европейское и мировое сообщество. Значимость фестиваля для народов многонациональной России в плане осмысления места традиционной культуры в социально-экономическом развитии российского общества трудно переоценить. Нельзя не отметить значение фестиваля для дальнейшего социально-экономического развития республики, укрепления ее авторитета в стране и финно-угорском мире как региона, создающего комфортные условия для сохранения и развития языково-культурных факторов мордовского народа, одного из ярких представителей финно-угорского мира.

Грандиозный праздник открытия Международного фестиваля национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия!» удался на славу. На поле стадиона «Старт» вышло около 6 000 чел. — все творческие коллективы Мордовии, гости. Трибуны стадиона, участники театрализованного представления открытия встретили руководителей России, Финляндии и Венгрии, почетных гостей и делегации овациями.

В концептуальную основу спектакля под открытым небом были положены эпические и музыкально-этнографические традиции финно-угорских народов, удачно дополненные музыкально-хореографическими сценами из современной жизни родственных народов. Большой режиссерской удачей было завершающее красочное шоу народов-участников фестиваля с их песенными и фольклорно-обрядовыми действиями, характеризующими в том числе и особенности традиционной деятельности народов. Важно отметить, что наряду с фольклорными коллективами в открытии фестиваля принимали участие и дети, вызывавшие у зрителей своей непосредственностью дополнительные положительные эмоции. Апофеозом открытия стали приветственные выступления руководителей России, Финляндии и Венгрии.

Президент РФ В. В. Путин поблагодарил всех приехавших в Саранск. «На российской земле, здесь, в Мордовии, собрались представители самых разных народов из самых

разных стран со всей Европы, — подчеркнул В. В. Путин. — Мероприятие, которое мы сегодня открываем, будет способствовать не только развитию культуры финно-угорских народов в самой России, оно будет способствовать сближению самых разных стран мира. И это тоже одна из значимых заслуг финно-угорских народов».

В своих приветствиях Президент Финляндии Т. Халонен и Премьер-министр Венгрии Ф. Дюрчаня говорили о большом впечатлении от открытия фестиваля и подчеркивали необходимость беречь национальную культуру наших народов.

Составной частью фестиваля стали экспозиция «Национальная деревня» и «Город мастеров», развернутые на территории стадиона «Старт». Здесь были построены стилизованные под дерево избы и представлена традиционная бытовая обстановка венгров, финнов, эстонцев, карел, коми, марийцев, удмуртов, хантов и манси, коми-пермяков. Высокие гости в первую очередь заглянули в мордовскую избу. Лидеров братских стран встретили песнями, пирогами, блинами и национальным напитком позой. «Это наша пепси-кола», — объяснила гостям хозяйка.

Здесь же, напротив «национальной деревни», был развернут «Город мастеров», экспозиции которого дополнили бытовую характеристику финно-угорских народов их особенностями в промыслово-хозяйственной деятельности. Причем русское название этой экспозиции дублировалось на венгерском, финском и эстонском языках. В экспозиции представлены народные художественные промыслы и ремесла практически со всей России и финно-угорского зарубежья: ткачество, вышивка, резьба по дереву, плетеные изделия из лозы, керамика, работали мастера кузнечного дела и резчики по дереву. Умельцы симбирского кузнечного двора демонстрировали всем желающим свое мастерство. Тут же были выставлены изготовленные ими изделия — выкованные из железа букеты цветов, изящные фигуры. Главы государств проявили завидную солидарность — каждый собственноручно сделал несколько ударов по раскаленному железу. «Да, тяжело», — заметил В. В. Путин, отдавая молот кузнецу из Ульяновска, на что тот не растерялся: «Владимир Владимирович, а мы так каждый день». Т. Халонен, вспомнив, что ее дед был кузнецом, не упустила шанс подержать в руках молоток. Далее В. В. Путин вместе с Ф. Дюрчанем

шлифовали деревянные изделия. «Это гораздо сложнее, чем работать премьер-министром», — сделал вывод венгр.

Составной частью знакомства руководителей стран, участников и гостей фестиваля стала книжная выставка-ярмарка, логично дополнявшая экспозицию «Города мастеров». На ней представлена широкая палитра изданий, информирующих о странах и народах финно-угорского сообщества: учебники и методическая, художественная, детская и справочно-энциклопедическая литература. Мордовским книжным издательством демонстрировались изданные переводы на мокшанском и эрзянском языках двухтомной энциклопедии «Мордовия» и справочно-энциклопедического издания «Мордва», подтвердив высокий уровень научного, переводческого и издательского потенциала республики и став первыми подобными изданиями финно-угорских народов РФ.

Важным фактором осмысления традиций мордовского женского национального костюма в условиях современных тенденций моды стал и театрализованный показ национального костюма «Масторава». Дизайнерская фантазия позволила создать привлекательный образ традиционных составляющих национального костюма среди гостей, особенно у молодежи.

Первые лица России, Финляндии и Венгрии посетили обновленный мордовский (мокшанский) национально-культурный центр в с. Старая Теризморга Старошайговского района. Уникальность Центра в том, что здесь бережно сохраняется уникальное явление в традиционном песенном творчестве — многоголосье. Причем песенная культура сочетается с этновоспроизводящими традициями в изготовлении женских мордовских (мокшанских и эрзянских) костюмов. Все это достигается на основе уже десятилетиями отлаженной преемственности поколений. Руководителю Центра удалось создать атмосферу заинтересованности в восприятии культурных ценностей своего народа.

К фестивалю национально-культурный Центр пополнился традиционным мордовским подворьем с соответствующим набором дворовых и хозяйственных построек, включая баню и кузницу. Все это позволяет включить этот населенный пункт в один из этнотуристических маршрутов. По нашему мнению, село уникально в плане сохранения национально-культурного потенциала и его модернизации путем создания комфортных условий жизнеобеспечения, включая возможность получения

полноценного образования и работы с учетом высокотехнологичного сельскохозяйственного производства.

Праздник не ограничился концертными площадками столицы, он волной прокатился по всем районам республики. Везде гостей принимали традиционно хлебом-солью, мордовскими блинами и позой, знакомили с традициями мокши и эрзи.

Мордовия сказала «Шумбрат!» так громко, что ее услышали далеко за пределами России. В рамках этого мероприятия, безусловно, важной стала встреча лидеров России, Финляндии, Венгрии и Главы Республики Мордовия с представителями международного финно-угорского движения — председателем международного консультативного комитета финно-угорских народов В. П. Марковым, председателем исполкома общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» М. В. Мосиным, координаторами финно-угорского движения от Финляндии М. Ханнус, Венгрии — Я. Пустаи, состоявшаяся в новом здании Мордовского национального драматического театра.

Это первая встреча такого формата. Открывая ее, В. В. Путин подчеркнул: «Россия оказывает содействие процессу сближения финно-угорских народов во всех сферах жизни, но и является инициатором важнейших мероприятий, способствующих его развитию». На встрече отмечался высокий уровень международного сотрудничества финно-угорского мира в области подготовки преподавательских кадров, проведении конгрессов, различных фестивалей и конкурсов, издательских и образовательных проектов. Все эти неполитизированные мероприятия работают во благо как всего финно-угорского сообщества, так и каждого носителя этой древней языково-культурной среды.

Обсуждая современную ситуацию в финно-угорском мире, участники затронули проблемы сохранения малочисленных народов, места национальной самобытности в условиях новых технологических прорывов в различных сферах жизнедеятельности, роль национально-культурных автономий в условиях многонационального российского сообщества. Во всех выступлениях подчеркивалась необходимость придания сотрудничеству нового импульса.

Необходимо подчеркнуть, что последнее десятилетие стало временем поиска продуктивных мер, способных в условиях унификации и глобализации сохранить национальную

идентичность, языки и культуру, подлинного возрождения национальных традиций не только финно-угорских народов, но и всех народов Российской Федерации, пробуждения их интереса к своей истории. В этих процессах активно участвуют общественные организации регионов РФ. Россия, где исторически финно-угорские народы живут бок о бок со славянами и тюрками, всегда была и остается центром притяжения и соединения многих культур. В этом сила Россия, ее огромный потенциал, который необходимо развивать.

Предварительные итоги фестиваля позволяют утверждать, что языково-культурная общность, во-первых, стала важным фактором взаимопонимания между народами, в данном случае финно-угорскими, во-вторых, ее составляющие имеют различный уровень функционирования.

В финно-угорском зарубежье национальные признаки сейчас более ярко выражены в функциональном состоянии языковой сферы и профессиональном искусстве. Среди финно-угорских народов России, наоборот, широко развито фольклорно-этнографическое направление народного искусства, являющееся яркой характеристикой самобытности. Поэтому не случайно лейтмотивом выступлений «первых лиц» и ученых языковедов, фольклористов, этнографов стала мысль о необходимости сохранения самобытной культуры. Развивая экономику, новые технологии, необходимо сохранять национальную культуру — основу любого этноса.

Мы открыты для культурного диалога, плодотворного сотрудничества в гуманитарной сфере и экономике для осуществления перспективных совместных проектов. Руководство РФ поддерживает стремление финно-угорских народов к межнациональному сотрудничеству. Российская делегация на крупнейших финно-угорских международных форумах традиционно самая представительная. Для нашей многонациональной страны движение финно-угорских народов — символ современного сосуществования людей, устремленных к миру, глубоко убежденных, что любые проблемы могут быть решены во взаимном согласии и уважении. Оно не только олицетворяет географическую целостность европейского пространства, но и духовно сближает обновленную Россию с обновленной Европой.

Поступила 10.09.2007.

Е. Л. ЕФИМЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ ВНЕ «ТИТУЛЬНЫХ» НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Несмотря на то, что финно-угорские народы Российской Федерации сформировались в отдельные этнические общности и расселены в основном компактно в пределах Волго-Уральской историко-этнографической области, возрождение их этничности уже в постсоветскую эпоху имело свои особенности, обусловленные тем, что за пределами «своих» национально-территориальных образований отсутствовал соответствующий этноцентрический ресурс. Если анализировать первый всплеск этнополитической активности финно-угорских народов, приходящийся на начало XX в., то нельзя не отметить, что процесс этнополитического самоопределения российских финно-угров проходил в рамках «экстерриториального» развития, т. е. независимо от того, в каком территориально-административном (губерния, уезд, волость) образовании они были расселены. Это и понятно в связи с тем, что Российская империя была унитарным государством, в котором этническое расселение играло (особенно во внутренней России) незначительную роль. Например, Первый съезд народа мари прошел в июле 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии, на нем присутствовало более 200 чел. из самых разных губерний России. Второй съезд (июнь 1918 г.) был организован в г. Казани в основном политическими деятелями, близкими к эсеровской партии[1].

С началом реализации национальной политики Советского государства и национально-территориальных образований

ЕФИМЕНКО Евгений Леонидович, старший преподаватель кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

финно-угорских народов на территории РСФСР ситуация с их этническим самоопределением радикально изменилась. В образованных национальных автономиях под влиянием политики коренизации государственного аппарата и создания основ национально-культурного развития (письменность, школа, театр, СМИ и т. д.), процесс этнического самоопределения финно-угорских народов пошел значительно более бурными темпами, чем за пределами «своих» национально-территориальных образований. Однако вплоть до конца 30-х гг. XX в. и в регионах, где они не были «титульным этносом», национально-культурное развитие финно-угорских народов продолжало сохранять довольно высокие темпы. Например, в Башкортостане в зоне наиболее компактного расселения марийцев имелись национальные районы, сельсоветы, активно развивалось национальное образование, издавались газеты на родном языке.

С конца 30-х гг. и особенно в 60—70-е гг. XX в. на основе политических решений высшего партийного руководства страны произошло существенное сокращение национального образования, а национальные районы и сельсоветы были ликвидированы. В этих условиях российские финно-угорские народы имели гораздо меньше возможностей для этнокультурного самоопределения и развития. Именно этот фактор, наряду с другими, стал одной из основных причин формирования специфических особенностей этнокультурного самоопределения финно-угорских народов за пределами «своих» республик.

В Башкортостане, как республике, где финно-угорское население не является «титульным», их этническое самоопределение ограничивалось в основном постановкой и частичным решением этнокультурных проблем (неполный цикл национального образования, самодеятельное национально-культурное развитие, отдельные периодические издания и т. д.).

Одним из важнейших факторов этнического самоопределения финно-угорских народов в Башкортостане стало их дисперсное расселение и демографические показатели, но анализ этнического развития финно-угорских народов Башкортостана показывает наличие разных уровней в этнодемографическом потенциале этого процесса. Нельзя не отметить, что значительная часть научно-творческой и

этнополитической элиты в «титульных» республиках финно-угорских народов — выходцы из других регионов, в том числе из Башкортостана.

Наиболее крупный по численности финно-угорский народ Башкортостана — марийцы, в основном луговые, составляющие основу субэтнической группы восточных марийцев. Особенно высок процент марийского населения в Мишкинском (69,3 % от общей численности населения района), Калтасинском (47,0), Бирском (31,9), Краснокамском (31,0), Шаранском (20,3 %) районах республики. Наибольшая численность марийского городского населения приходится на города Нефтекамск (9,8 %) и Бирск (9,4 %). Таким образом, значительная часть марийцев Башкортостана сосредоточена главным образом в северо-западных районах и городах республики и являются жителями сельской местности. В Мишкинском и Калтасинском районах марийцы составляют почти 2/3 населения, в Бирском и Краснокамском — 1/3, в Нуримановском, Благовещенском, Янаульском и Балтачевском районах на их долю приходится 10—14 %. В целом, по результатам переписей населения, наблюдается рост численности марийцев[2]. Однако по переписи 2002 г. численность марийцев Башкортостана практически не изменилась, составив 105 тыс. 829 чел., при этом башкортостанские марийцы — наиболее крупная часть народа, проживающего за пределами «своего» национально-территориального образования, составляющие 17,4 % от всех российских марийцев и более 1/3 от численности марийцев, проживающих в Марий Эл[3] Необходимо подчеркнуть, что в отличие от марийцев Марий Эл и большинства других российских регионов, марийцы Башкортостана в абсолютном большинстве избежали проводимую царизмом христианизацию и сохранили традиционные для них языческие верования. Это позволяет некоторым лидерам марийского национального движения Башкортостана декларировать себя «истинными», «настоящими» марийцами, в отличие от других — «ненастоящих».

Анализ расселенческих проблем развития марийцев Башкортостана показывает, что доля городского населения составляет 35 % населения. Из 35 тыс. городского марийского населения более 10 тыс. живет в Уфе, 10,5 тыс — Нефтекамске, около 3 тыс. — Бирске, от 1 до 1,5 тыс. в городах Агидель, Янаул, Октябрьский, Туймазы, Стерлитамак, Благо-

вещенск[4] Таким образом, городское население Башкортостана расселено достаточно дисперсно, не позволяя создавать более-менее самодостаточные анклавы для воспроизводства этнокультурной и этноязыковой среды.

Урбанизация марийцев Башкортостана существенно отставала от других этносов республики (башкир, русских и татар). Как показывают материалы этнодемографического анализа, основными причинами сохранения высокой доли сельского населения среди марийцев республики были, во-первых, один из самых высоких уровней рождаемости, сохранившийся в сельской местности. Во-вторых, значительно более слабая миграция марийцев из деревень. Это создавало возможности сохранения анклавов закрытого этноязыкового поведения и хорошие предпосылки развития национального образования и воспроизводства этнической культуры.

Однако, несмотря на то, что марийцы Башкортостана признают своим родным языком марийский по результатам переписи 1989 г., в 91,2 % случаев (в Республике Марий Эл только 80 % марийцев признают родным языком марийский), происходит постепенное снижение численности мари Башкортостана, владеющих родным языком: в 1959 г. — 97,7 %, 1970 г. — 96,4, 1979 г. — 94,0, в 1989 г. — 91,2 %[5]. В то же время в Башкортостане развита сеть марийского национального образования. По данным министерства образования РБ за 2003 г., из 19 тыс. 204 учеников марийской национальности родной язык изучали в 212 школах 11 тыс. 811 учащихся (61,4 %), на родном языке обучались в 119 школах 4 тыс. 598 учащихся, в 93 школах родной марийский язык изучают как предмет 7 тыс. 213 учащихся.

Таким образом, этнодемографические основы этнического самоопределения марийцев в Башкортостане хотя и более благоприятны, чем у других финно-угорских народов, все же обладают определенными снижающими свой потенциал элементами: высоким уровнем дисперсности, особенно среди городского населения, ассимиляционными процессами, нестабильными характеристиками демографической эволюции, при этом очень важную роль продолжает играть сохраняющаяся высокая доля сельского населения.

Такой этнодемографический и этнокультурный потенциал марийцев Башкортостана создал основы более выраженного этнообщественного самоопределения. Уфимский городской

клуб марийской культуры, созданный в конце 1988 г., выдвигал и решал не только задачи культурного возрождения марийского населения, но и вопросы общественно-политического характера. Так, летом 1989 г. в нескольких передачах Башкирского республиканского телевидения и на совещании марийской общественности, создавшем Марийское республиканское общество, обсуждались проблемы выпуска республиканской газеты на марийском языке, открытия в Уфе, Бирске, Нефтекамске и других городах и селениях компактного проживания мари национальных классов в школах, открытия в Бирском государственном педагогическом институте марийского отделения, увеличения количества передач на марийском языке по республиканскому радио и телевидению, создания музея и отделов восточных мари в научных учреждениях республики[6].

С июня 1991 г. марийское общественное движение Башкортостана существовало уже как Марийский общественный центр РБ, а с октября 1994 г. — как Марийское общественное объединение «Марий Ушем» Республики Башкортостан.

Одновременно внутри самого марийского этнообщественного движения в 90-е гг. XX в. возникали различные противоречия, основанные как на субэтнических различиях, так и личных амбициях некоторых лидеров марийского движения. Например, в середине 90-х гг. один из руководителей марийской общественной организации г. Бирска выдвинул и попытался реализовать идею создания Восточно-марийской автономной области или округа. Речь шла именно о территориальной, а не национально-культурной автономии. С ноября 1995 г. в Башкортостане постоянно проводились альтернативные конференции марийского общественного движения, каждая из них отменяла или ставила под сомнение организационные решения предыдущей[7]. Именно поэтому в 2003 г. в марийском общественном движении наметился раскол. Одна часть в рамках объединения «Марий Ушем» сохранила лояльность государственной власти Башкортостана, а другая (наиболее радикальных активистов марийского движения) создала свою организацию марийского народа, но с таким же названием и вошла в состав вновь образованной в 2004 г. так называемой «Объединенной оппозиции Республики Башкортостан»[8] К середине первого десятилетия XXI в. марийским национальным движением Башкортостана сформулированы основные

этнополитические требования применительно к организации государственной власти в республике: квотирование депутатского места для представителя марийской национальности в составе Государственного Собрания — Курултая РБ; обязательность назначения на должность глав администраций Мишкинского и Калтасинского районов РБ представителей марийского народа; закрепление за марийцами отдельных должностей в Администрации Президента РБ и Кабинете Министров РБ; выделение бюджетного финансирования на исследование истории и культуры народа мари РБ в системе Академии наук РБ и Уфимского научного центра РАН; выделение бюджетных средств на создание и функционирование национальных марийских городских клубов, в том числе в г. Уфа[9].

Таким образом, марийцы Башкортостана по сравнению с другими финно-угорскими народами республики обладают наибольшим потенциалом этнонационального самоопределения. Это позволяет марийскому национальному движению РБ более четко выдвигать политические требования и иметь проправительственные и оппозиционные объединения, дискутирующие друг с другом по важнейшим проблемам.

Вторым по численности населения финно-угорской этнической группой в Башкортостане является мордва, насчитывающая по данным переписи 2002 г. 26 тыс. 20 чел.[10] Как показывает анализ материалов переписей, мордовское население республики подвержено процессу интенсивной ассимиляции в составе русского народа. Например, по переписи 1939 г. в республике их численность составляла 57,8 тыс. чел., а в 1989 г. — только 31,9 тыс. чел., т. е. за 50 лет численность сократилась почти в 2 раза. За следующие 14 лет (1989—2002 гг.) численность мордвы в РБ сократилась еще на 25 %. Компактные группы мордвы населяют Ермекеевский, Давлекановский, Белебеевский, Федоровский, Чишминский, Кармаскалинский районы республики. В субэтническом смысле в Башкортостане преобладает мордва-эрзя, при наличии небольшой группы мордвы-мокши, преимущественно в Федоровском районе.

По уровню урбанизации мордовское население Башкортостана демонстрирует наиболее высокие показатели среди финно-угорских народов. Так, если в 1970 г. в городе проживало 43 % мордвы Башкортостана, то в 2002 г. уже 62 %.

При этом, по результатам исследований этнологов Башкортостана, этническое самосознание у мордвы в значительной степени сохраняется только в сельской местности. Однако, как показывает анализ данных переписей, мордовское население Башкортостана демонстрирует наиболее высокие показатели образовательного уровня по сравнению с другими финно-угорскими этническими группами. Иными словами, несмотря на высокий уровень русскоязычной ассимиляции и самое высокое среди финно-угорского населения Башкортостана дисперсное расселение, мордва «компенсирует» низкий социально-демографический потенциал этнического самоопределения высоким уровнем образования. Как отмечает один из исследователей башкортостанской мордвы А. С. Щербаков, эта финно-угорская этническая группа выделяется высоким уровнем занятости в различных отраслях промышленности, наибольшей урбанизированностью и относительно высокой представленностью в административно-государственных структурах, правоохранительных органах и общественных организациях[11]

Существенное влияние на русскоязычную ассимиляцию мордвы Башкортостана оказывает отсутствие образования на мордовском языке. Таким образом, из трех финно-угорских народов Башкортостана мордва обладает наименьшим этнокультурным потенциалом для самоопределения и этнической консолидации. Это обусловлено регрессирующими этнодемографическими показателями, отсутствием возможностей создания этноязыковой среды, фактическим отсутствием мордваязычных СМИ. Воздействие этих факторов приводит к слабой этнообщественной активности мордовского населения. Несмотря на это, уже в 1997 г. по инициативе и под руководством республиканских властей в Башкортостане создан Республиканский мордовский (эрзяно-мокшанский) национально-культурный центр, который при поддержке руководства Мордовии и на основании постановления Кабинета Министров РБ организовал проведение в 2004 г. юбилейных торжеств, посвященных 150-летию со дня рождения мордовского поэта и просветителя А. Ф. Юртова и ставших за всю постсоветскую историю наиболее крупным и ярким мероприятием мордвы Башкортостана.

Достаточно высокие показатели этнообщественной активности демонстрируют в Башкортостане удмурты. Несмотря

на то, что их проживает в Башкортостане гораздо меньше других финно-угорских народов (23,7 тыс. чел.), они расселены компактно в северо-западной части Башкортостана: в Татышлинском (22,3 %), Янаульском (13,9), Калтасинском (10,1), Бураевском (5,8) и Балтачевском (2,6) районах. Большинство удмуртов живут в сельской местности (73,8 % от общей численности удмуртов РБ), лишь чуть более четверти (6,2 тыс. чел.) удмуртов — городские жители. Удмурты Башкортостана являются наименее урбанизированной этнической группой не только среди финно-угров, но и среди остальных[12] Так, если в 1970 г. 9 из 10 удмуртов РБ проживало в сельской местности, то даже через более чем 30 лет, когда среднереспубликанский уровень урбанизированности в Башкортостане достиг 63,5 %, в 2002 г. только 28,0 удмуртов были городскими жителями, а 72 % проживало в деревне.

Сельский характер расселения, его компактность, наличие относительно моноязычной языковой среды позволили сохранить удмуртам высокий этнодемографический и этноязыковой потенциал самоопределения. Тем более, что в республике имеется развитая национальная школа.

Значительно более оживлена, чем у мордвы, и этнокультурная жизнь удмуртов Башкортостана. Так же как и у марийцев Башкортостана, у них наблюдается сильное влияние конфессионального фактора на формирование их этнополитической идентичности. Удмурты Башкортостана в абсолютном большинстве сохраняют традиционные языческие верования, хотя в самой Удмуртии представители «титульного» этноса уже давно приверженцы православной религии. Но при этом этнодемографический и этнокультурный потенциал удмуртского национального движения не позволяют создать более-менее самодеятельные общественные организации, осуществляющие интенсивную работу по этническому самоопределению. Это подтверждается тем, что вплоть до середины 90-х гг. XX в. в Башкортостане не было этнокультурных объединений удмуртов, только в 1996 г. по инициативе руководства Башкортостана создан Республиканский национально-культурный центр удмуртов РБ[13] Именно поэтому особенностью этнообщественного движения удмуртов в РБ являются, на наш взгляд, его тесные контакты с общественными движениями удмуртов

в «титульной» республике, идеологически подпитывающие республиканское удмуртское этнообщественное движение. При этом Башкортостан довольно часто посещают не только официальные руководители Удмуртии, но и активисты различных этнообщественных движений.

Таким образом, по уровню этнодемографического развития, этноязыковому и этнокультурному самоопределению удмурты Башкортостана занимают «промежуточное» положение между марийцами, с одной стороны, и мордвой — с другой. Высокий уровень компактно расселенного сельского населения, следовательно — сохраняющаяся этноязыковая среда и тесные контакты с одним из наиболее развитых российских национальных движений в самой Удмуртии, позволяют сохранять существенный потенциал удмуртского этнообщественного движения в Башкортостане. Однако, удмурты Башкортостана значительно менее активны по сравнению с марийцами, выступающими инициаторами обсуждения всех новейших этнополитических коллизий, касающихся финно-угорских народов России.

В целом анализ самоопределения финно-угорских народов РФ показывает, что за пределами «своих» республик национальные движения этих народов были ослаблены, во-первых, дисперсным характером расселения и небольшими показателями этнодемографии; во-вторых, тем, что лидирующую роль на этих территориях играли «титульные» и другие наиболее крупные народы (в Татарстане — татары и русские, в Башкортостане — башкиры, русские и татары); в-третьих, тем, что диаспоры ограничивались в основном постановкой этнокультурных проблем. Вместе с тем, определенная политизация национальных движений финно-угорских народов за пределами «своих» республик происходила прежде всего под влиянием создания в республиках политизированных этнонациональных объединений: «Марий Ушем», «Масторава», «Удмурт кенеш»[14]. Своеобразным выражением политизации финно-угров России стало создание объединенного движения всех финно-угорских народов мира и вступление в него представителей организаций Урало-Поволжского региона — Международной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН) со штаб-квартирой в г. Хельсинки (Финляндия). Апогеем политизации этнообщественных движений финно-угорских народов

стала интернационализация финно-угорской проблематики через обращение к мировой общественности и специальное решение Совета Европы и некоторых правозащитных организаций о так называемом «ущемлении» этнокультурных интересов финно-угорского населения России, поддержанное рядом финно-угорских организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ибулаев Г. И.* Современное состояние этничности марийского населения Башкортостана // Ресурсы мобилизованной этничности. М.—Уфа, 1997. С. 272.

[2] См.: Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 382.

[3] Рассчитано нами по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г.

[4] См.: Государственная программа «Народы Башкортостана». Уфа, 2002.

[5] *Ибулаев И. Г.* Марийцы Башкортостана: прошлое и перспективы развития // Сотрудничество и дружба народов Башкортостана: история, современное состояние и перспективы. Уфа, 2004. С. 30.

[6] См.: Программа Марийского общественного движения «Марий Ушем» РБ // Патернализм и этническая мобилизация народов России (Модель Республики Башкортостан). М., 1998.

[7] См.: *Ибулаев Г. И.* Современное состояние этничности марийского населения Башкортостана... С. 275—276.

[8] Башкирские оппозиционеры проявили инициативу президента — на местном уровне // Коммерсант. 2004. 20 сентября.

[9] *Ибулаев И. Г.* Марийцы Башкортостана: прошлое и перспективы развития... С. 31—32.

[10] Материалы текущего архива Госкомитета РБ.

[11] *Щербаков А. С.* Мордовское население Башкортостана: очерк современных этнических процессов. Уфа, 2005. С. 17—22.

[12] Рассчитано нами по материалам Всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. и Всероссийской переписи населения 2002 г.

[13] См.: Государственная программа «Народы Башкортостана». Уфа, 2002.

[14] См.: *Бехтерев В., Воронцов А., Крылова А.* Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000; *Козин В., Шилов Н.* Республика Мордовия. Модель этнологического мониторинга. М., 2002.

Поступила 20.02.07.

А. Ю. ИВЛЕВА

СИМВОЛ ГОРОДА В ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ

Урбанизацию населения центральной части России можно считать одной из основных тенденций нашего времени. Жители Мордовии, некогда предпочитавшие сень лесов и безбрежье полей, теперь в большинстве своем тяготеют к городской жизни. Очевидно, социологам, этнографам и психологам еще предстоит исследование влияния процесса урбанизации на сознание и культуру этносов, с точки же зрения культурологии можно рассмотреть часть этой проблемы, связанную с символом города в этнической картине мира, составляющей такой универсальной категории как картина мира.

Картина мира и ее составляющие активно исследуются гуманитарными науками. Нельзя не согласиться с Т. Ф. Кузнецовой в том, что «само понятие картины мира возникает там и тогда, где теоретические конструкты не могут быть прямо спроецированы на объективную реальность и отождествлены с ней»[1] Картина мира — это сетка координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий вне их сознания[2].

Нет сомнения в том, что возникающий в сознании людей, принадлежащих к разным этносам, образ мира имеет этническое своеобразие, распространяющееся даже на такие компоненты окружающего мира, которые являются универсальными. В их числе можно назвать «город».

Символ, глобальная категория современного научного знания, воплощающий в себе чуть ли не все бытие и несущий некий код, расшифровать который стремится не одно поколение философов, буквально означает (в переводе с греческого) — знак, опознавательная примета. Греческий же глагол, имеющий тот же корень *symballo* и буквально перево-

---

ИВЛЕВА Алина Юрьевна, доцент кафедры лингвистики и международных коммуникаций Историко-социологического института Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

дится как «соединяю, сталкиваю, сравниваю». Таким образом, уже само слово таит в себе полифонию смыслов, которые в чем-то противоречат себе, а в чем-то сплетаются воедино. Полисемантичность слова «символ» открывает перед исследователем множество путей истолкования и интерпретации этого понятия. Расшифровывая символы этнической картины мира, необходимо обращать внимание на многочисленные истории, предания, образы, таящиеся в сознании народа.

Этнические символы можно рассматривать в синхронии и диахронии. В этом смысле лингвистический подход к трактовке символов-образов может быть весьма продуктивным, поскольку позволяет обращаться к строгим дефинициям слов, составивших семантическую сердцевину символа. Однако одной семантики недостаточно, вот почему в последние десятилетия так активно разрабатывается теория концептов, позволяющая наряду с лексическим значением слова учитывать его культурный, исторический ореол.

Слово-концепт «город» принадлежит одновременно к общенациональным и этнически маркированным концептам. В словаре В. И. Даля город определяется как «городьба, ограда около жилья, населения» и как «крепость»[3]. Заметим, что в русском языке существует одна лексема «город», служащая для обозначения и больших и малых городов. Несколько иначе обстоит дело в английском языке, где наряду со словом *town — enclosure, yard, village*[4], воспринимаемым носителем русского языка как «небольшой город», существует лексема city, ведущая свое происхождение от французского cite, что буквально означало «город, являющийся важным центром, в котором, как правило, расположена резиденция епископа». Интересно также отметить, что в современном английском языке, и особенно его американском варианте, лексема downtown (буквально — город внизу) означает деловую часть города, его центр. Это небольшое погружение в английский язык возвращает нас в наш этнический круг, в г. Саранск, где жители нижней части города, пока еще узнаваемой (несмотря на появляющиеся нетипичные для этих мест особняки) его старожилами, до сих пор говорят «пойду в город», имея в виду ту часть Саранска, которая расположена на теперешней Советской улице.

Городу исполнилось 366 лет, а его часто упрекают в «неисторичности». «В настоящее время практически не осталось памятников архитектуры, большинство из них

разрушены или перестроены» — с сожалением говорят студенты-архитекторы строительного факультета Мордовского государственного университета[5]. Действительно, дыхание истории в Саранске растворилось в веках. Если посмотреть на старинные панорамные снимки города в книге С. Б. Бахмустова и В. И. Лаптуна «Разорванное ожерелье»[6], то можно только удивляться количеству архитектурных доминант в городской застройке: храм Иоанна Богослова, Рождественская, Троицкая церкви, Богородицкий Казанский мужской монастырь, Пречистенский (Казанский) женский монастырь и т. д. Воистину правы студенты-архитекторы, горестно восклицающие: «Ломать — не строить!». Впрочем, в последние годы строительство в центре Саранска идет полным ходом: виден со всех точек города купол храма Ф. Ушакова, все чаще появляются замысловатые башенки на фасадах новых высотных домов. Но, как отмечает Н. И. Воронина, уходит очарование старины, того провинциального спокойствия и достоинства, которым дышит Саранск[7].

Конечно, город — это живой организм, он живет и развивается, пока живут и совершенствуются люди, утверждающие его в своих делах и воссоздающие в произведениях искусства. Город звучит в музыке, оживает на живописных полотнах, но все-таки наиболее многомерно его визуализирует Слово, литература.

Город является не только неотъемлемой частью практически любого литературного произведения, он часто становится его действующим лицом. Достаточно вспомнить Петербург Ф. М. Достоевского, Лондон А. Конан Дойля, Дублин Дж. Джойса.

Разумеется, было бы некорректно делать выводы об этническом наполнении символа города, опираясь только на художественную картину мира писателя, а не на исследования этнографов или этнопсихологов, но вряд ли стоит оспаривать тот факт, что художественный текст являет собой хранилище истории и культуры народа, а если этот текст принадлежит перу талантливого писателя, то допустимо признать, что в западноевропейском сознании Город стал символом одиночества, затерянности и ненужности человека, бесконечных странствий по лабиринтам безразличного к тебе мира.

Этими жестокими чертами хотя бы отчасти может быть наделен каждый большой современный город. И только провинциальные российские города, в отличие от мировых

мегаполисов, на наш взгляд, могут сохранить в себе тепло и уют места, защищающего человека от врагов и невзгод.

При сравнении неродственных этнических картин мира и абсолютно далеких во всех смыслах друг от друга городов в эпоху глобализации и развития межкультурной коммуникации полезно не только взглянуть на собственную культуру через призму чужой. Более продуктивным представляется подход, при котором следует попытаться проникнуть в тайну символа, его многослойность и многомерность.

Символ — это нечто большее, нежели простое указание на что-либо; именно этот аспект универсальности и глобальности символа заставляет ученых моделировать возможные структуры символа для проведения адекватного научного анализа. Подобное структурирование неизбежно приводит исследователя к утрате многих граней символа, высвечивая какую-либо одну. Концепции символа А. Белого, А. Лосева, Ю. Лотмана приводят к мысли о том, что культура сама выступает в качестве некоего феномена, предопределенного символом. Если предположить, что структурирование символа не всегда приводит к ожидаемым результатам, в связи с условностью всяких попыток «расчленить» символ, то, возможно, анализ картины мира, как репрезентанта символа, окажется более успешным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кузнецова Т. Ф., Межуев В. М., Шайганов И. О. и др.* Картина мира и образы культуры // Культура: теории и проблемы: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М., 1995. С. 123.

[2] См.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

[3] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 380.

[4] New Webster's Dictionary of the English Language. Surjeet Publications, 1998. P. 1629.

[5] См.: Говорят студенты-архитекторы 1 курса строительного факультета // Феникс — 2005: Ежегодник кафедры культурологии. Саранск, 2005. С. 123.

[6] *Бахмустов С. Б., Лаптун В.И.* Разорванное ожерелье. Саранск, 1991.

[7] См.: *Воронина Н. И.* Лики провинциальной культуры. Саранск, 2005.

Поступила 22.12.06.

Заказ № 5077

Р. Ф. АЗМЕТОВА

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

Социально-экономическая и общественно-политическая трансформация России актуализировала проблему этнической идентичности народов страны. В целом прогрессивное по своему характеру возрождение этнического самосознания российских народов приводит, в отдельных случаях, к различным межэтническим коллизиям, сопровождающимся кровопролитными межнациональными конфликтами. Именно поэтому исследование основных направлений и особенностей эволюции этнической идентичности в российском обществе представляют собой не только важнейшую научную, но и практическую задачу.

Наибольшую актуальность приобретает необходимость изучения факторов и тенденций этнической идентичности в многонациональных регионах. Понятие «коренной народ» в данном случае имеет условное значение в силу того, что многонациональный состав населения этих регионов формируется столетиями в результате сложных и многоуровневых межэтнических контактов, а границы этнических территориальных образований в значительной степени не отражают объективных показателей этнодисперсного расселения.

Республика Башкортостан — один из наиболее полиэтничных регионов России. Этническую основу населения республики составляют три наиболее крупные этнические группы, в совокупности составляющие около 90 % населения (русские, башкиры, татары) и множество других славянских (белорусы, украинцы), финно-угорских (удмурты, марийцы, мордва), тюркских (чуваши, казахи) и других этнических групп.

АЗМЕТОВА Резеда Фаизовна, старший преподаватель кафедры философии и социологии Башкирского государственного аграрного университета.

В постсоветский период в Башкортостане проводились различные социологические исследования этнической идентичности. Большинство из них имели высокую степень репрезентативности. Особенно выделяются в этом смысле опросы под руководством Л. М. Дробижевой, М. Н. Губогло, В. В. Пименова и др.[1] Исследуя новейшие тенденции развития этнической идентичности основных этносов республики (башкир, татар и русских), опираясь на результаты предыдущих опросов и проведенного в течение весны-лета 2006 г. экспертного опроса, мы пришли к выводу, что основные парадигмы этнической идентичности формируются в среде политической и творческой элиты общества. В экспертном опросе приняли участие политические деятели и государственные служащие (депутаты местного парламента, чиновники среднего уровня законодательной и исполнительной ветвей власти), ученые, представители творческой интеллигенции (художники, композиторы, певцы, журналисты и др.). Некоторые тенденции эволюции этнической идентичности рассматриваемых элитных групп народов Башкортостана не «захватывают» основных параметров массового этнического самосознания, но тем не менее они довольно показательны.

Для выяснения выраженности различных аспектов этнической и гражданской идентификации личности экспертов был предложен вопрос о том, кем они себя ощущают.

Башкиры ориентированы в основном на «башкирское» самосознание, тогда как татары и особенно русские в значительно большей степени считают себя россиянами. На вопрос о том, что они считают своей родиной, 47,2 % назвали Башкортостан, Россию — 20,8, татары на первое место поставили Россию (52,8) и 24,5 Башкортостан, где они проживают несколько столетий; 45,3 русских выбрали в качестве своей родины Россию, затем Башкортостан — 18,9, город — 15,1 %.

На наш взгляд, одной из основных причин, по которой люди идентифицируют себя россиянами и считают своей родиной Россию, является то, что «...Российская Федерация — одно из немногих крупных государств, где практически все население способно говорить на одном языке и отсутствуют жесткие расовые различия»[2]. «Башкортостанская» идентичность уступает российской почти в 2 раза у русских

и татар. Русскоязычное население отрицательно относится к республиканскому суверенитету, опасаясь, что «государство башкир» будет занимать «патриотическую» позицию по отношению к представителям «титульного» населения. Татары не считают РБ основной территорией «своей» государственности, что определяет их отношение к национально-государственной идентичности в республике. Хотя четверть опрошенных башкир осознает себя представителями своей этничности и россиянами, большинство «титульного» населения идентифицирует себя «башкортостанцами». Следует отметить, что 20 % опрошенных идентифицируют себя гражданами СССР. Эта тенденция, несомненно, отражает фрустрированность той части общества, которая потеряла свою идентичность и не приобрела новой. Можно сказать, что россияне, проживающие в Башкортостане, испытывают период спутанной идентичности[3]. Такое же число опрошенных относит себя к гражданам мира, что свидетельствует об адаптации сознания к современным глобальным реалиям.

Результаты анализа динамики этнической идентичности населения Республики Башкортостан позволяют сделать вывод о том, что в среде «нетитульного» населения республики наблюдается настороженное и негативное отношение к активизации региональной национальной идентичности. Для них «россиянин» представляется как наиболее приемлемая и комфортная форма идентичности. «Педалирование именно «государствообразующего» характера этничности титульных народов в российских республиках является главной опасностью для создания уравновешенной и стабильно развивающейся гражданской (российской) идентичности», — отмечает Р. Р Галлямов[4]

Большинство опрошенных экспертов отметили идентичность, представляющую соотношение позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам[5]. Они испытывают уважение к своему народу, проявляют чувство собственного достоинства, патриотизма и гордости за достижения народа: 17,0 % башкир, 22,6 татар, и 17,0 % русских чувствуют уверенность по отношению к своему народу.

Каждый седьмой опрошенный предпочитает жить и общаться в многонациональном коллективе, среди представителей различных национальностей, так как испокон веков на

территории РБ в мире и согласии проживали люди разных национально-стей и вероисповедания.

Существенное увеличение этнической составляющей в структуре идентичности, ориентированность на нее личности могут привести к гиперболизации этничности. Этноизоляционистские тенденции выявлены среди всех изучаемых этнических групп. Эти установки проявляются в предпочтении мононациональных браков и нежелании общаться и жить в многонациональном коллективе. Более 50 % опрошенных выразили желание жить и общаться в мононациональном коллективе. Видимо, возрастает оценка значимости этнопсихологических различий, своего этнического своеобразия, близости своей культуры.

Предпочтение представителям своей этничности в вопросе о браке отдал каждый второй из 5 башкир и татар и каждый пятый русский. Однако среди опрошенных русских наблюдается значительный отрыв от представителей других этнических групп во мнении о предпочтении мононациональных браков (18,9 % против 39,6 и 34,0 %). Если башкиры и татары стремятся сохранить чистоту своего этноса, боясь ассимиляции в русской среде, то среди русских наблюдается готовность интегрироваться в иноэтничное окружение. В сочетании с этноизоляционизмом, стремление к интеграции свидетельствует о готовности идти на любые действия во имя интересов своего народа. Это мнение выражают 5,7 % башкир и русских. Однако трансформация этнической идентичности может привести к ее «размыванию», индифферентности. Незначительная часть опрошенных башкир (9,4 %), татар (15,1) и русских (9,4%) безразличны к этническим проблемам. Этноиндифферентность обусловливает тенденцию нахождения индивида вне процессов этнокультурной и этнополитической мобилизации. Этнонигилистические тенденции, ощущение национальной неполноценности, ущемленности, стыда проявили 3,8 % башкир, 1,9 татар и 9,4 % русских.

Таким образом, анализ результатов экспертного опроса по проблемам формирования этнической идентичности выявил ряд особенностей эволюции этнического самосознания региона. Во-первых, этническая идентичность трех наиболее крупных народов республики имеет разнонаправленный характер с точки зрения векторов идентификации. Башкиры, как «титульный» этнос, ориентированы на «башкортостан-

ское» самосознание, а татары и особенно русские — на российское. Во-вторых, несмотря на то, что у большинства опрошенных отмечается позитивная этническая идентичность, среди них заметна тенденция к гиперболизации этничности и этноизоляционистским настроениям. Особенно это проявляется у башкир. В-третьих, этнонигилистические настроения в структуре этнической идентичности отмечаются у русского населения. В этом смысле результаты исследования согласуются с отмечаемыми многими специалистами более низкими показателями этноцентричности русских в национальных российских регионах[6].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003; *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003; *Иванов В. Н.* Россия: социально-политическая ситуация. Национальный и региональный аспекты. М., 2000; *Сафин Ф. Г.* Национальные отношения в Башкортостане в 1990 годы (по данным этносоциологических исследований). М., 2000.

[2] *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1998. С. 128.

[3] См.: *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 91.

[4] *Галлямов Р. Р.* Политическая элита. Этничность. Гражданственность. Уфа. 2004. С. 107.

[5] См.: *Солдатова Г. У.* Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1998. С. 296.

[6] См.: *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 379; *Голубев С. А.* «Русский вопрос» в контексте региональных интересов и федеральной политики в России // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры России. М., 1999. С. 175.

Поступила 12.02.07.

А. И. БОРОДИН

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНА

Оптимизации использования природно-ресурсного потенциала региона способствует разделение его территории на функциональные зоны, ориентированные на развитие приоритетных отраслей. Одним из необходимых условий деятельности в этих зонах является соответствие качества окружающей среды экологическим нормам. Эффективным способом, обеспечивающим ограничение нагрузки на природный потенциал заранее установленному уровню, стала продажа хозяйствующим субъектам разрешений на выбросы загрязняющих веществ, что дополняется использованием штрафных санкций для предприятий, осуществляющих сверхлимитные выбросы[1].

Чтобы действия всех уровней управления природопользования были согласованы и приводили к предсказуемому результату, должна быть создана информационная система, способная накапливать и хранить данные о состоянии внешней среды, их обрабатывать и выдавать рассчитанные показатели по запросам пользователей.

В процессе принятия решений управляющие структуры разных уровней могут с высокой точностью прогнозировать последствия выбора той или иной стратегии дальнейшего развития. Для этого им нужна своевременная и достоверная информация. Регулирование природоохранной деятельностью основано на значительном массиве данных о количестве и качестве имеющихся ресурсов, существующих производственных технологиях и возможностях их применения. Помимо обеспечения пользователей достоверными данными о состоянии окружающей среды ее следует дополнить функциями анализа, разработки и поддержки принятия управленческих решений.

БОРОДИН Александр Иванович, доцент кафедры экономики и финансов Высшей школы экономики, кандидат экономических наук (г. Москва).

Для облегчения создания и наладки информационной системы, а также упрощения ее использования и обеспечения гибкого управления доступом к имеющимся данным различных экономических субъектов, целесообразно разделить ее на взаимосвязанные модули, оперирующие с общим массивом информации, но выполняющие разные задачи. При этом следует избегать дублирования и предоставления избыточной информации внутри каждого блока, что снижает быстродействие системы и усложняет работу пользователей.

Для обеспечения необходимыми при принятии решений данными всех участников и организаторов процесса торговли эмиссионными квотами, информационная система должна включать следующие модули: нормативно-правовой, кадастр эмиссионных квот, ресурсный, мониторинга.

Нормативно-правовой блок необходим для согласованности действий всех иерархических уровней управления природопользованием в рамках действующего законодательства и использования всех допустимых возможностей повышения эффективности использования ресурсов. В него должны входить информация о действующих законах и подзаконных актах, разъяснения к ним; предельно допустимые концентрации и сложившиеся под действием рыночного механизма цены на эмиссионные квоты для загрязняющих веществ; данные о границах функциональных зон и размере повышающих коэффициентов к экологическим платежам в них.

При проектировании информационной системы важно предусмотреть возможность обратной связи. Центральные и региональные органы государственного регулирования природопользования не только получают сведения о действующих законодательных актах, но и обладают широкими полномочиями по их корректировке и усовершенствованию, а хозяйствующие субъекты разных отраслей экономики, общественные организации и заинтересованные частные лица в соответствии с Орхусской конвенцией могут участвовать в обсуждении законопроектов и давать рекомендации по повышению их эффективности. Особенно важно наличие обратной связи при апробации нормативных актов, касающихся недостаточно разработанных направлений государственного регулирования экономики, в том числе торговли разрешениями на выбросы.

Для доступа хозяйствующих субъектов к оперативной информации о стоимости разрешений на выбросы по каждому из загрязняющих веществ, один из основных модулей предлагаемой информационной системы должен содержать сведения об эмиссионных квотах региона и сделках с ними. Во избежание дублирования данных и уменьшения времени выполнения запросов, целесообразно хранить их в реляционных базах данных. При этом следует учитывать тот факт, что каждая квота может менять владельцев много раз, при этом должен документально фиксироваться остаток допустимого объема выбросов.

Анализируя цены на эмиссионные сертификаты, сложившиеся под действием рыночного механизма, руководители предприятий имеют возможность планировать хозяйственную деятельность в долгосрочной перспективе, принимая решение о покупке либо продаже имеющихся квот, осуществлении инвестиций в природоохранное и ресурсосберегающее оборудование. При этом снижение объема выбросов происходит на тех производствах функциональной зоны, где предельные затраты на сокращение эмиссий минимальны[2].

Информация о стоимости разрешений на выбросы загрязняющих веществ позволяет предприятиям, производящим природоохранное оборудование, оценивать эффективность существующих ресурсосберегающих технологий и принимать маркетинговые решения, связанные с выпуском своей продукции.

Для органов государственного управления, ответственных за проведение налоговой политики в сфере природопользования, использование этого модуля информационной системы позволит определить оптимальную величину экологических налогов. Для этого ставки для функциональных зон, в которых торговля эмиссионными квотами не производится, следует рассчитывать с помощью введения системы повышающих коэффициентов к платежам за загрязнение окружающей среды так, чтобы не происходила недооценка природных ресурсов. Предприятием становится выгоднее осуществлять природоохранные мероприятия, а не платить ресурсные платежи. Правильно определенные повышающие коэффициенты вынудят хозяйствующие субъекты переместить производство или модернизировать его так, чтобы оно соответствовало функциональной зоне, в которой расположено.

Централизованное хранение данных, доступность и открытость информации для всех заинтересованных лиц позволят обеспечить однократное использование каждого конкретного сертификата, даст возможность систематизировать информацию о предприятиях, загрязняющих окружающую среду, поможет выработать эффективную политику, направленную на общее снижение количества выбросов в атмосферу.

Для предотвращения не подтвержденных сертификатами выбросов следует установить суммы штрафов за несанкционированную эмиссию загрязняющих веществ на достаточно высоком уровне.

Следует отметить, что система торговли квотами не будет работать неэффективно без создания модуля мониторинга, при помощи которого контролируется качество атмосферного воздуха и проверяется соответствие заявленных данных о выбросах фактическим эмиссиям.

Для определения степени загрязнения окружающей среды необходим постоянный контроль за ее состоянием. Обеспечение достоверной информацией органов, осуществляющих проведение экологической политики, требует создания единой системы наблюдений. При этом следует максимально использовать существующую сеть мониторинга, постепенно усовершенствуя ее методическое и техническое обеспечение для удовлетворения информационных потребностей общества[3].

Систематическое сопоставление в динамике качества окружающей среды и количества произведенных эмиссий даст возможность установить объем квот по каждому веществу соответственно ассимилирующим свойствам определенной функциональной зоны и в дальнейшем на основании эмпирических данных прогнозировать экологические последствия изменения вида хозяйственной деятельности на конкретной территории. Следует учесть, что равные объемы выбросов на разных участках могут привести к разным значениям концентраций вследствие природно-климатических особенностей. В настоящее время все еще наблюдается недостаток теоретических познаний о пространственно-временных закономерностях трансформации экологических систем в условиях антропогенного воздействия. Поэтому разработка аналитической модели, позволяющей учесть все факторы, влияющие на характер связей между объемом выбросов и состоянием окружающей среды на отдельных территориях,

и получить их возможной прогноз, связана с определенными трудностями.

Система экологического мониторинга должна базироваться на применении унифицированных методик измерения показателей и обеспечивать возможность автоматического сбора, обработки, анализа и сохранения данных, что уменьшит влияние человеческого фактора, повысит достоверность и объективность информации. Следует использовать устройства, позволяющие непосредственно записывать полученные результаты на компьютерные носители. При этом появляется возможность централизованно проводить оперативный анализ, сопоставлять и интерпретировать значения показателей. Перспективным представляется оснащение стационарных постов наблюдения за качеством атмосферного воздуха устройствами, автоматически передающими данные в единый информационно-аналитический центр.

Для повышения объективности измерений помимо постоянно действующих станций в каждой функциональной зоне должна работать современная передвижная лаборатория, оснащенная оборудованием для оперативного анализа качества атмосферного воздуха и автоматизированного обмена информацией с экологическим банком данных. Организованная таким образом система мониторинга основных источников промышленных выбросов и состояния окружающей среды независима от природопользователей и позволяет своевременно получать достоверную информацию о количественных и качественных параметрах эмиссий загрязняющих веществ предприятиями.

Качество атмосферного воздуха в следующем модуле предлагаемой информационной системы (ресурсном) рассматривается как фактор, оказывающий влияние на эффективность функционирования хозяйствующих субъектов. Предприятия ряда отраслей экономики требуют соответствия определенным стандартам окружающей среды. В первую очередь это касается рекреации, оздоровления, туризма, прибыль которых напрямую зависит от экологической ситуации региона. Высокотехнологичные производства, размещенные в местах с низким уровнем загрязнения атмосферного воздуха, могут снижать себестоимость выпуска продукции, затрачивая меньше средств на очистку воздуха внутри помещений до требуемого класса чистоты.

Кроме данных о состоянии окружающей среды, подсистема природных ресурсов должна включать блоки с данными, характерными для конкретного региона, например, информацию о полезных ископаемых, источниках воды, уникальных рекреационных свойствах.

Следующая подсистема ресурсного информационного модуля — транспортная — как и предыдущая связана одновременно с качеством окружающей среды и эффективностью функционирования хозяйствующих субъектов. При этом наблюдается противоречие между развитостью транспортной инфраструктуры и антропогенной нагрузкой на экологическую систему. Предприятия любых видов деятельности заинтересованы в высоком качестве атмосферного воздуха, однако обеспеченность транспортной инфраструктурой является необходимой предпосылкой стабильного развития экономики региона. В настоящее время в крупных городах России выбросы передвижных источников загрязнения вносят существенный вклад в общую эмиссию загрязняющих веществ[4], что негативно влияет на состояние эколого-экономических систем.

Наличие развитой информационной системы, включающей характеристики существующих автомобильных дорог, сведения о доступности альтернативных видов транспорта, стоимость оказания транспортных услуг различными перевозчиками способствуют рациональному использованию действующих путей сообщения. Предприятия, деятельность которых связана с осуществлением перевозок, могут планировать маршруты движения транспортных средств, оптимизируя их по заданным критериям.

Предлагаемая информационная система создает дополнительные мотивы к снижению хозяйствующими субъектами выбросов от передвижных источников загрязнения. Владея данными об общем уровне загрязнения, вкладе, который в него вносят транспортные средства, и стоимости эмиссионных сертификатов, предприятия, расположенные в промышленных зонах, будут стремиться не допустить дальнейшего увеличения нагрузки на окружающую среду, так как это может привести к сокращению выпуска эмиссионных сертификатов либо уменьшению их номинала, если суммарная нагрузка от передвижных и стационарных источников загрязнения превысит предельную.

Предприятия рекреационной отрасли также будут стремиться к использованию на территории своей функциональной зоны преимущественно экологически чистого транспорта. В условиях доступности информации о состоянии окружающей среды качество атмосферного воздуха оказывает существенное влияние на выбор потребителями конкретного региона получения таких услуг, как отдых, оздоровление, туристическое обслуживание.

Региональные органы управления, анализируя данные об имеющихся транспортных потоках, спрос на услуги перевозчиков, пожелания населения, получают возможность еще на стадии проектирования новых путей сообщения оценивать, какова будет их загруженность, как изменится состояние окружающей среды после начала их эксплуатации. Это позволит оптимизировать расходы местных бюджетов на развитие транспортной инфраструктуры региона.

Важнейшими ресурсами, оказывающими существенное влияние на эффективность природоохранной деятельности, являются наличие и доступность технологий, позволяющих уменьшить нагрузку на окружающую среду. Предприятиям, принимающим решение об осуществлении экологических инвестиций, должна быть доступна информация об имеющихся разработках и предприятиях-производителях природоохранного оборудования, его стоимости и возможностях по снижению уровня загрязнения. Внедрение новых технологий требует вложения значительных средств, для привлечения которых хозяйствующим субъектам часто приходится использовать внешние источники инвестирования. Данные об условиях предоставления кредитов, международных грантах и субсидиях в рамках региональных и национальных программ по повышению качества окружающей среды, представленные в финансовой информационной подсистеме, позволят оптимизировать расходы предприятий, помогут взять кредит на наиболее выгодных условиях.

Сформированный банк данных даст возможность предоставить экономическим субъектам информацию, необходимую для решения задач рационального использования природных ресурсов. Для удобства конечных потребителей должны быть обеспечены полнота и непротиворечивость данных; быстрый поиск в базе требуемого объекта по его характеристикам; наглядное предоставление сложных структур данных в тре-

буемом виде; возможность прослеживать изменение любого показателя в динамике в течение произвольного периода; расчет агрегированных данных по различным выборкам; наличие алгоритмов расчета эффективности осуществления природоохранных мероприятий; возможность формирования пользовательских запросов для выбора из базы данных в точном соответствии со сформулированными требованиями; целенаправленность предоставляемых данных, ориентированных на конкретные цели и задачи в сфере природопользования.

Для выполнения этих функций в предлагаемой информационной системе предусмотрена экспертная подсистема, с ее помощью пользователи получают доступ к данным перечисленных выше модулей. Ее использование позволяет перерабатывать большой объем данных, что значительно ускоряет расчет требуемых потребителю информации показателей, при этом ему предлагается несколько вариантов решения задачи и указываются их основные параметры. Окончательный выбор делает пользователь.

При проектировании информационной системы следует учитывать тот факт, что перечень лиц, заинтересованных в получении данных, характеризующих экологическую ситуацию и природоохранную деятельность в регионе, достаточно широк, также различаются их цели и требования к характеру информации. Каждому из них запрашиваемые данные должны предоставляться в требуемом разрезе, динамике, с возможностью их визуализации в виде графиков и диаграмм. Для упрощения и автоматизации работы пользователей и обеспечения разграничения прав доступа к информации целесообразно организовать схему работы по технологии «клиент-сервер». База данных предполагает централизованное управление данными, что обеспечивает ее совместное использование всеми пользователями. При этом клиентские версии программы, обмениваясь информацией с одним сервером, различаются в зависимости от того, какие задачи ставятся перед работающими с ними лицами. При помощи стандартных, либо самостоятельно созданных запросов, пользователи обращаются к общей базе взаимосвязанных и структурированных определенным образом данных. При этом одна и та же информация может быть доступна для просмотра различным категориям

экономических субъектов, при этом право ее пополнять и редактировать предоставляется только тем, у кого есть соответствующие полномочия.

Каждый из выделяемых блоков должен объединять группы данных, необходимых и при этом достаточных по объему и составу для решения основных задач управления природопользованием, возложенных на конкретный иерархический уровень.

Предложенная информационная система природопользования обеспечивает заинтересованных пользователей актуальными данными о состоянии окружающей среды, доступных ресурсах, стоимости эмиссионных квот в каждый момент времени. Достоверность данных основана на точном воспроизведении объективного состояния и развития эколого-экономических систем, учете большого количества факторов, оказывающих на них влияние, анализе полученных сведений на непротиворечивость. Наличие компонента экспертных систем позволяет сочетать информационно-справочные функции с методами обоснования управленческих решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кокорин А. О., Грицевич И. Г., Сафонов Г. В.* Изменение климата и Киотский протокол — реалии и практические возможности. М., 2004.

[2] См.: *Голуб А. А.* Рыночные методы управления окружающей средой. М., 2005.

[3] См.: *Бородин А. И.* Эколого-экономическое управление предприятием. М., 2006.

[4] **Там же.**

Поступила 07.02.07.

И. В. БЕРОВА

СЛАВЯНСКОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ВЯТСКОГО РЕГИОНА

В рамках домосковского этапа Вятской истории мы выделяем период ранней славянской колонизации, во многом определившей своеобразие формирующейся архитектурно-пространственной структуры края. Время начала освоения бассейна р. Вятки по всей совокупности археологического материала определяется концом XII — началом XIII в. Русские колонисты использовали уже сложившуюся систему расселения, прибавив типы поселений, пространственно организованные по схемам, известным в Киевский Руси, и адаптированными северо-западной, балтийской традицией (через Новгород). Удобную со своей точки зрения визуальную модель жизнеустройства переселенцы соотносили с особенностями местобытия, что порождало ряды новых типологических черт в формирующейся «картине» местной культуры.

Разбросанность пригодных для жилья участков, их географическая изолированность за счет пересечения местности лесами и болотами формировали дискретный характер расселения, а коренное финно-угорское население усиливало черты «гетерогенной онтологии»[1] локального хронотопа. Дискретность, придавая особую ценность месту, акцентирует горизонтальную ось русского культурного космоса, но при этом разорванность пространства дополнялась сложными процессами исторической непрерывности традиции. Уход с насиженных мест коренного населения разрывал историческую непрерывность традиции, но инверсионный переход, характерный для дискретного хронотопа, в горизонтальном пространстве не способствовал исчезновению уже сформировавшихся визуальных структур.

БЕРОВА Ирина Валентиновна, заведующая кафедрой культурологии и рекламы Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат искусствоведения, доцент.

Постепенное проникновение славян в бассейн р. Вятки сопровождалось «ославяниванием» небольших поселений. Неукрепленные сёлища, датируемые XII—XIV вв., выявлены в Никулицком, Котельническом и Пижемском районах Средней Вятки. Славянское переселение велось стихийно, вне зоны досягаемости княжеской власти, «задавалось» наличием громадных пустых пространств и миролюбивым характером местных финно-угорских племен. За Волго-Окским междуречьем начинался славянский «восток», колонизация которого нарастает к XIV в. «Дороги на Вятку были труднопроходимы, крайне опасны и малоизвестны... Вятка была некогда такою же сказочною страною, как после Сибирь, Самара, Таврия... О ней ходили разные слухи, подобные тем, какие и теперь у старообрядцев о «Белоокском царстве»... Тогда на Вятку шли смелые искатели приключений и богатства, которым снились во сне золотые горы. В виду дальности и опасности пути, шли, однако, немногие. Для «шестников» и «бродников», для новгородских «ушкуйников» здесь был богатый простор. Они свивали здесь прочные гнезда, основав независимую республику... Вятка — одна из всех русских земель управлялась без князей; она сохраняла чистое народоправство и не нуждалась в княжеской власти»[2]

Наиболее древний путь освоения местной территории — с северо-запада: с Новгорода, Двинской земли и Великого Устюга. Западный путь — со Средней Волги из Нижегородского края становится главной дорогой для русских поселенцев в область средней Вятки и ее притоков после татарского нашествия на Северо-Восточную Русь. Южный импульс в виде татарских набегов носил эпизодический, волнообразный характер, затронув незначительную территорию Вятского края, хотя влияние Волжской Булгарии на финно-угорское, а затем и славянское население накладывало свой отпечаток, определившись в виде отдельных «лакусов» на юго-западных границах вятского этнокультурного комплекса. Славяне прорывались в земли, населенные угорскими охотниками, сплоченными группами. Островной характер колонизации во многом определял замкнутость и разобщенность локальных миров. Роль общины в условиях подъема целины, защиты от «черемис» и татарских набегов была особенно значима. Особенности хронотопических ритмов в таких локальных мирах представляли «коллек-

тивность» измерения времени. Культивирование общинных ценностей и представлений порождало черты изоляции и навыки организации жизненного пространства, привнесенные новгородско-двинскими славянами, составившими наиболее древний поток колонизации края, надолго определившими развитие местной культуры.

Специфика организации «жилого» пространства, сформировавшаяся на заре славянского заселения края, стала основой «визуализации». Однако чаще селились на уже обжитых местах, которые оставляло местное население, отступая на восток. Это подтверждает Никулицкое городище, нижние слои которого относятся еще к Ананьинской культуре. Строительная деятельность славян, отражая и формируя элементы меняющегося образа жизни, фиксировала и надолго определила векторы хронотопа. Одинаковый ландшафт, древние формы ведения хозяйства, общинность в организации жизненного уклада, изолированность усиливали черты этноцентризма, замедляя поступательное движение времени. В XII—XIII вв. славянская колонизация для местного населения была тем внешним импульсом, который ускорил временной ритм и определил инновационные сдвиги в структурировании культурного пространства, наполняя его и визуально оформляя в новые образы посредством строительной деятельности.

Облик построек и сооружений эпохи обживания края славянами можно реконструировать на основе данных по раскопкам Подгорбуновского городища. В раннем культурном слое, относящемся к IV—IX вв., обнаружены следы 6 жилищ полуземляночного типа с валом и несколько хозяйственных ям. Небольшие русские поселения со слоями XII—XIII, XIV вв. располагались на берегу Вятки между Котельничем и Слободским: Котельническое, Ковровское, Истобенское, Подрельское, Орловское, Никулицкое, Хлыновское, Подчуршинское, а также в Пижемском районе Средней Вятки. Кроме Никулицкого и Хлыновского эти небольшие поселения в несколько жилищ окружались земляным валом с деревянной оградой.

Подгорбуновское городище обрамляет траншея с оплывшими краями при ширине 4 м и глубине 1 м. Вдоль края траншеи отмечено около 40 столбовых ямок, оставшихся от бревенчатого тына, ограждавшего площадку форпоста.

Средний слой, отразивший культурный уровень XII—XIV вв., позволил обнаружить следы 5 строений. В помещениях жилищ имелись очаги открытой конструкции. По сохранившимся остаткам установлено, что Подгорбуновские жилища представляли собой рубленную «в обло» клеть с печью-каменкой в углу. Планы этих домов были, вероятно, разделены продольными перегородками на жилые и хозяйственные помещения. Найденные тут же куски бересты (скалы) позволяют предположить, что они использовались при устройстве крыш в качестве гидроизолирующего материала. К позднему культурному слою мощностью 15—20 см относятся останки 4 сооружений, представленные канавками, оставшимися от венцов срубов. Срубы рубили «в обло», под углы и стены укладывались валуны и бревенчатые стулья. Постройки разделялись поперечной стенкой на 2 части, причем печи-каменки располагались в большем помещении, отсутствие среди находок стекла и слюды позволило сделать предположение о небольших размерах оконных проемов в толщину венца, которые могли заполняться бычьим пузырем или заволакиваться заслонками (волоковые окна). Срубы ставились в один ряд вплотную один к другому. Не исключено, что они были расположены по всему периметру площадки городища и выполняли одновременно функцию оборонительных и складских клетей.

Такие укрепленные городища первоначального периода русской колонизации окружались селищами, размещались как на высоких, так и невысоких выступах и останцах коренных террас. Расположение селищ поблизости от городищ объясняется наличием военной опасности. Пижемская группа поселений размещена на надпойменных террасах, удаленных порой на несколько километров от реки. Здесь отсутствуют укрепленные поселения, что можно объяснить их периферийным расположением. Пижемское городище в устье р. Пижмы контролировало близлежащую территорию, обеспечивая безопасное проживание русских поселенцев.

Размеры поселений не превосходят площади в 1 500 м^2. Жилые дома, формирующие пространства селищ, с тыльной стороны дополнялись хозяйственными постройками, представляли наземные срубные сооружения квадратного или прямоугольного плана при размерах 4x4 м и 3,5x4,5 м. Печи из камней с глиняной обмазкой размещались как в

углу жилищ (поселение Искра), так и в центре дома (Родионовское селище), где печь из белой глины опиралась на деревянный столб, вкопаный в дно подпольной ямы со стенками из дощатой облицовки. Пространство селища дополняли производственные и хозяйственные постройки срубной конструкции, хозяйственные ямы. Поселения огораживались изгородью (догородской Хлынов, Искра, Покст II). Раскопки А. Д. Макарова на поселении Покста II дали интересные результаты. В центре свободного от погребений пространства (7х4) выявлена прямоугольная западина. Исследователь предполагает, что здесь размещалась кладбищенская церквушка или часовня.

Первые славянские укрепленные поселения (по среднему течению р. Вятки обнаружено 16 городищ) обносились бревенчатым частоколом, оборудовались боевыми башнями, рвом и валом. За их стенами укрывались в случае опасности жители близлежащих селений. Место для закладки городищ, уже обжитое или заново осваиваемое, тщательно выбиралось. При этом обязательно учитывались ландшафтно-фортификационные особенности участка: наличие крутых холмов, мысов при слиянии рек, глубоких оврагов и др., а также природных факторов, которые могут служить естественной защитой при обороне укрепления.

Исследованные древнерусские укрепленные поселения практически все (15 из выявленных 16) относятся к мысовому типу. Естественная линия обороны с напольной стороны продолжается 1—2 валами, рвом и срубными клетями вдоль обрывов. Из них малые по размерам постройки существовали в более раннее время и использовались в дорусский период.[3] На наиболее удобных в стратегическом положении городищах с течением времени основаны города Вятка, Котельнич, Никулицын, Слободской, Шестаков.

К XV—XVII вв. посады, сформировавшиеся вокруг защитного ядра крупных поселений, получали дополнительную линию более усовершенствованной системы укреплений прямоугольной или многоугольной конфигурации. Овальную форму имеет усложненно-мысовая форма Подчуршинского городища, размещенного на высоком холме[4]. Здесь останки древо-земляных укреплений можно реконструировать как вплотную поставленные друг к другу срубы, подобные описанным в «Повести о стране Вятской»[5]. Срубные жилища,

встроенные в земляные валы, предназначались только для жилья гарнизона. Функционально оправданная для местных природных условий, подобная планировочная композиция характерна для славянских укрепленных поселений лесной зоны в XII—XIII вв., в зодчестве домонгольской Руси южного ареала, получив в XIII—XIV вв. широкое распространение на славянском Севере[6]

Миграционные потоки русских поселенцев, привнося строительные традиции деревянного зодчества русского севера, впитывали уже сформировавшиеся особенности архитектурного каркаса «жизнеустроительства» удмуртов, марийцев и коми, уходящие в культуру индоиранских племен, заполняли вакуумные места пространства. В период раннего средневековья принципы структурообразования основывались на сходных «генах».

Под насыпями валов Подчуршинского городища обнаружены срубные конструкции, разделенные на клети — жилые и хозяйственные помещения с подпольями. Срубные клети с перегородками, врубленными в общую бревенчатую стену, формировали линию обороны Ковровского городища и использовались как под хозяйственные нужды, так и под жилье.

Клети, забутованные глиной в качестве укреплений, стали сооружать в XV—XVII вв. Укрепленные постройки, расположенные вдоль обрыва р. Вятки в г. Котельниче, менялись трижды. Конструкцию оборонительных укреплений из забутованных клетей имели городища в Подрелье, Хлынове и Слободском. Линии укреплений включали башни с отапливаемыми нижними этажами (Котельническое, Подрельское). Хлыновской кремль конца XVI — начала XVII в. окружал вал, поверх которого шла стена, срубленная в 2 ряда и закрытая сверху тесовой крышей, 8 башен, из которых 4 были проезжими, дополняли крепость. Посад защищал частокол. Хлыновское городище имело бревенчатые мостовые, уличную распланировку внутреннего пространства, также как Котельнич, Орлов и Никулицын.

Жилища возводили полуземляночные и наземные. Полуземлянки имели квадратные очертания с подпольными ямами и следами глинобитных печей у середины стены. Более сложные постройки состояли из 2 частей: жилой камеры и тамбура, вход в который шел по земляным ступенькам.

Глинобитные печи и каменки располагались в дальнем от входа углу, справа от входа. Полуземлянки имели столбовую и срубную конструкции. Двухкамерные полуземлянки со входом через дополнительное помещение характерны для Среднего Поднепровья XII—XIII вв., что указывает на появление здесь южнорусского населения.

Наземные жилища, в отличие от других древнерусских земель, чаще имели печи не в углу, а по центру одной из стен. Хозяйственные срубные и столбовые сооружения представлены сараями, помещениями для скота, погребами, хозяйственными ямами. Остатки сыродувных горнов, кузниц, медеплавильной мастерской, гончарных горнов свидетельствуют о «производственной зоне» в структуре поселения (Никулицын), которая пространственно не отделялась от жилья, формируя единое жизненное пространство повседневного быта.

Славянские могильники (на территории Кировской области изучено около 310 захоронений конца XII — середины XVIII в.), безынвентарны, имеют небольшую глубину захоронения, прозападную ориентацию. Православная обрядовость захоронений включает отдельные языческие элементы. В этом отношении интересен Еманаевский могильник, «где древнейшие могилы расходятся веером от пустой овальной площадки, меняя свою ориентацию. На этом некрополе обнаружено 7 могил с кремацией, 4 — с неполной кремацией и 2 — кенотафа. Здесь же располагалось единственное парное захоронение с останками людей. Кроме того, обнаружено два захоронения умерших со слегка подогнутыми ногами (возможно, могилы волхвов или упырей) и 2 отдельных черепа. В межмогильном пространстве найдено 2 обломка древнерусской керамики XII—XIV вв., вероятно, следы языческого битья посуды. Л. Д. Макаров предполагает здесь наличие языческого храма[7]

Появление славянских поселенцев характеризуется повышением роли городищ в организации пространственной среды региона. Они стали интегрировать, поддерживать и обеспечивать различные виды торговой, производственной, управленческой, религиозной деятельности не только внутри городского пространства, но и вне его территории. Эта тенденция совпадала с принципами архаичной композиции «гнезд», пространственно отражавшей приоритеты много-

центрических начал. Визуальная композиционная целостность комплекса селений закладывалась в изначальном зонировании гнездового объединения. Ориентация на храм и дорогу, ведущую к поселению, создавала новый вектор дальнейшему развитию «гнезда». Развитие групповых систем русских поселений характеризовалось сохранением тенденций предшествующего периода — стремлением к центричности и соподчинением частей целому. Однако эта тенденция выявлялась в рассматриваемый период скромно. Отсутствие ясно выраженных визуальных структурных связей между деревнями и гнездовыми объединениями объясняется устойчивой ментальной приверженностью к оптимизации связи с природой.

Славянские колонисты несли ту христианскую веру, которая в ранний период была ярко окрашена прежними языческими верованиями, сохранявшими свою силу до конца XVII в. Представители местного финно-угорского населения, вовлекаясь в процесс формирования древнерусской народности, также сдерживали восприятие христианских традиций, позволяя язычеству длительное время существовать рядом с новой религией (вплоть до XX в.), определяя многослойность «культурного времени», закрепляя локальную специфику от ее унифицирования и «сопротивляясь» линейному времени, призванному «пожирать» культурное многообразие пространства.

Разнообразные языческие верования, отразившись в специальных обрядах и повседневной жизни, восходили к особенностям культа предков и природы (обряд Троецыплятницы). Выбор места для строительства, обживание территорий и образование поселений представляли часть системы народных знаний, в которых воплощалось мировоззрение поселенцев, понимание миропорядка и своего места в нем. Кроме того, формирующиеся соционормативные и правовые компоненты культуры начинают оказывать значительное влияние на способы и формы образования поселений, но главным в проблеме выбора места оставалось применение знаний о природных явлениях. Передвижение в необжитые северные и западные места составляло своеобразие этнической истории русских. В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров писали, что «славяне — это движущийся этнос с самосознанием оседлого»[8]. В отличие от кочевников характер дви-

жения в ряде случаев проявлялся неявно, что выражалось в распространении пашен, и как следствие — появление заимок и выселков при освоении земель.

Традиционным путем освоения территории было продвижение по рекам и их притокам. Главным природным каркасом, организующим пространство местного заселения, являлась речная сеть бассейна р. Вятки — ведущий фактор формирования структуры расселения в регионе. Рациональный учет природных факторов (инсоляции, рельеф, направление ветров) определяли ориентацию лицевых фасадов и свободу от какого бы то ни было диктата ритма и «красных линий» при постановке домов. Бессистемная, на первый взгляд, застройка была глубоко продуманной в отношении ряда функциональных задач, вытекала из строгого учета рельефа местности при планировке поселений. Исследователи местного края отмечали, что русские поселенцы «не любят жить большими и многолюдными селениями, а предпочитают строиться вблизи полей маленькими деревеньками домов по семи-восьми; версты через две от деревни заводят починок дома в два-три, потом невдалеке еще выселок и т. д.»[9] и «привычка жить отдельно со своим хозяйством где-нибудь в лесу кажется здесь общею между всеми крестьянами»[10]. При отсутствии подсечной системы земледелия и наличии огромных лесов и полей «лежащие впусте без всякого надзора и хозяина, селились они где хотели и, при первых признаках истощения земли, бросали ее и переходили на другую своими силами»[11]. Подобный стиль жизни создавал ощущение обособленности, «тупикового характера поселений, их несвязанности, разобщенности в годы освоения славянами местных территорий. Фрактальный характер освоения пространственных масштабов не «отменял» факта маркировки пространства городищами, что вносило в это пространство элементы «человеческой» упорядоченности и эстетизации, центрируя территории славянских гнезд.

Главным условием выбора места для заселения в Вятской земле, как и в других регионах славянского ареала, считалась близость воды, «по крайней мере, в Вятской губернии редкие селения не имеют вблизи какой-либо реки или хотя ручья, а особенно сел, в которых существуют и создаются приходские церкви, нет ни одного, в котором жители должны снабжать себя водою только из колодцев»[12].

Разбивка поселения определялась прежде всего удобством ведения сельскохозяйственных работ, доступностью к путям сообщения, которыми в большинстве случаев являлись водные магистрали, наличием пастбищ, угодий для охоты и рыбной ловли, а при необходимости возможности отразить нападение.

«Этническое» зонирование территории под влиянием русской колонизации постепенно нивелировалось, хотя вплоть до начавшейся в XIX в. генеральной перепланировки селений, «этническая» специфика в обживании пространства сообщала ему экзотическую многоплановость и особую эмоциональность восприятия. Эволюция, усложнение гнездовых заселений русских, угро-финских и татарских этнических общностей способствовали преобразованию поселений с тенденцией выявления доминирующей роли центра и усилению пространственных связей между ними в границах «гнезда». Тенденции иерархической соподчиненности и композиционной законченности в структурировании пространства закреплялись, усиливались, а затем направлялись социальными процессами — оформлением государственных форм жизнеустройства. Культурная «славянская» диффузия через архитектурное зонирование хронотопа имела ярко выраженные черты интеграционного характера. Основные типы поселений (села, деревни, починки, погосты, выселки и заимки), не порывая с заложенным изначально зонированием гнездового объединения вокруг наметившегося во времени главного элемента расселенческой структуры, оформлялись в традиционную общеархетипическую структуру: «каждое село... было центром округи из нескольких деревень. К деревне примыкало несколько починков»[13].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Касавин И. Т.* К понятию предельного опыта // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 392—396.

[2] *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1905 год. Вятка, 1905. С. 46.

[3] *Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X—XV вв. Ижевск, 2001. С. 15.

[4] Там же. С. 16.

[5] См.: *Тинский А. Г.* Планировка, застройка и архитектура города // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994. Т 1. Города. 1994. С. 36.

[6] *Овсянников О. В.* Укрепленные усадьбы XIV—XV вв. как памятники оборонительного зодчества Русского Севера // Краткие сообщения института археологии РАН. 1982. Вып. 172. С. 97—104.

[7] См.: *Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X—XV вв. Ижевск, 2001. С. 18.

[8] См.: *Щепанская Т. Б.* Культура дороги на Русский Север // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102.

[9] Общие сведения по Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1880 год. Вятка, 1879. Отд. 2. С. 33.

[10] *Бехтерев Н. П.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780—1880: Сб. материалов к истории Вятского края. Вятка, 1881. Т. II. С. 42.

[11] Там же. С. 422.

[12] Постройки крестьянских изб в Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. 1874 г. № 80. С. 3.

[13] *Бердинских В. А.* Советск. (Кукарка) // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994. Т. 1: Города. С. 263.

Поступила 19.10.06.

А. А. СКВОРЦОВА

ИТОГИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА В 1946—1950-х гг.

Первые работы, посвященные изучению промышленности Чувашии периода 1946—1950 гг., появились в начале 60-х гг. и в основном представлены статьями А. П. Николаева, С. Ф. Васильева, М. А. Андреева[1]. Эти авторы внесли достойный вклад в изучение промышленности республики, однако не уделили достаточного внимания исследованию положения рабочих. Попытка исправить положение предпринята в работах Г. Ф. Муравьева и М. В. Румянцева[2], где использован более обширный фактический материал о развертывании социалистического соревнования, ходе перестройки промышленности на мирный лад, однако и эти сведения носят отрывочный характер с доминированием марксистско-ленинской идеологии. Имеется объективная потребность в обобщении и систематизации истории промышленности республики.

18 марта 1946 г. первая Сессия Верховного Совета СССР второго созыва приняла закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг. Основная задача послевоенного пятилетнего плана — восстановление в кратчайший срок пострадавших районов, перевод экономики страны на путь мирного строительства, достижение и превышение довоенного уровня развития народного хозяйства. Приоритетное значение отводилось восстановлению и развитию тяжелой промышленности и транспорта. Как одна из первоочередных была сформулирована задача «завершить в 1946 г. послевоенную перестройку народного хозяйства, использовать производственную мощность военной промышленности для дальнейшего увеличения экономической силы Советского Союза»[3].

СКВОРЦОВА Анна Анатольевна, преподаватель кафедры региональной истории Чувашского государственного педагогического университета.

За период Великой Отечественной Войны в промышленности Чувашии основные производственные фонды увеличились в несколько раз, а валовая продукция крупной промышленности в 1944 г. была в 2,6 раза выше, чем в 1940 г.; среднегодовая численность рабочих и служащих в 1945 г. по сравнению с 1940 г. была на 18 % выше. Но в условиях военного времени намного сократилось производство строительных материалов, мебели, стандартных домов, обуви, продуктов питания. Наконец, к концу войны имел место значительный износ оборудования и, как следствие этого, снижение его производительности[4]

В Чувашии переход предприятий на производство гражданской продукции в основном завершен в 1946 г.[5] Этот процесс потребовал организационно-технической перестройки предприятий: перестановки оборудования, демонтажа и монтажа цехов и производств, переквалификации рабочих, разработки и внедрения новых технологических процессов. Большинство предприятий промышленности страны успешно справились с перестройкой на выпуск мирной продукции. Например, перестройка завода № 654 заключалась в расширении производства и освоении новых видов реле и аппаратуры автоматики[6]. Большая работа проделана коллективом Шумерлинского мебельного завода по демонтажу и монтажу оборудования, восстановлению производства мебели, разработке технологических процессов на изготовление новых видов продукции — прицепов к автомашинам, вокзальной мебели, обеденных столов, книжных шкафов, футляров радиоприемников «Родина» и др.[7] В 1946 г. Канашский вагоноремонтный завод перешел на поточный метод ремонта, Чебоксарский электроаппаратный завод выпустил сложнейшее комплектное оборудование для ряда восстанавливаемых после немецкой оккупации промышленных объектов и новостроек послевоенной пятилетки[8]

В результате работы план 1946 г. по валовой продукции предприятиями промышленности Чувашской АССР выполнен только на 80,1 %, дав снижение по сравнению с 1945 г. на 18,7 %[9] Одной из причин уменьшения объема валовой продукции стали простои. Например, на Чебоксарской чулочной фабрике, кожкомбинате, табачной фабрике они составили свыше 25 % отработанных человекочасов.

В соответствии с законами о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР и РСФСР, 7 июля 1947 г. II сессия Верховного Совета Чувашской АССР приняла «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Чувашской АССР на 1946—1950 гг.». Основные положения четвертого пятилетнего плана Чувашской АССР предусматривали рост валовой продукции в 1950 г. по сравнению с 1940 г. по промышленности республиканского подчинения на 85 %, промышленности областного и районного подчинения — на 70 %[10]. Значительное внимание в плане отводилось развитию промышленности строительных материалов, топливной и лесной. На наш взгляд, отведение большого значения трем отраслям промышленности было обоснованно, так как именно они должны были стать основными источниками производства в процессе реконструкции старых и возведении новых мощностей промышленных предприятий в Чувашской АССР. В первые годы послевоенной пятилетки выпуск валовой продукции промышленного производства республики достиг и превзошел довоенный уровень. В 1946 г. рост валовой продукции всей промышленности составил по отношению к 1940 г. 20,6 %, в том числе продукции государственной промышленности — 45,2, а в 1947 г. — 75,7 %[11].

В 1947 г. наибольшая часть промышленности республики размещалась в основных промышленных центрах. В целом удельный вес выпуска валовой продукции в 1947 г. в гг. Чебоксары составил 47,9 %, Канаш — 9,5, Алатырь — 6,0, Шумерля — 7,1 %[12] Промышленность Чувашской АССР план производства по валовой продукции выполнила на 99,7 %. По сравнению с 1946 г. выпуск валовой продукции увеличился на 22,2 %[13]. Наиболее успешно справилась с выполнением годового плана 1947 г. союзная промышленность. План производства по валовой продукции выполнен предприятиями союзного подчинения на 101 %, по отношению к 1946 г. — на 126,3 %[14] Этот год стал переломным в работе промышленности республики в послевоенный период — началом ее дальнейшего подъема. Но наряду с успехами имелись существенные недостатки. Наиболее слабо развитыми отраслями народного хозяйства республики признаны топливно-энергетическая, промышленность строительных материалов, лесная, колхозно-кооперативная. В итоге план

первых двух лет по выпуску валовой продукции промышленностью республики выполнен на 90,8 %[15]

Отметим, что план трех лет послевоенной пятилетки промышленность Чувашской АССР недовыполнила на 6,5 % и недодала продукции на 37,4 млн руб.[16] В 1948 г. план по валовой продукции выполнен на 107 %, с ростом против 1947 г. на 35,1[17] в том числе государственной — на 106,2, кооперативной — на 87,9 %. Наиболее продуктивно работали предприятия союзного и областного подчинения, выполнив план на 108,4 % и 107,4 %. 44 предприятия промышленности союзного, республиканского, областного подчинения перевыполнили годовой план по валовой продукции за 11 месяцев[18] (заводы № 654, 471, 811, Шумерлинские заводы «Большевик» и «Комбайндеталь», Канашский вагоноремонтный завод, Чебоксарская чулочная фабрика, Козловский домостроительный завод, Вурнарский химический завод, фабрика «Басон», Заволжская электростанция, предприятия министерства лесной промышленности Чувашской АССР, Древпромсоюзов и др.[19]). Одна из причин успешной работы промышленных предприятий — дальнейшее усовершенствование техники производства, механизации трудоемких работ, развитие изобретательности и рационализации[20]

Однако в 1948 г. имелось невыполнение плана производства кирпича, черепицы, извести, ремонта паровозов и вагонов, производства стандартных домов, выпуска хлопчатобумажных тканей, обуви, телег, муки, мяса, мыла хозяйственного, улова рыбы. Следует отметить, что ряд промышленных предприятий в 1948 г., перевыполнив план по валовой продукции, не удержали показатели в процессе выполнения плана по ассортименту изделий. Например, к их числу относится Канашский вагоноремонтный завод, выполнивший план по выпуску валовой продукции на 106,3 %, а по ремонту вагонов всего на 84,5, по стальному литью — 53,8, чугунному литью — 40,5 %. План капиталовложений и ввода в эксплуатацию новых производственных площадей в 1948 г. республика не выполнила. Особенно отставало Управление строительства заволжской электростанции, план строительно-монтажных работ выполнившее лишь на 51,9 %. Завод № 654 выполнил план на 57,7 %, Вурнарский химический завод — на 58 %. Однако при этом были предприятия, успешно справившиеся с освоением

средств по капитальным вложениям. Например, строительство текстильного комбината выполнило план на 131,3 %, Шумерлинского мебельного комбината — 128,8 %[21]. В итоге выпуск промышленной продукции Чувашской АССР в 1948 г. составил против довоенного уровня 166 %. В этой ситуации возникла реальная возможность досрочного выполнения заданий четвертой пятилетки.

1949 г. начинался под знаком всенародной борьбы за досрочное выполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, совпавший с подготовкой празднования 30-летия Чувашской АССР[22] План выпуска валовой продукции государственной промышленности, подведомственной Чувашской АССР, за 1949 г. в оптовых ценах выполнен на 106,7 %. Выпуск валовой продукции государственной промышленностью, по сравнению с 1948 г., увеличился на 11 %, по отношению к довоенному 1940 г. — на 62,6 %[23]. План по выпуску валовой продукции предприятия местной промышленности областного подчинения в оптовых ценах выполнили на 110,3 %, а к уровню 1948 г. это составило 141,8 %. Предприятия местной промышленности районного подчинения план по выпуску валовой продукции в 1949 г. выполнили на 129,7 %. Относительно отдельных отраслей промышленности ситуация выглядела следующим образом. Топливная промышленность план по выпуску валовой продукции выполнила на 108,1 %, план заготовки леса — 103,2, вывозки леса — на 94,2 %. Промышленность строительных материалов работала в составе тех же предприятий, что и в 1948 г., однако по сравнению с предыдущими годами производственные мощности предприятий промышленности строительных материалов выросли. Например, увеличилась мощность прессового хозяйства на 20 тыс. штук кирпича-сырца в смену, возросла емкость сушильных сараев на 195 тыс. штук кирпича. План этого года предприятиями Управления промышленности строительных материалов выполнен на 115,9 %[24]. Наряду с достижениями следует отметить и недостатки в выполнении плана 1949 г. Во-первых, промышленные министерства и ведомства Чувашской АССР не добились выполнения плана производства всеми предприятиями и отраслями промышленности. Во-вторых, по-прежнему промышленные предприятия Чувашии не выполняли план по ассортименту и повышению качества

изделий. Имели место случаи выпуска недоброкачественной продукции. В-третьих, были недостатки в выполнении плана по труду и снижению себестоимости продукции[25]. В-четвертых, повсеместно не выполнялся план по капиталовложениям и капитальному строительству.

В последнем году послевоенного пятилетнего плана выпуск валовой промышленной продукции увеличился по сравнению с 1940 г. не на 48 %, предусмотренных планом, а на 73 %. Годовой план производства валовой продукции в целом по промышленности выполнен на 102 %. По сравнению с 1949 г. объем валовой продукции вырос на 23 %. Сверх плана получено значительное количество угля, нефти, металла, машин, товаров массового потребления. На 12 % по сравнению с 1949 г. увеличена производительность труда, снижена себестоимость промышленной продукции[26]

Государственный план 1950 г. вся промышленность Чувашской АССР выполнила на 100 %, в том числе: союзная промышленность — на 104,7, республиканская — 102,1, местная промышленность — на 94,5 %[27] Объем валовой продукции промышленности, расположенной на территории Чувашской АССР, в 1950 г. увеличился по сравнению с 1940 г. более чем в 2 раза, по сравнению с 1946 г. — на 86,7 %[28].

Важнейшими отраслями промышленности в республике, занимавшими удельный вес в общем объеме валовой продукции и по численности рабочих более 80 %, были металлообрабатывающая, пищевкусовая, деревообрабатывающая, лесозаготовительная, торфодобывающая, производство строительных материалов, электростанции[29]. По этим отраслям, кроме пищевкусовой, значительно превышен довоенный уровень развития. Эти отрасли по удельному весу в общем объеме валовой продукции всей промышленности республики в 1940 г. занимали лишь 15,7 %, в 1949 г. уже 44,7, в том числе машиностроение — 32,6 %.

Характерной особенностью работы промышленности Чувашской АССР было выполнение государственных планов благодаря работе чуть более половины предприятий. Из 526 промышленных предприятий выполнили план 1950 г. 281 (53,4 %). Остальные 245 предприятий (46,6 %) не выполнили поставленных перед ними заданий и недодали в последний год послевоенной пятилетки 75 172 тыс. руб. Эта сумма превысила сумму сверхплановой продукции предпри-

ятий, перевыполнивших годовой план. В итоге прибыли от сверхплановой продукции не получено[30]. План капитальных вложений в 1950 г. республика выполнила лишь на 84,6 %, в том числе по жилищному строительству на 83,3 %[31]

В итоге в Чувашской АССР медленно шло строительство многих предприятий промышленности. Например, к 1950 г. строительство Чебоксарского хлопчатобумажного комбината велось третий год. Однако к этому времени готовой продукции комбинат не выпускал, темпы его строительства продолжали оставаться низкими[32]. За 3,5 года строительно-монтажные работы выполнены всего на 20,5 млн руб. при сметной стоимости 115,7 млн руб. или на 17,8 %[33].

К концу четвертой пятилетки в Чувашии не было начато строительство Чебоксарского завода каротажных кабелей и завода электронагревательных приборов, предусмотренное Постановлением Совета Министров СССР от 30 ноября 1949 г. № 5436-2071/с, а также строительство завода тракторных запасных частей[34]

В целом за период с 1946 по 1950 г. в Чувашии новые крупные предприятия не строились. Всего введено в действие 19 предприятий государственной промышленности с общим числом рабочих 2 385 чел., из них 8 — союзного подчинения, 5 — республиканского, 5 — областного, 1 — районного подчинения[35], главным образом это небольшие лесозаготовительные предприятия[36]

В итоге план четвертой пятилетки промышленностью Чувашской АССР выполнен досрочно, за 4 года 3 месяца. Рост выпуска промышленной продукции в послевоенной пятилетке происходил за счет рационализации производства, совершенствования технологии, лучшего использования основных и оборотных средств предприятий, роста производительности труда, экономии сырья, материалов, топлива. Важнейшими и преобладающими отраслями промышленности Чувашской АССР к началу 50-х гг. стали металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, лесоразработки и лесосплав, пищевая[37].

Крупными промышленными центрами в Чувашской АССР были города Чебоксары, Алатырь, Канаш, Шумерля. В них сосредоточилась основная промышленность республики, выпускавшая до 62 % валовой продукции[38] Таким образом, за годы четвертого пятилетнего плана промышленность

Чувашской АССР достигла довоенного уровня развития и значительно его превзошла, создав базу дальнейшего промышленного развития республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Николаев А. П.* Рабочий класс Чувашской АССР в борьбе за выполнение послевоенной пятилетки (1946—1950 гг.). Чебоксары, 1960; *Васильев С. Ф.* Борьба за повышение производительности труда в промышленности Чувашии в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). Чебоксары, 1961; *Андреев М. А.* Развитие промышленности Чувашии. Чебоксары, 1960.

[2] См.: *Муравьев Г. Ф.* Некоторые вопросы борьбы рабочего класса Чувашии за выполнение четвертого пятилетнего плана / Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма. Чебоксары, 1972. С. 109—123; *Румянцев М. В.* Развитие рабочего класса Чувашской АССР, рост его трудовой и общественно-политической активности в период строительства социалистического общества в СССР / Там же. С. 182—215.

[3] См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). М., 1968. Т. 3. (1941—1952). С. 246—272.

[4] См.: История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. 2. Чебоксары, 1982. С. 50.

[5] См.: Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР), ф. 210, оп. 26, д. 218, л. 1.

[6] См.: Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), ф. 1, оп. 24, д. 768, лл. 87—90.

[7] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 768, л. 93.

[8] См.: *Прокопьев В. В.* Перспективы развития Чувашии в новой пятилетке // Красная Чувашия. 1946. № 57.

[9] См.: *Иванов И. А.* Основные итоги развития промышленности в 1946 г. // Красная Чувашия. 1947. № 20.

[10] См.: Стенографический отчет второй сессии Верховного Совета ЧАССР второго созыва. Чебоксары, 1948. С. 7.

[11] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 768, лл. 1, 2, 87, 88, 96, 98.

[12] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 768, лл. 87, 88.

[13] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 768, лл. 253, 73.

[14] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 768, л. 87.

[15] См.: Красная Чувашия. 1948. № 57.

[16] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 1079, л. 98.

[17] См.: ГИА ЧР, ф. 1332, оп. 2, д. 12, л. 44.

[18] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 1075, л. 1.

[19] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 1079, л. 99.

[20] См.: Там же, л. 101.

[21] См.: Там же, л. 120.

[22] См.: История Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Т. 2. С. 130.

[23] См.: ГИА ЧР, ф. 210, оп. 26, д. 577, л. 1.
[24] См.: Там же, лл. 16, 17.
[25] См.: Там же, л. 10.
[26] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 12, л. 31.
[27] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 270, л. 57; ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 12, лл. 34, 99.
[28] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 1079, л. 105.
[29] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 259, л. 101.
[30] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 12, лл. 106,107.
[31] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 270, л. 82.
[32] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 260, л. 44.
[33] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 12, л. 133.
[34] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 260, лл. 26, 44.
[35] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 12, л. 132.
[36] См.: Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР: Сб. документов. Чебоксары, 1985. Ч. 1. С. 318.
[37] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 259, л. 101; Народное хозяйство Чувашской АССР: Стат. сб. Чебоксары, 1957. С. 22.
[38] См.: ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 25, д. 260, л. 41.

Поступила 30.11.06.

К. А. БАЙМАШКИН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА (60-ые — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 80-х гг. XX в.)

Социокультурная среда 60-х — середины 80-х гг. XX в., несмотря на изменения политического режима, значительные технологические и социально-структурные преобразования, отличалась поразительной устойчивостью и консерватизмом. В ее основе лежала советская версия марксизма, предполагающая определенное видение природы общества, человека и социальных институтов. Происходила «марксизация» и политизация повседневности, благодаря чему советский марксизм постепенно становился универсальной интерпретационной схемой, на ее основе объяснялись и нормативно регулировались буквально все проявления человеческой активности и все жизненные содержания[1]

«Оттепель», начавшаяся с середины 50-х и продолжавшаяся до середины 60-х гг., оказалась не только кратковременной, но и поверхностной, не создав гарантий возврата назад, к сталинской практике. Потепление не было устойчивым, идеологические послабления сменялись грубым административным вмешательством, и к середине 60-х гг. «оттепель» сошла на нет. Уже в конце 50-х гг. произошел поворот к жесткой политике в области культуры и искусства. В ходе встреч руководителей КПСС с творческими союзами и интеллигенцией звучал призыв к их активной деятельности на благо коммунистического строительства.

В этом контексте следует рассматривать и принятую в 1961 г. новую программу КПСС — программу развернутого строительства коммунистического общества. Она не могла не затронуть область культуры. Провозглашалось, что культура нового общества будет общенародной и общечеловеческой.

БАЙМАШКИН Камиль Альбертович, аспирант отдела общественно-политических исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Однако тут же говорилось о том, что главная линия развития литературы и искусства — социалистический реализм[2].

В Программе ставились задачи приобщения к искусству широких масс путем распространения народных театров, развития других форм народного творчества, ставились задачи создания материальной базы искусства, поднятия уровня культуры деревни до уровня города. Согласно Программе, КПСС и в будущем резервировала за собой право «заботиться о правильном направлении в развитии литературы и искусства, их идейном и художественном уровне»[3]

В этом отношении усилия многочисленных партийных и государственных структур были связаны с воспитанием, идеологической работой, культурной политикой. Так, партком и ректорат Мордовского университета в 70-е — начале 80-х гг. вели активный поиск путей создания в вузе оптимальной системы управления процессом формирования современных специалистов. В основе были идеи, изложенные в Программе КПСС. Особое внимание уделялось претворению на практике «Морального кодекса строителя коммунизма»[4] Для реализации этой системы созданы документы, регламентирующие ее функционирование и развитие. Исходным документом стала «Комплексная программа формирования всесторонне развитой личности специалиста в университете», согласно которой каждый студент за годы обучения должен обрести социальный облик, органически сочетающий в себе научное мировоззрение и коммунистическую убежденность; глубокую профессиональную подготовку, широкую общенаучную и культурную эрудицию; моральную чистоту; развитый эстетический вкус; физическое совершенство[5].

Важное значение имело повышение квалификации кадров пропагандистов. В 1965/1966 учебном году в партийных организациях Мордовской АССР работало 602 теоретических семинара, 7 городских и районных школ партийно-хозяйственного актива, вечерний университет марксизма-ленинизма при Саранском горкоме КПСС, где занималось более 12,5 тыс. коммунистов и беспартийных[6]

Однако на семинарах могли заниматься слушатели, имевшие высшее образование и определенную политическую подготовку. Поэтому важное место в республике заняли два звена партийной учебы — начальные политшколы и школы основ марксизма-ленинизма. В 1966 г. в республике работа-

ло 1 418 начальных политшкол. Большое распространение в Мордовии получили школы основ марксизма-ленинизма, их насчитывалось 693, в них было более 13 тыс. слушателей[7] Всеми формами политического просвещения в 1966 г. было охвачено около 60 тыс. чел. К концу 60-х гг. XX в. в системе партийного политического просвещения занимались уже более 70 тыс. чел., а в 1980 г. политической учебой охвачено более 85 тыс. чел.[8]

Учитывая, что уровень партийной пропаганды в решающей степени зависел от кадров пропагандистов, первичные партийные организации активно привлекали к пропагандистской деятельности партийных работников, специалистов народного хозяйства, педагогов и работников культуры. Если в 1960 г. из 4 тыс. пропагандистов в системе партийного и комсомольского политпросвещения работали 2 775 чел. с высшим образованием, около тысячи специалистов сельского хозяйства, то через 20 лет пропагандистов увеличилось в 2 раза и более 80 % из них имели высшее образование. Отдел пропаганды и агитации обкома республики распространял опыт работы лучших пропагандистов через СМИ: телевидение, радио, «Блокнот агитатора», газеты «Советская Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь правда»[9].

Кроме партийной в республике действовала комсомольская политическая учеба. В 1970 г. в 1 200 кружках системы комсомольского политпросвещения участвовало свыше 43 тыс. чел. Другая форма приобщения школьной молодежи к марксистско-ленинской теории — общественно-политические клубы по интересам. Для их деятельности характерны массовость, сочетание разнообразных форм и средств идейно-политического воздействия на молодежь. В 1969—1970 гг. в регионе работали более 100 клубов («Глобус», «Прометей», «Радуга» и др.)[10].

В 70-е гг. XX в. осуществлены меры по улучшению организации и содержанию партийной учебы, усилилось внимание к изучению экономических наук[11]. Учебную работу в системе партийного просвещения вели более 3 тыс. пропагандистов[12]. Наиболее широкий размах в партийных организациях республики приобрела пропаганда теоретических основ марксизма-ленинизма в период подготовки и проведения 50-летия Октябрьской революции и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина[13].

В 1965 г. зародилась новая организационная форма партийно-политической информации — институт политинформаторов[14]. С их помощью партийные организации информировали коммунистов и население о позиции власти по тем или иным вопросам, а также о важнейших событиях в стране и за рубежом[15]. К 1980 г. число политинформаторов в республике за 15 лет увеличилось почти вдвое. На общественных началах в Мордовии работали более 8 тыс. политинформаторов, свыше 14 тыс. агитаторов, более 32 тыс. лекторов и докладчиков[16].

В республике широко использовались и другие средства идеологического воздействия: лекционная пропаганда, печать, радио, телевидение, сельские клубы и фонды библиотек. «Главная задача библиотек состоит в активной пропаганде политики Коммунистической партии и Советского государства...» — говорится в Постановлении 1974 г. ЦК КПСС и Совета Министров СССР[17] Большое значение в идеологическом воздействии на массы имело проведение политических митингов.

Наиболее важное место в формировании политической культуры «развитого социализма» населения Мордовии отводилось СМИ. В 60-е гг. XX в. насыщенность периодической печатью на 1 тыс. жителей увеличилась в 3 раза и составила в 1971 г. 895 экз. Увеличились тиражи республиканских и районных газет. В 1971 г. газету «Советская Мордовия» выписывали около 60 тыс. подписчиков, «Мокшень правда» и «Эрзянь правда» — более 12 тыс., «Молодой ленинец» — около 30 тыс., журналы «Мокша», «Сятко», «Блокнот агитатора» — более 17 тыс. В 1970 г. общий тираж республиканских и районных газет составил более 200 тыс. экземпляров.

В идейно-политическом воздействии на население республики широко использовалось местное телевидение и радиовещание. Постоянной аудиторией телевидения в республике уже в 60-х гг. являлось 70 % населения. Определяющей в теле- и радиопередачах стала тема «Социалистический образ жизни», ей посвящались цикловые передачи: «Передовики пятилетки», «Время и люди», «Коммунист и время» и др. Увеличился удельный вес общественно-политического вещания за счет введения различных форм подачи материала: «В помощь изучающему марксистско-ленинскую теорию»,

«Международный обзор», «Информация ТАСС» и т. д. В 60-е гг. XX в. и в дальнейшем стала шире освещаться деятельность партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций. По телевидению, радио выступали руководители министерств и ведомств[18].

Одним из инструментов идеологического воздействия на массы были библиотеки. Работы библиотек по культурно-политическому воспитанию трудящихся разнообразны: помимо индивидуальной работы с читателями проводилась массово-политическая работа. Основным направлением в массовой работе библиотек была связь пропаганды и печати. Проводились читательские конференции, литературные тематические вечера, библиографические обзоры, вечера вопросов и ответов, выставки и т. д. Значительное место отводилось пропаганде решений партии и правительства, материалов съездов и пленумов ЦК КПСС. В период подготовки и проведения XXI и XXII съездов партии библиотеками велась особенно активная работа[19]

Большое внимание вопросам воспитания коммунистического отношения к труду уделяли клубные учреждения республики. Примером может служить работа Поводимовского клуба Дубенского района, где проводились вечера на такие темы, как «Твое счастье в богатстве колхоза» и т. д. На видном месте в клубе висели стенды «Наш колхоз в 1965 году», «Обязательства передовиков колхоза» и др. Имелась доска показателей социалистического соревнования.

Деятельность агитаторов из сельских клубов проходила в тракторных полеводческих бригадах и на животноводческих фермах: выступали агитационно-художественные бригады, выпускались световые и стенные газеты, демонстрировались кинофильмы. Во многих клубах оформлялись уголки передового опыта: «Наши маяки», «Пусть ярче горит свет наших маяков» и др., где описывались достижения передовиков и то, каким образом они достигли высоких показателей[20].

Основную работу клубы проводили с молодежью, вовлекая ее в художественную самодеятельность, кружковую работу и т. д. В клубных учреждениях республики в 1965 г. работало 1600 различных кружков. Каждую среду молодежь города Саранска собиралась в парке для обсуждения новых книг, фильмов, встреч со знатными людьми города[21].

По отношению к церкви в 60-х — середине 80-х гг. XX в. в республике действовала тенденция, связанная со все большим отходом от религии. Исследователь ценностных ориентаций населения Мордовии конца 60-х — начала 70-х гг. Е. М. Байков на основе социологических опросов делает вывод о том, что на соблюдение религиозных предписаний и достижение религиозного идеала ориентировано 0,9 % опрошенных[22]. В СССР, в том числе и Мордовской АССР, в 60—70-х гг. XX в. велась работа по созданию и внедрению в быт населения новых, советских, безрелигиозных обрядов. В Мордовии открываются дома и дворцы бракосочетания, где в торжественной обстановке проходит не только регистрация браков, но и новорожденных. К примеру, в 1978 г. по всей Мордовии в торжественной обстановке зарегистрировано 87 % браков; обряд торжественного имянаречения совершен над 55 % родившихся детей[23] Устраивались торжественные проводы в Советскую Армию, праздники зимы, весны, дни урожая, профессий[24] Однако в этом было много формализма, показухи, кампанейщины, бравурности, не связанной с глубоким познанием и осмыслением исконных народных традиций[25]

Руководство Мордовского ОК КПСС неоднократно выражало обеспокоенность низкими результатами атеистической работы с населением, ее слабой эффективностью и постоянно искало пути ее совершенствования. На республиканской научно-практической конференции, посвященной повышению эффективности научно-атеистической пропаганды (Саранск, ноябрь 1971 г.), говорилось, что в республике в значительной степени сохраняются религиозные пережитки, а некоторая часть населения находится под сильным влиянием религии и церкви. «Мы не можем не учитывать того, что на территории Мордовии функционируют 17 зарегистрированных православных церквей и одна мусульманская мечеть. В них несут службу 22 священнослужителя, 12 псаломщиков (точнее сказать, псаломщиц). В религиозных общинах 500 активистов церкви, из которых 200 являются платными. В республике высока религиозная обрядность... В 1971 г. в Ардатовском районе число окрещенных детей возросло на 20 % по сравнению с предыдущим годом и достигло 56 %, а в Атяшевском — 30,6, Дубенском — 27,0 Рузаевском — 22,5, Торбеевском — 20,8 и в Ельниковском — 16 %... Совершенно нетерпимым является то, что в

Торбеевском, Рузаевском, Атяшевском, Чамзинском районах захоронение почти всех умерших (99 %) производится по церковным обрядам. Очень велика посещаемость церквей в дни религиозных праздников — пасхи, крещения, троицы, рождества»[26].

В 1985—1986 гг. НИИЯЛИЭ и Мордовский государственный университет провели совместную этнографическую экспедицию по обследованию сельского населения Мордовии, показавшему, что верующих в Мордовии достаточно много: 26,6 % мордвы-мокши, 11,6 мордвы-эрзи, 12,7 русских, 39,0 % татар. По итогам этого опроса 43,6 % мордвы-мокши справляли полный национальный свадебный обряд с венчанием, у мордвы-эрзи — 25,8 %[27] Таким образом, несмотря на все усилия КПСС не смогла устранить влияния религии как формы культуры, религиозные представления сопровождали повседневную жизнь человека, проявляясь в его поведении и быту.

Важным направлением культурной политики республики в этот период была пропаганда идей дружбы народов и интернационализма, что обусловлено многонациональным составом населения. Одной из форм работы в данном направлении стали дни культуры народов, проживающих совместно, например, дни культуры Мордовии в Чувашии, проходившие в мае-июне 1978 г. В течение недели жители Чебоксар, городов и районов Чувашской АССР знакомились с самобытной культурой и искусством мордовского народа. В зале Чувашской государственной художественной галереи работала выставка изобразительного и прикладного искусства Мордовии. В Чувашском академическом театре состоялся концерт мастеров искусств обеих республик. Творческие коллективы Мордовии выступили с концертами в Алатыре, Порецке, Новочебоксарске, Шоршелах, Шумерле, Канаше, Ибресях, Урмарском, Цивильском, Красночетайском, Мариинско-посадском районах[28].

Вместе с тем в течение десятилетий наиболее постоянным и стабильным элементом советской национальной политики было целенаправленное формирование национально-русского двуязычия среди нерусского населения. Распространение русского языка и формирование на этой базе двуязычия стали одним из краеугольных камней всей советской культурной политики. Преданность этой задаче красноречиво выраже-

на, например, в обращении Л. И. Брежнева к участникам проводимой в 197о г. Всесоюзной конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР»: «В условиях развитого социализма, когда экономика нашей страны превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, возникла новая историческая общность — советский народ, объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека. Свободное владение, наряду с родным, русским языком, добровольно принятым в качестве общего исторического достояния всеми советскими людьми, способствует дальнейшему упрочению политического, экономического и духовного единства советского народа»[29] Политика распространения двуязычия подтверждена в программе партии 1986 г.: «...овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры»[30].

Следует отметить, что курс на распространение идей интернационализма давал положительные результаты. Это подтверждается данными, в том числе и опросом населения, проведенным в 1973 г. Мордовской объединенной этносоциологической экспедицией. Ответы свидетельствуют о глубоко позитивном отношении населения Мордовии к межнациональным контактам, которые носят повседневный характер, отличаясь особенной интенсивностью в городах[31]

Одной из задач культурной политики Советской власти всегда было преодоление неравенства условий культурной жизни различных национальных и социальных групп и разных территорий страны. Ради этой задачи впервые в мировой практике возникли централизованная система планирования, бюджетного финансирования, унифицированные административные «управления культуры». Было бы неверно видеть в этой системе лишь одни провалы. Однако по некоторым показателям «лучшая» и «худшая» территории РСФСР (а также и Мордовской АССР) к 1985 г. отличались друг от друга в культурном отношении в 15—20 раз. Люди умственного труда посещали театры, филармонии, художественные выставки в 10—15 раз чаще, чем рабочие и крестьяне.

Следует отметить, что в исследуемый период во взаимоотношениях с культурой власти исходили из тезиса о партийном и классовом характере культуры. Делался вывод, что созидательная роль народа в этой области может быть реализована только при условии целенаправленного и планомерного руководства со стороны партии и государственных органов. Культура понималась как одно из важнейших средств политического и духовного доминирования в обществе, что обусловило ее идеологизацию и потребность управления ею.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М., 2004. С. 265.

[2] Программа КПСС. М., 1968. С. 131.

[3] Там же. С. 131—132.

[4] *Сухарев А. И.* Социальный облик Советской Мордовии: Состояние, тенденции развития. Саранск, 1980. С. 106.

[5] Там же. С. 106.

[6] *Зусин А. Э.* Социокультурное развитие Мордовии во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг.: основные тенденции динамики регионального социума. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. С. 86.

[7] ЦДНИ РМ. Ф. 260, оп. 5, д. 172, л. 85.

[8] *Житаев В. Л.* Развитие культуры в Мордовии (1960—1971 гг.). Саранск, 1985. С. 60—61.

[9] Там же. С. 62.

[10] Там же. С. 63.

[11] Советская Мордовия. 1971. 6 февр.

[12] ЦДНИ РМ. Ф. 269, оп. 5, д. 162, л. 146.

[13] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1979. С. 561.

[14] ЦДНИ РМ. Ф. 269, оп. 6, д. 3, л. 179.

[15] *Зусин А. Э.* Указ. соч. С. 91.

[16] *Житаев В. Л.* Указ. соч. С. 64—65.

[17] Государственная культурная политика в документах и материалах. Сб. документов: В 4 т. Т. 1. Художественная жизнь современного общества. СПб., 2001. С. 197.

[18] Там же. С. 69—70.

[19] *Горькина К. И.* Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Науч.-техн. сб. № 101. Сер. исторических наук. Ч. 1. Саранск, 1972. С. 66.

[20] Там же. С. 70.

[21] Там же. С. 72.

[22] *Байков Е. М.* Религия и духовный мир человека. Социологический очерк. Саранск, 1972. С. 48—49.

[23] *Альмяшева Л. Н., Иткин С. М.* Атеизм и становление социалистической обрядности в Мордовии // В братской семье. По материалам Респ. науч.-теор. конф. «Мордовия в братской семье советских народов». Саранск, 1981. С. 236—237.

[24] Там же.

[25] *Зусин А. Э.* Указ соч. С. 84.

[26] *Чиняев Н. И.* XXIV съезд КПСС и задачи по усилению атеистического воспитания трудящихся // Пропаганда, религия, атеизм. Саранск, 1972. С. 4—5.

[27] *Вавилин В. Ф.* Количественная оценка современных этнокультурных процессов в Мордовской АССР (сельское население). Саранск, 1989. С. 18; *Беляева Н. Ф.* Этнические аспекты духовной жизни мордовского сельского населения // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 54.

[28] *Зусин А. Э.* Указ. соч. С. 91.

[29] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1981. Т. 8. С. 44.

[30] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. М., 1986. С. 45.

[31] *Мокшин Н. Ф.* Этническая история мордвы XIX—XX века. Саранск, 1977. С. 227.

Поступила 07.11.06.

К. Ю. СИРОТИН

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: ВВЕДЕНИЕ В ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРОЛОГИЮ

В большинстве работ, посвященных рекламе, это явление рассматривают сквозь призму экономического подхода. Современный этап развития российского общества требует совершенно иного взгляда на эту проблему, так как влияние рекламы на социальную действительность в России неоднозначно: она стимулирует развитие товарных рынков и сферы услуг, повышает политическую активность, но также способна манипулировать общественным мнением и поведением людей.

Важно отметить, что все больше поднимаясь над реальной действительностью, реклама способна задавать высокие нравственные стандарты общества: приоритет семьи, патрио-тизм, стремление к успеху, основанное на трудолюбии и порядочности. Так рождается позитивное мышление, вера в идеальный мир и подсознательное стремление отождествить себя с героями рекламы. Тем самым создается система важных социальных установок, отражающих положительное начало рассматриваемого феномена. Действительно, конструируируя особый мир, в котором люди могут исполнять желания, неосуществимые в реальности, реклама становится притягательной силой для массового сознания.

С другой стороны, реклама часто вызывает негативную реакцию. Во многом это объясняется тем, что она не создает желаемых (ориентируемых на будущее) образов, часто банальна, а порой и слишком прямолинейна (не использует намеков). Поэтому решением проблем, которые ставит перед обществом реклама, сегодня озабочены не только экономисты и социологи, но и журналисты, юристы, философы, психо-

---

СИРОТИН Кирилл Юрьевич, ведущий специалист по альтернативным каналам сбыта Управления маркетинга ООО «Союз-Виктан» (г. Москва).

логи и, конечно, культурологи. Сложилось мнение, что «с точки зрения культуры, рекламную деятельность следует рассматривать как один из источников ее развития»[1].

Наибольший эффект, на наш взгляд, будут иметь интегративные исследования, лежащие в зоне пересечения разных (и не только смежных) наук. Предлагаем анализ некоторых актуальных проблем рекламной деятельности с точки зрения правовой культурологии[2]. Основное понятие такого подхода — правовая культура.

Правовая культура проявляется в накопленных правовых ценностях, относящихся к духовной культуре. Она имеет практическую направленность наряду с культурой управления и состоит из взаимосвязанных элементов, основными из которых являются состояние правосознания в обществе, законности, законодательства, практической работы в области права. Причем в эту работу вовлечены не только законодатели, правоохранительные органы и профессионалы (в нашем случае рекламодатели и рекламопроизводители), но и простые граждане (потребители), ибо правовая культура связана с оценкой уровня знания и понимания права, развитостью чувства законности и интенцией к ее соблюдению.

Право не только тесно связано с культурой, но и ее часть. Можно выделить три основных момента этой взаимосвязи: культура и право обеспечивают интеграцию индивида в социальное целое; культура и право воплощают накопленный социальный опыт; форма права определяется, в конечном счете, формами культуры, в которой право существует.

Поскольку культура — выражение специфически человеческого способа деятельности, постольку она по своей природе нормативна. Нормативность культуры обеспечивает координацию и организацию действий индивидов, входящих в социум. Процесс институционализации отношений предполагает их формализацию и стандартизацию: иначе субъект общественной жизни не смог бы предвидеть действия других субъектов, связанных с ним, и обеспечить взаимодействие — самую глубинную основу любого коллективного целого, в том числе и общества.

Нормы культуры институциализируют отношения между людьми прежде всех прочих правил поведения. То, что культурные нормы исторически первичны, несомненно: они составляют основу всех остальных нормативных си-

стем — религии, морали, эстетики, права. Оставаясь нормами культуры, в этих системах они только приобретают новые дополнительные качества.

Обращаясь к праву, можно утверждать, что все юридические нормы суть нормы культуры, но не все нормы культуры — юридические нормы. Осуществляемый обществом отбор культурных норм, после чего они оказываются включенными в право, производится по принципу их значимости для сохранения и функционирования социального целого. В этом смысле культура и правовая культура соотносятся между собой как общее и частное, что предполагает включение в состав общей культуры элементов правовой культуры. Подобно тому, как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни, правовая культура определяет для индивида принципы правового поведения, а для общества — систему правовых ценностей, идеалы и нормы, обеспечивающие единство и взаимодействие правовых институтов и организаций.

Правовая культура существует только там и тогда, где и когда налажены паритетные отношения между правовыми институтами, осуществляющими государственное регулирование, и общественными институтами, занятыми саморегулированием. Остается констатировать, что в современной России в сфере правового регулирования рекламной деятельности имеется явный крен в сторону правовых институтов.

По мнению О. В. Феофанова, спецификой современного рекламного рынка в России стали невежественность рекламодателей, непрофессионализм рекламистов, доверчивость потребителей, неразборчивость средств массовой информации[3] Как итог: негативное отношение к рекламе, нарушения и злоупотребления в этой области. В то же время на государственном уровне постоянно идет работа по совершенствованию законодательства в области рекламы (последняя редакция Федерального закона «О рекламе»[4] признана международными экспертами лучшей из существующих сегодня в мире). Одним из способов решения этих проблем в рекламной индустрии может стать создание органов саморегулирования, наделение их определенной компетенцией, позволяющей им принимать активное участие в решении законодательных, экономических и нравственных вопросов, касающихся рекламы.

Стоит заметить, что в зарубежных странах наравне с четко отлаженной системой государственного контроля имеется система органов саморегулирования, которые действуют уже много десятилетий. Эти органы играют заметную роль на рекламном рынке. Содержание процесса саморегулирования сформулировано в Руководстве по саморегулированию Европейского альянса по стандартам в рекламе (EASA): для того, чтобы выполнить свою убеждающую и информационную задачу, реклама должна пользоваться доверием потребителей. Если потребители введены в заблуждение рекламой, они не станут покупать товар повторно, если они оскорблены рекламой, то маловероятно, что они совершат первую покупку. Поэтому в долгосрочных интересах всех, кто вовлечен в рекламную индустрию (рекламодатели, рекламные агентства), защищать свободу коммерческой коммуникации и поддерживать ее честь.

Система органов саморегулирования имеется и в России. Она создавалась одновременно с развитием рынка рекламных коммуникаций. Первой попыткой навести некоторый порядок в рекламном сообществе стало учреждение в 1992 г. Фонда поддержки рекламопроизводителей[5]. За прошедшие полтора десятилетия в России сформировались: Рекламный совет России, Российская ассоциация рекламных агентств, Национальная рекламная ассоциация, Ассоциация рекламодателей. Логическим продолжением становления органов саморегулирования стало их законодательное закрепление в ст. 28 Закона о рекламе «Права органов саморегулирования в области рекламы»[6].

Однако практика показывает, что в современной России, все активнее входящей в мировые процессы, копирование западного рекламного опыта не приносит желаемого результата. Здесь нужны специфические приемы, одним из которых является учет отечественной ментальности в рекламной деятельности. Так, несмотря на формирование организаций самоуправления и законодательное их закрепление, система этих органов далека от полноценного функционирования. До настоящего времени во многих регионах России органы саморегулирования не находят реального воплощения и не способны каким-либо образом повлиять на рекламный рынок. Более того, эти представительства учреждены и функционируют далеко не во всех городах России. Наиболее раз-

виты представительства в Санкт-Петербурге, Архангельске, Волгограде, Краснодаре, Новосибирске.

Что касается правовой культуры в области рекламы в большинстве российских регионов, то здесь сложно говорить о каком-либо саморегулировании. В регионах до сих пор не отлажено взаимодействие антимонопольных органов и общественных организаций из-за их полного отсутствия. Причин тому несколько: недостаточная регламентация прав и обязанностей органов саморегулирования в законе о рекламе, отсутствие механизма создания данных органов и их последующей деятельности. Это, конечно, и относительная молодость, по сравнению с зарубежными государствами, российского рекламного законодательства. Но главное, на наш взгляд, это полное нежелание субъектов рекламной деятельности объединиться в орган саморегулирования. Это уже культурологическая проблема.

Нам видится в этом «синдром провинциализма», стремление отгородиться, жить натуральным хозяйством, не подпускать к своему бизнесу даже коллег, которые воспринимаются в качестве конкурентов. Совершенно очевидно, что сообща гораздо легче решать многие производственные проблемы, а главное защищать свои интересы и права, отстаивать, если придется, собственную деловую репутацию. Причины заинтересованности бизнеса в возникновении организаций саморегулирования — конкурентная борьба, когда мощным фирмам, делающим ставку на добросовестность по отношению к клиентам, надо избавиться от конкурентов, привлекающих заманчивыми обещаниями, не соответствующими практике, а также угроза принятия законов, ограничивающих деятельность фирм.

На наш взгляд, следует больше апеллировать не к проблемам законодательного регулирования, а к недостаточной сплоченности самих органов саморегулирования. Поэтому в данном случае необходимо активизировать деятельность Рекламного совета России. Именно этот орган должен способствовать созданию региональной сети органов саморегулирования.

Справедливости ради следует отметить, что рекламопроизводители в регионах начинают осознавать преимущества интеграции, правда пока лишь на производственном уровне. Об этом свидетельствуют следующие факты: у многих рек-

ламодателей возникает потребность расширить географию своей деятельности и выйти на весьма перспективные региональные рынки, найти дилеров для продаж своего товара, поддержать розничные продажи или усилить федеральную рекламную кампанию в конкретном регионе. Помочь в этом берутся рекламные агентства полного цикла, специализирующиеся на региональной рекламе. Так, рекламное агентство «Region Press»[7] (г. Екатеринбург) проводит комплексные рекламные кампании в печатных изданиях России и стран СНГ, давая возможность разместить в них свои рекламные сообщения представителям бизнеса Башкортостана, Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Удмуртии, Чувашии, Астраханской, Волгоградской, Кемеровской, Кировской, Краснодарской, Нижегородской и многих других областей. Рекламное агентство «Регион-Медиа»[8] (г. Москва) обещает в кратчайшие сроки и на качественном уровне провести комплексную рекламную кампанию в любом регионе России и СНГ. Рекламное агентство «Реклама-онлайн»[9] (г. Новосибирск) позиционирует себя как общероссийскую систему подачи рекламы в региональные СМИ и охватывает 5 101 издание, 815 ТВ-каналов, 600 радиостанций в 937 городах России. Интернет наполнен предложениями разместить свою рекламу в региональных СМИ и найти партнеров. Однако в части саморегулирования изменений пока не происходит.

Рекламный рынок нестоличного региона, как правило, не велик, не столь обширен и список предоставляемых рекламными агентствами услуг. Естественно, что интересы рекламопроизводителей часто пересекаются и создают нездоровую конкуренцию там, где можно решить все проблемы простым распределением труда и координацией действий. Несмотря на то, что в России исторически сложилась практика контроля органами государственной власти хозяйственной деятельностью субъектов экономики, они не всегда могут оперативно реагировать на изменения, происходящие в социальной, экономической, политической сферах государства. Более оперативно реагируют на меняющиеся условия в государстве органы саморегулирования. Потребность в саморегулировании рекламной деятельности обусловлена не только развитием рыночных отношений, предполагающих уменьшение прямого вмешательства государства в деятельность предприятий и организаций. Способность к саморегулированию — это один

из принципов, на которых основана экономика развитого государства, показатель принципиально нового (отличного от тоталитарного) кода культуры. Саморегулирование рекламной деятельности представляет собой добровольный контроль юридических лиц и их представителей за поведением участников рекламного рынка и корректирующую деятельность по отношению к законотворцам.

Уровень профессиональной и правовой культуры региональных рекламных структур в России пока не позволяет говорить об их серьезном участии в процессе создания цивилизованного рекламного рынка, необходимой составляющей которого является саморегулирование и полноправное взаимодействие с органами государственного управления. Правовая культурология призвана своими теоретическими концептами и практическими рекомендациями содействовать формированию правовой государственности России, укреплению демократических начал, что невозможно без соответствующего уровня правовой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лебедев-Любимов А. Н.* Психология рекламы. СПб., 2004. С. 15.

[2] См.: *Сальников В. П.* Правовая культура: теоретико-методологический аспект. Л., 1990.

[3] См.: *Феофанов О. В.* Реклама — новые технологии в России. СПб., 2000.

[4] О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 № 38-ФЗ: вступил в силу с 1 июля 2006 г. // Рос. газ. 2006. 15 марта.

[5] *Естафьев В. А., Пасютина Е. Э.* История российской рекламы 1991—2000. Т. 1. М., 2002.

[6] О рекламе: Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 108-ФЗ // Рос. газ. 1995. 25 июля.

[7] Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.regpress.ru].

[8] Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.region-media.ru].

[9] Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.reklama-online.ru].

Поступила 25.06.07.

Т. В. АКСЕНОВА

И. А. КАНДРИНА

С. В. ПОПОВА

РУССКИЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ РЕГИОНА

Традиционная культура, являясь определяющей частью жизни любого народа, играет значительную роль в системе жизнеобеспечения этносов, определяется социально-экономическими условиями жизни общества, сохраняя при этом черты, присущие предшествующим этапам исторического развития. Традиционная культура несет в себе огромный гуманистический потенциал: традиции и обычаи — действенное средство национального воспитания, приобщения молодежи к культуре своего народа, что служит главным фактором сохранения и развития этноса. Отсюда вытекает необходимость изучения традиционной культуры разных народов.

Актуальность изучения традиционной культуры русских Республики Мордовия объясняется необходимостью сохранения самобытности этой культуры в многонациональной

АКСЕНОВА Татьяна Викторовна, соискатель отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

КАНДРИНА Ирина Алексеевна, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, Средне-Волжский филиал (г. Саранск), кандидат исторических наук.

ПОПОВА Светлана Васильевна, аспирант отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

республике. Русское население Мордовии проживает в тесном контакте с мордвой, татарами, украинцами и др. Это наложило отпечаток на различные составляющие традиционной культуры (праздники, обычаи, пищу и др.), они впитали в себя элементы культуры соседних народов. Имеется необходимость в более глубоком изучении этнокультурных процессов русского народа на территории Мордовии конца XIX—XX вв., закреплении и реализации основных гарантий их жизнедеятельности, к числу которых относятся признание и рассмотрение русской традиционной культуры через призму жизнеобеспечения и диалога национальных культур.

Под диалогом культур мы понимаем процесс взаимодействия культурных систем (явлений), в результате которого каждая культура осознает и обретает свою индивидуальную самобытность. Многообразие и асимметрия явлений в культуре, различие ценностей и ориентаций выступают условием ее единства, делают ее живой и развивающейся. Взаимообогащающий диалог «культурных миров» позволяет полнее раскрыть смысловые глубины, осознать свою уникальность и самотождественность, которые обнаруживаются в зоне коммуникации и соотнесения ценностей, норм, значений и т. д. Из этого диалога рождается единство и синтез культуры человечества. Но для будущего синтеза необходима взаимная терпимость (толерантность) людей и культур, уважение к иным ценностям[1].

«Диалог культур» предполагает не оценку двух культур (лучше, хуже), а определение своеобразия каждой из них путем их сопоставления. При этом выявляются, с одной стороны, общечеловеческое содержание каждой национальной культуры, с другой — характерные для каждой культуры «национальные картины мира».

Современная традиционная культура русских Мордовии сложилась как результат исторического развития общества и процесса инкультурации вследствие межэтнической коммуникации. Сохраняя в основном традиционные черты, присущие русским всей России, культура русского населения Мордовии впитала в себя элементы культур соседних народов (мордвы, татар, украинцев). Все это отчетливо прослеживается при анализе праздников, обычаев, обрядовой и повседневной пищи.

Календарная обрядность, возникнув в глубокой древности, отражала мировоззрение народа. Она изменялась в соответствии с развитием общества и под влиянием взаимодействия соседних этносов. Непреходящая ценность для жизни людей сельскохозяйственного производства способствовала сохранению календарной обрядности до наших дней. Календарные праздники, имея в своей основе языческие верования славян, получили православное содержание. Среди православных праздников, отмечаемых в Мордовии, наиболее популярны Рождество, Святки, Масленица, Пасха, Троица. Эти праздники отмечаются и русским населением и мордовским. Анализ структуры праздничных обрядов позволяет говорить о взаимовлиянии двух культур. Святки, гадания, коляды были любимым развлечением молодежи в русских и мордовских селах. Сообщения о том, что ходили с «припевками», «колядками» зафиксированы практически во всех районах Мордовии. Как рассказывает жительница с. Потьма, во всех домах ждали ряженых, готовились к их приходу. Гадали в основном молодые девушки в ночное время до первого крика петуха. В гаданиях использовалось множество разнообразных предметов домашнего обихода, сельскохозяйственных орудий, украшений, растений, цветов, а также ритуальная пища (хлеб, блины, хлебные крошки, кутья, каша). Эти предметы выступали в символическом, а не бытовом значении. Так, например, зерно — символ материального достатка, а уголь, зола — печаль и болезнь, щепотка земли — смерть[2].

В с. Унуевский Майдан Ковылкинского района праздничным новогодним кушаньем был «таусень» — кишки, начиненные вареной рисовой кашей, запеченные до золотистой корочки в печи и сверху залитые взбитыми яйцами[3] Причем есть и свои секреты приготовления этого блюда. Приготовление его сопровождалось пением специальной обрядовой песни: «Таусень, таусень, давайте закусим, кишки да лепешки, свиные ножки». В Зубово-Полянском районе в одних селах это блюдо называют «усень», в других «таусень», кишки начиняют вареной гречневой кашей, хорошо сдобренной коровьим маслом. Другой, не менее важный атрибут новогоднего стола, — холодец, который повсеместно русские, проживающие на территории Мордовии, готовят из свиных ножек. В д. Копорулиха Марийской АССР русские крестьяне готовили холодец из коровьих ног. «Хоть сбейся

с ног, а коровьи ноги достань!» — вспоминают информаторы[4]. Считалось, что как угостишь ряженых, такого счастья они тебе и пожелают, поэтому подавали щедро. Заходившие в избу ряженые пели песню «Усень, таусень, давайте закусим»[5]. В Рузаевском районе «славить по домам ходили дети, собирали деньги, при этом приговаривая «Открывайте сундучки, доставайте пятачки»[6]. Русские и мордовские славильные песни отражали пожелания процветания и благополучия хозяевам дома. В. С. Брыжинским, исследовавшим традиции мордовского народа, записаны колядки (таунсяи), поющиеся в мордовских селах: «Таунсяй! Пусть коровы отелятся ..., все телочки. Таунсяй! Белые животики. Таунсяй! Кудрявые хвостики...»[7]

Колядовали о семейном благополучии, здоровье, плодородии земли и приплоде скота. Как отмечают исследователи, славильные песни и коляды вошли в мордовскую обрядовую культуру со времени приобщения мордовского народа к христианству[8]. В Ичалковском районе русские ходили колядовать под Новый год. В основном это были дети, молодые парни и девушки. Для этого изготавливали фонари из бумаги, святочные лампы, фонари из тыквы, запасались зерном. Со смехом и прибаутками ходили по домам. Подходя к дому, бросали горсти зерна в окно. Аналогичные обряды отмечены исследователями среди русских по всей территории России[9]. Подобное бытует и среди мордвы.

Цикл масленичных обрядов представлен катанием на лошадях, с гор, гуляньями, посещением родственников, угощением блинами, проводами зимы. Масленицу праздновали в каждом доме, и памятна она прежде всего вкусной и обильной едой. Хозяйки собирали молоко и сметану, масло, яйца, творог. У восточно-славянских народов, особенно русских, масленица славилась блинами. Пекли блины, как правило, из дрожжевого теста. Мука бралась самая разная: пшенная, пшеничная, просяная, ячменная, гречишная, манная и даже гороховая. Так как основной возделываемой злаковой культурой в Мордовии было просо, то и наиболее распространенными были пшенные блины. По сведениям информаторов из Ельниковского и Ковылкинского районов, сначала просо очищали от шелухи специальными лопатками, затем очищенное пшено толкли в ступе деревянными пестами, из полученной пшенной муки производили выпечку[10]. Сегодня

обычно используют пшеничную муку, а между тем истинно русские блины — из гречишной. Блины из гречневой муки называли «красными»[11] Многие жительницы с. Подлесная Тавла Кочкуровского района выпекают гречневые блины. По словам информаторов из с. Ельники Ельниковского района, их женщины в основном готовят пшенные или манные блины[12]. В с. Старые Авгуры Краснослободского района жительницы готовят манные блины[13], а в с. Сивинь для придания пышности и мягкости, добавляют немного манки и крахмала[14]. Известны и крахмальные блины[15].

На Масленицу всегда принимали гостей и сами ходили в гости. К этому дню заканчивали играть свадьбы, молодоженам полагалось посещать родственников. В пятницу теща приглашала зятя на блины и собирала других гостей. Ритуалы «тещиных блинов» разные, однако главный момент сохранялся — молодые должны навестить дом родителей невесты («ездили к теще на блины»). По рассказам информаторов, отец, недавно отдавший дочь замуж, запрягал лошадь в специальную праздничную упряжь и ехал за молодыми. Как отмечают жители Рузаевского района: «Зять жил у тещи три дня»[16]. Этот праздник не только знаменовал поворот природы к лету, но и был своеобразным этапом приобщения вновь созданной семьи к родственному коллективу.

Большая группа обрядов сосредоточена вокруг Пасхи — главного церковного праздника христиан. Пасхальные обычаи русских хорошо изучены и описаны в научной литературе. Это и соблюдение предпасхального поста, и посещение церкви, и крашение яиц как символа воскрешения Христа, и пасхальная трапеза. По сообщениям информаторов, яйца в основном красили луковой шелухой, специально копившейся к этому случаю. Использовались и другие естественные красители: плоды шиповника, травы. В с. Шалы Атюрьевского района яйца, например, красили только листочками от деревьев и получались они светло-зеленого цвета. Обязательно выпекались пасхальные куличи. Русское население Мордовии сохранило самобытность пасхальных обрядов и традиций, присущих русским по всей России, например, среди русских не принято на Пасху посещать кладбища. Этот день церковью объявлен как день всеобщего ликования по поводу воскрешения Иисуса Христа. Для посещения кладбища отводится вторник после пасхальной недели — Родительский

день, специально установленный церковью для поминовения усопших. Исследователи мордовской культуры отмечают обычай посещать могилы умерших в день Святой Пасхи. «В этот день мордва устраивала поминовение предков. У них просили содействия в получении хорошего урожая, размножении скота, молили беречь людей от болезней и всякого зла. Для этого ходили всей семьей на кладбище. Затем приглашали умерших родичей домой, помыться в бане, которую топили специально для них»[17] Заранее крестьянские женщины пекли пироги, пшеничные блины, оладьи, кокурки, готовили пшенники и лапшенники, варили мясо, студень, жарили яичницу, готовили также кутью, пироги, калачи, сырники, крашеные яйца, вино, пиво.

Со всеми этими яствами они отправлялись на погост, куда приходил священник с причтом, чтобы служить на могилах панихиды. Едой делились с покойниками: яйца, блины и прочие угощения крошили на могилах и оставляли там. На могилы лили масло, вино, пиво; все это делалось «мертвым на еду», по могиле катали яйца. В Зубово-Полянском районе в с. Пружанка на кладбище обязательно приносили с собой, помимо крашеных яиц, горсть пшена для птиц. Это связано с поверьем, что птицы будут навещать души умерших людей.

Большой праздник, знаменующий конец сева — Троица. Этот праздник впитал в себя дохристианские обычаи, связанные с почитанием растительности, которая в это время распускалась и цвела. Зеленью и цветами во время летних праздников украшали дома, улицы и церкви. В с. Майдан Инсарского района, где проживает и русское и мордовское население, на Троицу «собираются дети и подростки, идут в лес, чтобы набрать ветки березы, клена или черемухи. Ветками березы и клена украшают окна и двери домов. А на листьях черемухи в русской печке пекут яйца. Аромат необыкновенный. Этим зазывают добрых духов в свой дом»[18]. Береза, как культовое дерево, растущее в средней полосе России, почитается и русскими и мордвой.

Осенний период сельскохозяйственного календаря у русских начинается со времени сбора первых урожаев — с августа и продолжается до декабря. Первые две-три недели августа в народе называли спасовками. Начинался период осенних полевых работ. В эти дни отмечали три праздни-

ка: 1 августа по старому стилю — медовый спас, 6 августа — яблочный и 16 — ржаной или хлебный. На медовый спас варили «медяные» квасы и угощали всех, пришедших в гости. Выбрав лучший липовый сот, несли в церковь «на помин души». В этот день совершали водосвятие — всех источников: озера, реки. После водосвятия крестьяне купались сами, купали лошадей, а пастухи пригоняли с пастбищ домашнюю скотину и вгоняли ее в реку[19]

Второй Спас повсеместно называли яблочным, так как с этого времени разрешается есть садовые плоды и огородные овощи. Если кто по забывчивости или невоздержанию пробовал яблоко раньше срока, тот не должен был есть их в течение сорока дней после спаса, чтобы тем самым искупить свою вину. Существовало поверье, что в царствии небесном детям, родители которых до второго Спаса не едят яблоки, раздают яблоки, а тем, родители которых пробовали яблоки, не дают. Поэтому многие взрослые, особенно те, у которых дети умирали, до второго Спаса считали за великий грех есть яблочки. Второй спас назывался еще и Спасом на горе. Вся паперть в приходских церквах в этот день была заставлена столами, на них лежали горы гороха, картофеля, огурцов, репы, ржи, ячменя, яблок. Эти плоды священник благословлял после обедни и читал над ними молитву. За это благодарные прихожане ссыпали ему в особые корзины так называемые начатки, т. е. понемногу каждого сорта принесенных плодов. После освящения и благословления крестьяне набожно осеняли себя крестом и разговлялись яблоками. После освящения часть фруктов раздавали неимущим. Посылали прихожане освященные плоды и больным людям. Тех же, кто не исполнял этого древнего обычая, считали людьми непристойными; о таких говорили: «Не дай-то боже с ним дела иметь! Забыл он старого и сирого, не уделил им от своего богачества малого добра».

Третий спас крестьяне называли Спасом на полотне или ореховым потому, что к этому времени поспевал лесной орех. Дети с лукошками шли в лес за орехами, приговаривая: «Спасибо Спасу лесному, ореховому, ржаному. Спасу урожайному». В народе этот день называли также Спасом хлебным, ржаным. На этот праздник пекли пироги из нового хлеба, святили рожь на озимые, чистили к осени целебные источники, пили подземную воду, обходили колодцы.

Покров отмечается 14 октября по новому стилю. В Мордовии праздник Покрова один из самых любимых. К Покрову дню крестьяне заканчивали все полевые работы. Информаторы отмечают, что «Божья матерь засевает поля, а Покров собирает плоды». С этого времени начинаются свадьбы, отсюда и название Покров — свадебник. Существует поверье: «Покров весело проведешь, дружка милого найдешь», поэтому этот день отмечают как можно веселее[20]. В с. Редкодубье Ардатовского района 14 октября на престольный праздник обязательным блюдом были котлеты. Чугуны, доверху наполненные котлетами, по целому дню томились в печи, что придавало им особые вкусовые качества.

Сходство и взаимовлияние обрядовой культуры русского и мордовского народов прослеживаются и в праздниках жизненного цикла, к которым относятся рождение, свадьба, похоронно-поминальные обряды. Хотя в них больше, чем в календарных праздниках сохраняется традиционность и самобытность, что связано, по всей видимости, с тем, что они менее подвержены влиянию времени.

Свадебная обрядность — один из наиболее устойчивых компонентов традиционно-бытовой культуры. В ней прослеживаются пережитки архаических форм обычаев, верований, семейно-брачных отношений, формировавшихся в различные исторические эпохи. В свадебных обрядах ввиду их особой стойкости отчетливо проявляется этническая специфика бытовой культуры различных групп населения, особенно в полосе смежных этнических территорий в условиях, благоприятных для прямых контактов этноса, что характерно для русского населения Мордовии. На территории республики свадебная пища чрезвычайно разнообразна. На свадебный стол подавались рыбники, курники, каши, яичница, блины, калачи, сочни, орешки, пельмени, всевозможные напитки. По традиции свадебный ужин начинался с холодных блюд. Праздничным блюдом считался холодец[21]

Рыбник или по другому «расстегай» считали обязательным блюдом на свадебном столе. Начинка для расстегаев, как правило, готовится из рыбы, но можно использовать и мясо, ливер, рис, грибы. Открытая середина пирога делает его как бы расстегнутым, отсюда и название — «расстегай». К предсвадебной трапезе в доме невесты не приступали до тех пор, пока дружка и стольник не раскроют рыбный пирог палочкой. Этот обычай назывался «проеданием неве-

сты». Рыбник съедался в знак окончательного закрепления брачного договора. В северных районах Казанского Поволжья во время свадебного обряда было принято, чтобы теща «перво-наперво угощала зятя рыбником». Рыбник в качестве первостепенного ритуального блюда, с которым совершали аналогичные действия, известен в северных, а также некоторых верхневолжских губерниях[22]. Следующим важным ритуальным блюдом была каша. Ее варили на свадьбах и кормили ею молодых. Каша в данном случае символизировала посев и плодородие. Часто она была единственной едой молодых на свадебном пиру. Со дня каши свадьба и начиналась. Этот обычай находит свои параллели и в традиционной мордовской свадебной обрядности, где есть обряд кашадо ярсамо чи[23]

Другое, не менее распространенное свадебное блюдо, — курник. Это пирог округлой формы, замешанный из пшеничной или полбенной муки на сливках, с начинкой из курятины. Обязательным компонентом курника является куриное мясо, в старину его клали в пирог крупными кусками и даже вместе с костями. Курица считалась символом плодородия. По традиции курник выпекали в доме жениха и невесты. Пирог жениха украшался человеческими фигурками из теста, а на курнике невесты были цветы — символ женственности и красоты. Иногда внутрь курника запекали яйца в скорлупе, а сверху украшали куриной головкой из теста.

На свадьбу также готовили пельмени. Это излюбленное сытное блюдо с начинкой из мяса. Стряпали пельмени всей семьей и в огромных количествах и варили в несколько приемов. Пельмени делали с мясом, капустой, рыбой, иногда с грибами[24] Готовые пельмени замораживали и хранили всю зиму, пока на дворе морозно. Из-за большой трудоемкости пельмени готовили редко. В Привятских районах пельмени — обязательное блюдо свадебного стола. Известно, что это блюдо распространено и у других народов Поволжья — татар, удмуртов и др.[25] Первое горячее блюдо на свадебном столе — куриная лапша. В с. Безводное Ардатовского района «лапшевник» был праздничным блюдом[26]

В ряде русских сел на территории Мордовии на свадебном пиру ставится на стол украшенная свиная голова с серебряными серьгами, ожерельем и шелковыми лентами, березовыми ветками. Это блюдо считалось обязательным «для того, чтобы вся жизнь молодых была украшена, что-

бы они ни в чем не нуждались». Это блюдо называлось «золотая борода» и готовилось также на Рождество, было известно среди русских Рязанской, Тамбовской и Пензенской областей. Подобное блюдо имелось в традиционной кухне мордвы[27] Татары, населяющие Мордовию, свиную голову украшали бумажками, лентами и ростками свеклы. Под свиную голову на блюдо клали куски вареной говядины и свинины. В первый вечер ели только эти куски, а голову оставляли на следующий день[28]. К праздничному столу у русских Краснослободского района считалось обязательным в конце застолья подавать разгонник — блюдо, приготовленное из муки и яиц с молоком. После его употребления гости непременно расходились.

Определенные семейные ценности закреплены русским народом в поговорках «Дом вести — не лапти плести», «Не надобен и клад, коль у мужа с женой лад», «Детушек воспитать — не кур перещипать», «Дитятко — что тесто: как замесил, так и выросло», «С детьми — горе, а без них — вдвое», «Хозяин в дому — что медведь в бору, хозяюшка в дому — что оладышек в меду».

Русские, проживая по соседству с другими народами, перенимали друг у друга многие способы приготовления еды и обменивались продуктами хозяйственной деятельности. Значение межэтнических связей в современной культуре наиболее ярко отражается в национально-смешанных семьях.

Таким образом, реальные и сравнительно-исторические исследования раскрывают культурное взаимодействие этнических общностей, дают возможность исследователю проследить изменение роли культуры в жизни народов региона на всех этапах его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кононенко Б. И.* Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003. С. 54.

[2] Полевой материал автора (ПМА): Лазарева А. И., 1933 г. р., с. Потьма Зубово-Полянского района, зап. 2006 г.

[3] ПМА: Минеева Н. А., 1934 г. р., с. Унуевский Майдан Ковылкинского района, зап. 2006 г.

[4] См.: *Бусыгин Е. П.* Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (сер. XIX—XX вв.). Казань, 1966. С 372.

[5] ПМА: Авдонина А. И., 1933 г. р., с. Потьма Зубово-Полянского района, зап. 2006 г.

[6] ПМА: Удалкина Е. В., 1926 г. р., д. Трусовка Рузаевского района, зап. 2006 г.

[7] См.: *Брыжинский В. С.* Серебряные цепочки. Саранск, 2002. С. 202.

[8] См.: *Корнишина Г. А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. С. 22.

[9] См.: *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 2003. С. 54.

[10] ПМА: Козлова М. А., 1927 г. р., с. Перцовое Ельниковского района; Кленина А. В., 1926 г. р., с. Токмово Ковылкинского района, зап. 2006 г.

[11] ПМА: Тремаскина Н. В., 1932 г. р., с. Мичурино Чамзинского района; Кокнаева В. В., 1930 г. р., с. Мичурино Чамзинского района, зап. 2006 г.

[12] ПМА: Маркелова А. В., 1947 г. р., р. ц. Ельники Ельниковского района, зап. 2006 г.

[13] ПМА: Тутарова Е. П., 1965 г. р., с. Старые Авгуры Краснослободского района, зап. 2006 г.

[14] ПМА: Пряхина Н. А., 1955 г. р., с. Сивинь Краснослободского района, зап. 2006 г.

[15] ПМА: Голубева В. Т., 1938 г. р., с. Новоселки Чамзинского района; Кечайкина З. И., 1945 г. р., п. Николаевка Октябрьского района.

[16] ПМА: Арюкова А. А., 1932 г. р., пос. Рузаевка Рузаевского района, зап. 2006 г.

[17] См.: *Корнишина Г. А.* Указ. соч. С. 28.

[18] ПМА: Лисенков Н. И., 1933 г. р., с. Майдан Инсарского района, зап. 2006 г.

[19] См.: *Ковалев В. М., Могильный Н. П.* Русская кухня: традиции и обычаи. М., 1990. С. 229.

[20] ПМА: Горшенина В. С., 1915 г. р., с. Муравлянка Ельниковского района, зап. 2006 г.

[21] ПМА: Барманова В. Г., 1941 г. р., пос. Дачный Теньгушевского района, зап. 2006 г.

[22] См.: *Ковалев В. М., Могильный Н. П.* Русская кухня: традиции и обычаи. М., 1990. С. 102.

[23] См.: *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья. Казань. 1973. С. 52.

[24] См.: *Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Материальная культура русского сельского и городского населения Приуралья (XIX — начало XX в.) // ТИЭАН СССР, Новая серия, Т. LVII, М., 1960. С. 147.

[25] См.: *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973. С. 154.

[26] ПМА: Тужилкина Т. Г., 1925 г. р., с. Безводное Ардатовского района, зап. 2006 г.

[27] См.: Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 197.

[28] См.: *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973. С. 157.

Поступила 16.04.07.

И. Б. ВИНОГРАДОВА

ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВА В МОРДОВСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Историческое знание о совершенстве и идеальных образцах содержится в мифах, легендах, житиях и иконах, трактатах о духовных практиках. Понятие совершенства имеет длительную историю своего становления и специфически проявляется в различных этнокультурных пространствах.

Мордовский народ — один из архогенетических народов уральской языковой семьи. Он пережил длительную и сложную историю, во многом сохранив самобытные религиозно-мифологические традиции. В них сочетаются отголоски древнейших форм верований и черты архаических религиозных систем, влияния других древних, ныне исчезнувших, традиций, а также мировых религий, особенно христианства.

Истоки мифологии мордвы (мокши и эрзи) восходят к эпохе общности финно-угорских народов (примерно II—III тыс. до н. э.). Структуру мордовской мифологии, по мнению многих исследователей, представить довольно сложно, поскольку о мифах можно судить только по осколкам единой некогда системы[1] Фольклорно-этнографические материалы, на основании которых реконструируется структура, кратки, фрагментарны, различны, иногда противоречивы по сюжетам, что связано, прежде всего, с архаичностью, утерей, влиянием иноэтнических мифологий. Однако дошедшие до нас мифы позволяют сделать вывод, что мифологическое сознание древней мордвы было направлено на обнаружение за реальными процессами и явлениями действий каких-то скрытых, сверхъестественных сил.

Как отмечают исследователи мордовской истории, «мифология является квинтэссенцией этнического менталитета»[2]

ВИНОГРАДОВА Ирина Борисовна, аспирант кафедры философии Мордовского государственного педагогического института.

Миф определяют как «основной метод общинно-родового мышления с характерным всеобщим одушевлением жизненно-родственных элементов, объясняющий мир и способ существования в нем человека»[3]. Вместе с тем следует различать понятия «миф» и «мифологическое сознание», ибо последнее представляет собой специфически-иррациональное отражение мира, а миф является объективацией мифологического сознания в вербализированных или иных знаковых формах (обрядах, изображениях).

Поскольку конечной целью морального идеала «всегда является достижение совершенно доброго мира, обладающего свойством бессмертия (вечной жизни) и противостоящего порочному эмпирическому миру»[4], для представления о нем сознание человека должно быть способно к абстрагированию и идеализации (мысленному конструированию понятия об идеальных объектах). Можно согласиться с тем, что архаичный человек потенциально был «способен к идеализации, но реализация этой способности была затруднена для него чувственно-конкретным характером его мышления»[5]. В языковом отношении для мифологического мышления мордовского народа было характерно слабое развитие абстрактных понятий. Такие сложные понятия, как «совершенство», «идеал» в силу специфики мифологического типа мышления не находили своего отражения в лексике древней мордвы. Современные словари мокшанских и эрзянских слов дают глагол «совершенствовать» в значении «улучшать», что означает «в высшей степени хороший»[6]

Миф правомерно рассматривать как предварительное жизненное условие мордовской (как и любой другой) культуры, потому что посредством его складываются и оформляются определенные ценностные ориентиры. Как показывают исследования Р. Литона и К. Клакхона, «всем человеческим культурам (включая самые первобытные) внутренне присущи такие моральные принципы, как взаимоуважение, справедливость, ответственность родителей, послушание детей, запрет воровства, лжи, убийства члена своей группы»[7] Нравственность мордовского этноса основана на таких качествах, как преданность общине, почитание старших и забота о младших, скромность, храбрость, великодушие, доброта, любовь к родной земле.

Заказ № 5077

Первобытная мораль мордвы не знала фанатизма и догматизма, контроля за мировоззрением и внутренним душевным миром людей. Она отличалась большой гибкостью, реализмом, умением приспособиться к обстоятельствам. Нравственное сознание первобытных людей было, в конечном счете, ориентировано на соблюдение ритуалов, понимаемое как выполнение своего священного долга. Спецификой архаичной морали было доминирование практики над сознанием, однако «пока субъекты морали сознательно и добросовестно выполняют свои обязанности, живет и нравственная культура»[8]. В архаичной мордовской культуре была развита система различных религиозно-магических обрядов, молений, заговоров, заклинаний. Чтобы привлечь к себе благоволение божеств и отвлечь гнев, мордва приносила жертвы, о необходимости которых, якобы, боги дают знать забывчивым людям, насылая стихийные бедствия. Жертвоприношения мордва совершала всем божествам своего пантеона, весьма многочисленного, и размеры их зависели от значимости просьб, с которыми обращались к богам. До нас дошли свидетельства о человеческих жертвах, приносившихся по решению общинного схода[9].

Ранние формы верований связаны с тотемическими представлениями о зооморфных предках. Этнографические материалы дают основание утверждать, что мордва отождествляла себя прежде всего с теми объектами природы, которые сама особо почитала[10] Это почитание порождало стремление уподобиться данному объекту или хотя бы его части (когтю, зубу, шерсти, шкуре). Прикасаясь к последним, храня их в качестве амулетов, человек полагал, что находится под их защитой, обретает присущие им свойства: силу, хитрость, могущество. Таким образом, отождествление-уподобление выступает в качестве примитивного средства совершенствования человеком своей природы. Почитая природное как сверхъестественное, человек ощущал себя малой и слабой частицей того мира, которого он не мог понять, но к которому хотел приобщиться, приблизиться и обрести его более совершенные черты.

Проживая в условиях лесного ландшафта, мордва была оседлым народом с земледельческой культурой. Поэтому не случайно в ее фольклоре зафиксирован большой цикл пе-

сен-мифов, изображающих процесс утверждения земледелия, говорящих о превосходстве этой разновидности хозяйства над охотой и рыбной ловлей, как недостаточно продуктивными и рискованными промыслами. В песнях-мифах об охотнике и утке нашли отражение отношения людей к своим родовым предкам. Утка предстает как тотем рода, к которому принадлежит охотник. По этой причине она выступает то человеком, то запрещенной для охоты птицей, и убивший ее (нарушитель родового запрета), совершает тяжкое преступление[11] Позитивным или негативным в нравственном смысле выступает охотник в зависимости от того, убийца он утки, как бывает в большинстве случаев, или же избавитель, могущий стать ее женихом или мужем. В ряде песенных мифов утка — девушка, принявшая образ птицы. Если охотник не убивает птицу, не нарушает морального табу, то вознаграждается за добродетель. В тех же песнях-мифах, в которых охотник, семейный человек, оказывается бездумным, не прислушивается к просьбам зверя или птицы и совершает убийство, птица (зверь) заранее предупреждает его, что в таком случае погибнет и семья охотника. Возвратившись домой, он не застает в живых ни жены, ни детей и только тут осознает тяжесть своего преступления.

Очевидно, что здесь имеет место нравственный реализм, отраженный в схеме: запрет — нарушение запрета — наказание. В песнях об охотнике и утке нельзя, вместе с тем, видеть лишь осуждение бездушного человека. В них утка прежде всего жизнедательница, а потом уже птица. Эта утка отличается необыкновенной красотой оперения, величественным видом, связью с человеческим родом (заколдованная женщина). Иногда она — птица верхнего бога Верепаза или божества леса Вирявы. В то же время заповедная утка, запрещающая убивать себя, — не только тотемное животное и добрая невеста, но и карательница человека, занимающегося немирным, неземледельческим трудом. Образ добра и красоты, заключенный в утке, неотделим от образа опасного, карающего существа. Этот синкретизм восприятия моральных качеств будет еще долгое время характерен для мордвы, замедляя процесс формирования нравственного идеала.

По воззрениям дохристианской мордвы, божества — это первые хранители интересов рода, ближайшие к людям

представители потустороннего мира. Таких божеств было много, однако на первом месте стояли духи, покровительствующие жилищу[12]

Специфика мордовской мифологии — преобладание женских божеств. Это божества-покровительницы земледелия, животных, промыслов, природы, стихии (воды, леса, огня, ветра и т. д.). У них, по воззрениям мордвы, имеются мужья и дети, но они самостоятельной роли не играют, выступают только помощниками богинь, исполнителями их воли. Патриархальная теогония стала проявляться, вероятно, довольно поздно и до крещения мордвы (XII—XIII вв.) еще не успела сложиться в стройную систему, вытеснить матриархальный „Олимп“

Покровительницей Земли являлась Масторава, ее помощницей — Модава. Хозяйка земли Масторава, по поверьям мордвы, обладала плодотворной силой. Образ ее антиномичен в нравственно-ценностном отношении: будучи одной из главнейших богинь мордовского пантеона, Масторава была наделена как благотворной, так и разрушительной силой (могла навлечь болезнь и даже лишить жизни). Кроме того, она обладала безобразной внешностью: это некрасивая женщина «с черным лицом, длинным носом, толстыми губами»[13] Но эта некрасивость не выступает как отрицательная характеристика богини и связана не с ее «внутренними качествами», а с отождествлением ее с черноземом и ландшафтом. Безусловно, подобный облик отражал страхи первобытных людей перед могуществом богини.

Общим свойством богинь матриархата было некоторое безразличие к человеку. Они существуют без каких-то стремлений или борьбы, просто живут как духовные сущности стихий. При этом, например, вода и водяная женщина Ведява, которая жила в каждом водоеме, не тождественны друг другу. Но все, что случается с человеком через воду (дурное и хорошее), связано с этой женщиной. Чтобы никто не утонул от них откупались, бросая в воду монеты, пшено, хлеб или хмель для медового вина. Ведява, как и другие богини, может наслать болезнь, поэтому ведьмы обращаются к ней с просьбой принять дар и исцелить человека. Ведява — покровительница брака и деторождения. Неисполнение обряда беременной женщиной могло повлечь смерть ребенка во время родов или его немоту впоследствии[14].

Вармава, богиня ветра, Вирява, божество леса, другие богини также несли людям как добро, так и зло. Следовало всегда почитать богов и задабривать, принося жертвы или обращаясь к ним с просьбами.

Роль домового выполняла Кудява. Это божество дома, охранявшее быт и уют, но если ее рассердить, она могла навлечь неприятности. Следует особо отметить, что Кудяве принадлежит надземная часть дома, но не подземелье. В отличие от античной мифологии, богиням древней мордвы не принадлежало небо (или вершина высокой горы), они обитали на одной пространственной линии с людьми. Но в сознании человека «низ» (подпол в избе, глубокий темный овраг) ассоциировался с неуправляемыми темными силами, бесконечным злом, и вызывал панический страх. В представлениях мордвы, нижняя зона—мир усопших, позднее — место для душ грешников. Понятия об аде и рае (как, например, у славян) у языческой мордвы сформировано не было.

Во всяком месте Природы мордва обнаруживала свою аву (богиню). Кажется очевидным, что богини не обладали совершенной нравственностью. Будучи покровителями людей, они легко сердились, и в этом случае были способны на различные мстительные действия. Архаичный человек не воспринимал этих богинь как нравственный эталон, не подражал им, а только боялся и просил покровительства. Этот первобытный страх — следствие неразвитости сознания и мышления, не способных установить причинно-следственную связь и проникнуть в глубинную суть событий. В результате ответственность за все негативное (как и позитивное) в судьбе человек возлагал на переменчивых в настроении могущественных богинь. Вместе с тем в архаическом сознании народа зрело формирование оппозиционного мировосприятия, в чем проступает стремление представить в упорядоченном виде то, что окружает человека, как темную бездну, перед лицом которой может возникнуть лишь страх. Это впоследствии сыграет важную роль в становлении нравственного идеала в мордовской культуре.

Серьезный шаг в данном направлении будет осуществлен в связи с распадом первобытности. Появляется самый могущественный хозяин — верховный бог, творец Шкай (м.), Нишке, Нишке-паз (э.), подчинивший себе все другие

божества, считавшиеся сначала покровителями, а затем и хозяевами тех или иных сфер природы и жизнедеятельности людей. Одновременно появляется образ его антипода — Идемевся (э.), Шайтана (м.) (тюркское заимствование), воплощающего злое начало. Таким образом, в мордовской мифологической картине мира постепенно формируется бинарная оппозиция как универсальное средство познания мира. Мифологическая система поднимается на новый уровень, ибо возникают параметры универсального описания: хорошее—дурное, жизнь—смерть, свет—тьма и т. д. В результате раздела универсума на свет и тьму, абсолютное добро и абсолютное зло развивается моральное сознание человека и общества в рамках концепции должного и сущего. Должное — это лишенный конкретизирующих характеристик универсальный идеал, описывающий совершенного человека и идеальное общество. Этот идеал абсолютно прекрасен, но до конца принципиально не реализуем. Другим элементом оппозиции является сущее. В общем смысле сущее есть мир реальности, в котором живет человек, исповедующий идеал должного. Поэтому сущее есть реальность, рассматриваемая через призму должного. Открыв для себя должное, человек осознает, что мир ему не соответствует. «Отсюда фундаментальное, статусное, ценностное и онтологическое различение должного и сущего. Должное — сакрально и благодатно. Сущее — профанно и безблагодатно»[15].

Эта концепция не нашла своего окончательного становления в рамках мифологического сознания древней мордвы. Мир ее всегда наделялся амбивалентными свойствами. Понятие об абсолютном добре и зле приходит с признанием единобожия, установлением христианской религии. Следует отметить, что христианство в данном случае представляло собой лишь сравнительно поверхностное, в значительной мере формальное наслоение над глубоко укоренившимися древними, самобытными верованиями и обрядами, в силу различных обстоятельств оказавшихся весьма живучими и сохранившимися до наших дней.

Тем не менее, человек, его культура и нравственное сознание не могут существовать вне идеала. Его образ формируется благодаря заимствованиям из других культур (индоиранской, славянской), но в первую очередь — христианской. Осознав и по-своему объяснив несовершенную

сферу сущего, мордовский народ постепенно открывал для себя сферу должного, ассоциируя ее с небом, которое создал и в котором обитал Шкай. Слова „Шкай“, м., „Паз“, э. переводятся подобно христианскому — Бог. Это Бог огня, любви, неба, семейной жизни, обладающий большой силой добра. Его представляли высокого роста, с большими глазами и бородою до земли. Иногда он ходит под окнами, чтобы подслушать мечты людей и исполнить их. Подобно христианскому Иисусу, он послан к людям богом-отцом Чипазом, и тот жил на земле, помогая им и уча добру. Но, подстрекаемые чертом, Шайтаном, люди убивают Шкая, который возносится на небо. Так представляется грехопадение человека, перекликающееся с христианскими верованиями о смерти Спасителя. В наказание за содеянное Бог мстит людям: Солнце стало светить в 7 раз меньше, зима стала в 7 раз суровее; земля потребовала усиленного труда, урожай стал хуже[16]

Большой антропогонический интерес представляет миф «Рождение земли (Человек)», согласно которому Нишкепаз создал человека в качестве помощника для себя в материальном мире: «Смотрит Инешкай на Масторaву — нет людей на ней, она пустынна. Лесорубов нет в лесах высоких, косарей нет на лугах зеленых. Для чего леса без лесорубов? Без косцов зачем трава густая?»[17]. Таким образом, Бог оставил право материального труда и творчества за человеком, за собой сохранив лишь стихии. Какую возможность для совершенства даровал он при этом человеку? Божественный дух для работы с материей породил нечто промежуточное — человека, который с одной стороны, материален, с другой — имеет душу и через это связан с планом богов. По воли богов, дух человека должен обратить себя к земному миру. Однако стремление к знанию зовет душу и к освоению духовного плана, постижению сферы должного. Боги, являясь идеальными сущностями, принадлежат к духовной реальности. В отношении духа достижение законченного совершенства является возможным, в отличие, от материального мира.

Таким образом, нравственный реализм архаичной культуры мордвы выступает как исторически первая форма нравственности, обладающая многими достоинствами. Он является начальным этапом, почвой развития индивиду-

ального сознания, формирования активной духовной жизни, что представляет необходимое условие реализации перфективного устремления.

Среди важнейших особенностей мифологического сознания мордвы, препятствующих становлению нравственного идеала, можно назвать, во-первых, отсутствие в эмоционально-образном языке первобытного народа абстрактных понятий («моральное добро», «идеальное состояние», «совершенство» и т. п.); слабое развитие способности отделять свойство предмета от самого предмета.

Во-вторых, стремление к духовному возвышению как результат саморефлексии было блокировано в силу специфики архаичного сознания, его синкретизма. Человек был вписан в структуру общества, а оно, в свою очередь, являлось частью природы. Таким образом, затруднялось формирование индивидуального самосознания.

В-третьих, представление о мире как гармонии, с необходимостью содержащей в себе антиномию «добро—зло». Любое нарушение этой гармонии, по представлениям древней мордвы, могло повлечь за собой наказание, а потому вызывало страх. Сущность нравственной жизни состояла в исполнении ритуалов, задабривающих богов, т. е. в поддержании свыше установленного порядка. С этим связаны неспособность мыслить, подсознательный отказ от признания существования совершенного, идеально доброго мира (как и абсолютно злого мира).

Постепенное преодоление этих факторов в процессе цивилизационного развития, приобщения к русской, а затем европейской культуре, привело к становлению нравственного идеала как ведущего элемента духовной культуры мордовского народа. Однако зачатки представлений о нравственном идеале, путях самосовершенствования заложены именно в мифологическом сознании.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Девяткина Т. П.* Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск, 2006; *Мокшин Н. Ф.* Мифология мордвы: этнографический справочник. Саранск, 2004; *Юрченкова Н. Г.* Мифология в культурном сознании русского этноса. Саранск, 2002.

[2] *Юрченкова Н. Г.* Указ. соч. С. 4.

[3] Там же. С. 5.

[4] *Брейкин О. В.* Становление нравственного идеала в культурах Древнего мира. Саранск, 1996. С. 5.

[5] Там же. С. 8.

[6] Русско-мокшанский словарь. М., 1951. С. 551; Русско-эрзянский словарь. М., 1948. С. 350.

[7] Цит. по: *Брейкин О. В.* Указ соч. С. 20.

[8] *Брейкин О. В.* Указ. соч. С. 18.

[9] См.: *Мокшин Н. Ф.* Мифология мордвы... С. 52—53.

[10] См.: *Самородов К. Т.* Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980. С. 112.

[11] См.: *Маскаев А. И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 227.

[12] См.: *Девяткина Т. П.* Мифология мордвы... С. 117.

[13] Там же. С. 191.

[14] Там же. С. 115.

[15] *Яковенко И. Г.* Эсхатологическая компонента российской ментальности (Связи, обусловленности, логика актуализации) // Обществ. науки и современность. 2000. № 3. С. 88.

[16] *Девяткина Т. П.* Указ. соч. С. 203—205.

[17] *Шаронов А. М.* Масторава. Саранск, 2003. С. 30.

Поступила 26.04.07.

Ю. Н. СУШКОВА

ТРАДИЦИИ ВОИНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ У МОРДВЫ

Традиционные воинские состязания представляют собой один из важнейших пластов народной культуры. Безусловно, имеется этническое своеобразие воинской субкультуры как особой отрасли народной, этнической культуры, обусловленной необходимостью самозащиты, обороны своего дома, деревни, общины, народа, страны в целом, а в определенных случаях и нападения на противника, супостата. Составной частью этой субкультуры являются ристания, состязания в борьбе или кулачном бою, своими корнями восходящие к первобытному человечеству. Специфика воинского дела выявляется при анализе народной игровой культуры, включающей игры и игровые формы в общении, этнопедагогике, этноправоведении, этнополитике, обрядовой и иных сферах жизнедеятельности народа.

Первые упоминания о воинских традициях мордвы содержатся в заметках римско-католического миссионера, монаха-доминиканца, венгра Юлиана, возвращавшегося из столицы империи монголов Каракорума (в 1237 г.) и писавшего: «Возвращаясь из упомянутой Венгрии, проехал по реке в пятнадцать дней царство Мордвинов («regnum Morduanorum»). Мордвины язычники и до того жестоки, что у них считается никуда негодным тот, кто не убил много людей. Если кто-нибудь у них идет по дороге, несут перед ним головы всех людей, убитых им, и чем больше голов, тем лучше он сам. Из черепов делают чаши и охотно пьют из них. Жениться тому нельзя, кто не убил человека»[1]

Путешественник, отметив жестокость мордвы, возможно пытался поразить воображение европейцев необычностью, экзотикой увиденного им во время путешествия, но не

СУШКОВА Юлия Николаевна, доцент кафедры теории и истории государства и права Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

исключено, что в этом описании есть и доля истины, поскольку обычаи захвата и ношения трофеев, в том числе и голов убитых воинами людей, вырубленных верхних челюстей, скальпов, берцовых костей в качестве своеобразных флейт, черепных крышек, как чаш для горделивого питья, зафиксированы и у других народов. По свидетельству Юлиана, в «царстве Мордвинов» нельзя было жениться тому, кто не убил человека. Вряд ли стоит подвергать сомнению бытование этого обычая у древней мордвы, ведь известны не только первобытные, но и предклассовые общества, где мужчина не мог стать полноправным членом общины и получить право вступить в брак, пока не совершил убийство кого-либо из чужаков. Человек обязан был убить, иначе он становился объектом всеобщего презрения [2]

Свидетельства Юлиана о воинском менталитете средневековой мордвы подтверждает австрийский государственный деятель и дипломат, историк С. Герберштейн, дважды (в 1516—1518 и в 1526—1527 гг.) совершивший путешествия в Московию. В сочинении «Записки о Московитских делах» он отмечал, что мордва — люди «в высшей степени свирепые, потому что не раз храбро отражали даже татарских разбойников, ... отличаются продолговатыми луками и искусством метать стрелы»[3] Исключительное значение как исторический и этнографический источник знаний о воинском деле мордвы имеет работа голландского ученого-путешественника, бургомистра Амстердама Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» (1692 г.), в которой, характеризуя мордву, он писал: «Мужчины воинственны, ... воюют большей частью пешими, ... суровые, живут грубо и чистоплотно. Они подчиняются царю... Мордвины крепкого сложения, ведут часто борьбу со своими соседями, татарами» [4].

О ратном мужестве мордовских воинов свидетельствуют и русские документы, начиная с древнерусских летописей, в которых нашли отражение события, связанные с мордовско-русскими и мордовско-булгарскими взаимоотношениями, монголо-татарским вторжением на Мордовскую землю, участием мордвы в покорении Казани и др. В XV в. по мере роста освободительного движения, борьбы с остатками Золотой Орды, в том числе Казанским ханством и Ногайской Ордой, мордовско-русские связи продолжали укрепляться. В 1444 г. совместными усилиями русских и мордовских

войск под Рязанью (на р. Листани) было разбито войско татарского царевича Мустафы. Об этом событии в Патриаршей летописи сказано: «... и приидоша на них Мордва на ртах (лыжах. — Ю. С.) с сулицами (сулица — ручное, холодное оружие, род копья. — Ю. С.) и с рогатинами и с саблями; а казаки Рязанскиа такоже на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями з другиа стороны» [5].

Весьма примечательны состязательно-игровые традиции, способствующие выработке умений, навыков и качеств, необходимых в ратном деле. Так, широкое распространение у мордвы имели традиционные кулачные бои «стенка на стенку» и «один на один». Драка кулаками, без применения оружия, для забавы, при соблюдении определенных правил — одна из старинных форм противоборства. «Лежачего не бьют», «не бить сзади», «не иметь злобы на противника», «не бить с подножкой», «биться полюбовно», «не бить ногами», «закладок (заначек, кремней, чугунных перчаток) в руки не брать» — вот обычно-правовые нормы проведения кулачных боев, освященные многовековой народной традицией мордвы. По многочисленным свидетельствам современников, нарушение бойцами традиционных правил состязаний кулачных бойцов осуждалось обществом и сурово наказывалось: «выгоняли с поля боя», «избивали нарушителя», «обличали обманщиком и мошенником», «запрещали участвовать в дальнейшем в кулачных боях», «признавали трусливым, бесчестным» и т. п.[6]

Специфическим элементом мордовского боя «один на один» является применение, помимо ударов кулаками, захватов и некоторых других приемов борьбы. Например, ухват друг друга за шею и пояс, сваливание навзничь. Уникальным художественным описанием кулачного боя с участием борцов мордовского происхождения стала повесть М. Горького «В людях». В повести кулачный бой представляется не просто как обычный силовой акт решения конфликта, а как спортивно-состязательный, театрализованный ритуал, не говоря уже о победе, имевшей жизнеутверждающее значение для соперников. Знаменитый боец-мордвин Василий Иванович, выступавший со стороны мужиков-отходников, состязался с представителем горожан — Капендюхиным. Для побежденного в бою Капендюхина борьба с мордвой стала его навязчивой целью в жизни: «жив быть не хочу, а одолею

мордву!». Для этого он «отказался пить водку, перед сном вытирал тело снегом, ел много мяса и, развивая мускулы, каждый вечер многократно крестился двухпудовой гирей». Однако усилия Капендюхина не привели к желанному результату, и он решился на обман — зашил в рукавицу куски свинца. Обман в дальнейшем был раскрыт[7]

М. Горький описывает бой мордвина с другим участником — Ситановым: «Бойцы, зорко присматриваясь друг к другу, переминались, правые руки вперед, левые — у грудей. Опытные люди сейчас же заметили, что у Ситанова рука длиннее, чем у мордвина... Ситанов замахнулся правой рукой, мордвин приподнял левую для защиты и получил прямой удар под ложечку левой рукой Ситанова, крикнул, отступил и с удовольствием сказал: — Молодой, а не дурак! Они начали прыгать друг на друга, с размаху бросая в грудь один другому тяжелые кулаки... Мордвин был много сильнее Ситанова, но значительно тяжелей его, он не мог бить так быстро и получал два или три удара за один. Но битое тело мордвина, видимо, не очень страдало, он все ухал, посмеивался и вдруг, тяжким ударом вверх, под мышку, — вышиб правую руку Ситанова из плеча. — Разводи — ничья! — крикнуло сразу несколько голосов, и, сломав круг, люди развели бойцов. Мордвин добродушно говорил: — Не велико силен, а ловок, богомаз! Хороший боец будет, это я говорю на весь народ»[8]

В рассказе «Знахарка» М. Горький сообщает о крепкой мордовке Иванихе, применявшей уникальные мордовские приемы борьбы в охоте на медведей. «Била Иваниха зверя, — отмечает писатель, — «по-мордовски»: обкладывала правую руку лубками, окручивала ее до плеча сыромятным ремнем, в кисть брала нож, а в левую руку — короткую, вроде тяпки, секиру. Когда зверь шел на нее, разинув пасть, она била его тяпкой по лапам и, сунув нож в пасть, вспарывала горло медведю... Эдак только мордва била медведей, это требует силы зверячьей»[9].

Дифференциация на группы (партии) бойцов по этническому признаку характерна для неоднородных в этническом отношении регионов. Так, имеются сообщения о кулачных боях русских с мордвой в Саратовской губернии, в Чембарском уезде Пензенской губернии. Нередко в одной партии выступали вместе представители разных народов. В этих регионах «силачи» мордвины водили в «битву» «стенки» русских[10]

Вступая в поединок, часто соперники имели обыкновение троекратно обниматься и целоваться, демонстрируя то, что они намерены вести честный бой и не имеют «злобы» друг на друга. Бой «один на один» проходил, как правило, в кругу, образованном зрителями и сторонниками бойцов. Традиционно в единоборстве сходились соперники, которых общество признавало примерно равными по силе, возрасту и искусству ведения боя. Окружение активно участвовало в поддержании своего участника, в его адрес выкрикивались ободряющие пожелания и, напротив, сопернику — насмешливые, досадные, обидные слова. Нередко практиковалась жеребьевка, по ее результатам определялось право первого удара в поединке.

Кулачный бой — своеобразная форма судебного поединка, по результатам которого выносилось то или иное решение. С помощью кулачных боев делили земли, поля, сенные угодья, право пользоваться водными источниками различными общинами. Победа в них считалась решающим аргументом в судебном состязании.

Показателен сюжет, описанный в эрзя-мордовской легенде, о поле между селами Большие Ремезенки и Большое Маресево, имевшее название «Чала Пря», что на русском языке означает «место раздора». Согласно легенде, на этом месте между мужиками сел вспыхнул спор, окончившийся большой дракой. От обеих общин сельские сходы сформировали межевую комиссию, которой поручалось проследить за правильностью и честностью передела. Из Большого Маресева были избраны старики Мамай и Алют, поскольку их «на коне нельзя было объехать, ни в споре переспорить». Наблюдая за переделом, они заподозрили в главном межевом обманщика, действовавшего в интересах ремезенских. Отстаивая свои позиции на месте, Чала Пря Мамай стал препятствовать межеванию. Спор закончился кулачным боем, по его исходу и было осуществлено окончательное межевание участка[11].

По результатам кулачного боя «стенка на стенку» нередко именовались спорные объекты (поля, бортные ухожаи и другие лесные участки, сенные угодья, водные источники). Некоторые из них имели двойные, а то и тройные наименования (мордовское, татарское, русское, чувашское). Этим же способом подчас парни утверждали свой приоритет на выбор себе невесты. Методом боя «стенка на стенку» решались

и территориальные тяжбы между различными селами, как одноэтничными, так и разноэтничными. В настоящее время кулачные бои в некоторых местах продолжают сохраняться, утратив прежнее значение в качестве компонентов народных празднеств. Так, в с. Вад-Селищи Зубово-Полянского района Республики Мордовия ежегодно на Святую Троицу проводят праздник Акша Келу, ныне имеющий статус республиканского. Самые крепкие мужчины и юноши выходят помериться силами в «боряцямо кундамо» — так называется борьба, когда соперники пытаются повалить друг друга на землю, посредством особо повязанного пояса[12].

При попытке правительства регламентировать кулачные бои в Петербурге в 1726 г. в основу соответствующего документа положены некоторые народные правила.

Конечно, этико-правовые нормы далеко не всегда ограждали конфликтующие стороны от того, что мы теперь называем беспределом. Спорные ситуации нередко решались не «полюбовно», а в результате выяснения отношений, подчас кровавых, в которых преобладало право сильного, что особенно характерно во взаимоотношениях с мордвой помещичьих и монастырских властей, выступавших, как правило, заодно. Множество фактов такого рода зафиксировано в челобитных мордовских крестьян, адресованных официальным властям, вплоть до царя. Так, в выписи с межевых книг стольника Андрея Соловцова и подьячего Приказа Большого Дворца Григория Степанова о размежевании спорных земель между крестьянами мордовского села Березники Нижегородского уезда и помещиками села Берсеневки этого же уезда Михайловыми, Водовыми и др. от 18 ноября 1699 г. говорится о челобитной, направленной этими крестьянами Великому государю Петру Алексеевичу, что эти помещики и их люди «собрався многолюдством... с бердыши и с дубьем» учинили бой, «и на том своем бою прострелили деревни Березников мордвина Алешку Потапова в левую икру»[13]

В челобитной от 1 мая 1712 г. великому государю Петру Алексеевичу от старосты с. Пеля Починковской волости Федора Иванова, соцкого Никиты Кузмина и крестьян этого села говорилось о насильственном захвате у них земель помещиком с. Качкарей Саранского уезда Аникеевым. Люди этого помещика, вооружившись «пищалми с рогатины», «били

теҳ крестьян ис пищалей и из луков по них стреляли» и «увечили кистенями», и «от тех побоев многие их братья крестьяня помирали»[14]

Не уступали помещикам и монахи. В челобитной поверенных от мордвы с. Старое Алемасово и д. Новое Алемасово говорилось о захвате у них земель Саровской пустынью[15]

В другой жалобе на притеснения и захваты Саровским монастырем земель семидесяти крестьянских обществ, поступившей в Святейший Правительствующий Синод (скоропись конца XVIII в.) говорилось, что «отрекшиеся от мира монашествующие» Саровской пустыни, «заведя спорное дело, не только лишают имущества, но происками своими довели Сарминскаго Майдану жителей до того жестокого кровопролития, что человек несколько из них высечено кнутом и много из сих бедных плетьми... Они на сие взирают не только спокойным оком, но яко победители над иноплеменными торжествуют, паче увеличивая свое притеснение, о чем подано всеподданнейшая жалоба ея императорскому величеству»[16].

В борьбе за свои права, особенно в условиях революционных крестьянских бунтов и восстаний, народ часто оказывал вооруженное сопротивление стихийно. Интересный пример в архивных материалах о бунте мордовских крестьян 12 июля 1906 г. при Пайгармском монастыре. «Мордовой был произведен бунт, — сообщает пристав второго стана Инсарскому приставу, — и бунтовщики нападали на урядника Лышонкова, стражников Фанягина, Курганова, Полетаева. Курганова ударили коленом по голове, Фанягину разбили губу, отобрали шашку и бросили в пруд, а затем стали кричать, что надо разбить монастырь. В руках у них были камни, оглобли и др. ...»[17]

Таким образом, воинское дело, будучи одним из важнейших аспектов жизнеобеспечения народа, представляет собой сложное этнокультурное явление, бытовавшее у мордвы длительное время. Степень вооруженности, умение использовать эффективно имеющийся военный арсенал, навыки ведения военных действий позволяли ей сохранять свою самобытность. Военная организация мордвы в основном была нацелена на активную оборону от внешних вторжений. О значительной роли войны в жизни мордовского народа свидетельствуют произведения его фольклора, археологические,

этнографические, лингвистические материалы, документальные исторические данные, в том числе летописи, другие нарративные источники. Можно с уверенностью говорить о сложной структуре мордовского войска, состоявшего из конных и пеших подразделений копьеносцев и лучников, вооруженных копьями с массивными пиковидными наконечниками, пиками с длинными боевыми стержнями, боевыми топорами с вырезным строением обуха, бронебойными наконечниками стрел и круглыми щитами, саблями и мечами, тяжелыми копьями-рогатинами, рассчитанными на ведение не только ближнего, но и дальнего боя. Высокий уровень военной организации давал возможность мордовским полководцам (ушмодеям, тюштям, чирязам, инязорам, оцязорам, каназорам и др.) проводить значительные по своему масштабу военные действия и выходить из них победителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Юлиан.* Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 1002.

[2] См.: *Семенов Ю. И.* О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 44; *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 8—9.

[3] *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 99—100.

[4] Цит. по: *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 24—26.

[5] Полное собрание русских летописей. Т. XI—XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 62.

[6] Полевые материалы автора. Информанты: Бажаев Иван Михайлович, 1937 г. р., (с. Какино Нижегородской области), Дербенев Павел Иванович, 1932 г. р., (с. Большая Уда Нижегородской области), Дербенева Александра Максимовна, 1946 г. р., (с. Большая Уда Нижегородской области), Дербенева Варвара Петровна, 1916 г. р., (с. Большая Уда Нижегородской области), Иньшина Мария Васильевна, 1933 г. р., (с. Большая Уда Нижегородской области), Кулюмов Алексей Дмитриевич, 1915 г. р., (с. Большая Уда Нижегородской области), Кулюмова Екатерина Филипповна, 1918 г. р., (с. Большая Уда Нижегородской области).

[7] *Горький М.* В людях // Собр. соч.: В 25 т. Т. 13. С. 424—425.

[8] Там же.

[9] *Горький М.* Знахарка // Собр. соч.: В 25 т. Т. 15. С. 195.

Заказ № 5077

[10] См.: *Соколов Б. М.* Этнографическое изучение Саратовского края / Саратовский этнографический сборник. Вып. 1. Саратов, 1922. С. 17; *Горбунов Б. В.* Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских. Историко-этнографическое исследование. М., 1999. С. 66.

[11] Легенды и предания мордвы. Саранск, 1982. С. 112—114.

[12] Известия Мордовии. 2005 г. 22 июня. С. 3.

[13] Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 3. Ч. 2. С. 293—297.

[14] Там же. С. 337—342.

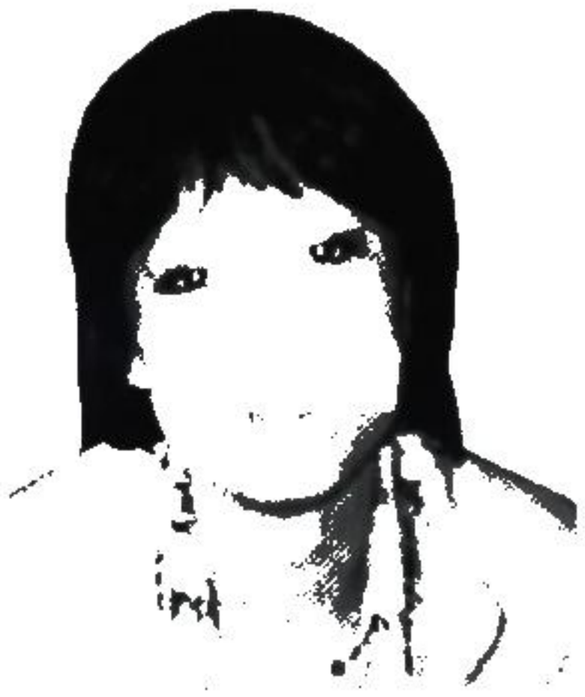
[15] Там же. С. 375—380.

[16] Там же. С. 421—422.

[17] *Соколов Б. М.* Этнографическое изучение Саратовского края / Саратовский этнографический сборник. Вып. 1. Саратов, 1922. С. 17; *Горбунов Б. В.* Указ. соч. С. 66.

[18] ЦГА РМ, ф. 18, оп. 1, д. 14, л. 194—195 об.

Поступила 10.06.06.

Е. В. КОЖЕВАНОВА

РЕЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Основополагающим теоретическим положением национальной политики СССР была идея становления социальной однородности, предполагающая стирание национальных различий. Утверждалось, что по мере разрешения противоречий между классами, в условиях социализма, носящих неантагонический характер, объективно будут исчезать и национальные различия[1] В соответствии с этой теоретической конструкцией власть перекраивала реальный образ жизни народов. Под влиянием «национальной политики» СССР в Средней Азии сложился стереотип восприятия русского этноса. Советская национальная политика воспринималась населением среднеазиатского Востока как «русская», что породило величайшее заблуждение — отождествление «русских» и «коммунистов». Произошедшая подмена тем более неправомерна, что «коммунисты, — как резко заметил Л. Н. Гумилев, — изначально представляли собой специфический маргинальный субэтнос, комплектуемый выходцами из самых разных этносов. Роднило их всех не происхождение, а негативное, жизнеотрицающее мироощущение людей, сознательно порвавших всякие связи со своим народом»[2].

Уникальным материалом в этом отношении является творчество узбеко-таджикского «русскоязычного» писателя Т. Пулатова, сформировавшегося в ситуации «транскультуры» — «виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам»[3]. Его роман о советском Узбекистане — своеобразная призма столкновения (сопряжения) двух различных картин мира, систем ценностей, принадлежащих мусульманскому ареалу, с одной стороны, и суб-

---

КОЖЕВАНОВА Екатерина Владимировна, аспирант кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета.

этносу коммунистов — с другой. Создавая произведение для русскоязычного читателя, писатель показывает процесс насаждения коммунистических и атеистических позиций в сознание человека с восточным менталитетом: чужие, навязанные нормы и ценности противопоставлены этнической доминанте мусульманского мира.

Социалистическое общество в советской Средней Азии, как это видно теперь, так никогда и не было построено. Однако в условиях активной секуляризации восточного социума возникла опасность потери исконных национальных ценностей, основу которых составляет ислам. Герои пулатовского романа могут быть поделены на «традиционалистов», живущих по древним законам мусульманского мира (в основном старшее поколение), и «хозяев жизни». Последние в погоне за «современным, модным, пахнущим, ярко блестящим»[4] (приоритетами западной культуры, основанными на материальных ценностях) теряют родовые, семейные связи, что приводит в итоге к «жестокому сиротству», духовной выхолощенности. Между ними оказывается антагонист писателя — Душан Темурий. «Другой», «пришелец», чужой и в советском интернате, и в древних бухарских кварталах. Семейное воспитание в строгих мусульманских традициях, верность кораническим заветам, заложенным в сознание ребенка бабушкой, не позволяют Душану принять новые нормы жизни, навязываемые советскими идеологами. Однако, вернувшись из интерната, герой уже не может жить по-прежнему в своем старом родовом доме, западный взгляд на мир, пришедший из советской России, рушит семейные связи, растворяет древние мусульманские традиции.

Ситуация «между», в которой оказался герой, позволят выделить ценностные доминанты мусульманского мира и советского миропонимания, причем через восприятие среднеазиатского жителя, а значит сквозь призму национальной семантики. Ментальные особенности мусульманина актуализированы, прежде всего, в этнографических реалиях среднеазиатского быта. Родовой дом-двор Душана, «окруженный с четырех сторон стенами, глухими, без окон», представлял собой замкнутое пространство, в прямом и переносном смысле, что являлось древней, идущей из Средневековья, традицией строить дома «без глаз» (в отличие от европейской, или среднерусской традиции, где окна выходили на

улицу). Замкнутость семейного быта, отчасти обусловленная затворничеством мусульманских женщин, — следствие особого отношения к дому как сакральному пространству космоса, наполненного тайными знаками, смысл которых известен только посвященным — представителям рода. В детском, по определению, мифологическом сознании маленького Душана, дом-двор — это одухотворенное строгое существо, с которым нужно вступить в сговор, чтобы тайны рода узнал и он, самый младший в семье Темурий. Именно в восточной культуре возникает понятие «соглядатай» — гость, пришедший в дом соседей узнать, все ли в семье благополучно. Поскольку спросить об этом напрямую хозяев нельзя (все узнанное и названное может быть украдено), соглядатай «после первых приветствий переходил на «птичий язык» — как называла это бабушка, — чтобы через собственные жалобы выведать тайну благополучия»[5].

Если в восточном ареале бинарная структура дом-двор — это особое, замкнутое пространство семейного быта, становящееся тайной, загадкой для постороннего, то в русском городском пространстве — явление совершенно иного толка, спровоцированное одной из идеологем советского образа жизни — коллективизмом. Ни о каких тайнах личной жизни не могло быть речи в больших многоквартирных домах, тем более в коммуналках и общежитиях. Аналогом советского дома в романе выступает интернат, куда герой попадает, как и другие мальчишки из разрушенных семей. В восприятии ребенка, только что покинувшего обособленный мир мусульманского быта, советский интернат предстает как пространство «чужое, далекое, насильно данное». Ожидавший привычной тесноты и духоты, Душан с удивлением видит большой интернатский двор, «в котором столько воздуха и солнца, криков и шума играющих в его глубине мальчиков...»[6]. Однако что-то было не так — двор казался «разгаданным, суетливым и неуютным», лишенным той тайны, загадки, которая будила когда-то в нем восторг первооткрывателя. Тягостное ощущение вызывали классные комнаты с одинаковыми окнами и дверьми.

Человек иного, чуждого в среде обитания, ментального склада, особенно ребенок, обладающий способностью к интуитивному, синкретичному мировидению, наиболее тонко воспринимает элементы психологического склада предста-

вителей других этносов. Попав в мир советского интерната, носитель мусульманского менталитета вынужден окунуться в психологическую атмосферу чуждого ему советского общежития. Первое, что удивило и обидело Душана, это страх и сознательное нежелание воспитателей замечать несправедливость — хаос драк, жестокие избиения и издевательства старших над младшими. Так, после злой шутки старших детдомовских, устроивших свалку в тесном, каменном коридоре, мальчик с недоумением замечает странное поведение воспитателей, которые вместо того, чтобы заступиться, сделали вид, что ничего не произошло. Тот же страх заставляет Абляасанова говорить путано-осторожно, отстаивая как-то вяло, будто необязательно, свои традиционалистские взгляды на воспитание: «...Но я не вижу ничего особенно дурного, если, конечно, это не все время, как принцип или закон, которому надо подчиниться... предосудительного, если историческая правда подкрепляется народной легендой... очищенной от мистики, тумана... религиозного дурмана...»[7]. Все, что правительство социалистической страны пыталось изжить из сознания мусульманина, считая это опасным для правильного формирования «идейно-нравственных качеств советского человека», воспринималось крайне настороженно или старательно не замечалось. Отказ Душана в первый день своего пребывания в интернате есть свинину, запрещенную Кораном, вызывает у воспитателя странную напряженность и растерянность: «Любопытно, — ответил Пай-Хамбаров, как-то выразительно глянув на Душана. И добавил: — Ты должен привыкнуть ее есть, иначе у нас тебе будет трудно... И, отходя от мальчика, перевел разговор опять на обыденное, продолжая шутить...»[8].

Страх — обычное состояние души в период тоталитаризма, так же, как и доносительство, ставшее нормой в социалистическом государстве, осуществлявшем жесткий контроль над действиями и мыслями советских граждан. В исламском мире судьей выступает не общество, а совесть — главная составляющая мусульманской этики. Потому Душану, привыкшему отвечать за свои поступки прежде всего перед самим собой, кажется странной и ненормальной просьба директора интерната «разоблачать дурных мальчиков». Негласные законы советского общежития были приняты большинством школьников, которые в первый же день ин-

тернатской жизни Душана «наступая, толкая..., проверяли дух новичка, желая разгадать чужую слабость, чтобы рассказать потом о ней дальше»[9]

Подчиняясь советским принципам унифицированного поведения, идеологической однородности, воспитанники интерната не только с легкостью принимают коричневую униформу, но и старательно следуют жестким правилам, навязанным коллективной жизнью мужского интерната. Нормой было обидеть более слабого, и старшеклассники отнимают у младших кулечки с едой, избивают их в темном коридоре или проделывают с ними злую шутку, называемую «велосипедом», когда между пальцами ног спящего вставляют жгуты и поджигают. Совершить подлость, низость по требованию большинства, по принципу «делай как все», неприемлемо для Душана — слишком сильны в его сознании этические установки, принятые от интеллигентной, религиозно образованной бабушки, часто читающей внуку Коран. Верность корням, традициям мусульманской культуры позволяет герою сохранить независимость и свободу личности, не поддаться унификации собственного сознания. Он — единственный из класса, кто отказался доставать кирпичи для дачи преуспевающего преподавателя.

Быть не как все, инакомыслящим, опасно в советском обществе, потому и желание Душана выделиться «своими гнилыми нравственными устоями», как выразился один из его одноклассников, в интернате вызывает раздражение и отчуждение. Мальчишки объявляют ему бойкот, а если он и дальше будет обострять обстановку, то они просто изобьют его в тесном коридоре, закрыв входы и выходы, или сделают «велосипед». Испытывая чувство горечи от того, что таджики, узбеки, русские в интернате не могут быть самими собой, жить по законам и традициям своего народа, Душан неожиданно заявляет: «Моя национальность — маис...». Когда одноклассники понимают, что бухарец их дурачит, что нет такой нации, что это всего лишь название какого-то злака, мальчик вдруг удивляет их торопливым, нервным монологом, «в котором были слышны нотки рыдания»: «Только я действительно хочу быть маисом, этой удивительной нацией, умеющей достойно вести себя среди других...». Достойно себя вести в чужом культурном пространстве можно, только сохранив преемственность поколений, семейные, родовые и

культурные связи, которые жестоко рушатся в советском интернате.

Культурное наследие народов, вошедших в состав СССР, считалось бедным, отсталым, нуждающимся в новых влияниях со стороны современных цивилизаций, и в первую очередь, советской России[10] В романе Т. Пулатова советский «интернационализм на деле» выглядит комично и жалко. Так, прогрессивно настроенные воспитатели в интернате торопятся культурно облагородить воспитанников опытом «других братских народов»: помимо узбекских национальных танцев учащиеся разучивали «евро-восточные гибриды: бухарский вальс, андижанскую польку, пскентский фокстрот, туркестанское танго...». Повышение политического сознания школьников осуществляется за счет духовных ценностей социализма. Потому и приказано было очистить интернатскую библиотеку (бывшего владельца князя Арифа) от всего настоящего: «И встали на место Гоголя и Фрейда — Суинчев, Лайлаков, Дырищев, Пилавов, Какадиев... Глянешь только на обложку, и сразу поймешь, о чем они в своих книгах пишут...»[11]. Истинное, неповторимое лицо русской культуры — литературная классика — было отвергнуто, как и богатейшие культурные традиции других народов, способствующие росту национального самосознания, этнической обособленности советских республик, что совсем не входило в планы коммунистического правительства, желающего создать единую советскую нацию.

Исламская вера, оплотом которой была семья, считалась самым опасным противником советской идеологии. Если основу мусульманского мира составляют родовые, семейные связи, уважение и почитание старших, то в стране коммунизма признавался примат общественного над личным, более того, семья, родители могли приноситься в жертву обществу. Вспомнить хотя бы миф о подвиге Павлика Морозова, породивший миллионы других «юных коммунистов».

На страницах пулатовского романа в духе настоящего европейского детектива разворачивается история с наследством отчима Душана, Наби-Заде: дети изводят родного отца ради денег, между родственниками идет настоящая война с интригами и коварством, ненавистью и злобой — и все это отражает новую, ярко блестящую «коллективную жизнь», созданную советской идеологией. Далекий от меркантиль-

ного, алчущего современного мира, глубоко переживающий разрыв семейных связей, Душан мало что понимает в этой суматохе вокруг завещания.

Нет прежней духовной связи ни с друзьями, ни с близкими, ни даже с матерью. В каждом из них он чувствует теперь «столько нервного, неспокойного, тревожащего», что совершенно несовместимо с тем привычным, «ранее прочувствованным и запомнившимся, с тем, что делало их безошибочно любящими друг друга...»[12] Душан с горечью наблюдает, как его мать, всегда спокойная, в чем-то рассудительная и добрая, после ухода отца начинает растрачивать себя в житейской суете, чуждой ментальному складу бухарской женщины. Странно, но к отцу, выбравшему удел полувора-полубродяги, Душан испытывал только жалость, ведь и отец метался в поисках чего-то мнимого между разными жизнями, городами, родиной и чужбиной, желая удачно вписаться в ярко блестящую современность.

Душан тоже был «изгнан из прежнего существования, оторван насильно» от старого родового дома на девять лет. И это время, проведенное в советском интернате, казалось Душану каким-то провалом. Однако полноты жизни он не ощущает и теперь, вернувшись в родную Бухару, в дом, который кажется ему «опустившимся полубродягой», дух родового двора давно рассеялся.

Строительство коммунизма не прошло даром и для других бухарских домов, которые теперь представляли жалкое зрелище: выросшие сыновья и дочери делили былой двор на части глухими заборами и заваливали железом, колесами, трубами, обломками чего-то — словом, современным, техническим хламом, тем, что стало завозиться в город совсем недавно. Родовые бухарские дворы все больше напоминали интернатовский. Самое страшное то, что «чужеродное» коснулось сознания бухарцев, забывших о роде, традициях, а ведь потеря исторической памяти сродни бездушию.

Таким образом, анализ романа Т. Пулатова показал, что в советском Узбекистане сложился гетеростереотип, описывающий русский этнос в виде системы этнопсихологических эталонов советской идеологии, что, в общем, не может быть применимо к этнической культуре собственно русской нации. Принципиальная некомплиментарность в восприятии русских (а на самом деле коммунистов) обусловлена тем,

что этнические ценности мусульманского мира (сакральность семейного быта, религиозность сознания*, почитание старшего поколения, преемственность традиций) и коммунистического субэтноса (коллективизм, «иероглифичность и агрессивность массового сознания», сознательный разрыв семейных связей) были, как правило, взаимоисключающи, и уж во всяком случае, плохо совместимы между собой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ленин В. И.* Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 252—266; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974; *Павленок Д. П.* Становление социальной однородности общества в условиях строительства социализма. М., 1986.

[2] *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 187.

[3] *Пулатов Т. И.* Страсти бухарского дома. Жизнеописание. М., 1985. С. 242.

[4] Там же. С. 115.

[5] Там же. С. 38.

[6] Там же. С. 121.

[7] Там же. С. 179.

[8] Там же. С. 127.

[9] Там же. С. 120.

[10] См.: *Чешко С. В.* Современные мифологемы или национальный вопрос в СССР // Национальные вопросы в СССР. М., 1991.

[11] *Пулатов Т. И.* Указ. соч. С. 305.

[12] Там же. С. 243.

*Принято считать, что истинный мусульманин сверяет свои действия с системой этических и нравственных ориентиров, содержащихся в Коране.

Поступила 29.03.07.

Е. В. ФРОЛКИНА

УСАДЬБА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДВОРЯНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Провинциальные дворянские усадьбы в том виде, в котором они утвердились в исторической памяти, просуществовали около полутора веков: после грамоты о вольности дворянской (1762 г.) многие помещики вернулись из столиц в свои имения и взяли управление ими на себя: эпоха своеволия доверенных лиц (чаще всего тех же крепостных крестьян «из изворотливых») закончилась, чтобы уступить место широкому барству, возродившему местечковое полновластие вотчинных времен. Однако исход дворянства из столиц вовсе не означал их буквального возвращения к патриархальным началам помещичьей жизни XVII — начала XVIII в. Дворяне принесли в деревню навыки столичного бытования и привычку к европейскому комфорту, требовавшему денег, денег и еще раз денег. Их можно было получить двумя способами: жестоким «выжиманием» податей из крепостных, или предпринимательством, опять-таки помноженным на грубое притиснение «малых людишек».

Вариантность практического воплощения европеизма в условиях глухого захолустья, в нашем случае мордовского края, зависела от степени желания помещиков воссоздать на лоне природы «маленький Петербург». В итоге появившиеся в большом количестве дворянские гнезда объединились в две группы. Часть помещиков использовала ресурс имений для создания прочных экономических оснований существования рода, включая индустриализацию сел (Огаревы, Араповы, Бахметьевы, Алферовы и др.)[1] Меньшая часть стремилась к репрезентативности и роскоши, жертвуя для этого все доходы, получаемые в результате эксплуатации крестьянства (Струйские). Имелась и третья группа, частично «опускав-

---

ФРОЛКИНА Елена Владимировна, преподаватель кафедры социально-культурных технологий Мордовского государственного университета.

шаяся» до организации мелких производств (Полянские)[2]. В любом случае ни один помещик второй половины XVIII в. не пожелал исповедовать стиль жизни, близкий к природе и народным традициям. Наоборот, все известные случаи возникновения «дворянских гнезд» в мордовском крае характерны резким разграничением двух миров — крестьянского и помещичьего. Такова, например, усадьбы Огаревых в с. Старое Акшино: господская часть отделялась от села тремя оврагами и цепью из шести прудов[3], в Рузаевке и с. Стрельникове усадьбы Струйских и князей Кулунчаковых разграничивались с крестьянами большими прудами и парками[4], то же было в с. Макаровке, где Полянские заложили усадьбу по другую сторону оврага, превращенного в крупный пруд[5]. В д. Покрышкине Струйские не просто отделились от деревни, но вообще отнесли усадьбу с парком на версту от крестьянских гумен. В с. Трофимовщине Кикины в середине XIX в. ставили дом с таким расчетом, чтобы между селом и усадьбой расположились избы и огороды дворни — в качестве «живой изгороди». В с. Кемле Философовы, а еще ранее Кротковы, связали усадебный комплекс с застройкой центра села, соединив в единое целое репрезентативную, деловую и духовную стороны повседневности. Но и здесь была жесткая граница между усадьбой и остальным деревенским миром: господские постройки скрывались за парадной оградой и фруктовым садом (парк с малой архитектурой располагался за домом и спускался к р. Инсар, на берегу которой были устроены купальня и лодочная пристань). Все деловые учреждения (волостное правление, почта и др.), а также храм и дома причта располагались по другую, оживленную сторону обширной центральной площади села.

Сведения о малых усадебных ансамблях, возникших в 70—80-х гг. XVIII в., рисуют ту же картину. Село Жмакино, основанное во второй половине XVII в. служилыми дворянами Жмакиными, до середины XVIII в. усадьбы как таковой не знало. В результате брачных контрактов часть села перешла к другим помещикам, в том числе к Федорчуковым, а последние еще раз раздробили имение по тем же причинам — брачным. В середине XIX в. в Жмакине значилось за помещиками Федорчуковыми около 360 душ, за помещицей Е. Л. Ермолаевой (дочерью Л. Ф. Федорчукова) 120 душ, за помещицей А. И. Шибаевой (внучкой

Л. Ф. Федорчукова) 50 душ, в приписной д. Висловка за помещиками Кузьмиными, приходившимися родственниками Жмакиным и Федорчуковым, еще 325 душ[6]. В 80-х гг. XVIII в. А. П. Жмакин начинал строительство усадебного комплекса, но им были выстроены только дом и напротив него, через площадь, деревянная Казанская церковь (1785 г.). Так начинали многие, но Жмакин село покинул, навсегда переселившись в Петербург. Федорчуковы со временем расширили усадьбу постройками, предпочитая селиться рядом даже после разделов имения. Крестьянам они селиться на своей половине села не позволяли, однако решительного размежевания с мужицким миром не произошло.

А. П. Жмакин выбрал место для господского дома не совсем продуманно. В 30-х гг. XIX в. Л. Ф. Федорчуков решил создать другую усадьбу, на сей раз по всем канонам своего сословия. В самом крупном и многолюдном имении, с. Большое Чуфарово, он начал возведение господского комплекса на крутой горе, отделенной от села обрывом и подковообразным оврагом протяженностью около 5 км. Но рассадить парк и сад на холме ему не удалось, овраг оказался непригодным для устройства пруда, поэтому он в 1846 г. передал всю неудобь возникшей в селе женской монашеской общине, а сам вернулся в Жмакино.

Примерно такой же «ущербностью», т. е. вписанностью в деревенскую застройку, страдала усадьба помещиков Дурново в с. Ишаки, поэтому Д. Д. Дурново перенес усадьбу в с. Малые Березники (40-е гг. XIX в.), где ему удалось создать жилой и хозяйственный комплекс, не имевший выходов на деревенские «порядки». Усадьба А. В. Теплова в мордовском селе Курилове оказалась так хорошо изолированной от крестьян, что даже с возникновением на территории усадьбы женского монастыря сближения населения с обителью не произошло: верующие эрзяне предпочитали ходить на службу за 5 верст, в Троицкую церковь с. Большое Чуфарово. Изолированность куриловской помещичье-монастырской усадьбы не нарушили даже в период бурного роста села в 30—50-е гг. XX в.

Обратившись к истории усадьбы дворян Саловых в с. Никольская Саловка, видим знакомую картину. Барский дом располагался на берегу обширного пруда, по берегам его водилась водоплавающая дичь. Помещики могли охотиться не отходя от дома, однако пруд был запретным местом для

крестьян. Единственным связующим звеном между господскими апартаментами и крестьянскими избами была каменная церковь, построенная А. Ю. Саловой не из заботы о своих крепостных, а исключительно как памятник мужу[7]. Границы между двумя мирами поддерживались настолько жестко, что просьбы крестьян открыть школу вызвали возмущение помещицы. А. Ю. Салова заявила, что грамотность — удел дворян, а не их рабов. Более того, она потребовала от властей наказать деятелей, подвигнувших ее мужиков на столь возмутительное дело — устройство училища[8] Салова не являлась исключением, многие помещики думали так же. Генерал Афанасий Безобразов создал в 20—40-е гг. XIX в. вполне репрезентативное семейное гнездо в с. Салма. В комплекс входил двухэтажный каменный дом, несколько флигелей, парк, сад, и все это отделялось от села двумя прудами. По примеру многих дворян Безобразов соорудил две церкви, для чего пригласил лучшего архитектора Поволжья М. П. Коринфского. Однако храмовый ансамбль был вписан не в деревенскую, а в усадебную застройку, крестьяне в него как бы «допускались» с осторожностью. Когда в 1846 г. священник В. Ильинский попытался организовать при храме школу, разгневанный помещик просто разогнал клир и потребовал назначения в село другого настоятеля.

Общая картина несопоставимости укладов двух сторон сельской жизни (дворянской и народной) прослеживается в исторических материалах по всем уездам мордовского края. Темниковский уезд, опередивший в дворянском устроении остальные регионы края на сто лет, в XVIII в. дал примеры разительных социальных контрастов. Князья Ишеевы, Девлеткильдеевы, Енгалычевы, Кашаевы, Еникеевы, а также вошедшие в местное землепользование столичные вельможи Украинцевы, Мошковы, Салтыковы, Долгоруковы и другие не просто поделили «дачи», а создали целую сеть дворянских гнезд, дистанцированный от провинциальной повседневности микросоциум, наполненный культурными ценностями, воспринимавшимися крестьянской массой скорее как «баловство», чем необходимые ингредиенты удобного существования. Во время погрома Виндреевского завода пугачевцами местные крестьяне поколотили весь хрусталь: в хозяйстве он не годился, а барину досадить хотелось. В жегаловском имении тогда же деревенские бабы переловили

всех господских лебедей и переломали им крылья и лапы, чтобы помещикам сделать неприятность.

Культурные парадигмы так и не смогли прийти в согласие или хотя бы выработать нейтралитет. Усадьба смотрела на крестьянскую массу как нечто невежественное, тупое и неспособное на эстетизм, а деревня смотрела на усадьбу как на нарыв на здоровом теле общества, спрут, вытягивающий из общины последние соки. Народник Н. А. Морозов, близко наблюдавший народную массу во время своих агитационных «хождений», писал о пореформенном крестьянстве, что его стремления выливались «в желательность иметь побольше земли, отобрав ее у помещиков, как от чужой касты, в изнеженных и высокомерных представителях которой крестьянин не видит таких же людей, как он сам»[9]. Ф. Е. Никольский, управлявший Богдановским заводом Огаревых и Сатиных, близко наблюдавший жизнь самых просвещенных и либеральных дворян Пензенской губернии, тем не менее, был поражен существованием нерушимой стены недоверия между помещиками и крестьянами. Пытаясь разобраться в сущности проблемы, он пришел к мыслям, объяснявшим отчужденность сторон: «...крестьянская среда была самая враждебная или, лучше сказать, самая озлобленная против господ и вообще против тех, кто считал себя барином или чиновником... Это два непримиримых вражьих лагеря, создавших в силу тяготения одного, могущего давить другого. Да, такое тяготение создалось, как я уяснил себе потом, не в силу власти одних над другими, т. е. не по закрепощению, а по тем отношениям, какие создались двумя элементами — власть имеющими и подчиненными по общественному устройству государственного быта при наместничестве, так называемой «кормежке», когда давались лицам особые льготы на произвол в жизни при способе даровых поборов для этой жизни... Поэтому и трудно было добиться кому бы то ни было хоть сколько-нибудь похожему на барина войти в доверие крестьянина, т. е. проще сблизиться барину с крестьянином, доказавши только, что тот барин действительно мыслит так же, как крестьянин; проще сказать, чтобы барину сродниться с духом крестьянина, нужно, по поговорке, с ним съесть куль соли»[10].

Н. П. Огарев подметил кастовые замашки провинциального дворянства, весьма своеобразно воспринимавшего передовые

социальные и экономические веяния эпохи: «Здесь не мыслят, не чувствуют, — писал он о поместном дворянстве, — здесь играют в вистик и ведут кое-какие делишки; а уж если кто вздумает полиберальничать, то уж так выместит на своих крестьянах всю несоответственность головы и сердца, что волос дыбом встанет... Поживите в провинции, послушайте вопль угнетенных, посмотрите на жестокость даже либералов-помещиков, взгляните на то, что эта жестокость всегда бывает оправдана, несмотря ни на какие просьбы, то вы увидите, что аристократию не давят, а поддерживают... Крестьян же никогда аристократия (лучше помещики) не отпустят на волю. Мы слишком любим сложа руки сидеть на штофном диване... пить цветочный чай, который не стоит же более как несколько кровопотных капель земледельца, а земледелец пусть попросит Христа ради, добрые люди дадут копеечку»[11].

«Добрый барин», с точки зрения мужика-земледельца, всегда оставался «хорошим чужим», но не настолько хорошим, чтобы быть лучше «плохого своего». Обе стороны были правы, например, индустриализация имений, объективно служившая внедрению в патриархальный уклад деревни цивилизационных элементов, на практике смещала горизонтали и вертикали традиционной деревенской социализации, что негативно отражалось на настроениях масс и, в свою очередь, вызывало отчаяние Огарева-реформатора, постоянно сетовавшего в письмах к друзьям на патологическое непонимание крестьянами их же собственного блага. Но крестьяне не видели в нововведениях поэта блага. С их точки зрения все затеи помещиков ложились дополнительным бременем на сельские общины. Работа на заводах не освобождала крестьян от земледелия, да и не нравилась деревенскому мужику роль пролетария. Ни один из этих заводов не уцелел в XX в. Крестьяне, работавшие на них, рушили доставшееся им производство с наслаждением.

Несостоявшийся симбиоз культур требовал радикальных изменений исходных позиций, но история распорядилась так, что никакой либерализм «а ля Огарев» уже не смог разрешить антагонизм, завершившийся почти полным уничтожением дворянских гнезд в постреволюционные годы. Раскаяние в содеянном не наступило и поныне: общество не очень жалеет об утраченных культурных ценностях, не

желает вспоминать о вандализме 18—20-х гг. XX в. и не ценит вклад дворянства в политическое, социальное, экономическое и духовно-культурное развитие провинции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Бахмустов С. Б.* Староакшинские помещики: Из истории родового гнезда Огаревых и Сатиных. Саранск, 2004.

[2] См.: *Васильев Н. Л.* Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003; *Он же.* Село Рузаевка Пензенской губернии как феномен русской провинциальной культуры XVIII—XIX столетий // Отечественная культура и развитие краеведения. Материалы IV Всерос. науч. конф. Пенза, 2001, С. 48—55; *Он же.* Струйские: из истории дворянских родов России // Центр и периферия: Научно-публицистический альманах НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. Вып. 1. Саранск, 2003. С. 92—99; *Он же.* Рузаевские страницы из жизни Николая Струйского // Странник. 2000. № 2. С. 202—211; *Бахмустов С. Б.* Рузаевская старина // Странник. 1998. № 2. С. 187—199; № 3. С. 196—207 и др.

[3] См.: *Дмитрук Е. Я.* Н. П. Огарев и Пензенский край. Пенза—Саратов, 1985, С. 1—2; Списки дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии на 1 января 1908 г. Пенза, 1908. С. 41.

[4] См.: Паспорт на памятник архитектуры — имение Колунчаковых в с. Стрельникове Атюрьевского района. Министерство культуры РМ, технический отдел.

[5] См.: *Масловский А. И.* Село Макаровка Саранского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1882. № 24. С. 17—20; *Брайцева О. И.* Творческий метод зодчих начала XVIII века (архитектурный комплекс в с. Макаровке) // Архитектурное наследие. Т. 21: Малоизученные проблемы архитектуры народов СССР. М., 1973. С. 48—59.

[6] ЦГА РМ, ф. 362, оп. 1, д. 34.

[7] *Салов И. А.* Умчавшиеся годы // Русская мысль. 1897. кн. VII, С. 3—20.

[8] Из воспоминаний Ф. Е. Никольского // Литературная Мордовия. № 19—20. Саранск, 1960. С. 299.

[9] *Морозов Н. А.* Во имя братства // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 106.

[10] Из воспоминаний Ф. Е. Никольского... С. 299.

[11] Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. В 2 т., Т. 2. М., 1953, С. 284—285.

[12] См.: *Руткевич Н. П.* Прошлое и настоящее сахарной промышленности Мордовии // Литературная Мордовия. Вып. 7. Саранск, 1959. С. 235—244.

Поступила 10.11.06.

ANNNOTATION

The 15th Anniversary of "Regionology" Magazine!

V. V. Kozin, D. A. Kostentsky. Edition by the Eyes of Readers.
The article is devoted to the analysis of the results of the inquiry held among "Regionology" magazine readers with regard to the quality of its contents, image and possible improvements.

R. K. Kulakovsky. The United Krasnoyarsk Region: Image, Management, Strategy.
The points of strategic management on the regional level connected with understanding of state power by population, political image of the region are considered in the article. It is inadmissible to restrict only to social and economic issues in the course of regional development strategy formulation. It is necessary to raise political problems, attract party resources, professional political analysis. The solution of this problem is traced after the example of the united Krasnoyarsk Region.

A. V. Golovanov. Transitive Conditions of Society as Factor for Dynamisation of Social and Economic Life of Regional Socium.
Essential characteristics of transitive conditions of socium in the interconnection with the social process are treated in the article. The characteristics of social processes which are the most important for the society successful passing through the transitive period are analysed in the article.

V. N. Muravlev. Problems of Multi-Party System Formation in the Region.
Basic peculiarities of the political process and multy-party system in the Penza Region in the stage of formation are presented in the article. The analysis of the situation in the region is carried out on the basis of data of expert inquiry in the form of deep interview with representatives of regional departments of main political parties of the region.

A. N. Syrov. Creation of Positive Image of the Russian Federation Constituent Entity's Government.
Theoretical aspects of non-standard format for positive image creation and its place in the process of the rgion strategic management are treated in the article. Quantitative estimation of image aggregating economic and social information is offered.

A. V. Polikarpov. Problems of Financial Independence of Local Self-Government.
Main problems connected with achieving financial independence by local self-government of the Russian Federation constituent entities are analysed in the article. The conclusion on its formal character is made and ways for its improvement are offered.

A. V. Shchepetin. Peculiarities in Development of Veterans' Public Organisations in Regions and Perspectives for Raising of their Public and Political Influence.
The article is devoted to the analysis of problems of interrelation of military veterans' organisations with state power bodies in the regions as well as to the activities of regional military veterans' organisations. Special

attention is paid to the regional veterans' organisations of the Moscow and the Oryol Regions.

A. A. Ogarkov. Reforming of Inter-Budget Relations in the Volgograd Region as Mechanism for Regional Integration.

Main trends in the development of inter-budget relations and inter-budget regulation in the Volgograd Region are analysed in the article. Methods for its estimation are offered. The necessity of stimulation local power bodies to self-development is substantiated.

M. N. Shchukin. Establishment of Integrated Agri-Food-Production Organisations as Mechanism for Implementation of Priority State Project «Development of Agri-Industrial Complex» in the Region.

After the example of OJSC Agri-firm «Norov» the necessity of establishing integrated multi-profile agricultural organisations is substantiated. Such organisations may be treated as quite efficient mechanism for implementation of priority state project «Development of Agri-Industrial Complex» in the regions of Russia.

O. A. Fedorova. Cluster Approach as Instrument for Regional Competitiveness Increase.

Methods of cluster approach in the analysis of the efficiency of functioning of companies united on the basis of territorial concentration of specialised suppliers', producers' and consumers' networks which carry out interrelation in the course of combined technological chain are presented in the article.

S. M. Makeykina. Problem of Development of Budget Levelling Mechanism in the Region.

The efficiency of the development of budget levelling mechanism in the Republic of Mordovia which is determined by financial resources at the disposal of the state power bodies as well as interrelations between the republic budget and the budgets of municipalities carrying out economic activities and promoting modernisation of territorial infrastructure are analysed in the article.

A. V. Averin. Problems of Measuring and Evaluation of a Company's Business Efficiency.

Methods for measuring and evaluation of a company's business efficiency based on the conception of the business's cost is presented in the article.

L. A. Chelmakina. Criteria for Selection and Support of Investment Projects of Industrial Enterprises of the Region.

The system of the criteria for selection and support of investment projects of industrial enterprises as well as methods for its estimation are presented in the article.

V. A. Bereslavskaya, L. N. Aitova. Peculiarities and Conditions for Attracting Investments by Regional Enterprises.

Methods for system analysis of financial reports based on the correlation of indices which form financial coefficients according to the growth rates are offered in the article. Stages for its implementation and the system of correlating indices are presented.

M. T. Aldarkin, A.F. Shichkin. Problems in Development of Mechanism of State Regulation of Land Usage in the System of Agri-Industrial Integration of the Region.

State regulation of agri-industrial complex is considered in the article. Special attention is paid to land resources. The notion of state regulation of land resources usage efficiency as well as its tasks and goals in the framework of the economic mechanism in enterprises' activities in the system of agri-industrial integration are determined. The necessity of state interference in the economy in the conditions of interaction between elements of the market mechanism and state regulation is analysed. Special attention is paid to the condition of main key factors in land usage regulation as well as to the land market as the main subject for state regulation.

E. A. Solodova, P. G. Sorokoletov. Education Progress Formula in Russian Regions.

Formulated in the mathematic terms model of macro-level of education system offered by A.S. Panarin is presented in the article.

R. Kh. Mardanov, U. R. Musin. Application of System of Balanced Indices in the Framework of Implementation of Programme for Development of Municipal District Education System.

The process of implementation of the programme for the development of municipal district education system on the basis of the conception of balanced indices which allow stating target limits and objectively estimating the degree of its attainability is considered in the article. Strategic goals in the form of strategic map and the system of target indices are presented. They allow quantitatively describing of the process of implementation of the programme for the development of municipal district education system.

V. I. Osipov, O. V. Shibileva. Automated Systems of Managerial Registration and their Foundations in Regional University.

Problems of computer skills obtaining by students of the speciality of «Accountancy, analysis and audit» are considered in the article. Recommendations for improvement of the process of automated systems of managerial registration studying are given. The characteristics of the most famous domestic programmes for automated managerial registration are presented, principles for their studying are determined, expenses of automated systems for managerial registration are treated, the necessity of their studying is substantiated.

O. A. Khasanova. Quality of Life of Regional Urban Population.

The quality of life of urban population on the basis of sociological research carried out in the Republic of Tatarstan is analysed in the article.

S. S. Efimova. Mass Media as Subject of Regional Policy in the Context of Civil Society Formation.

The process of the formation of independent mass media in Russian regions is analysed in the article. Their place and role in the political process and civil society formation are determined.

E. V. Andreeva. Communication Aspects of Social Reproduction of a Citizen in the Region.

The interconnection of the theories of social reproduction and mass communications is analysed, the conclusion on their reciprocal complement

in the process of functioning and reproduction of the society is made. The necessity to create democratic model of social and political communication is stressed.

M. V. Simonova. Evaluation of Labour Force Quality in the Building Materials Industry: Regional Aspect.

The necessity for constant evaluation of labour force quality in the building materials industry on the regional level, formation of regional policy labour force quality management, resting on organisational, methodical and theoretical basis, is substantiated in the article.

L. N. Lipatova, V. N. Gradusova, E. N. Dudanov. Labour Mobility of Enterprises' Employees in the Region.

Different trends and reasons for labour mobility of enterprises' employees in the Republic of Mordovia are analysed in the article.

S. V. Lapshin. Process Approach Application in the Course of Formation of Personnel Material Stimulation System at a Regional Distributive Network Company.

The model for personnel material stimulation IDEF0 and stages for its components implementation in the regional distributive network company OJSC «Mordovenergo», namely, personnel needs and motives, methods for satisfaction of needs and motives determination; motivation implementation; elaboration of legal basis for stimulation; rewarding; efficiency evaluation and personnel stimulation system correction, is presented in the article.

O. O. Vavilov. Entrepreneurship as Social Institution.

The content of the notion "entrepreneurship" is presented in the article. Differents approaches to this phenomenon as social institution are presented.

N. A. Shestakova. Civil Self-Consciousness of Youth: Regional Aspect.

Formation of civil self-consciousness of youth is considered in the article. After the example of public youth organisations of Mordovia youth activities of public importance are analysed.

V. P. Bukin, Yu. V. Manannikova. Life Objectives and Social Mobility of Youth in the System of Professional Education of the Region.

On the basis of the results of sociological research of students of professional educational institutions of all levels different models of social mobility of youth in the Penza Region are analysed.

O. V. Olisova. Labour Strategies of Young Specialists in Samara.

The results of the research of labour strategies of young specialists are considered in the article. Labour strategy is treated as the totality of consequently implemented activities and orientations of subjects on the labour market. The typology of labour strategies is based on the data of the qualitative research carried out among young specialists in Samara.

N. V. Gashenina. Problems of the Disabled Employment in the Region.

Problems of employment and reasons for high level of unemployment among the disabled in the Oryol Region are considered in the article. The analysis of the results of sociological research among the unemployed disa-

bled and data of the annual reports of State Employment Service bodies allowed offering measures on methods for the provision of employment of the disabled upgrading.

O. V. Zayats. Problem of Social Orphanage and Development of System of Social Adaptation of Children-Orphans and Children Left without Charge of Parents in the Region.

On the basis of sociological research an attempt to highlight the reasons for increase of social orphanage, level of people's care about children left without charge of parents, relation to sending a child to a state education institution, readiness to take an orphan into the family, level of population awareness on the problem of children-orphans and children left without charge of parents as well as activities of state power bodies of the Primorsky Krai in the solution of children-orphans' problems is made in the article.

A. S. Luzgin. Finno-Ugric Peoples: National and Cultural Potential in Integration Processes.

The article is devoted to the International Festival of cultures of finno-ugric peoples «Shumbrat, Finno-Ugria!» held in July, 2007 in Saransk. President of the Russian Federation, President of Finland and Prime Minister of Hungary took part in the Festival.

E. L. Efimenko. Peculiarities of Ethno-National Self-Determination of Finno-Ugric Peoples of Russia outside of «Title» National and State Entities.

The process of ethno-national self-determination of the Mari, Mordva and Udmurt in the Republic of Bashkortostan is analysed in the article.

A. Yu. Ivleva. Symbol of a Town in Ethnic Self-Consciousness.

The content of the symbol «town», being specifically reflected in ethnic self-consciousness of different peoples, countries and civilizations is analysed in the article.

R. F. Azmetova. Peculiarities of Ethnic Identity Evolution in the Multi-National Region.

The article is devoted to the problem of ethnic identity evolution in the Republic of Bashkortostan in the period of the society transformation. The results of the research of ethnic identity of the three biggest ethnic groups of the republic (Russians, Bashkirs and Tatars) are presented.

A. I. Borodin. Information System of Nature Management in the Region.

Implementation of information system of nature management, consisting of several modules, namely, legal module, emission quota cadastre, resource module and monitoring, is offered in the article. The mentioned information system of nature management provides interested users with actual data on the environment conditions, available resources, emission quota prices at any period of time.

I. V. Berova. Slavic Settlement in the Vyatka Region.

On the basis of the analysis of archaeological dig trends and stages of the Slavic settlement in the Vyatka Region are analysed in the article.

A. A. Skvortsova. The Results of Restoration and Development of Industrial Region in the Period of 1946—1950.

Restoration and development of industry in the Chuvash ASSR in the 1st five-year plan (the years of 1946—1950) are analysed in the article. Peculiarities of the transition of the Chuvash ASSR enterprises into production of peaceful production are described.

K. A. Baymashkin. Interrelation of Ideology and Culture of the Region (the 60th — the 1st Half of the 80th Years of the XX Century).

Main trends in the development of ideological work in the sphere of culture in the Mordovskaya ASSR in the 60th — the 1st half of the 80th years of the XX century are analysed in the article.

K. Yu. Sirotin. Problems in Development of Regional Advertising: Introduction to Legal Culturelogy.

Problems of integration processes in the sphere of advertising on the regional level are analysed in the article. Accent on the culturological component in the development of advertising activities is made.

T. V. Aksenova, I. A. Kandrina, S. V. Popova. Russian Rites and Celebrations in the Dialogue of Cultures of Peoples of the Region.

Elements of traditional culture of Russians residing in the Republic of Mordovia as well as their inter-influence with other peoples of the region as Mordva, Tatars, Ukrainians, etc., that leaves an imprint on different components of traditional culture (celebrations, ceremonies, food, etc.) are analysed in the article.

I. B. Vinogradova. Idea of Perfection in the Mordva Mythological System.

The process of the formation of the notion «perfection» in the mythological consciousness of the Mordva ethnos is analysed in the article. After the example of the ancient Mordva mythology the specificity of these processes in different ethno-cultural conditions is proved.

Yu. N. Sushkova. Traditions of Mordva Military Sub-Culture.

Basic elements of Mordva military sub-culture as well as its traditions are described in the article. Its ethnic originality is presented on annalistic and archival material.

E. V. Kozhevanova. Reception of Soviet Ideology in the Middle Asia.

After the example of literary work of the Uzbek and Tajik writer T. Pulatov contradictions in the process of the peoples of the Middle Asia adaptation to the Soviet society ideology which was formatted in absolutely different ethno-cultural conditions are analysed.

E. V. Frolkina. Country Estate as Feature of the Gentry Sub-Culture.

The process of the construction of country estates in the territory of the Mordva Krai is analysed in the article. Insoluble antagonism between the sub-culture of the gentry and the peasants' world based on absolutely different foundations is considered.

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Корректор *О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 30.08.07. Подписано в печать 01.10.07. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура JournalCTT. Усл. печ. л. 21,86. Уч.-изд. л. 20,93. Тираж 1 000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 5077.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru, rri@moris.ru

---

Набрано в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
430000 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.